

UNIVERZITA PALACKÉHO V OLOMOUCI
FILOZOFICKÁ FAKULTA
KATEDRA SLAVISTIKY

DISERTAČNÍ PRÁCE

**Русские фразеологизмы в интернет-дискурсе:
функциональный аспект**

**Ruské frazeologismy v internetovém diskurzu:
funkční aspekty**

**Russian phraseological units in discourse of Internet:
functional aspects**

MARIIA DOBROVA

Školitelka: prof. Ludmila Stěpanova, CSc.

Olomouc

2018

Prohlašuji, že jsem tuto disertační práci vypracovala samostatně pod vedením prof. Ludmily Stěpanové, CSc., a uvedla v ní veškerou literaturu i ostatní zdroje, které jsem použila. Dále prohlašuji, že tato disertační práce nebyla využita k získání jiného titulu.

V Olomouci dne podpis

Ráda bych poděkovala mé školitelce paní prof. Ludmile Stěpanové, CSc. za odborné vedení mé disertace a za poskytnutí cenných rad, připomínek i návrhů.

podpis

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	6
Глава 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ	12
1.1 Актуальные методы изучения фразеологии.....	12
1.2 Активные процессы в лексике и фразеологии современного русского языка.....	20
1.2.1 Общая характеристика динамических языковых процессов.....	20
1.2.2 Динамические процессы в лексико-фразеологической системе СРЯ.....	23
1.3 Русскоязычный интернет-дискурс как новый тип дискурса.....	33
1.3.1 Дискурс и интернет-дискурс как понятия.....	33
1.3.2 Интернет-дискурс и его структурные и языковые особенности.....	37
1.3.3 Интернет-дискурс и современная русская коммуникативная ситуация.....	45
Глава 2. ВАРЬИРОВАНИЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ (ФЕ) В ИНТЕРНЕТ-ДИСКУРСЕ	52
2.1 Теоретические основы изучения фразеологического варьирования.....	52
2.1.1 Фразеологическая вариантность и окказиональность.....	52
2.1.2 Типологии фразеологических трансформаций в современной русистике...	59
2.2 Структурно-семантические трансформации ФЕ.....	66
2.2.1 Расширение компонентного состава ФЕ.....	66
2.2.2 Замена компонента ФЕ.....	70
2.2.3 Приемы сокращения компонентного состава ФЕ.....	74
2.2.4 Фразеологическая контаминация.....	77
2.2.5 Ролевая инверсия ФЕ.....	80
2.2.6 Образование окказионального фразеологизма по узальной модели.....	82
2.3 Семантические трансформации ФЕ.....	84
2.3.1 Двойная актуализация значения фразеологизма.....	84
2.3.2 Буквализация значения фразеологизма.....	88
2.3.3 Экспликация ФЕ. Народно-этимологическое переосмысление ФЕ.....	89
2.3.4 Нарушение дистрибуции ФЕ.....	92
2.4 Фразеологическое варьирование иных типов.....	95
2.4.1 Графические трансформации ФЕ.....	95

2.4.2 Фразеологическое насыщение контекста.....	98
2.4.3 Комплексные трансформации ФЕ.....	100
2.5 Фразеологические трансформации vs «фразеологические девиации»	101
2.6 Фразеологические окказионализмы vs фразеологические неологизмы. Трансформации фразеологических неологизмов.....	109

Глава 3. ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ НАГРУЖЕННОСТЬ ФЕ В РУССКОМ

ИНТЕРНЕТ-ДИСКУРСЕ.....	118
3.1 Теоретические предпосылки изучения фразеологических функций.....	118
3.1.1 Понятие фразеологической функции и ее виды.....	118
3.1.2 Интертекстуальность фразеологизмов и фразеологизм как интертекст....	123
3.2 Функции устойчивых оборотов в интернет-дискурсе.....	129
3.2.1 Номинативная функция.....	129
3.2.2 Экспрессивная и эмоционально-оценочная функции.....	139
3.2.3 Дисфемистическая и эвфемистическая функции.....	146
3.2.4 Аргументативная и резюмирующая функции. Фатическая функция.....	155
3.2.5 Textoобразующая и жанрообразующая функции.....	161
3.2.6 Людическая функция.....	173
3.2.7 Символическая функция.....	187
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	202
RESUMÉ	209
SUMMARY	219
ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА.....	229

ВВЕДЕНИЕ

Проблема функционирования и прагматической нагруженности фразеологических единиц русского языка в настоящее время стала одной из актуальных тем современной фразеологии. В настоящее время накоплен значительный научный опыт, выражающийся в формировании определенных тенденций анализа: функционирование и прагматика фразеологических единиц изучаются в связи с общими проблемами фразеологии (В.Н. Телия, А.В. Кунин, В.М. Савицкий, В.М. Мокиенко, А.Ф. Алефиренко, А.Н. Баранов, Д.О. Добровольский, Ю.А. Гвоздарев, Е.А. Добрыднева, М.Л. Ковшова и др.), в связи с изучением фразеологической вариантности и окказиональности (А.М. Мелерович, В.М. Мокиенко, П.С. Дронов, Н.А. Крюкова, И.Ю. Третьякова, Д.Н. Давлетбаева, Е.И. Диброва, Т.Н. Федуленкова и др.), лексикографического портретирования устойчивых оборотов (А.М. Мелерович, В.М. Мокиенко, Л.К. Байрамова, Л.И. Степанова и др.), роли фразем в формировании текстов, жанров, дискурсов, идиостилей (О.Б. Абакумова, А.П. Василенко, Е.А. Коршкова, В.М. Мокиенко, М.А. Фокина, О.В. Ломакина и др.).

Несмотря на значительное число работ, посвященных как роли фразеологизмов в различных текстах и дискурсах, так и Интернету как новому коммуникативному и лингвистическому явлению, проблема функционирования русской фразеологии в интернет-дискурсе до сих пор не изучена в полной мере и до настоящего момента ограничивались лишь работами, посвященными формированию и прагматике лексико-фразеологического корпуса компьютерного подязыка или фразеологии собственно «сетевого» происхождения (В.Ф. Хайдарова, Н.К. Еремина). При этом функционирование русской фразеологии в Интернете во всем его функциональном многообразии до сих пор не было рассмотрено. Этим и определяется **актуальность нашего исследования**, связанная с необходимостью системного рассмотрения функционирования русских фразеологических единиц в текстах виртуальной коммуникации, прагматических аспектов их актуализации и их роли в формировании характеристик интернет-дискурса.

Объектом исследования являются фразеологические единицы русского языка¹, функционирующие в Интернете, а **предметом исследования** – функциональные аспекты их текстовой реализации в русскоязычном интернет-дискурсе, в том числе их прагматический и преобразовательный потенциал.

Цель диссертационного исследования состоит в выявлении главных функций русских фразеологизмов в интернет-дискурсе, а также в описании и анализе функциональных особенностей и аспектов контекстуальной реализации ФЕ, в том числе фразеологической моделируемости и дискурсивного варьирования русских фразеологизмов в сети Интернет. Для достижения данной цели необходимо решить ряд исследовательских задач:

- 1) охарактеризовать состояние современной фразеологической науки и современного русского языка (СРЯ); описать основные динамические процессы, происходящие в лексике и фразеологии СРЯ;
- 2) дать характеристику явлению интернет-дискурса и уточнить понятия, связанные с его возникновением и существованием;
- 3) путём сплошной выборки извлечь из блогов, форумов, интернет-комментариев контексты, включающие ФЕ;
- 4) рассмотреть явление фразеологической моделируемости и окказиональности в современной фразеологии,
- 5) выявить и описать основные принципы и приемы фразеологических трансформаций в интернет-дискурсе и смежные с ними явления, а также их роль в сетевой коммуникации;
- 6) уточнить понятие фразеологической функции и фразеологической интертекстуальности в применении к задачам настоящего исследования;

¹ Под фразеологической единицей (ФЕ) в данной работе мы, вслед за А.М. Мелерович и В.М. Мокиенко, понимаем такую «раздельнооформленную языковую единицу, которая является устойчивым, полностью или частично семантически преобразованным сложным знаком» [Мелерович, Мокиенко 2008: 23]. Несмотря на то, что автор диссертации осознает различия между ФЕ, пословицами, поговорками и под., в данном исследовании, наряду с «классическими» фразеологическими единицами, сознательно рассматриваются и другие близкие языковые явления: пословицы, поговорки, прецедентные тексты и прочие «генерализованные высказывания» [Караулов 2010], обладающие, как и ФЕ, устойчивостью и воспроизводимостью, в связи с их зачастую текстовой «неотделимостью» друг от друга и функциональной равноценностью, а также с тем, что в сознании носителя языка, создающего текст, они тесно переплетены и извлекаются из одного «хранилища». О близости и переплетении в памяти человека хранилищ фразеологизмов, паремий и текстовых реминисценций говорит, например, и А.Е. Супрун [Супрун 1995].

7) выявить и описать состав и специфику функций, выполняемых ФЕ в интернет-дискурсе, а также определить их роль в создании явлений сетевого характера.

Материалом исследования послужили контексты с устойчивыми оборотами, собранные методикой сплошной выборки из собственно сетевых жанров интернет-дискурса за 2013-2018 гг.: интернет-комментариев, блогов, форумов, социальных сетей (полный список источников приводится в списке литературы в конце работы). Общая картотека автора составляет более 20 тысяч интернет-контекстов с ФЕ (а также пословицами, поговорками, крылатыми фразами и под.). Ссылки на интернет-источник материала в работе приводятся сокращенными до доменного имени после каждого примера. В связи с желанием отразить роль и функции фразеологических единиц именно в сетевом коммуникативном пространстве мы сознательно не собирали материал «журналистского» характера², т.е. не использовали в качестве материала тексты статей, сообщений на информационных порталах и сайтах новостей, при этом ссылка на подобный источник в тексте работы означает, что анализируются интернет-комментарии к данной новости или сообщению и т.д.

В связи с особенностью материала и объекта изучения были выбраны следующие **методы и приемы исследования**: метод сплошной выборки, описательно-аналитический, классификационно-типологический, интерпретативный методы, а также метод контекстуального анализа языковых единиц³.

Теоретико-методологической основой исследования послужили работы российских и зарубежных исследователей по проблемам изучения **интернет-дискурса и различных аспектов его лингвистической репрезентации**: [Crystal 2003, 2011], [Barton, Lee 2013], [Čmejrková 1997, 2003, 2006], [Herring 2004], [Hoffmannová 2008], [Müllerová 2008], [Vepřek 2017], [Асмус 2005], [Ахренова 2009], [Галичкина 2004],

² При этом, безусловно, мы осознаем сложность отграничения блоггинга от журналистики, публицистический характер некоторых блогов, диффузность границ современных публицистических жанров.

³ В связи с особенностями «среды» исследования, которыми отличается Интернет – полностью открытый языковой корпус гипертекстового характера, характеризующийся в том числе постоянным перемещением и исчезновением, устареванием информации, мы сознательно отказываемся от количественного подхода, в том числе, и по причине невозможности подсчитать как частотность определенных видов трансформаций, так и частотность фразеологических функций (в том числе и по причинам их синкретичности). О невозможности подсчета в Интернете эмпирических данных «непрограммистскими» способами говорит и крупнейший исследователь Интернета [Кастельс 2004]. Не использует количественные методы в своих лингвистических интернет-исследованиях и М.А. Кронгауз, см., напр., [Кронгауз 2010, 2012, 2013]. Отказ от количественного подхода отвечает и целям и задачам нашего исследования – отразить не доминирование и частотность определенных приемов и функций, а их прагматическую значимость и дискурсивную роль в виртуальном коммуникативном пространстве.

[Интернет-коммуникация 2012], [Кронгауз 2013], [Лутовинова 2009], [Сидорова 2006], [Трофимова 2011] и др.; **динамических процессов, происходящих в современном русском языке:** [Stěpanova 2011], [Валгина 2003а], [Данн 2008], [Дуличенко 1998], [Крысин и кол. 2008], [Кронгауз 2008, 2011], [Норман 1998], [Скляревская 2001], [Сиротинина 2007, 2009, 2013], [Стернин 2004, 2008], [Химик 2004], [Юдина 2010] и др.; **прагматических аспектов фразеологии, фразеологической моделируемости и функций устойчивых оборотов в различных стилях, жанрах, дискурсах**, напр., [Arkhanhelska 2018], [Šermák 2008, 2017а, 2017б], [Алефиренко 2008], [Баранов, Добровольский 2008], [Гвоздарев 2010], [Жуков, Жуков 2006], [Ломакина 2015], [Мелерович, Мокиенко 2005, 2014], [Давлетбаева 2011], [Кунин 2005], [Мелерович, Мокиенко 2005], [Мокиенко 1986, 2003, 2006, 2010, 2011, 2012а, 2012б, 2012в, 2016, 2018], [Савицкий 2006: 178], [Современная фразеология: тенденции и инновации 2016], [Степанова 2010, 2011, 2012], [Третьякова 2004, 2011а, 2011б, 2011в], [Фразеологизм и слово 2016] и др., а также работы по теории дискурса, интертекстуальности, проблемам языковой игры, современной культуры и др.

Научная новизна исследования определяется тем, что в данной работе впервые комплексно рассмотрено функционирование массива русской фразеологии в новом коммуникативном пространстве – Интернете. В работе впервые дается таксономия всех фразеологических трансформаций, протекающих в интернет-дискурсе, а также рассматривается до сих пор не исследованная специфика отдельных фразеологических функций и их роль в создании дискурсивного сетевого пространства. В диссертации также вводятся новые понятия: *фразеологическая девиация, фразеологический кириллический варваризм, фразеологизация мема, мемизация фразеологизма, эрративная фразеология.*

На защиту выносятся следующие положения:

1. Интернет-дискурс представляет собой новый тип дискурса, отличающийся рядом особенностей, среди которых следует назвать гипертекстовость, анонимность, экспрессивность, карнавальность, глобальность, креативность, субъективность и др. Интернет-дискурс и современная русская языковая ситуация находятся в процессе постоянного взаимовлияния.
2. В интернет-дискурсе фразеологические единицы подвергаются различным контекстуальным трансформациям, оказывающим влияние на формирование

текстовых характеристик, – как традиционно выделяемых типов (семантическим и структурно-семантическим), так и нового типа – графического. От фразеологических трансформаций необходимо отличать иные явления – фразеологические неологизмы, фразеологические девиации.

3. Интернет-дискурс может рассматриваться не только как среда функционирования и возникновения фразеологических единиц, но и как лингвистический инструмент верификации, особенно в случае исследования фразеологических неологизмов.
4. Несмотря на синкретичный характер фразеологической прагматики и полифункциональность устойчивых оборотов в тексте, мы считаем возможным выделить несколько базовых функций, выполняемых ФЕ в интернет-дискурсе, к которым мы относим: номинативную, экспрессивную и эмоционально-оценочную, эвфемистическую, дисфемистическую, аргументативную, резюмирующую, фатическую, тексто- и жанрообразующую, людическую и символическую функции.
5. Фразеологическая единица представляет собой интертекст, что способствует реализации ряда функций и появлению контекстуальных трансформаций.
6. Фразеология, актуализированная в Сети, способствует формированию глобальных конститутивных черт интернет-дискурса: экспрессивности, мгновенности передачи информации, карнавальности, креативности, анонимности, жаргонизированности, фатичности и т.д.
7. Фразеология в интернет-дискурсе способна участвовать в порождении собственно интернет-явлений и реалий исключительно сетевого происхождения: интернет-комментариев, демотиваторов и интернет-мемов.

Теоретическая значимость работы заключается в обобщении принципов существования и особенностей интернет-дискурса как нового коммуникативного явления, а также в обосновании роли прагматики фразеологизмов в создании, построении, существовании текстов определенной жанровой и стилистической направленности, а также их востребованности в формировании конститутивных дискурсивных черт.

Практическая ценность работы состоит в том, что полученные результаты могут быть использованы при написании учебных пособий по фразеологии, лингвистике Интернета, состоянию современного русского языка, при чтении лекции и ведении

семинарских занятий по лексикологии и фразеологии, лингвистике текста и т.д., а также в лексико- и фразеографической практике, в том числе в составлении словарей неологизмов, жаргона и под.

Апробация работы. Материалы диссертации обсуждались на заседаниях кафедры славистики Университете им. Ф. Палацкого, на международных конференциях и конгрессах в России и Чехии, в числе которых: международная конференция *Оломоуцкие дни русистов* (2015, 2017, Чехия), международная конференция *Язык и репрезентация культурных кодов* (2015, Россия), международная конференция *Пражская Русистика* (2015, 2016, 2017, Чехия), международная конференция *Диалог культур* (2015, 2017, Чехия), международная конференция *Мир в картинках и во фразеологии* (2016, Чехия), *Конгресс чешских славистов* (2017, Чехия). По теме диссертации опубликовано более 20 работ, в том числе один Словарь неологизмов (в соавторстве с Л.И. Степановой), две главы в коллективных монографиях, а также статьи в рецензируемых научных журналах и сборниках материалов конференций.

Структура и объем работы определены целью исследования, поставленными задачами и принципом их поэтапного решения. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, списка литературы и двух резюме на чешском и английском языках общим объемом 247 страниц (в компьютерном наборе). Список литературы включает 25 названий сайтов (источников материала) и 329 наименований научной и справочной литературы на русском, английском и чешском языках.

Глава 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

1.1 Актуальные методы изучения фразеологии

Фразеология как наука имеет достаточно длительную историю и связана с именами известных лингвистов (В.В. Виноградова, Б. А. Ларина, В. П. Жукова, Н. М. Шанского и мн. др.)⁴, изучавших фразеологические единицы в различных аспектах⁵. В современной лингвистике существует несколько подходов к рассмотрению истории развития российской фразеологической науки. Так, например, А. П. Василенко [Василенко 2011], В. Н. Телия [Телия 1996] говорят о двух периодах становления и развития фразеологии как науки – «классическом» и «постклассическом». Для «классического» периода были характерны следующие темы: определение отличий и сходств фразеологизма и слова, выяснение критериев фразеологичности, выделение семантических оснований классификации, осмысление системности фразеологизмов и фразеологических методов исследования, основанных на идеях системно-уровневого анализа фактов языка, выявление парадигматических и синтагматических отношений фразеологических единиц, сравнительно-типологическое изучение фразеологизмов, решение фразеографических задач, а также проблем номинации, семантики и роли фразеологизмов в организации высказывания [Василенко 2011: 11-12]. В указанный период научный интерес находился под влиянием фразеологической теории, предложенной В.В. Виноградовым. По мнению А.Н. Баранова, Д.О. Добровольского, «концепция В.В. Виноградова на долгие годы определила развитие советской фразеологии» [Баранов, Добровольский 2014: 8].

Для «постклассического» периода (с 80-х гг. XX столетия) в связи с «кризисом структурно-таксономической парадигмы» [Телия 1996: 269] характерен переход к функционально-коммуникативному анализу фразеологических единиц. В этот период многие идеи классического периода фразеологии, высказанные в работах В.В. Виноградова, были подвергнуты критике. Были высказаны идеи о том, что главными факторами фразеобразования и мотивации можно считать: членение мира, характерное для конкретного языкового социума, собственно языковую картину мира и связанный с ней ассоциативный комплекс, возможность оперировать тропами и другими

⁴ О месте российской фразеологии как науки в составе мировой фразеологии см., например, [Баранов, Добровольский 2014: 7-8].

⁵ Подробно об истории развития русской фразеологии см. работы [Жуков, Жуков 2006], [Телия 1996].

тропоморфными средствами, тип смысловой мотивации, этимологию и т.п. Именно на таком широком фоне языковых явлений велся поиск механизмов образования идиом, мотивации их значения и функционирования в речи. Так возникает идея функционально-параметрического подхода к фразеологии. В рамках функционально-параметрического подхода, в отличие от предшествующего этапа, «к исследованию привлекаются все устойчивые воспроизводимые единицы языка. Выделение разрядов фразеологических единиц при этом осуществляется в соответствии со структурно-семантическими особенностями каждого разряда» [Василенко 2011: 11-12]. При таком подходе принят широкий взгляд на понимание фразеологизма: к фразеологизмам начинают относить и идиомы, и фразеологические сочетания, и пословицы, и поговорки, и составные термины, и крылатые выражения, и штампы, и клише.

Об изменении научного интереса и парадигматической направленности, произошедшей во фразеологии в конце XX века, говорит название работы В. Н. Телия «Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты», в которой подчеркивается роль зарождающейся в науках гуманитарного профиля антропологической парадигмы, в соответствии с которой «в центр внимания лингвистических штудий перемещается человеческий фактор в языке и языковой фактор в человеке» [Телия 1996: 9].

В отличие от В.Н. Телия и А. П. Василенко, Н. Ф. Алефиренко говорит не о двух периодах в развитии русской фразеологии как науки, а о четырех научных парадигмах, которые определяют развитие мысли как в лингвистике в целом, так и во фразеологии. Согласно концепции Н.Ф. Алефиренко, первым периодом развития фразеологии был лингвистический компаративизм, в русле которого были заложены основы компаративной фразеологии (исследования А. М. Бабкина, Б. А. Ларина и др.). На смену лингвистическому компаративизму приходит системно-структурная парадигма, призванная преодолеть «атомизм» предшествующего подхода, при котором явления языка изучались «разобщенно, вне закономерных связей одного явления с другим». Новая парадигма позволяет выявлять связи всех языковых единиц с единицами других уровней языковой системы. Главным принципом этой парадигмы является принцип целостности и системности, в связи с этим утверждается взгляд на язык как на строго структурированное и имманентное образование; язык «очищается» от смежных явлений, в результате этого основой языкового структурирования служат оппозиции «язык – речь», «парадигматика – синтагматика», «синхрония – диахрония». Для фразеологической теории подобный подход оказался необходимым, в результате была

создана «многопрофильная системно-структурная фразеология» (работы А.И. Молоткова, В.П. Жукова, Н.М. Шанского, Л.И. Ройзензона, В.М. Мокиенко и др.), недостатком которой было исключение человека из поля зрения фразеологической науки. Преодолеть этот недостаток была призвана третья парадигма – коммуникативно-прагматическая, которая объединила три актуальные лингвистические теории (теорию номинации, теорию референции, теорию речевых актов). Работа в рамках данного направления проводилась в трудах Е. А. Добрыдневой, А. М. Мелерович, М. А. Алексеенко, А. М. Эмировой и др. В настоящее время происходит становление четвертой парадигмы – когнитивно-дискурсивной (Н. Ф. Алефиренко, Л. Г. Золотых). В рамках этого подхода проводятся и многочисленные лингвокультурологические исследования в области фразеологии. При этом исследователем отмечается и роль общей антропоцентрической парадигмы в изучении фразем, которая является настолько широкой, что ее можно считать над- или суперпарадигмой [Алефиренко 2008: 9-14].

Анализ обобщающей фразеологической литературы последних лет, напр., [Алефиренко 2008], [Баранов, Добровольский 2008, 2014], [Жуков, Жуков 2006], [Когнитивно-дискурсивные стратегии.2016], [Мокиенко 2012а, 2012б], [Фразеологизм и слово 2016], [Современная фразеология: тенденции и инновации 2016] и др., в которой отражается весь спектр интересов современных фразеологов, на наш взгляд, также позволяет говорить о полипарадигмальном характере современной фразеологии, что соответствует и общему состоянию современной лингвистики.

Принято считать, что современная лингвистика является полипарадигмальной наукой, поскольку «несмотря на фактически наблюдаемые процессы интеграции сближения позиций разных школ, каждая из них продолжает свой собственный путь развития, демонстрируя разные предметные области исследования и по существу являя собой отдельную (малую) парадигму научного знания. В таком случае статус современной лингвистики следовало бы охарактеризовать как полипарадигмальный» [Кубрякова 1995: 228]. В современной фразеологической теории также сосуществуют несколько парадигм, как достаточно «традиционных» (структурно-семантическая, историко-этимологическая, контрастивная), так и «новых» (лингвокультурологическая, когнитивная, дискурсивная и т.д.), которые не только не отрицают достижений других подходов, но, наоборот, поддерживают и дополняют их.

Под фразеологическими парадигмами понимаются «доминирующие в наше время системы понимания и интерпретации идиоматизированных сочетаний слов, которые обуславливают предмет и принципы их изучения во взаимосвязях с процессами

познания действительности, коммуникативно-прагматическими параметрами общения и явлениями культуры» [Алефиренко 2008: 9].

Главной задачей лингвокультурологии применительно к фразеологии (связанной, прежде всего, с именами В.Н. Телии, напр., [Телия 1996, 2006] и ее учеников, напр., [Зыкова 2014], [Ковшова 2009б]) является обнаружение и выявление ключевых понятий культуры в семантике фразеологизмов. Большинство исследователей (Н. Ф. Алефиренко, М. Л. Ковшова, В. Н. Телия) подчеркивают, что лингвокультурология находится на этапе своего становления, но в то же время она уже выделяется среди смежных направлений. В отличие от этнолингвистики, обращенной к реконструкции бытового и обрядового поведения на основании языка, мифологических представлений и мифологического творчества в их диахроническом движении, лингвокультурология исследует взаимодействие языка и культуры в диапазоне культурно-национального самосознания и его языковой презентации. От контрастивного и лингвострановедческого подходов во фразеологии, с их описанием различий в компонентном составе разноязычных фразеологизмов и фиксации этимологической, исторической и другой информации, лингвокультурологическое направление во фразеологии отличает исследование национального менталитета, явленного в образах мира, запечатленных во фразеологизмах [Ковшова 2009: 10-11]. Объектом фразеологической лингвокультурологии является лишь «та часть внеязыкового мира, «предметы» которой оказываются духовно значимыми (для того или иного этноязыкового коллектива) ценностями, вербализованными посредством фразем» [Алефиренко 2008: 5]. В связи с исследованием соотношения фразеологии и культуры исследователи начали говорить о возникновении фразеологической и паремиологической картин мира, см., напр. [Stěpanova a kol. 2014], [Stěpanova, Arkhangelska a kol. 2016]. С лингвокультурологическим подходом к изучению фразеологии сближается этнолингвистический подход, в котором изучаются фразеологизмы, соотносящиеся с различными сферами духовной культуры: обычаями, обрядами, поверьями, традиционными представлениями, то есть та часть фразеологического состава, в которой отражается традиционное мировоззрение [Коваль 2011: 5]. Подобные фразеологизмы могут получать разные названия: «этнофраземы» (В. И. Коваль), «сакральная народная фразеология» (Н. И. Толстой), «фразеологизмы-мифологемы» (В. А. Маслова).

Когнитивный подход во фразеологии, реализующийся в многочисленных современных работах, например, [Алефиренко 2008], [Байрамова 2008], [Золотых 2006,

2008, 2009], [Алефиренко, Золотых 2008], [Малюгина 2007], [Мокиенко 2010, 2012б], [Архангельская, Полищук 2016], связан с изучением концептов, отраженных во фразеологических единицах, и фразеологической картины мира как части языковой картины. Обращение к методам когнитивной лингвистики, например, к концептуальному анализу, обусловлено новым взглядом на фразеологическую единицу как на знак, отражающий ментальные процессы: «сам процесс фразеологической номинации обуславливается той мыслительной информацией, которая является лингвокреативным продуктом когнитивной деятельности» [Золотых 2008: 25]. Согласно последним исследованиям в данной области, фразеологические концепты существенно не отличаются от концептов, объективируемых словами, они реализуются в виде тех же когнитивных структур, что и лексемы. Следовательно, фразеологические концепты можно дифференцировать на тех же основаниях, что и лексические. Однако специфическая черта фразеологических концептов, в отличие от лексических концептов, вербализованных словами с прямыми денотативными значениями, проявляется в том, что рациональный смысл ФЕ закодирован. Репрезентация фразеологического концепта вызвана желанием экспрессивно, образно отразить определенную мысль, дать эмоциональную оценку тому или иному феномену [Малюгина 2007: 6]. Все возрастающую роль когнитивных исследований не только для анализа языковой картины мира, но и для более полного изучения семантики и синтаксиса фразем подчеркивается и в работе [Баранов, Добровольский 2008].

Объективные изменения в современном русском языке (интенсификация процесса иноязычных заимствований, лавинообразная неологизация, подробнее см. соответствующий раздел данной диссертации) создают условия для появления в языке большого количества фразеологических инноваций и объясняют возникший в последние годы интерес к исследованию **фразеологической неологии**. Фразеологическая неология, или неофраземика, изучает предпосылки возникновения, функционирование, семантику, структуру и состав возникающих фразеологизмов. Предметом фразеологической неологии является идентификация новых фразем и их значений, анализ их речупотребления, а также структурирование фразеологических моделей и создание принципов фразеологической неологии [Алефиренко 2008]. О «популярности» этого подхода говорит не только массив научных работ последних лет, напр., [Алефиренко 2008], [Давлетбаева 2012], [Мокиенко 2003, 2006], [Степанова 2010, 2011], но и целый ряд параллельно существующих синонимичных определений: *фразеолого-синтаксические инновации, неофраземы* (Н.Ф. Алефиренко), *неофразеологизмы* (Л. К. Байрамова),

фразеологические неологизмы (В. М. Мокиенко, Л. И. Степанова), *неологические фразеологизмы* (Х. Вальтер).

О важности неологических исследований во фразеологии говорит сам факт отличия фразеологических неологизмов от традиционно изучаемых лексических инноваций, заключающийся в том, что «фразеология, не обладая формальными признаками нового и семантически во многом тяготея к традиционным сферам антропоморфизируемой ею действительности, компенсирует эффект неологичности за счет новых ресурсов экспрессивности, перезарядкой коннотатов, расширением стилистической нюансировки» [Мокиенко 2006: 120]. По мнению Н. Ф. Алефиренко, неологизация фразеологического корпуса любого современного языка – это не только деривационные процессы в его системе, это лингвокреативная деятельность перестраивающегося языкового сознания, его лингвопрагматическая адаптация к новым ценностно-смысловым приоритетам, своеобразная реакция языка на стремительные изменения социокультурного пространства [Алефиренко 2008: 210].

О «неологических» задачах современной фразеологии прекрасно пишет В.М. Мокиенко: «Не менее актуальная задача современной фразеологии – фиксация, квалификация и интерпретация фразеологической неологичности. Состав фразеологических неологизмов весьма разнороден, здесь особо ощущается смешение «своего» и «чужого» и волна вульгаризации, вздымаемая жаргоном и просторечием. В этот поток втянуты и стилистически более или менее нейтральные обороты типа политических клише *в одной лодке, менять коней на переправе, утечка мозгов* и (значительно более ощутимые) выражения с вульгарным окрасом: *на халяву, до фени, вешать лапшу на уши; баки заколачивать, закрыть варезку, под балдой* и т. п. Поскольку многие из них уже стали фактом литературного и публицистического употребления, они также требуют лингвистического анализа и толерантного подхода. При этом споры о пространственных (resp. межъязыковых) и хронологических границах фразеологической неологии не должны отвлекать исследователей от фронтального сбора соответствующего материала» [Мокиенко 2012а: 61].

Одним из наиболее активно используемых методологических направлений в современной фразеологии является **прагматический подход**. Современный прагматический подход во фразеологии сопряжен с изучением целого ряда вопросов и сближается с **дискурсивным подходом**: исследователи в рамках этих направлений рассматривают весь спектр проблем, связанных с **функционированием устойчивых оборотов и их прагматическими свойствами в различных стилях, жанрах, дискурсах**,

напр., [Абакумова 2009], [Баранов, Добровольский 2008], [Василенко 2006], [Ломакина 2015], [Симоненко 2013], [Фесенко 2009], [Фокина 2008], [Фразеологизм и слово 2016], **с вопросами контекстуального варьирования ФЕ и окказиональной фразеологии**, напр., [Arkhanhelska 2018], [Дронов 2010], [Мелерович, Мокиенко 2005], [Давлетбаева 2011], [Жуков 2011], [Третьякова 2004, 2011а, 2011б], [Фесенко 2009], [Современная фразеология: тенденции и инновации 2016]⁶, **с механизмами включения фразеологии в языковую игру**, напр., [Александрова 2004], [Вальтер, Мокиенко 2005], [Степанова 2012], с появлением и дальнейшей разработкой **понятий фразеологическая конфигурация, фразеоконтекст, фразеологический актуализатор, семантизация ФЕ в тексте**, напр., [Кунин 2005], [Мелерович, Мокиенко 2005], что, на наш взгляд, становится особенно актуальным в последнее время в связи с динамическими процессами в современном русском языке, игровым характером современной коммуникации, а также в связи с возникновением новых дискурсов, жанров, коммуникативных пространств.

О взаимной связи системного и функционального подходов во внутренней логике развития научного познания пишет А.В. Бондарко: «Бесконечное углубление в сущность объекта идет от функции к структуре, от нее к более глубокой функции и т. д. <...> Оба направления научного познания, как системно-структурное, так и функциональное, охватываются философским принципом системности. Этим определяется необходимость выявления специфических форм и аспектов системности в рамках каждого из направлений: при подходе к объекту со стороны его структуры и со стороны его функций. В лингвистической теории (как и во всякой научной теории) системно-структурное и функциональное направления образуют единство, далекое от отношений равновесия и равномерного распределения его компонентов» [Теория функциональной грамматики 1987: 5].

Современным объектом фразеологической прагматики, по мнению Н.Ф. Алефиренко, являются те коммуникативно-стилистические свойства фразем, которые служат говорящим средством воздействия, убеждения и побуждения в процессе их общения и дискурсообразования [Алефиренко 2008: 5]. Научный интерес к дискурсивно-прагматическому исследованию фразеологии связан с конститутивными признаками самой фраземы. Каждая фразеологическая единица обладает прагматической составляющей, это одно из параметрических свойств, присущих данному языковому знаку. Прагматическая составляющая фразеологических единиц, по

⁶ Подробнее см. ГЛАВУ 2.

мнению М.М. Рыжковой, обладает следующими особенностями: 1) изменяет эмоциональное состояние адресата; 2) включает авторскую оценку, отражает отношение автора к действительности; 3) содержит косвенные смыслы (коннотативные значения); 4) предполагает положительный прагматический эффект, который в полной мере раскрывает интенции автора [Рыжкова 2008: 7].

Конечно, спектр научных интересов современных российских фразеологов не ограничивается только этим кругом вопросов: продолжаются «традиционные» исследования (историко-этимологические, контрастивные, системно-структурные), отмечается необходимость исследования фразеологии и с точки зрения «новой» корпусной лингвистики, способствующей реализации лексикографических проектов, уточнению семантики и развитию теории фразеологии [Баранов, Добровольский 2014: 237-238], а также дальнейшего изучения соотношения жаргонной, просторечной и диалектной фразеологии и проблем использования фразеологизма в аспекте культуры речи (особенно в текущих условиях жаргонизации общения) и мн. др. [Мокиенко 2012а: 61-62].

Об актуальности данных фразеологических направлений говорят и работы не только российских, но и западных, в том числе чешских, фразеологов, например, [Cowie 1998], [Cognitive Linguistic Approaches 2008], [Current Issues in Phraseology 2015], [Čermák 2008], [Phraseology and Culture 2007], [Naciscione 2010], [Phraseology: An Interdisciplinary Perspective 2008], [Svět v obrazech 2018] и мн.др.

Как видно из приведенного краткого обзора, новые фразеологические исследования отражают весь спектр интересов и современной лингвистики: прагматику, когнитивистику, лингвокультурологию, изучение дискурса и др. Все это **доказывает и актуальность темы нашего исследования и выбранных нами подходов к анализу фразеологии (функционально-прагматического и дискурсивного), а также проявленного нами внимания к фразеологической неологии, представленной в виртуальной коммуникации.** При этом мы, вслед за В.М. Мокиенко [Мокиенко 2012а: 59], полагаем, что на смену лингвистических парадигм влияют не только глобальные методологические проблемы науки, но и изменения, происходящие в самом языке, поэтому считаем необходимым посвятить отдельный раздел главы рассмотрению актуальных динамических процессов, происходящих в русской языковой системе.

1.2. Активные процессы в лексике и фразеологии современного русского языка

1.2.1 Общая характеристика динамических языковых процессов

Любой живой естественный язык находится в процессе развития, и в его истории «периоды относительной стабильности всегда сменяются периодами динамичных изменений» [Stěpanova 2011: 5]. Динамические языковые процессы в достаточно консервативной языковой системе могут протекать с различной степенью интенсивности в определенные исторические периоды под влиянием множества факторов, как языковых, так и экстралингвистических (социальных, политических и др.).

Принято говорить о трех переломных периодах⁷ в истории развития русского языка. Первым называют эпоху Петра I, характеризующуюся как масштабными социальными, так и значительными языковыми изменениями (в петровскую эпоху в русский язык влилось множество заимствований из европейских языков, произошла реформа алфавита и др.). Социальные и политические потрясения революции 1917 г. также оказали колоссальное влияние на состояние русского языка и на несколько десятилетий определили вектор его развития (первоначальный наплыв жаргонизмов и диалектизмов сменился советским «новоязом», отражавшим глобальный процесс идеологизации языка)⁸. Третий (и на данный момент – последний) «переломный» этап связан с периодом распада СССР, с временем так наз. перестройки и постперестройки, определивших «облик» языка не только конца XX века, но и начала XXI века и до сих пор оказывающих влияние на современное состояние русского языка и русской речи⁹.

Языковые изменения последних 25 лет были настолько масштабны¹⁰, что в современной лингвистической русистике принято говорить о нескольких общих

⁷ Некоторые лингвисты, см., напр., [Сиротинина 2013: 22], причисляют к переломным, наряду с указанными периодами, и более древние исторические явления, оказавшие влияние на состояние русского языка, такие как татаро-монгольское нашествие и второе южнославянское влияние.

⁸ Справедливости ради необходимо отметить и позитивные факты, оказавшие влияние на язык и коммуникацию того периода и способствовавшие сохранению языковой нормы: кодификация языка и создание многочисленных лексикографических работ, разработка свыше 50 новых алфавитов для бесписьменных языков малочисленных народов СССР, организация ликбезов, приведших к ликвидации неграмотности большого числа населения России того времени. См., напр., [Stěpanova 2011], [Илюхина, Голубков 2012].

⁹ Об изменении положения русского языка в мире после распада СССР и перестройки, а также других социолингвистических данных см., напр., в работах [Арефьев 2012], [Дуличенко 1999].

¹⁰ О масштабности изменений говорит и факт издания множества работ, как адресованных специалистам, напр., [Валгина 2003а], [Крысин и кол., 2008], [Сиротинина 2013], [Stěpanova 2011], так и научно-популярных, напр., [Кронгауз 2008, 2011], [Гусейнов 2012], в которых осмысливается состояние русского языка рубежа XX-XXI веков.

тенденциях, наблюдающихся в современном русском языке и современной русской коммуникации под влиянием **следующих экстралингвистических факторов**: «демократизации русского общества, деидеологизации многих сфер человеческой деятельности, антитоталитарных тенденций, снятия разного рода запретов и ограничений в политической и социальной жизни, «открытости» к веяниям с Запада в области экономики, политики, культуры и др.» [Крысин и кол. 2008: 13].

К общим, охватывающим весь язык и всю речевую ситуацию процессам обычно причисляют следующие тенденции:

- **демократизация** литературного языка [Валгина 2003а], [Крысин и кол. 2008], называемая также «смягчением литературной нормы» [Норман 1998], «изменение нормативной основы русского языка» [Химик 2004], означающее, что социум в качестве языкового эталона выбирает уже не «традиционную» норму – язык русской классической литературы, в «новую» норму – язык средств массовой информации;
- **неологизация и интернационализация** [Gazda 2002], [Крысин и кол. 2008], [Скляревская 2001], [Сиротинина 2013], [Stěpanova 2011], связанные с масштабным возникновением лексико-фразеологических инноваций и экспансией иноязычных заимствований (прежде всего, англицизмов-американизмов) в современный русский язык;
- **жаргонизация** [Валгина 2003а: 295], [Крысин и кол. 2008], [Сиротинина 2007, 2009, 2013], [Stěpanova 2011], которая тесно связана с процессом демократизации речи и языка и отражается в перемещении в центральную часть языка субстандартных жаргонно-просторечных элементов и в возникновении общего жаргона;
- **карнавализация** и увеличение роли языковой игры [Stěpanova 2011], [Кронгауз 2008, 2011], обусловленные демократизацией и заключающиеся в усилении лингвокреативного начала речи и общей игровой тональности общения;
- **коллоквиализация**, выражающаяся в «усилении взаимовлияния устной и письменной речи» [Валгина 2003а: 295].

Британский исследователь Дж. А. Данн считает, что в современном русском языке действуют две основные, глобальные тенденции: *десоветизация* и *вестернизация* [Данн 2008: 49]. По мнению И.А. Стернина, русский язык и русская речь рубежа XX-XXI веков характеризуются следующими обобщенными тенденциями развития: 1) интенсивностью

и быстротой языковых изменений; 2) определяющим влиянием общественно-политических процессов на языковое развитие; 3) преобладающими изменениями в лексике и фразеологии; 4) преобладанием количественных изменений над качественными; 5) преобладанием функциональных изменений над системными [Стернин 2008: 209].

Разумеется, изменения протекают неоднородно и с различной интенсивностью в различных дискурсах и функциональных средах. Некоторые лингвисты, напр., [Крысин и кол. 2008], [Стернин 2004], отмечают, что наиболее заметные изменения произошли в стиле публичного общения, русском публицистическом тексте и публицистической метафоре, также особо выделяются изменения в политическом дискурсе и в сфере бытовой коммуникации. Значительную роль новые языковые явления играют и в формировании и функционировании новых дискурсивных пространств – делового, рекламного, виртуального.

Конечно, столь значительные и стремительные изменения в речевой ситуации не могли не вызвать многочисленных споров и обсуждений со стороны лингвистов¹¹, не могли не потребовать **оценки со стороны специалистов**. Некоторые исследователи крайне негативно оценивают происходящее с русским языком, говоря о его «кризисном» состоянии и предвещая ему исчезновение [Дуличенко 1998] или его превращение в русско-английский гибрид [Данн 2008]. А.Д. Дуличенко пишет: «Трудно было удержаться, чтобы не выразить свою тревогу относительно нынешнего состояния русского языка – настолько оно представляется нам критическим, а в некотором смысле – и кризисным. Состояние некоторых его сфер и блоков заставляет даже думать о необходимости создания своего рода «Красной книги русского языка» [Дуличенко 1998: XII].

Большая часть лингвистов, напр., [Кронгауз 2008], [Крысин и кол. 2008], [Скляревская 2001], [Stěpanova 2011], достаточно спокойно говорит о современных речевых и языковых тенденциях, подчеркивая самоорганизующийся характер языка как системы и роль экстралингвистических (в первую очередь, общественных) факторов в происходящих изменениях. Показательны, на наш взгляд, следующие высказывания исследователей: «Язык – зеркало того общества, в котором он функционирует» [Стернин 1998: 4]; «Какова жизнь, таков и язык этой жизни» [Крысин и кол. 2008: 18]; «Глупо

¹¹ Многочисленные дискуссии по поводу судьбы языка вызвали и законодательные изменения в языковой политике. Подробнее об этом см. [Сиротинина 2013: 25], [Стернин 2010: 61-65], [Химик 2009], [Stěpanova 2011: 9-13].

вообще пенять на язык, коли жизнь у нас такая. И надо быть терпимее и помнить, что слова суть отражения» [Кронгауз 2008: 14] и мн. др.

Наша позиция также совпадает с точкой зрения И.А. Стернина, который считает, что в данный момент правильно говорить не о кризисе языке, а о **кризисе освоения носителями языка данных изменений**, который выражается в непонимании новых слов, неумелом пользовании неологизмами, пренебрежении нормами культуры речи, неправильном понимании свободы слова как свободы речи, функциональном «отставании» носителей языка от развития языка, в котором происходят интенсивные количественные изменения [Стернин 1998: 4].

Несмотря на тот факт, что «прогнозирование в вопросах языка — дело ненадежное, затруднительное» [Валгина 2003а: 288], длительность (более 25 лет) динамических процессов и их интенсивность позволяет некоторым исследователям делать **прогнозы относительно дальнейшего состояния русского языка**. Так, О.Б. Сиротина считает, что наиболее вероятными изменениями будут: 1) пополнение лексикона путём словообразования, развития новых значений и коннотаций, обогащение синонимической системы, системы словообразования, усиление экспрессивных возможностей; 2) увеличение палитры выразительных средств литературного русского языка за счет усиления процессов метафоризации и метонимизации; 3) «размытие» границ стилей и жанров; 4) дальнейшее развитие осознания принципа кодифицируемости-некодифицируемости и др. [Сиротина 2013: 105-108]. По мнению И.А. Стернина, будущее русского языка зависит от стабильности или нестабильности дальнейших общественных процессов. «Наступление общественной стабилизации приведет и к стабилизации языка, прежде всего к замедлению темпов и сокращению масштабов изменений, а это даст возможность стабилизироваться языковой системе и языковой норме, даст возможность языку отобрать коммуникативно релевантные единицы, распределить их по стилям, профессиональным терминосистемам и социолектам, а носителям языка — возможность освоить произошедшие изменения» [Стернин 1998: 4].

1.2.2 Динамические процессы в лексико-фразеологической системе СРЯ

Наиболее заметно динамические языковые процессы протекают в лексике и фразеологии, поскольку «словарный состав языка является наиболее подвижным, наиболее чувствительным к изменениям конструктивным элементом языка» [Виноградов 1977: 47]. Лексика и фразеология, как непосредственно обращенные к

реалиям области языка, быстрее и ярче отражают новую действительность и общественно-политические изменения, происходящие в жизни социума. Динамические процессы в лексике носят универсальный характер (пассивизация, реактивация, неологизация и т.д.) и так или иначе влияют на облик языка на всем протяжении его развития, показательным для русской речевой ситуации рубежа XX-XXI веков является их максимальная активность и интенсивность.

Одними из наиболее ярких тенденций в лексике и фразеологии русского языка рубежа XX-XXI веков являются **неологизация и интенсификация процесса иноязычных заимствований**, отмечаемые многими исследователями, напр., [Валгина 2003а], [Крысин и кол., 2008], [Скляревская 2001], [Кронгауз 2008, 2011], [Сиротинина 2013], [Скляревская 1998, 2001], [Юдина 2010], [Stěpanova 2011] и мн. др.

Разумеется, наплыв неологизмов, или «неологический бум» [Валгина 2003а], [Stěpanova 2011], в русском языке последних десятилетий связан с множеством внешних, неязыковых факторов: масштабными политическими изменениями (перестройка, постперестройка и т.д.), экономическими и социальными инновациям (развитием рыночной экономики, появлением частной собственности, свободной торговли), увеличением международных контактов и развитием зарубежного туризма, «третьей промышленной» (компьютерной) революцией, появлением новых технических средств и мн.др.

Новая лексика, стремительно заимствуемая русским языком двух последних десятилетий, заполняет те смысловые области, которые наиболее ярко связаны с новыми общественными реалиями, к которым, по мнению Г.Н. Скляревской, относятся: политика, государственное устройство, идеология (*авторитаризм, конформизм*); экономика, финансовое дело (*акционирование, бартер*); религии, верования, область паранормальных явлений (*гуру, йога, карма, экстрасенс*); медицина (*акупунктура, мануальный*); армия, органы безопасности (*криминал, декриминализация*); массовая культура (*диск-жокей, дискотека, шоу*); современная молодежная музыка и молодежная субкультура (*рейв, рэп, рок*); спорт, игры (*армрестлинг, бодибилдинг*); еда, напитки (*гамбургер, кола, крекер*); предметы обихода (*джакузи, микроволновка*); одежда, фасоны одежды, ткани (*боди, капри, лайкра*); косметика (*гель, скраб*) [Скляревская 2001:177].

По нашим данным, анализ лингвистических особенностей виртуальной коммуникации подтверждает и появление в настоящий момент новых, ранее не выделяемых исследователями тематических групп, в которые также масштабно заимствуются слова. Например, активно вливаются заимствования в группу **названий**

новых профессий и хобби, стремительно входящих в современную жизнь (*руфер, руферство, брафиттер, брафиттинг, бренд-менеджер, аккаунт-менеджер, хэдхантер, лайф-коуч, секс-коуч, коучинг, девелопер, джобер, аутсорсинг, бейсджампинг* и т.д.), явлений **психологии, популярной психологии и парapsихологии** (*абьюз, газлайтинг, бодишейминг, бодипозитив, виктимблейминг, нелект, виктимный, менсплейнинг, буллинг*), названий реалий, связанных с увлечением так наз. **здоровым образом жизни** (*акройога, хигге, фэтфоб, читмил, воркаут, слоулайфер*) и др. Само интернет-общение также становится источником для появления в языке целой тематической группы неологизмов, связанной с **виртуальной коммуникацией** (*андейт, бан, банить, мем, фейспалм, френд, френдить, френдиться, френдеж, блогер*), а также ее «элементами», напр., заимствуются термины и понятия, связанные с покупкой в интернет-магазинах (*онлайн-шоппинг, интернет-шоппинг, е-шоп, шипить, шип, скаммер, трекинг, сайз-чарт, стафф, гифт-карта*) и др.¹².

Главным источником пополнения русской лексической системы рубежа XX-XXI веков являются заимствования из английского языка, ставшего для русского языка¹³ «главным донором эпохи» или «новой латынью» [Валгина 2003а: 116]. Как справедливо замечает В.Г. Костомаров, «заимствования из американского варианта английского языка многие считают самой яркой чертой нашего языкового развития, сравнивая их поток с французским наводнением в XVIII веке» [Костомаров 1999: 110].

Заимствование и дальнейшая адаптация иноязычной лексики обусловлена целым рядом причин. Так, по мнению И.А. Стернина, причинами заимствования являются: потребность в наименовании нового предмета или понятия (*тостер, ростер*); необходимость разграничения и специализации близких понятий (*убийца - киллер*); эвфемистические потребности (*недикулез* вместо *вишность*); тенденция к соответствию цельности обозначаемого понятия нерасчлененности его обозначения (*стайер, армрестлинг*); наличие в языке-источнике сложившихся терминосистем (английская компьютерная терминология, спортивная терминология), что ведет к заимствованию целой терминологической системы (*юзер* вместо *пользователь*); восприятие иноязычного слова как более престижного (*офис, кутюрье*); закон экономии, побуждающий заменять длинные номинации более короткими в случае повышения их

¹² Подробнее см. [Доброва 2018а].

¹³ Рост заимствований из английского языка стал важной тенденцией не только для русской языковой системы, но и для других языков, см., напр., работы [Daneš a kol. 1997], [Stěpanova 2011: 21], в которых показывается глобальный и интернациональный характер данного процесса.

частотности (например, *инаугурация* вместо «вступление в должность», *мониторинг* вместо «постоянное наблюдение») [Стернин 2004: 26]¹⁴. Безусловно, большую роль в проникновении в русский язык заимствований играет и интернет-среда, повлиявшая на появление и формирование компьютерной терминологии и квазитерминологии. Как отмечает Н.К. Еремина, проникновение лексики в русский компьютерный подъязык происходило путем: лексического заимствования (*file* – файл), калькирования (*motherboard* – материнская плата), перевода английского термина нейтральным русским словом или при помощи профессиональных и жаргонных слов других профессий (*Windows* – форточки, окошки), фонетического искажения (*button* – бутон) [Еремина 2012: 9].

Тягу к заимствованиям из американского варианта английского языка некоторые исследователи объясняют и «американизацией»: «привлекательными оказываются не только технические новшества, но и стандарты жизненного уровня, манера поведения и общения, вкусы. Иностранное слово стало не только необходимым, нужным, но и привлекательным, престижным. В таком случае мера и избирательность в применении иноязычной лексики начинает утрачиваться. Побеждает общий настрой, мода, желание быть «наравне с веком»» [Валгина 2003а: 108]. В связи с этим в современном русском языке становится актуальным явление так наз. мелиорации – «переназывания денотата более престижным словом с целью поднять статус денотата, улучшить его имидж (*визажист, секьюрити*)» [Стернин 2004: 26].

Проблемы неологизации и заимствований затрагивают не только лексику, но и современную русскую фразеологию. При этом исследованиям фразеологических заимствований все же уделяется меньше внимания, чем лексическим, что объясняется тем, что «обновление фразеологического фонда русского языка не так бросается в глаза, как лексические инновации, так как многие из новых оборотов представляют собой кальки иноязычных выражений и имеют вполне «русскоязычный» вид» [Stěpanova 2011: 29]. В последнее время ситуация начала меняться, о чем говорит увеличение количества научных работ, посвященных проблемам интернационализации фразеологии и фразеологических инноваций в целом, напр., [Алефиренко 2008], [Мокиенко 2003], [Степанова 2010, 2011]. В последние десятилетия в русский язык органично влилось множество фразеологических калек, среди которых можно назвать следующие: *вызвать*

¹⁴ Подробно о причинах заимствования см. также в работах [Валгина 2003], [Скляревская 1998], [Stěpanova 2011].

на ковер, быть в одной лодке, писать в стол, скелет в шкафу, шоковая терапия, высокая мода, показывать красную карточку [Stěpanova 2011: 30], [Стернин 2004: 37]. Одним из важных факторов пополнения фразеологического фонда становятся и кальки компьютерной фразеологии из английского языка типа *горячие клавиши* (от англ. hot keys) ‘комбинация клавиш’, *холодный перезапуск* (от англ. cold restart) ‘перезапуск всех подключенных устройств’, *виртуальная реальность* (от англ. virtual reality) и мн.др. В целом можно сказать, что тематика заимствованных фразеологизмов «компьютерной» сферы весьма разнообразна и, по данным Н.К. Ереминой, представлена следующими тематическими группами: человек и его действия при работе с компьютером; компьютерные фирмы и компании; компьютер и его комплектующие; программные продукты и их функциональные возможности; рабочее состояние компьютера; Интернет; сфера компьютерных игр; компьютерные преступления и др. [Еремина 2012: 10].

Неологизация словарного состава русского языка, вызванная иноязычными заимствованиями, в работах исследователей обозначаемая также как «интернационализация языка» [Stěpanova 2011: 21], «вестернизация языка» [Данн 2008: 51], [Колесов 2003: 34], не могла не получить оценки языковедов. Масштаб заимствований¹⁵ из английского языка в русский язык был настолько велик, что некоторые исследователи, заговорив о «языковой интервенции» и «засорении», крайне негативно оценивают данное явление, предрекая литературному русскому языку превращение в «англо-жаргонно-просторечное» его подобие или в своеобразный «русангл», «ruslang», напр., [Данн 2008], [Дуличенко 1998], [Илюхина, Голубков 2012], [Сиротинина 2009].

Мы, вслед за М.А. Кронгаузом, считаем, что «опасность гибели русского языка от потока заимствований сильно преувеличена. У него есть очень мощные защитные ресурсы. И состоят они не в отторжении заимствований, а в их скорейшем освоении» [Кронгауз 2008: 17]. Подобную же позицию занимает и ряд других исследователей, напр., [Скляревская 2001], [Стернин 2004], [Stěpanova 2011]. Г.Н. Скляревская, объясняя множественные заимствования «открытостью современного российского общества для международных связей и контактов», справедливо замечает: «Современный русский

¹⁵ «Вестернизация» русского языка оказала влияние не только на лексику и фразеологию (а также словообразование и синтаксис), но и на систему этикета, на систему имен [Кронгауз 2008: 114-116], [Stěpanova 2011: 36-39], что может рассматриваться как факт влияния на национальную систему ценностей и картину мира.

язык, как впрочем и русский язык прошлого, – устойчивая система, которая хорошо адаптирует чуждые элементы, приспособлявая их к своим лингвистическим системам и заставляя служить своим целям» [Скляревская 2001:180].

Другим ярким, отмечаемым большинством лингвистов, напр., [Валгина 2003а], [Крысин и кол., 2008], [Кронгауз 2008, 2011], [Сиротина 2013], [Скляревская 1998, 2001], [Стернин 2004], [Юдина 2010], [Stěpanova 2011], динамическим процессом, затрагивающим лексику и фразеологию, является **жаргонизация языка и речи**, обусловленная многими причинами: борьбой с советским официозом и снижением речи ради снижения [Сиротина 2013: 23], отменой цензуры и возникшей в связи с этим свободой слова, понятой как свобода речи [Стернин 2004: 52], демократизацией общения, вызвавшей взаимодействие литературного языка с некодифицированными подсистемами [Крысин и кол. 2008: 670], воздействием средств массовой информации, тиражирующих жаргон как изобразительное и экспрессивное средство и вызывающих привыкание к жаргону у широких слоев общества [Стернин 2004: 52], орализацией общения, которая приводит к расширению использования характерных для устной речи единиц сниженных лексических пластов [Там же: 52].

В результате действия этих факторов жаргон, сленг и просторечие¹⁶ становятся неистощимым источником для **внутренних заимствований** в современный русский язык. Масштаб жаргонизации языка и речи достиг такого уровня, что лингвисты стали говорить о формировании так называемого **общего сленга**, «промежуточного образования на границе литературного языка и социальных жаргонов» [Крысин и кол., 2008: 670], «особого функционально-стилистического разряда» [Стернин 2004: 41], в научной литературе обозначаемого также как *общий жаргон* [Ермакова, Земская, Розина 1999], *интержаргон* [Валгина 2003а: 118], *жаргонизированная разговорная речь* [Мокиенко, Никитина 2000], *литературно-жаргонизирующий тип речевой культуры* [Сиротина 2013] и т.д.

В «центральной части» русского языка хлынули с периферии языковой системы лексемы и устойчивые обороты из просторечия и различных жаргонов: уголовного (*разборка, беспредел*), студенческого и молодежного (*прикид, прикалываться*) и жаргона наркоманов (*кайф, оттягиваться*). Пополнили язык и менее известные жаргоны: милицкий (*бытовуха, расчелёнка*), армейский (*дедовщина, дембельнуться*) и др.

¹⁶ Подробнее о терминах «сленг», «жаргон», «арго», «просторечие» и различиях в их понимании см., например, следующие работы [Валгина 2003а], [Крысин и кол. 2008], [Химик 2004], [Stěpanova 2011].

Масштабным источником насыщения русского языка субстандартной лексикой стал относительно недавно возникший компьютерный жаргон, «некодифицированный профессиональный язык компьютерщиков и программистов, а также людей, чья профессиональная деятельность связана с компьютерами» (Н.В. Виноградова) [цит. по: Stěpanova 2011: 88]: *комп, аська, чекиниться, логиниться, железо, кликать, коннектиться, клавиша, электронка, емеля, мыло, мейло.*

Значительно увеличился за счет заимствования из жаргона и фразеологический фонд русского языка. Источником пополнения фразеологической системы также стали различные по происхождению жаргоны, такие как уголовный, обеспечивший наплыв фразеологизмов эпохи «бандитских девяностых» (*малиновые пиджаки, отмывать деньги, вешать лапшу на уши, гнать пургу, лепить горбатого, забить стрелку, поставить на счетчик*) [Там же: 59], молодежный жаргон (*крыша поехала, раскатать губу, по жизни, чисто трактором, держать стиль, в натуре*), подъязык политики (*новые русские, системная болезнь, расставить приоритеты*) [Стернин 2004: 37] и компьютерный сленг (*кинуть на мыло, топтать клавишу*). Безусловно, особую роль в жаргонизации фразеологической системы русского языка оказала и виртуальная коммуникация, отражающая общую либерализацию современного общения и вносящая свой вклад в формирование новых жаргонных систем. Под воздействием «информогенных субкультур»¹⁷ формируются особые интернет-жаргоны, среди которых выделяются жаргоны не только компьютерщиков, но и «кащенитов», «падонков», геймеров¹⁸ (*поднять тремя пальцами, послать на три кнопки, кинуть на мыло, топтать клавишу, админский бубен, 146 процентов, 80 уровня, британские ученые, вычислить по айпи* и мн.др.)

Безусловное влияние оказывает на современную лексику и фразеологию современного русского языка и порожденный интернет-дискурсом «жаргонный» феномен массовой эрративности, под влиянием которого возникает целый пласт **эрративной лексики и фразеологии**, напр., *превед, аццкий сотона, аффттар жжот, галактико опасности, збагойный лемур, йа креведко, пеши исчо!, ржу ни магу, ржунимагу, убей себя об стену, убей себя ап стену* и др. Понятия **эрратив**, **эрративность**, введенные в лингвистический оборот Г. Гусейновым, обозначают сознательные искажения в интернет-дискурсе: «эрратическая семантика – значения, возникающие вследствие нарочитого

¹⁷ Термин А.В. Чадаева [Чадаев 2004].

¹⁸ О лингвистической «стороне» существования данных субкультур и их влиянии на язык, см., напр., работы [Кронгауз 2013], [Хайдарова 2011].

грубого искажения стандартного написания слова и его последующей микрогрупповой канонизации в качестве утрированно-исправленного и иногда фиктивно приспособленного к реальному произношению» [Гусейнов 2005]. Данный термин обычно применяется к сознательным играм с языком в Интернете и характеризует такие интернет-явления, как язык падонков, кашенитов, олбанский язык и др. Само понятие интернет-эрратива еще не полностью закрепилось в терминосистеме, поскольку не всегда может однозначно толковаться. Так, о правомерности применения данного термина только к сознательно искаженным языковым единицам справедливо говорит М. А. Кронгауз: «Таким образом, не очень понятно, к чему именно относится термин «эрратив»: исключительно к жаргонизмам, т. е. искаженным написаниям, освященным традицией и вошедшим в словарный канон падонков (типа *аффтар*), или же ко всем словам, написанным с сознательным искажением орфографии (типа *смийацца*)» [Кронгауз 2013].

Несмотря на негативную (в целом) оценку процесса жаргонизации языка, получившего также обозначения «лексической вульгаризации», «огрубления лексической стороны речи» [Дуличенко 1994: 221], «люмпенизации», «криминогенизации» языка [Колесов 2003: 39], некоторые ученые заявляют о том, что «жаргонизмы не могли бы с таким напором хлынуть в язык, если бы не были востребованы обществом и не обслуживали бы его потребности» [Скляревская 2001: 182]. Какие же реалии (новые и не очень) называют и какие тематические области заполняют жаргонные слова и выражения? По данным, приведенным в словаре русского общего жаргона [Ермакова, Земская, Розина 1999: XII-XVII], жаргонизмы формируют **несколько тематических групп**, связанных, в первую очередь, с криминальным миром (*авторитет, браток*), а также с бизнесом (*баксы, зеленые, безнал*), с темой сексуальных отношений (*снять, давать*), с наркоманией и алкоголизмом (*дурь, ширяться, глюки*), армией (*дембельнуться, деды*), с темой развлечений (*ящик, попса, сбацать*), с миром человека и отношениями между людьми (*депрессуха, достать, заколебать*), а также научно-техническим прогрессом и компьютеризацией (*сотик, крыса, хомяк, клавиша*). Значительно пополнилась и тематическая группа, связанная с оценкой (прежде всего пейоративной) как советских реалий (*совок, совковый, шпионерить, стукач, трущобы, коммуняки*), так и реалий современности (*беспредел, абзац, чайник, лох, фуфло*). Таким образом, жаргон пополняет те же тематические группы, которые связаны и с иноязычными заимствованиями, и с процессом активизации лексики, по нашему мнению, лишь подтверждая как системность социально-политических изменений, так и коммуникативную востребованность лексико-фразеологических заимствований (внешних и внутренних).

Кроме неологизации, интернационализации и жаргонизации, вызвавших приток внешних и внутренних заимствований, в современном русском языке протекают и процессы **пассивизации, активизации и реактуализации лексики.**

Под **пассивизацией** (или **архаизацией**) лексики и фразеологии понимается «уход из активного употребления устаревших или устаревающих слов, выражающих неактуальные для сегодняшнего дня понятия» [Валгина 2003а: 77]. Данный процесс также отмечается большинством исследователей, напр., [Скляревская 1998], [Стернин 2010], [Юдина 2010]. В результате действия данного процесса на периферию языковой системы переместились не только слова и выражения, обозначающие явления и понятия советской эпохи (*партком, трудовой порыв*), но уже и лексемы и фразеологизмы, номинирующие реалии перестройки, постперестройки и 1990-х годов (*путч, перестройка, гласность, плюрализм, новое мышление, совок*). По мнению М.А. Кронгауза, под влиянием изменений в культурных традициях перешли в пассивный фонд и многие термины родства, отражавшие роль иерархии в русской семье и русских культурных традиций, такие как *золовка, деверь, шурин, свояченица* и др. [Кронгауз 2008: 58]. К «ушедшим» явлениям можно отнести и многие фразеологизированные сочетания советской эпохи и перестройки: *ударник коммунистического труда, прожектор перестройки* и др.

Показательным является и **процесс активизации**, заключающийся в значительном увеличении частотности лексики и фразеологии определенных тематических сфер. Как справедливо замечает И. А. Стернин, в современном русском языке (особенно в дискурсе СМИ и разговорной речи) активизировалась лексика следующих смысловых групп: рыночные отношения (*финансирование, коммерческий*), политика (*выборы, оппозиция*), криминально-правоохранительная сфера (*силовые структуры, криминальные авторитеты*), сексуально-эротическая сфера (*контрацепция, сексапильность*) и др. Произошла также активизация групп оценочной и инвективной лексики, отмечаемая [Скляревская 1998: 8-9], [Стернин 2004: 50-51]. Параллельно с уходом из активного употребления многих слов и выражений и активизацией лексики определенных тематических групп на рубеже XIX-XX вв. ярко себя проявляет и процесс «возвращения к жизни прежде неактуальных лексем, связанных с понятиями религии, дореволюционного образования, административно-территориального деления, социальной структуры общества» [Валгина 2003а: 77].

Реактивация (или **ревитализация, реактуализация**) лексики, отмечаемая [Валгина 2003а], [Стернин 2010] и др., «представляет собой для современных носителей

русского языка явление, столь же новое и значимое, как и неологизмы» [Stěpanova 2011: 59] и связана с возвратом в активное употребление целых тематических лексических групп, обозначающих: 1) явления царской, дореволюционной России, в советские годы часто негативно оцениваемые, что находило свое отражение в словарях при помощи помет «в буржуазном обществе...», «якобы» и т.д. (*гимназия, градоначальник*); 2) реалии капиталистического общества (*капитал, банкир*); 3) церковные реалии (*алтарь, паства*) и христианские ценности (*смирение, покаяние*); 4) суеверия людей и эзотерические воззрения (*порча, сглаз, дхарма, ци*); 5) библеизмы, прежде всего фразеологические: *как агнец, нет пророка в своем отечестве, ждать как манны небесной, волк в овечьей шкуре* [Валгина 2003а], [Stěpanova 2011]. Отражает возвращение фразеологических библеизмов и анализ интернет-текстов, см., напр., [Доброва 2018б].

Кроме процессов реактивации, активации и пассивизации лексики, в современной языковой системе русского языка протекает и множество **семантических процессов**, например:

- 1) процессы **деполитизации** и **деидеологизации**, связанные с обновлением семантики определенных лексических групп и их избавлением от идеологических «приращений» эпохи (так произошло, например, со словами *диссидент, бизнес, коммерсант*) [Валгина 2003а: 86], [Стернин 2004: 35];
- 2) процессы **расширения и переосмысления значений** многих слов (*фигурант, совок, рынок, клуб, дом*) [Валгина 2003а], [Стернин 2004: 34], [Юдина 2010: 91], [Скляревская и кол. 1998: 9], [Stěpanova 2011: 70];
- 3) тенденция к развитию **энантисемии** (т.е. частичному совмещению антонимичных значений внутри одной лексемы), связанная с увеличением доли и роли иронии в современной русской речи (*огрести, схлопотать, умудриться*) [Крысин и кол. 2008: 61-69];
- 4) **расширение синонимических рядов** в связи с изменением в оценке (например, со значением положительной оценки *элитный, престижный, знаковый, эксклюзивный*) [Крысин и кол. 2008: 69], [Stěpanova 2011: 70];
- 5) **популярность определенных метафорических моделей** и рост метафоризации как средства оценки («здание» – *фундамент, крыша, этажи, перестройка; «пространство» – образовательное пространство, финансовое пространство*) [Крысин и кол. 2008: 74-83], [Стернин 2004: 34];
- 6) формирование **новых семантических оппозиций**, отражающих актуальные на данный момент социальные, политические и культурные явления (*человек – хозяин,*

господин – товарищ, журналист – читатель, выдвиженец – назначенец, бюджетник – не-бюджетник, натурал – не-натурал) [Крысин и кол. 2008: 83-99], [Юдина 2010: 91].

Изменения затрагивают и **стилистический аспект лексики и фразеологии**. Функционально-стилистические изменения протекают в виде двух процессов: 1) **стилистического перераспределения**, заключающегося в переходе лексем из одного стилистического разряда в другой (например, слова из группы нейтральной лексики перемещаются в разговорную и просторечную лексику (*взаправду, загодя, кабы, по крайности, давеча, повертывать*), в книжную или группу устаревших слов (*огласить, овеять, меж*); 2) **стилистической нейтрализации**, связанной с переходом в разряд нейтральной лексики слов жаргонного и просторечного происхождения (*тусовка, перекур, беспредел, разборка, халява, кайф*), так книжных, «высоких» (*перспектива, принцип, проблема, престиж, тенденция*) [Валгина 2003а: 92-96], [Юдина 2010: 91].

По мнению некоторых исследователей, важной тенденцией развития стилистической системы русского языка является не только переход слов с пометой «высокое» в разряд архаизмов [Стернин 2004: 47-48], но и «**выход**» из **употребления высокого стиля**, его исчезновение из русской речи» [Сиротинина 2013: 87].

Приведенный краткий обзор основных тенденций, происходящих в современном русском языке в целом и в его лексике и фразеологии, на наш взгляд, позволяет говорить как о значительных языковых изменениях, так и об актуальности исследований, связанных с дальнейшим изучением действующих динамических процессов. Как мы отмечали выше, значительное влияние на облик современного русского языка оказывает и интернет-коммуникация, становящаяся предметом рассмотрения в следующем разделе.

1.3 Русскоязычный интернет-дискурс как новый тип дискурса

1.3.1 Дискурс и интернет-дискурс как понятия

Возникновение и дальнейшее развитие Интернета оказало колоссальное влияние на современное общество, значительно изменив представления человека о возможностях коммуникации. Интерес к этому сложному и разноплановому явлению затронул и лингвистику. За два последних десятилетия возникло множество языковедческих работ, рассматривающих или так или иначе затрагивающих проблематику языка Интернета и функционирования языка в Интернете, см., напр., [Crystal 2003, 2011], [Barton, Lee 2013], [Кронгауз 2013], [Лутовинова 2009], [Трофимова 2011] и мн.др. В связи с исследованием

нового коммуникативного пространства в лингвистике возникает и новое понятие – *интернет-дискурс*, называющее новый тип дискурса.

Само понятие *дискурса* можно назвать одним из самых популярных терминов современной лингвистики, дискурс и его особенности являются предметом исследования многих ученых. Сложность данного явления находит свое отражение в многочисленных, отличающихся друг от друга определениях и подходах к толкованию этого феномена. Эта неоднозначность обусловлена как междисциплинарностью самого термина *дискурс* и его «освоенностью» многочисленными науками гуманитарной сферы (лингвистикой, литературоведением, философией, культурологией, социологией и т.д.)¹⁹, так и различными подходами к определению дискурса в самой лингвистике. Пытаясь обобщить многообразие научных позиций, исследователи предлагают различные классификации методологических подходов к пониманию сущности дискурса. Так, например, Т. А. Ширяева выделяет семь теоретических подходов к его изучению²⁰ в современной науке: 1. *лингвистический подход* (З. Харрис, Э. Бенвенист, Н.Д. Арутюнова, Ю.Н. Караулов, А.Е. Кибрик и др.), уточняющий и развивающий традиционные понятия речи, текста, диалога; 2. *семиотический подход* (А.-Ж. Греймас, Ж. Делез и др.), связанный с изучением семиотически-нарративных структур; 3. *диалогический (полифонический) подход* (М.М. Бахтин, Ю. Кристева), рассматривающий диалог, вписанный в социокультурный контекст, как механизм текстопорождения; 4. *социальный подход* (П. Серио М. Фуко, М. Фэрклау и др.), понимающий дискурс как социальную практику и язык, связанный с социальными отношениями; 5. *«идеальный» подход* (Ю. Хабермас), основывающийся на понимании дискурса как идеального вида коммуникации в максимальном отстранении от социальной реальности; 6. *деятельностно-коммуникативный подход* (А.Ф. Алефиренко, В.З. Демьянков, Г.Н. Манаенко, В.И. Тюпа), ориентирующийся на понимание дискурса как коммуникативной

¹⁹ Ср., напр., определения понятия «дискурс», предложенные крупными нелингвистическими словарями и энциклопедиями: «*семиотический процесс, реализующийся в различных видах дискурсивных практик*» [Ильин 2001], «*значимый термин в постмодернистской вербальной парадигме, в принципе означающий, что данный словесный текст принадлежит постклассическому мыслительному пространству*» (Лексикон неонклассики. Художественно-эстетическая культура XX века. Москва, 2003); «*вид речевой коммуникации, основывающийся на региональном непредвзятом обсуждении, на попытке дистанцироваться от социальной реальности*» (Толковый словарь по социологии. Москва, 2013); «*понятие, выдвинутое структуралистами для анализа социальной обусловленности речевых высказываний*» (Современный философский словарь. Москва, 1998); «*последовательное развертывание мышления, выраженного в понятиях и суждениях, в противовес интуитивному схватыванию целостного до анализа его частей*» (Философия науки. Эпистемология. Методология. Культура. Москва, 2006).

²⁰ Подробнее о понятии дискурса и подходах к его изучению см. в многочисленных обобщающих работах современных лингвистов, напр., [Bořák 2008], [Fairclough 1992], [Orgoňová, Bohunická 2013], [Hoffmannová 2003], [Кубрякова 2000], [Макаров 2003].

стратегии языка, обладающей креативной, референтной и рецептивной функциями; 7. *когнитивный подход* (Е.С. Кубрякова, Т.В. Милевская, М.Л. Макаров), рассматривающий дискурс как способ организации языковой и внеязыковой информации в форме текста для обмена и передачи информации средствами естественного языка на основе концептуальных представлений [Ширяева 2010: 137-138].

Определения понятия «дискурс» в лингвистике (так же, как и в других гуманитарных науках) отличаются разнородностью: от ставших уже знаменитыми метафор «речь, погруженная в жизнь» (Н.Д. Арутюнова), «текст, погруженный в ситуацию общения» (В. И. Карасик), «язык в языке, но представленный в виде особой социальной данности» (Ю.С. Степанов) до развернутых определений, в которых отражаются различные аспекты этого сложного явления, например, «дискурс — это речемыслительное пространство, в котором наряду с речевыми высказываниями сосуществуют внеязыковые категории (знание мира, события, мнения, ценностные установки). Одновременно он является сложной системой знаний, которые формируются и выражаются посредством знаков языка и речи — номинативных, релятивных, символических и образных средств создания художественного текста» [Алефиренко, Голованева, Озерова, Чумак-Жунь 2013: 17]. Попытка дать определение дискурсу часто выливается в целые нарративы, ср., напр., определение, данное академиком Ю.С. Степановым: «Итак, что такое дискурс? <...> Нужно сказать, что дискурс — это «язык в языке», но представленный в виде особой социальной данности. Дискурс реально существует не в виде своей «грамматики» и своего «лексикона», как язык просто. Дискурс существует прежде всего и главным образом в текстах, но таких, за которыми встает особая грамматика, особый лексикон, особые правила словоупотребления и синтаксиса, особая семантика, — в конечном счете — особый мир. В мире всякого дискурса действуют свои правила синонимичных замен, свои правила истинности, свой этикет. Это — «возможный (альтернативный) мир» в полном смысле этого логико-философского термина. Каждый дискурс — это один из «возможных миров». Само явление дискурса, его возможность, и есть доказательство тезиса «Язык — дом духа» и, в известной мере, тезиса «Язык — дом бытия» [Степанов 1998: 676]. На неоднозначность понимания данного явления указывает и множество научных подходов к определению отношений *текст – дискурс*²¹.

²¹ По поводу методологических подходов к соотношению понятий «текст – дискурс» Т.А. Ширяева пишет: «Проведенный анализ современной лингвистической литературы показывает, что существующие исследования по вопросу разграничения понятий «текст» и «дискурс» основаны на анализе определенных

В данной работе под **термином *дискурс*** мы, вслед за Н.Д. Арутюновой, понимаем «связный текст в совокупности с экстралингвистическими — прагматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами; текст, взятый в событийном аспекте; речь, рассматриваемая как целенаправленное социальное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей и механизмах их сознания (когнитивных процессах)» [ЛЭС 1990: 136-137].

Подобная неоднозначность толкования присуща и понятию **интернет-дискурс**²², что также можно объяснить как сложностью самого явления, так и множеством подходов к его изучению и интерпретации. Наряду с термином *интернет-дискурс* [Ахренова 2009], [Crystal 2011] в современной лингвистической литературе существует целый спектр понятий, как правило, функционирующих как синонимы: *язык Интернета*, *веб-дискурс*, *компьютерно-сетевой дискурс* [Трофимова 2011], *виртуальное коммуникативное пространство* [Асмус 2005], *виртуальный дискурс* [Асмус 2005, Лутовинова 2009], *netspeak, language of the Web* [Crystal 2003], *электронный дискурс* [Ахренова 2009], [Herring 2004], *электронная коммуникация* [Ахренова 2009], [Сидорова 2006], [Herring 2004], *компьютерный дискурс* [Галичкина 2004], *компьютерно-опосредованный дискурс* (Е.Н. Галичкина), *интернет-коммуникация* (Е.И. Горошко) [Интернет-коммуникация 2012] и др.

Необходимо отметить, что некоторые лингвисты, напр., [Асмус 2005], [Лутовинова 2009], пишущие об интернет-коммуникации, различают данные термины, вкладывая в них различный смысл. Так, по мнению О.В. Лутовиновой, термины *компьютерный дискурс* и *электронный дискурс* являются синонимичными и обозначают текст, погруженный в ситуацию общения посредством электронных средств связи, а

оппозиций: 1) достаточно частым основанием противопоставления текста и дискурса служит форма речи – устная / письменная (Т. Dijk, В.А. Богданов, В.А. Бухбиндер, Е.А. Колосова, М.Л. Макаров, Г.Н. Манаенко, Н.Н. Миронова, А.Н. Мороховский, Т.М. Николаева, П. Рикер, М. Телен); 2) не менее устойчивой основой противопоставления понятий «дискурс» и «текст» является динамичность/статичность (D. Brown, L. Hřebicec, И.Р. Гальперин, М.Я. Дымарский, Г.Н. Манаенко, А.К. Михальская, З.Я. Тураева, Е.С. Шейгал); 3) «оппозиционный» подход – процесс/результат – используется различными исследователями в функциональной лингвистике при разграничении понятий «дискурс» и «текст» (D. Brown, N. Fairclough, О.В. Александрова, Э. Бенвенист, М.К. Бисмалиева, Э.В. Ильенков, О. Кгезз, Е.С. Кубрякова, А.А. Леонтьев); 4) еще одно направление исследований соотношения дискурса и текста основано на оппозиции актуальность/виртуальность (Е.С. Шейгал)» [Ширяева 2014: 17].

²² В данной работе мы из соображений экономии места не рассматриваем полный спектр вопросов, сопряженных с исследованием Интернета, и сознательно ограничиваемся лишь лингвистической стороной вопроса. При этом мы считаем необходимым отметить тот факт, что в научной литературе, отражающей полипарадигмальный и междисциплинарный характер современных гуманитарных исследований, Интернет как явление исследуется и на стыке с философией, см., напр., [Иванюшкин 2013], [Жижек 1998], [Костинова 2013], журналистикой и историей медиа, см., напр., [Больш 2011], [Лукина, Фомичева 2005], [Машкова 2006], социологией, см., напр., [Иванов Д.В. 2000], [Кастельс 2004], психологией, см., напр., [Войскунский 2008], [Носов 2000] и др.

точнее, посредством компьютера. *Интернет-дискурс* подразумевает исследование текста при общении в Интернете. *Сетевой дискурс* трактуется шире, чем интернет-дискурс, поскольку представляет собой текст, погруженный в ситуацию общения как в Интернете, так и в других сетях, например, локальных, при этом термины интернет-дискурс и сетевой дискурс входят в понятие *компьютерного дискурса* как частное в общее. *Виртуальный дискурс*, с одной стороны, понимается уже, чем компьютерный, поскольку компьютерный дискурс предполагает, во-первых, общение не только между людьми, но и общение человека с компьютером, а во-вторых, помимо общения в Интернете, включает также коммуникацию и в сетях локальных, что подразумевает наличие непосредственных контактов коммуникантов, чего не может быть при общении виртуальном. С другой стороны, виртуальный дискурс трактуется шире, чем компьютерный, поскольку для общения в виртуальной реальности может использоваться не только Интернет, но и другие средства связи [Лутовинова 2009: 416-417].

Осознавая разнообразие как определений, так и методологических подходов к интерпретации самого понятия²³, скрывающегося за терминами *интернет-дискурс*, *сетевой дискурс*, *язык Интернета*, *виртуальное коммуникативное пространство* и т.д., мы, как и большинство лингвистов, используем в настоящей работе данные понятия как синонимы. При этом мы, так же как и [Трофимова 2011], не вкладываем в термин *язык Интернета* значение «специфический жаргон», так называемый «олбанский язык». В данной работе понятие *язык Интернета* используется как синоним терминов *интернет-дискурс*, *интернет-коммуникация* и понимается и как особая, существующая в глобальной Сети коммуникативная среда, и как реализация языка в этой среде, как совокупность всех языковых фактов, текстов, созданных в рамках виртуальной электронной коммуникации.

1.3.2 Интернет-дискурс и его структурные и языковые особенности

Интернет-дискурс как сложное коммуникативное образование является **полижанровой структурой**, «дискурсом дискурсов» [Интернет-коммуникация 2012: б]. На наличие в рамках сетевого коммуникативного пространства значительного числа разнообразных жанров указывают все исследователи, занимающиеся изучением языка

²³ Подробно о функционировании указанных терминов см. работу [Интернет-коммуникация 2012: 22-37].

Интернета, напр., [Асмус 2005], [Ахренова 2009], [Горошко 2007], [Абдуллина 2014], [Мельник 2017], [Семенов 2013] и мн.др.

В виртуальном дискурсе функционируют десятки жанров, которые классифицируются лингвистами на основании различных критериев²⁴. Так, Л.Ю. Иванов делит жанры виртуальной среды на заимствованные Интернетом (жанры электронных СМИ, статьи) и исконно сетевые, т.е. возникшие в Сети (чаты и жанры дискуссий, например, форум) [Иванов Л. Ю. 2000]. Л.Ю. Щипицына, основываясь на функциональном критерии, говорит о шести типах жанров: информативные жанры (веб-страницы новостных и сетевых СМИ, поисковые системы, онлайн-энциклопедии, каталоги, списки рассылки, электронные библиотеки и архивы); директивные жанры (веб-баннер, веб-страницы объявлений, интернет-магазины и аукционы); фатические жанры (чат, электронные письма, новостные группы, форумы); презентационные жанры (личные веб-страницы, сайты-визитки и вебблоги); эстетические жанры (сетевой роман, рассказ, фан-фикшн); развлекательные жанры (мультипользовательские миры и игры) [Щипицына 2009: 174-175]. О том, что собственно сетевые жанры представляют собой явления преобразованного характера и имеют в свой основе жанры традиционные, классические, верно говорит Г. Гусейнов: «Традиционные жанры малой прозы – схолия (комментарий), новелла, анекдот – интегрированы постом (постингом), сопровождаемым отдельными коментами (каментами) или их гроздьё – тредом, вокруг которого, собственно, и разрастается интересующий меня сюжет – нарочитый отказ прозаика <...> от литературной нормы» [Гусейнов 2005].

В связи с тем, что наше исследование выполнено на основе исконно сетевых жанров, отражающих непосредственное виртуальное общение, представляется важным кратко охарактеризовать их. Основными жанрами собственно интернет-коммуникации, выражаемой так называемой устно-письменной речью, являются интернет-комментарий, блог, форум, чат.

Под **интернет-комментарием** мы понимаем высказывание виртуальной языковой личности в пространстве Интернета, расположенное после какого-либо текста и представляющее собой мнение или вопрос интернет-пользователя. Интернет-комментирование может сопровождать самые различные тексты и жанры:

²⁴ Сложность дифференциации жанров интернет-дискурса отмечает И.А. Горшкова: «Синкретичный характер коммуникативной среды интернет-коммуникации исключает возможность применения несетевых жанровых типологий к составляющим ее текстам, а сами традиционно понимаемые жанры в сетевом общении являются трудно выделемыми» [Горшкова 2013: 8].

комментируются как новости и сообщения на новостных порталах, так и сообщения и высказывания в блогах и интернет-форумах, коммерческие объявления и т.д. Интернет-комментарий как особому жанру присущ ряд важных смысловых и интенциональных признаков: реакция, отзыв на события, его толкование и оценка, собственные, разделяемые с другими или дистанцирующиеся от других [Романтовский 2016: 67], эгоцентричность, презентация себя, автореферентность, партисипативность, языковая креативность [Попова 2017: 186], вторичность по отношению к другим жанрам, ориентация на свободу, гибридность устной и письменной речи, соединение элементов информативных, оценочных, императивных и ритуальных типов жанров [Кузьмина 2017: 51].

Интернет-комментарий, являясь наиболее частым способом выразить свое мнение в Глобальной Сети, носит оценочно-экспрессивный характер, поскольку «обусловлен аффективными коммуникативными действиями лично-публичной языковой личности, которые выражаются в кооперативной и деструктивной стратегиях, направленных на самовыражение языковой личности и возможность выражения личной позиции человека как члена социального интернет-сообщества, формирующего общественное мнение» [Сидорова 2014: 179]. Популярность жанра комментария в виртуальном пространстве, на наш взгляд, определяется и его тесной связью с онтологическими чертами самого Интернета, так как комментарий является собой «мнение, т. е. дискурсивную позицию говорящего по отношению к воспринимаемому и осмысляемому, высказывание которой определяется рамкой и возможностями концептуальной скрипты порождения данного вида дискурса, организованного, как это отмечалось выше, концептами свободы самовыражения и возможностью глобальной адресации» [Попова 2017: 55].

Жанр интернет-комментария тесно связан и с другими собственно интернет-жанрами: блогом, форумом и чатом. **Блог, или сетевой дневник**, представляет собой один из наиболее заметных жанров интернет-коммуникации и понимается как взаимодействие участников виртуальной коммуникации через сайт, представляющий собой новостную ленту (часто в хронологическом порядке), имеющий набор ссылок на различные сайты и краткое их описание, а также дающий возможность комментирования всей этой информации [Аникина 2011: 28]²⁵. В связи с популярностью такого типа

²⁵ Ср. также и следующее определение, в котором блог понимается как «jako soukromé webové stránky jednotlivců (bloggerů), sloužící k prezentování subjektivních názorů či postřehů formou obsahově i formálně nenormovaných textů» [Vepřek 2017].

коммуникации и стремительным ростом числа блогов некоторые исследователи начали говорить о появлении нового дискурса, так наз. блог-дискурса, напр., [Гермашева 2011].

К жанровым и языковым особенностям блогов относятся: отсутствие нормы объема сообщения, ограничение темы, средств выражения; максимальная широта аудитории; тематическое разнообразие обсуждаемых тем [Горшкова 2013: 15]; взаимодействие средств устной и письменной речи; совмещение монологических и диалогических черт; сочетание спонтанности, неподготовленности, непринужденности с обработанностью текста, сознательностью письма и регулированием дискуссии со стороны хозяина дневника; стилистическое многообразие; свободный характер речевой деятельности, сочетание автокоммуникации с интерактивностью [Баоянь 2008: 4-5].

В связи с тем, что блог является своеобразной формой дневника, особую роль в его существовании и формировании его текстовых и коммуникативных характеристик отводится интернет-личности автора. Как отмечает Е.И. Горшкова, говоря о прагмасемантических особенностях блоггинга, «блог – это личное пространство его создателя, поэтому коммуникативная инициатива и регуляция принадлежат исключительно автору, а коммуникация в целом личностно-ориентирована на автора, а не на некоего одного адресата. Число реципиентов в блогах потенциально не ограничено, поэтому адресованность в блогах имеет потенциально-неопределенный, а не персональный характер, отсюда импозитивная сила сообщений достаточно слаба. Одним из основных средств привлечения и удержания читателей в Сети является сообщение важной и новой информации» [Горшкова 2013: 12]. К наиболее часто освещаемым темам и «смыслам», встречающимся в блогах, относят текстовые способы выражения непризнанности и одиночества, превознесения собственных способностей и талантов, самовыражения, противопоставления своего виртуального мира в блогосфере реальному миру, манипулирования партнерами по коммуникации, избирательности общения в блогосфере, указания на незащищенность [Гермашева 2011: 7-8].

Популярным жанром виртуальной коммуникации является и **интернет-форум**, представляющий собой полилогический жанр, интернет-дискуссию по определенной теме, состоящую из совокупности комментариев. Точно о том, что является собой сетевой форум, пишет А.В. Никитина: «Учитывая этимологию слова «форум» (от лат. *forum* – главная городская площадь в городах Древнего Рима), можно утверждать, что оно обозначает некое место в сетевом мире, которое объединяет людей по интересам в разного рода сообщества. Форум – собрание тем дискуссий, разбитое на тематические разделы. Каждая тема включает заглавное сообщение и реакции на него в виде ответов

или комментариев. Обычно сообщение содержит следующую информацию: автор (ник) – тема – содержание – дата, время» [Никитина 2015: 98]

По мнению некоторых исследователей, форум (а также чат) нельзя отнести к речевым жанрам, поскольку они относятся не к жанрам, так как их границы выходят за границы одного текста, а к наджанровым образованиям, состоящим из двух и более жанров [Кошель 2015: 91]. Форум как особая форма сетевого общения обладает совокупностью следующих дискурсивных признаков: неопределенность в идентификации коммуникантов и диапазоне интерпретирующего контекста для отдельного авторизованного комментария, спонтанно-фиксированный характер общения, спонтанность и аутентичность, связанные с целью формирования общественного сознания [Романтовский 2016: 147-148], наличие механизма «кристаллизации» как способа смыслообразования [Семенов 2013].

К «форумному» типу сетевой коммуникации относится и еще один жанр полилогической направленности – **интернет-чат**. По мнению Т.Н. Колокольцевой, отличительным признаком коммуникации в чате от общения на форуме можно считать то, что коммуникация в чате – это общение по преимуществу фатического характера, в то время как коммуникация на форумах представляет собой общение по преимуществу информативное [Колокольцева 2012: 151-152]. По нашему мнению, разделение данных жанров на основании преобладания фатичности или информативности не является корректным в связи с тем, что и в рамках форума может реализоваться установка коммуникантов на фатичность, а чат может быть «информативным», особенно в рамках специализированной или профессиональной коммуникации. На наш взгляд, точнее было бы различать форум и чат на основании параметров мгновенности – немгновенности и реального или отложенного времени размещения сообщения. Этот критерий отражен и в следующем определении чата: «чат предполагает взаимодействие участников коммуникации в режиме реального времени посредством обмена на том или ином сайте небольшими по объему сообщениями любой тематической направленности, доступными для одновременного восприятия многими коммуникантами» [Аникина 2011: 28].

Наличие данных жанров позволяет говорить о неопределенном положении, занимаемом интернет-дискурсом в рамках критерия **источника интенциональности**, поскольку в виртуальном коммуникативном пространстве «наблюдаются участки пересечения официального и неофициального интернета» [Романтовский 2016: 57]. По нашему мнению, можно говорить о **срединном, промежуточном положении сетевого дискурса, занимающего позицию между личностно-ориентированным и**

институциональным дискурсами²⁶, отличающимися тем, что «в первом случае говорящий выступает как личность во всем богатстве своего внутреннего мира, во втором случае — как представитель определенного социального института» [Карасик 2000: 6].

Несмотря на то, что интернет-дискурс является сложным, разноплановым явлением, характеризующимся жанровой и стилистической разнородностью, он, как и любой дискурс, обладает определенными **конститутивными чертами**. Разные подходы и задачи исследователей позволяют говорить о различном составе дискурсообразующих характеристик, к которым причисляют, например, динамичность, процессуальность, коммуникативность, персонифицированность, ситуативную обусловленность, коннотативность, социальную и культурологическую маркированность [Семенов 2013: 6-7], электронную форму существования текста, гипертекстуальность, мультимедийность, интерактивность, синхронность/асинхронность, вариативность количества и эксплицированности коммуникантов [Щипицина 2010: 59] и др. Подробно рассматривая структуру виртуального коммуникативного пространства, Н. Г. Асмус предлагает следующий «набор» **конститутивных особенностей интернет-дискурса**:

- *субъективность*, выражающаяся в увеличении роли автора, чья точка зрения перемещается в центр коммуникации;
- *интерактивность*, связанная с тем, что новый «электронный человек» выбирает диалог и незамедлительную вовлеченность в общение;
- *гипертекстуальность*²⁷, трактуемая как многозначность, полидискурсивность, многоголосие и принципиальная открытость виртуального дискурса²⁸;

²⁶ Необходимо отметить, что общее «размывание» границ институционального и личностно-ориентированных дискурсов в целом характерно для современности. Как пишет В.И. Карасик, «в настоящее время происходит быстрое изменение жанров дискурса, обусловленное прежде всего активной экспансией массово-информационного общения в повседневную жизнь людей. Телевидение и компьютерная коммуникативная среда стремительно стирают грань между обыденным и институциональным общением, игровой компонент общения доминирует в рекламном дискурсе, возникают транспонированные разновидности дискурса» [Карасик 2000: 18].

²⁷ Гипертекст — вид текстового документа, части которого находятся в памяти разных компьютеров и связаны между собой отношениями, при помощи которых можно быстро найти нужную информацию [Мильчин 2003].

²⁸ О значительной роли гипертекстовости, порожденной популярностью Интернета и приводящей к возвращению так наз. линейной коммуникации, говорит У. Эко, утверждая, что традиционный линейный способ восприятия текстов был разрушен с появлением телевидения, провоцирующего восприятие информации через образы и приводящего к упадку словесности: «С распространением Интернета наблюдается квазивозврат к письменной линейности. Этот возврат осуществляется на основе гипертекста» [Эко 1998: 10].

- *креативность*, реализующаяся за счет коллективной деятельности по созданию текстов;
- *глобальность*, понимаемая как предельное расширение коммуникативного пространства, которое характеризуется «размыванием» территориальных, социальных, возрастных и иных ограничений в процессе общения;
- *анонимность*, заключающаяся в «обезличенности» сетевой языковой личности;
- *мозаичность*, отражающая «не-иерархичность» и постоянное перераспределение элементов интернет-пространства [Асмус 2005: 19-23]²⁹.

На наш взгляд, кроме перечисленных конститутивных черт, необходимо отметить и *экспрессивность интернет-коммуникации*. Как отмечает Л. Воборил, «физическая непредставленность и вытекающая из нее равноправность коммуникантов создает атмосферу свободы, вызывает ощущение безнаказанности, что сказывается или на повышенной откровенности, доверительности коммуникации, или на ее агрессивности, инвективности; ненормативными формами поведения можно признать флейм/наезд (использование инвективной стратегии), флуд (заполнение дискуссии бессодержательными высказываниями), спам (распространение в сети незапрошенной информации), троллинг (введение в дискуссию заведомо ложной информации с тем, что кто-то «клюнет на нее как на приманку») [Воборил 2008: 26].

Особую роль приобретает и уже упомянутая креативность интернет-дискурса, «доросшая», по нашему мнению, до *карнавальности*, пронизывающей все пространство виртуальной коммуникации: «в новых условиях – условиях моментального распространения информации через современные масс-медиа, включая и Интернет, не признающий языковых границ и цензурных запретов, – смеховая культура особенно претендует на право приоритетности, языковой новизны» [Вальтер, Мокиенко 2005: 7]³⁰.

²⁹ Ср. также характеристики виртуальной коммуникации, выделяемые современными чешскими исследователями. «Styl textů vznikajících v prostředí e.k. bývá charakterizován spontánností, neformálností, vazbou na komunikační situaci, na probírané téma, dynamičností, svázaností s plochou obrazovky počítače n. displeje mobilního telefonu, fragmentárností, dialogičností, užíváním různých jazykových variet, emocionálností, vyjadřováním prozodických a nejazykových prostředků» [Jílková 2017].

³⁰ Необходимо отметить, что интернет-дискурс закономерно отражает ориентацию на игру, как на один из базовых принципов постмодернистского культурного и языкового пространства, пронизывающих не только Интернет, но и множество других современных сфер (литературу, кинематограф, СМИ и др.): «для постмодернистских произведений характерна метасемантика, достигаемая с помощью различных коннотативных средств. Впрочем, все эти средства можно обозначить всего лишь одним словом - игра... С приходом постмодернизма наступает эпоха, когда в отношениях между искусством и смыслом исчезает какая-либо однозначность: теперь это отношение чисто игровое. Уравнивая в правах действительное и вымышленное, игра приводит к ситуации неограниченного числа значений произведения: ведь его смысл уже никак не связан с предсуществовавшей реальностью» [Ильин 2001].

Кроме конститутивных признаков интернет-дискурс характеризуется и наличием дополнительных, **обусловленных современной цивилизацией, аддитивных признаков**, среди которых выделяются следующие: 1) *американизация* – внедрение норм коммуникативного поведения американской культуры как основного источника глобализационной культуры; 2) *ювенилизация* – ориентация на нормы игрового молодёжного поведения как доминирующего образца современной массовой культуры; 3) *виртуализация* – обратное влияние сетевого общения на актуальное в его различных жанрах (восприятие размытого времени, сближение пространства, множественная самоидентификация); 4) *презентационность* – акцентирование своего имиджа для продвижения своего контента как товара или продукта, уподобляемого товару; 5) *фетишизация* – оценочная трансформация картины мира под влиянием представлений об уподоблении мира компьютеру, обусловленная перенесением характеристик инструмента на субъекты, использующие инструмент [Галичкина 2012: 6-7].

Что касается собственно **лингвистических черт коммуникативного пространства Интернета**, то, разумеется, учитывая его максимальную жанровую и стилистическую неоднородность, сложно однозначно определить языковые черты, присущие виртуальному дискурсу в целом (как правило, лингвисты при анализе сетевых языковых фактов стараются ограничить рамки исследования либо одним жанром – блога, форума и т.д., либо функциональной сферой, «внутренним» дискурсом). Тем не менее, некоторые исследователи (с большой долей обобщения, разумеется) определяют типичные, наиболее характерные для интернет-коммуникации черты. Так, например, Е.Н. Галичкина к числу важнейших знаковых средств, определяющих специфику компьютерной коммуникации, относит следующие: 1) активное использование компьютерных терминов и общелитературных слов, приобретающих терминологическое значение; 2) употребление метафор, базирующихся на уподоблении состояний и действий компьютера человеческим, и метафор киберпространства как обитаемой среды; 3) снижение стилового регистра и жаргонизация общения; 4) высокую степень креативного обыгрывания слов, словообразовательных моделей, словоформ, словосочетаний и аббревиатур; 5) включение в тексты как сигнальных, так и иконических знаков, выполняющих аттрактивную, декоративную, уточняющую и символизирующую функции [Галичкина 2012: 7].

Г.Н. Трофимова, анализируя особенности функционирования русского языка в веб-коммуникативных текстах, говорит о следующих лингвистических особенностях Рунета: 1) наличие фонетического письма (*аффтар жжот, зачот, кагдила*); 2)

аграмматизм (*Ну ваще канечно все отлично*); 3) использование Caps Lock (*СЛУХАЙТЕ СССЮЮЮДДДААА*); 4) использование эмодзи-смайликов (☺, ☹); 5) внедрение латинских букв в кириллическое письмо (*WEBсайтская история*); 6) транслитерация в компьютерных терминах, в каламбурах (*компютер, гамер*); 7) продуктивность определенных словообразовательных формантов (например, суффикса *-ер*: *браузер, мейлер*); 8) аббревиация (*ЧАВО, LOL*); 9) появление новых лексико-семантических вариантов слова (*мышка, вирус, мама*); 10) гаплогия (*прога, тя, седня, че*); 11) заимствования (*баг, ньюс, мейлить*); 12) использование специальных компьютерных терминов, промежуточных терминов, профессионализмов, жаргонизмов (*программное обеспечение, апгрейднуться, клавиши топтать, юзер, гамовер*); 13) компрессия текста и телеграфный стиль; 14) реплики-подхваты; 15) гипертекст; 16) разговорность стиля и т.д. [Трофимова 2011: 418-433]³¹.

1.3.3 Интернет-дискурс и современная русская коммуникативная ситуация³²

Важным для нашего диссертационного исследования является и **вопрос отношений интернет-дискурса как явления и современного русского языка и современной русской коммуникации**. На наш взгляд, в отношениях между интернет-коммуникацией и современным русским языком действует двусторонняя связь: как Интернет частично повлиял на формирование языковых и коммуникативных тенденций, формирующих современный облик русского языка и речи (в том числе, на демократизацию, интернационализацию, коллоквиализацию, карнавализацию общения), так и сами динамические процессы современного русского языка и, прежде всего, речи с наибольшей наглядностью отражаются именно в дискурсивном пространстве Интернета.

³¹ Наряду с подобными процессами, чешские исследователи среди главных особенностей виртуальной коммуникации выделяют и сознательный отказ пишущих от диакритических знаков. «Na úrovni hláskové routá pozornost lingvistů psaní s diakritiky či bez nich. Zvláště v počátcích elektronické komunikace bylo psaní v č. bez diakritik užíváno zhusta proto, že psaní s nimi mohlo působit u příjemce problémy s porozuměním textu. <...> V současné době je psaní e-mailů (i esemesek) s diakritiky v č. většinou technicky bezproblémové, řada pisatelů však nadále užívá psaní bez nich (zvl. když je e-mail odesílán do zahraničí). Někdy se objevuje také psaní spřezkové vedené snahou diakritikům se vyhnout: shtesti (šťěstí)» [Jílková 2017]. О лингвистических особенностях виртуального общения см. также работу [Vobořil 2009].

³² Под коммуникативной ситуацией понимается синхронное состояние коммуникации в той или иной национально-территориальной общности, характеризующееся: общим объемом коммуникативного пространства; количеством и типом составляющих это пространство коммуникативных сфер; особенностями коммуникативных процессов в них [Жеребило 2011].

Н.Б. Мечковская, анализируя влияние Интернета на современный несетевой русский язык, приходит к выводам, что он форсирует ряд коммуникативных тенденций, что находит выражение в следующих фактах:

1) Интернет в небывалой прежде мере усиливает метаязыковую рефлексию говорящих и продолжает увеличивать насыщенность современной письменной и устной речи метаязыковыми значениями;

2) Интернет развивает гипертекстовые черты речи, усиливая внутреннюю структурированность текстов, а также продуцируя и подчеркивая внешние (интертекстуальные) связи текстов между собой;

3) Интернет вносит свой немалый вклад в усложнение естественных языков: возрастает количество знаков и правил их комбинирования; усложняется обычное (устное и письменное) общение; под влиянием престижных образцов интернет-коммуникации появляются новые «неписанные правила» жанрово-стилистической организации речи и речевого поведения, в том числе и за пределами Сети;

4) Интернет заметно усиливает интернациональность, космополитичность общения;

5) Интернет оказывает на литературные языки и культурное общение либерально-демократизирующее воздействие, что соответствует долговременным тенденциям социального развития в направлении к большей внутренней однородности социумов и к усилению космополитических идей и практик [Мечковская 2006: 65].

Как мы уже сказали выше, показательным является то, что Интернет не только участвует в формировании коммуникативных тенденций, но и **отражает (фактически документирует) некоторые современные динамические процессы**, среди которых следует выделить:

1) *Тенденцию к усилению разговорности (коллоквиализации, орализации общения) и возникновение устно-письменной речи* [Горошко 2007], [Интернет-коммуникация 2012], [Кронгауз 2013]³³. Именно благодаря виртуальному общению возникает так называемая «письменная разговорная речь», которая, по сути «являясь письменной, использует графические знаки, притом часто расширяя традиционный смысловой репертуар символов. С другой стороны, такая речь во многом спонтанна и отвечает

³³ Возникновение в Интернете устно-письменной речи и коммуникации отмечают и чешские лингвисты, используя следующие понятия: *mluvená psanost, psaná mluvenost, psaná konverzace, text povrchově psaný a hloubkově mluvený*, напр., [Čmejrková 1997], [Čmejrková 2003], [Čmejrková 2006], [Hoffmannová 2008], [Jandová 2006], [Müllerová 2008], [Jílková 2017] и др.

многим тенденциям устного модуса» [Русский язык и новые технологии 2014: 17]. Анализируя данное явление, М.А. Кронгауз говорит о возникновении нового типа коммуникации – промежуточного, который характеризуется и особенностями письменной речи (формально и технически), и особенностями устной (с точки зрения структуры и жанров) [Кронгауз 2013]. Таким образом, Интернет как новое явление становится, на наш взгляд, важным шагом в развитии коммуникации, в том числе и в связи с **изменением оценки модусов устной и письменной речи**. Возможно, именно появление Интернета и стало той «точкой бифуркации», тем моментом и способом, которые «соединили» устную речь и ее письменное воплощение. Как отмечает А.А. Кибрик, говоря о развитии репертуара языковых форм, «несколько тысячелетий назад письменная форма языка возникла как способ преодолеть расстояние между говорящим и адресатом – расстояние как пространственное, так и временное» [Кибрик 2009]. И вот с появлением Интернета расстояние между говорящим и адресатом преодолено, вероятно, в максимально возможной степени, и «классическая» письменная речь³⁴, как способ «нормативно» донести до адресата информацию, утрачивает свое «всесилие». Таким образом, новый тип коммуникации (интернет-общение) в очередной раз опровергает доминирующую роль письменного языка, его приоритетность перед устной формой, поскольку при первой же возможности люди стали записывать свой устный модус (что мы и имеем возможность наблюдать в сетевой коммуникации).

2) *Тенденция к усилению диалогичности общения* (Т.Н. Колокольцева), поскольку Интернет как явление имеет диалогический характер, присущий не только специальным жанрам (чат, форум), но и интернет-СМИ. Как справедливо замечает Т.Н. Колокольцева: «Рунет (и Всемирная Сеть в целом) — это миллионы частично пересекающихся диалогов. Любое общественно значимое речевое или неречевое событие способно вызывать диалогические реакции, которые множатся в Сети с невероятной быстротой» [Интернет-коммуникация 2012: 6]. На наш взгляд, Интернет усиливает тенденцию не

³⁴ Утверждая примат устной формы речи над письменной, А. А. Кибрик пишет: «В ходе развития европейской цивилизации (и некоторых других цивилизаций) письменная форма языка приобрела экстраординарную культурную роль. Многие культуры были фактически созданы вокруг тех или иных сакральных письменных текстов – достаточно упомянуть роль Библии в культуре евреев и позже европейских народов. Это обеспечило письменной форме языка высокий престиж и создало обычно неэксплицируемое, но популярное убеждение, что письменный язык — истинный, “чистый”, “правильный”, освобожденный от всяких случайностей, собственно единственная форма языка, заслуживающая просвещенного внимания ученых, а устный язык – всего лишь “испорченная” версия этого правильного языка» [Кибрик 2009].

столько к диалогичности, сколько к *полилогичности*³⁵ общения, поскольку открытость Интернета представляет собой гипотетическое приглашение любому пользователю Сети вступить в дискуссию, комментирование, полилог, понимаемый нами как «самостоятельный вид речевого общения, характерным для *групповой* коммуникации» [Flídrová 1989: 145]. Более того, данная тенденция к полилогичности связана и с общим культурным и социальным «выравниванием», так как «в результате появления глобальной информационной среды происходит институциональное уравнивание в правах и потенциальных возможностях различных по своему значению культурных образований» [Чадаев 2004: 10].

3) *Тенденция к карнавализации и экспрессивизации общения* [Кронгауз 2013], [Stěpanova 2011], способствующая реализации людической функции языка и в интернет-дискурсе способная выражаться на всех языковых уровнях: это и игры с графикой, язык падонков, и множественные каламбуры, и окказиональные трансформации, а также «возможность конструирования множества идентичностей» [Попова 2017: 186], т.е. способность языковой личности к выбору любой социальной и речевой маски. О причинах карнавализации в интернет-общении верно пишет Н.Г. Асмус «Игровой характер электронной коммуникации позволяет собеседникам выступать в какой-то роли, надевая на себя маску. Автор сам выбирает ракурс, в котором хочет представить себя как определенный тип личности. В качестве «визитной карточки» участник может выбрать себе любую профессию или род деятельности, сообщить своим собеседникам о своих интересах или пристрастиях, «помечтать» о чем-то прекрасном и возвышенном. Выбранный ракурс может отсутствовать у пользователя и быть просто фантазией» [Асмус 2005: 56].

4) *Тенденция к увеличению количества и роли креолизованных текстов.* Интернет-дискурс, на наш взгляд, как отражает отмечаемый современными лингвистами «стремительный рост визуальной информации в современной коммуникации» [Анисимова 2003:5] и возросшую в последние годы тенденцию к включению невербальных, визуальных средств в тексты, так и поддерживает данную креолизованность, давая новый импульс ее развитию при помощи параграфемных

³⁵ О дифференцирующих чертах полилога (по сравнению с диалогом), таких как чередование коммуникативных ролей, различное реагирование разных членов групп, большая тематическая динамичность, более сложная связь отдельных реплик и др., см. подробно [Flídrová 1989].

средств собственно интернетовского характера (эмотиконы, смайлики, эмоджи, гиф-сообщения)³⁶.

5) *Тенденция к глобальному снижению и огрублению речи*, проявляющаяся в массовом нарушении этических норм речи, норм речевого этикета и нетикета (сетевое этикета), в примитивизме содержания и формы выражения, в неумеренном употреблении обценной лексики, в постоянном нарушении разнообразных постулатов общения, в многочисленных отступлениях от языковых и речевых норм разных уровней [Интернет-коммуникация 2012: 8]³⁷. Как отмечает Г.Н. Трофимова, «Интернет оказался в России той лакмусовой бумажкой, которая вскрыла истинную ситуацию с языковой грамотностью массовой аудитории. ...В Интернете спонтанная разговорная устная речь неизбежно должна быть зафиксирована в письменной (а точнее, в печатной) форме, которая является по сути ее письменной расшифровкой. Следовательно, все речевые и языковые ошибки также фиксируются на письме» [Трофимова 2011: 45-46].

Благодаря указанным тенденциям возник и существует **особый сленг русскоязычного Интернета**, получивший в работе [Кронгауз 2013] название «**олбанского языка**» и отличающийся игровым характером, тяготением к «устности» в письменной коммуникации, общей сниженностью и жаргонизированностью и др. Возникает в интернет-дискурсе и «**сетевая фразеология**», становящаяся предметом изучения и осмысления современных лингвистов и получающая терминологические обозначения: *фразеологический корпус интернет-языка* [Хайдарова 2011], *фразеология компьютерного подъязыка* [Еремина 2012]. На наш взгляд, «традиционное» понимание сетевой фразеологии как фразеологии, возникшей лишь под влиянием компьютерного сленга и различных интернет-явлений и функционирующей только в Сети, не совсем корректно. По нашему мнению, фразеологизмы, возникшие в Сети, часто выходят и за ее пределы, демонстрируя широкую востребованность и другими дискурсивными пространствами (так, например, произошло со множеством собственно сетевых фразеологизмов: *танцевать с бубном, танцы с бубном, лежать в направлении мечты, аффтар жжот, британские ученые* и мн.др., активно использующихся и в публицистике и разговорной речи). В то же время существует и обратный процесс, при

³⁶ О роли параграфемных средств в сетевом общении говорят и чешские лингвисты, напр., [Jílková 2017].

³⁷ «Вульгаризацию» интернет-коммуникации отмечают и исследователи чешской виртуальной среды: «Zvláštní pozornost si zasluhuje užívání vulgarismů v e.k. Do jisté míry je jejich užívání pochopitelné, neboť pisatelé jsou při vytváření příspěvků na chatech n. v internetových diskusích často bezprostřední, vyjadřují své pocity, momentální náladu, zaujímají (kritické) postoje k někomu n. něčemu, tedy sahají po expresivním lexiku» [Jílková 2017].

котором обороты несетевого происхождения получают актуализацию и становятся полноценными фразеологизмами именно в Сети (*духовные скрепы, упоротый лис, отец Пигидий* и мн.др.). В целом, на наш взгляд, можно говорить о двух типах собственно сетевой фразеологии: той, которая возникла полностью в рамках интернет-дискурса, сетевых субкультур, и той, которая возникла не в Интернете, но стала популярной, «вирусной» именно в Сети. Таким образом, в данной работе под сетевой фразеологией мы условно понимаем не только фразеологизмы, возникшие в Интернете, но и такие устойчивые обороты, которые получают свое текстовое, функциональное воплощение прежде всего в Сети и зачастую связаны с такими явлениями сетевой культуры, как мем, демотиватор, хэштег³⁸. Сложность и неоднозначность представленных в рамках сетевой фразеологии явлений, безусловно, требует дальнейшего осмысления данной проблемы.

Популярность и масштаб интернет-исследований способствуют формированию нового научного направления – **интернет-лингвистики**. Д. Кристал считает возникновение интернет-языковедения новой лингвистической революцией: «If the Internet is a revolution, therefore, it is likely to be a linguistic revolution» [Crystal 2003]. Более того, некоторые исследователи считают появление интернет-лингвистики новой научной языковедческой парадигмой, возникновение которой обусловлено «сменой доминанты, когда все достижения языкознания пересматриваются в новых аспектах в соответствии с новыми научными приоритетами» [Компанцева 2010: 25]. Данный подход предполагает изучение интернет-дискурса на стыке с прагмалингвистической, когнитивной, лингвокультурологической и другими парадигмами современного языковедения [Там же: 25-26].

Как мы видим из приведенного обзора, Интернет, как новая коммуникативная среда, уже успел завоевать «популярность» у лингвистов. За последние 10 лет было издано множество лингвистических работ, посвященных исследованию как самого «языка Интернета», так и вопросам бытия современного русского языка в Сети. Учеными исследуются как уже ставшие традиционными темы различных аспектов существования языка в Интернете и влияния интернет-дискурса и его лингвистических особенностей на язык, так и новые. Например, исследователи говорят о возникновении языковой интернет-картины мира [Трофимова 2011: 60] и о появлении виртуальной языковой личности, напр., [Crystal 2001], [Интернет-коммуникация 2012], поскольку «виртуальные тексты выявляют психическую жизнь индивида еще более многогранно и

³⁸ Подробнее об этих явлениях, а также приведенных ФЕ см. ГЛАВУ 3.

глубоко, чем традиционно-бумажные, подчеркивая особенные черты веб-личности» [Трофимова 2011: 317].

При этом многие проблемы, как нам кажется, до сих пор требуют дальнейшего решения, например, изучение национального коммуникативного поведения через призму интернет-пространства, исследование сетевой литературы и ее жанровых особенностей, а также дальнейшее рассмотрение особенностей функционирования различных языковых единиц в сетевых текстах как отдельных жанров (форум, комментариев) или языковых вариантов Интернета (например, Рунета³⁹), так и общего интернет-пространства. Этим фактом и определяется актуальность нашего исследования: на наш взгляд, изучение функционирования русской фразеологии в Интернете позволит обнаружить общность актуальных языковых тенденций и виртуального общения, выявить их прагматическую специфику, определить их функциональные и модификационные особенности, уточнить состав коммуникативно-востребованных устойчивых оборотов и проанализировать роль фразеологической системы в формировании самого дискурса. Проведение подобных дискурсивно-прагматических изысканий отвечает и запросам современной фразеологической науки и ее научным интересам, отраженным в первом разделе. Важность исследования такого рода определяется также динамичностью, изменчивостью современной русской речевой ситуации.

³⁹ 19 марта 2013 г. сайт W3Techs, занимающийся анализом веб-сайтов, сообщил о том, что русский язык вышел на второе место среди языков Интернета, уступая только английскому [Русский язык и новые технологии 2014: 18].

Глава 2. ВАРЬИРОВАНИЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ (ФЕ) В ИНТЕРНЕТ-ДИСКУРСЕ

2.1 Теоретические основы изучения фразеологического варьирования

2.1.1 Фразеологическая вариантность и окказиональность

Актуализируясь в речи, тексте, дискурсе, фразеологические единицы подвергаются различным трансформациям и широко варьируют, реализуя свой прагматический потенциал, несмотря на такое базовое свойство ФЕ как устойчивость. Подчеркивая тот факт, что «вариативность – фундаментальное свойство языка», В. Г. Гак в работе «Языковые преобразования» говорит о том, что именно вариантность «дает языку индивидуализацию <...> и позволяет, кроме того, решить две важные задачи: коммуникативную и экспрессивную» [Гак 1998: 367 – 370].

Исследование контекстуально-дискурсивного употребления устойчивых выражений является на данный момент одним из основных направлений в современной фразеологии. «Широкое изучение фразеологической вариантности <...>, а также всестороннее исследование стилистического употребления ФЕ в художественной литературе и публицистике убедительно продемонстрировали динамический характер фразеологии, ее открытость к различным структурно-семантическим изменениям» [Мелерович, Мокиенко 2005: 3].

Подобные исследования помогают не только взглянуть на фразеологическую систему как на развивающуюся и подвижную, но и оценить ее объективное и актуальное состояние. Более того, некоторые фразеологи считают, что «исследование фразеологической креативности в дискурсивном ракурсе направлено, прежде всего, на раскрытие тех глубинных механизмов, которые обеспечивают использование наличной подсистемы фразеологических средств в дискурсивных практиках благодаря творческой деятельности уже индивидуального сознания для достижения конкретных коммуникативно-прагматических целей» [Зыкова 2014: 242].

Как мы уже сказали, «неузвальное» использование фразеологизмов в дискурсе и виды их трансформаций являются одной из самых обсуждаемых и неоднозначно трактуемых вопросов современной фразеологии. В связи с этим в отечественной

лингвистике существует несколько позиций ученых по поводу проблемы фразеологической вариантности.

Так, по мнению Н.Ф. Алефиренко и Н.Н. Семенов, рассматривающих фразеологическую вариантность в аспекте проблемы ее разграничения с фразеологической синонимией, можно выделить несколько точек зрения на природу и «языковой механизм» данного языкового явления, согласно которым исследователи изучают: а) денотативно-сигнификативные тождества семантической структуры вариантных фразем (В.П. Жуков, А.И. Молотков, Н.М. Шанский); б) адекватность экспрессивно-стилистических свойств модифицированных фразем (Е.И. Диброва, В.И. Зимин, Л.М. Колесникова, Р.Н. Попов, Н.А. Стебелькова); в) изменяемость компонентов экспонентной структуры в пределах инвариантного плана выражения фраземного знака (Л.М. Болгова, В.Г. Гак, А.В. Кунин); г) тождество этимологического образа и внутренней формы в смысловой структуре вариантных фразем (Г.И. Краморенко, А.Г. Назарян, Ю.А. Авалиани, Л. И. Ройзензон); д) стабильность синтаксической структуры вариантных фразем (А.В. Кунин, О.М. Метеашвили, Э.С. Пауласкене) [Алефиренко, Семенов 2009: 65-69]. Исследователи уточняют, что разные подходы предполагают в качестве обязательного условия сохранение основного компонентного состава фразеологической единицы. Существуют и альтернативные мнения. Например, позиция М.Ф. Палевской, согласно которой релевантным признаком фразеологической вариантности является общность этимологического образа. Крайнюю же позицию занимают ученые, отрицающие сам факт существования лексических вариантов фразем и считающие, что лексические замены всегда приводят к образованию самостоятельных фразем (Н.Н. Амосова, А.М. Бабкин, М.М. Копыленко, З.Д. Попова) [Там же: 68-69]. По мнению Н.Ф. Алефиренко и Н.Н. Семенов, под фразеологическими вариантами следует считать те видоизменения фраземы, которые, характеризуясь относительным тождеством фразеологического значения и этимологического образа, различаются отдельными компонентами плана выражения, что придает им определенное экспрессивно-стилистическое своеобразие [Там же: 69].

Ю.А. Гвоздарев говорит о **концепциях узкого и широкого подхода** к вариантности фразеологических единиц в русском языке. Широкий подход отражен в работах В.Л. Архангельского, В.Н. Телии и др. Определение фразеологического инварианта в работах В.Л. Архангельского представляет перенос теоретических положений фонологии на фразеологический уровень: «Если в современном русском

литературном языке два фразеологических варианта, встречаясь в одном и том же контексте, могут заменять друг друга, не изменяя значения текста, то они обычно являются вариантами одной ФЕ» [Гвоздарев 2010: 40]. На основании этого определения В.Л. Архангельский относит к вариантам одной и той же фразеологической единицы такие образования: *Гусь свинье не товарищ. Горшок котлу не товарищ. Пеший конному не товарищ.* С другой стороны, к разным фразеологическим инвариантам им относятся выражения с различными значениями, хотя и связанными этимологически: например, считаются разными фразеологическими единицами *закрывать глаза* – «намеренно не замечать чего-нибудь»; *закрывать глаза* – «умереть»; *закрывать глаза* – «присутствовать при чьей-то смерти», хотя генетически второй и третий случаи тесно связаны [Там же: 40].

Узкий подход отражен в работах А.М. Бабкина, Е.А. Иванниковой, см., например, [Бабкин 1970], [Иванникова 1968]. Так, Е.А. Иванникова относит к инварианту синтаксические вариации типа *пальчики оближешь* и *пальчики оближете*, хотя отмечает, что «синтаксические вариации, как правило, не создающие новых значений у фразеологических единиц, могут приводить к грамматической трансформации значения фразеологизма, нарушающей тождество фразеологической единицы», например: *переливать из пустого в порожнее* – *переливание из пустого в порожнее* [Гвоздарев 2010: 41]⁴⁰.

Т.Н. Федуленкова связывает большое количество мнений относительно фразеологической вариантности, отсутствие единства в понимании соотношений «вариант-инвариант», «вариант-синоним» с природой самого фразеологизма как более сложной по сравнению со словом единицы, поскольку с усложнением архитектоники языковой единицы возрастает и многообразие видов ее варьирования. С точки зрения динамики взглядов на фразеологическую вариантность в отечественном языкознании данный исследователь выделяет несколько периодов. В середине двадцатого столетия явление фразеологической вариантности связывалось некоторыми исследователями (В.А. Архангельский, Н.Н. Амосова) с определением границ сохранения тождества в связи с перенесением результатов лексикологического анализа вариантов в область

⁴⁰ Что касается собственно лексического варьирования, то образования типа *каши не сварить* – *пива не сварить* относятся в этой концепции к разным фразеологическим инвариантам, причем поясняется, что «лексические замены, сокращение и расширение компонентного состава особенно характерны для мотивированных фразеологических единиц и осуществляются в них с намерением изменения образности, усиления степени интенсивности и экспрессивности значения» [Гвоздарев 2010: 38-40].

фразеологии, и, следовательно, как и в лексикологии, формально-структурные изменения допускались лишь в той степени, в какой оставалась выраженной материальная общность языковых единиц и при этом сохранялось их значение. К началу 70-х годов в сфере исследования фразеологической вариантности (А.В. Кунин, В.Н. Телия, А.И. Смирницкий) начинает превалировать тенденция перенесения проблемы вариантности в план выражения, которая в то же время испытывает на себе влияние дискуссии о возможности стилистической и экспрессивной дифференциации вариантов в результате формально-структурных изменений. При этом значительная часть исследователей допускает возможность таких расхождений, включая их в определения фразеологической вариантности. Современное же состояние проблемы семантической вариантности сводится к следующим позициям: 1) процесс фразеологического варьирования рассматривается для плана выражения и плана содержания по отдельности; 2) в плане выражения выделяются фонетические, морфологические, лексические, синтаксические и квантитативные варианты; 3) в плане содержания выделяются лексико-семантические варианты и функциональные варианты [Федуленкова 2005б: 63-68].

Особое значение приобретают в последнее время исследования, связанные с фразеологической окказиональностью. Окказиональный фразеологизм противопоставлен узуальному (инвариант) и, таким образом, сближается с понятием вариант. В изучении фразеологической окказиональности существует несколько направлений исследования.

По мнению Д. Н. Давлетбаевой, в настоящее время существует несколько основных методов исследования окказиональной фразеологии: 1) гнездовой метод, при котором анализу подвергаются все окказионализмы одного фразеологического оборота; 2) классификационный, изучающий как сходства, так и различия в употреблении различных фразеологических окказионализмов; 3) метод окказионального моделирования ФЕ, заявленный в работах Третьяковой И. Ю. и направленный на выявление преобразовательного потенциала ФЕ различных структурных типов [Давлетбаева 2011: 270].

В работе «Окказиональная фразеология (структурно-семантический и коммуникативно-прагматический аспекты)» под окказиональной фразеологией понимается «совокупность речевых отфразеологических образований,

характеризующихся признаками, свойственными окказиональным единицам: принадлежностью речи, невозпроизводимостью, авторской принадлежностью, производностью, ненормативностью, функциональной одноразовостью, контекстуальной обусловленностью, повышенной экспрессивностью, синхронно-диахронной диффузностью» [Третьякова 2011в: 12]. В указанной работе проводится разграничение не только понятий «узуальная фразеологическая единица (ФЕ)»⁴¹ и «окказиональная ФЕ», но и понятия «окказиональный вариант языковой ФЕ». Под окказиональными ФЕ понимаются единицы, функционирующие в речи, но не являющиеся единицами национального лексикона, не зафиксированные в нормативных словарях, образуемые отдельными носителями языка с определёнными коммуникативными целями путём трансформации языковых ФЕ, существенно отличающиеся от фразеологического инварианта по семантике и/или структуре (компонентном составе), а под окказиональным вариантом ФЕ – варианты языковых фразеологизмов, функционирующие в речи, не зафиксированные в нормативных словарях, образуемые отдельными носителями языка с определёнными коммуникативными целями путём трансформации языковых фразеологических единиц, в целом не выходящие за рамки семантического подобия с фразеологическим инвариантом, но при этом характеризующиеся контекстуальными смысловыми приращениями и/или частичным изменением компонентного состава [Там же: 9]. Среди важнейших признаков окказиональных фразеологизмов исследователь называет творимость, воспроизводимость и авторскую принадлежность. Авторские интенции являются необходимым элементом трансформации ФЕ, ее причиной и отправной точкой. В намерения автора при трансформации языковых фразеологизмов могут входить: изменение семантики языковой ФЕ или привнесение дополнительных элементов значения; изменение оценочности языкового фразеологизма, обусловленное стремлением автора к переоценке характеризуемых фразеологизмом событий, лиц, явлений; интенсификация экспрессивно-оценочного плана; изменение стилистической маркированности ФЕ и др. [Там же: 15-17]. Окказиональные преобразования осуществляются путем особых приемов трансформации ФЕ, среди которых расширение компонентного состава фразеологизма и его редукция, замена компонентов, ролевая инверсия, буквализация, двойная актуализация и другие. И. Ю. Третьякова связывает

⁴¹ Узуальная ФЕ – это реализуемая в речи языковая ФЕ, имеющая общепринятые, закреплённые в лексиконе значение и форму [Третьякова 2011в: 9].

появление окказиональных фразеологизмов с авторской интенцией, при исследовании «выбрав за «точку отсчета» трансформационного процесса **«авторский замысел»** [Там же: 5].

Противоположной точки зрения придерживаются А. М. Мелерович и В. М. Мокиенко, которые считают, что повторяемость трансформаций, довольно стройная моделируемость их основных типов, переключка с диалектно-просторечным варьированием в зеркале лексикографии убедительно показывают, *что «индивидуальность» и «авторство» окказиональных фразеологизмов сильно преувеличиваются исследователями* [Мелерович, Мокиенко 2005: 4]. Подобную позицию занимает и Н. Л. Шадрин, утверждая, что «речевые инновации в сфере фразеологии не абсолютно произвольны, ибо могут осуществляться лишь в пределах тех потенций, которые заложены в самой языковой системе и допускаются ее законами» [Шадрин 1991: 144].

В чешской лингвистике вопрос фразеологической вариантности и окказиональности отражен в работах Ф. Чермака, напр., [Čermák 2017a], [Čermák 2017b], [Karlík, Čermák 2017]. Фразеологический вариант, в понимании данного лингвиста, носит нормативный характер и может быть парадигматическим или синтагматическим: *frazém a idiom «i díky tomu, že nejsou preskriptivně kodifikovány, odrážejí proměnlivost svého vývoje věrně a nezkrásleně ve svých variantách. Lze odhadovat, že až každý čtvrtý frazém má nějakou formální variantu, srov. být/stát na vyšší doby, nasadit někomu veš (do kožichu), v zásadě však vždy, na rozdíl od transformací, zachovávají identitu frazému, tj. nemění podstatně jeho význam a funkci. Varianty jsou v zásadě paradigmatické (1) n. syntagmatické povahy (2) či smíšené z obou typů, srov. (1) do bílého rána/dne, prohnat si hlavu kulí/prohnat si kuli hlavou; (2) dostat (jich) nepočítanejš, nasadit (vlastní) krk»* [Čermák 2017b]. От фразеологических вариантов необходимо отличать фразеологические трансформации, являющиеся, по мнению Ф. Чермака, самостоятельными фразеологическими единицами: «Od variant je třeba lišit funkčně diferencní transformace frazémů, které jsou, jsou-li ustálené, vždy samostatnými frazémy» [Там же]. Объясняя способность ФЕ к трансформации и сами фразеологические трансформации «аномальностью» фразеологизма как единицы языка, исследователь выделяет два типа трансформаций: «актуализирующиеся»,

неустойчивые (*individuální aktualizační, neustálené t.*) и устойчивые (*individuální t. ustálené*)⁴² [Karlík, Čermák 2017].

От фразеологических вариантов и трансформаций также отличается *авторский фразеологизм (autorský frazém)*, понимающийся как неустойчивая форма, принадлежащая идиостилю конкретного автора и не являющаяся единицей фразеологической системы языка: авторский фразеологизм – это «neustálená, jen textová kombinace jaz. forem, vytvořená daným autorem, resp. kýmkoliv, přijímaná a chápaná v daném textu jako frazém; není součástí frazeologického systému. Uznání kombinace za frazém je tedy věcí konsenzu; v praxi a.f. splývá s autorskou víceslovnou metaforou a jeho nejtypičtějším projevem bývá autorské přirovnání, srov. Hrabalova přirovnání *jemný jako jepice/kakao/mleté kafe, pravdivý jako smrt*» [Čermák 2017a].

Итак, на данный момент в научной литературе существует значительное многообразие определений. Лингвисты изучают фразеологические окказионализмы, фразеологические варианты, актуализации фразеологических единиц, контекстуально-преобразованные фразеологизмы, модификации и трансформации фразеологизмов, фразеологические неологизмы и др., говоря при этом об одном и том же явлении. В данной работе мы будем использовать в качестве синонимов термины: фразеологический вариант (и в случае окказионального фразеопотребления), фразеологическая трансформация (модификация), контекстуальное преобразование фразеологизма, при этом понимая **фразеологическую трансформацию как нестандартное с точки зрения формы и/или семантики употребление присутствующего в языке узуального фразеологизма.**

⁴² «Z pohledu frazeologie a idiomatiky je transformace ve frazeologii vždy vlastně kvazitransformací tím, že u frazému není nikdy dána pravidlem jako t. v pravidelném jaz., jen se jí podobá; její výskyt je tudíž stejně anomální jako jiné aspekty frazému. Základní a asi nejcharakterističtější je u frazému anomálnost, resp. restrikce transformačních možností kategorií frazému při jeho užití v kontextu (t. aktualizační a individuální), která slouží ve svém úhrnu i jako základ pro funkční klasifikaci frazémů a zjišťování stupně idiomatičnosti. Ve frazeologii je tedy stejně závažné vědět, které t. možné jsou a které nikoliv. Srov. nemožnost převodu do plurálu, pasiva, negace, imperativu, kondicionálu, 1.os.sg. apod. u frazémů *moje maličkost, číst někomu levity, sejít z mysli, mít v hlavě, leje jako z konve, je blbej jak daleko vidí*. Výskyt takovýchto individuálních aktualizačních t., ať už pozitivní, n. negativní (jeho absence), je typicky neustálený, závislý na textu, jejich úhrn je však dán už v systému. Proti nim stojí individuální t. ustálené, dané už jako hotové v systému i textu. K nim patří např. t. vnitrorovinné (např. *hledat jehlu v kupě sena* → *hledání jehly v kupě sena, postavit něco na hlavu* → *postavený na hlavu*, kde se nominalizací vytvořil z verbálního frazému frazém nominální, resp. adjektivní) n. i meziorovinné (např. frazém propoziční → frazém kolokační nominální; srov. *Tichá voda břehy mele/bere* → *tichá voda*) apod.» [Karlík, Čermák 2017].

2.1.2 Типологии фразеологических трансформаций в современной русистике

Различным точкам зрения русских лингвистов на проблему фразеологической вариантности и окказиональности, рассмотренным в предыдущем разделе, соответствуют и различные типологии фразеологических трансформаций. В целом мы можем условно разделить позиции ученых, исследующих понятие «фразеологический вариант», на две «группы»: первую, применяющую понятие варианта к нормативным формоизменениям фразеологической единицы (инвариант – вариант) и считающую его явлением узувального характера (В.П. Жуков, А.В. Жуков, Е.И. Диброва и др.), и вторую, считающую вариант более широким понятием и соотносящую его с явлениями трансформации, окказиональности (узувальное – окказиональное) (А.М. Мелерович, В.М. Мокиенко, И.Ю. Третьякова).

В.П.Жуков и А.В. Жуков говорят о наличии в русском языке как фразеологизмов, употребляющихся только в неизменном компонентном составе (например, *нечем крыть, отливать пули* и др.), так и фразеологизмов, которым присуща вариантность. По мнению ученых, существуют следующие типы фразеологических вариантов: 1) фонетические варианты (*между (меж) двух огней*); 2) морфологические варианты (*палец (пальцем) о палец не ударить; сам черт не разберется (не разберет)*); 3) видовые варианты компонентов (*делать (сделать) из мухи слона, задавать (задать) тон*); 4) конструктивные варианты, отличающиеся друг от друга в структурном отношении: (*каши не сварить (не сварить) с кем-либо*); 5) словообразовательные варианты (*под крылом (крылышком) у кого-либо*); 6) лексические варианты, связанные с заменой одного компонента другим или другими (*взять (вбить) себе в голову (башку)*) [Жуков, Жуков 2006: 179-181].

Е.И. Диброва, оперируя понятиями полной, неполной и дефектной фразеопарадигмы, для создания иерархической классификации фразем предлагает сложную систему разграничений: 1) разграничение сторон ФЕ – формы и значения (одностороннее и двустороннее варьирование); 2) разграничение уровней системы, связанных с преобразованиями сторон ФЕ (форма единицы – фонетический, словообразовательный, морфологический, синтаксический уровни; значение единицы – семантический уровень); 3) единиц уровней, участвующих в варьировании (фонема, морфема, лексема, семема); 4) структурных типов ФЕ (ФЕ-словоформа, ФЕ-словосочетание, ФЕ-предложение), модифицируемых согласно каждому уровню

[Современный русский язык 2006: 346]⁴³. В работе «Современный русский язык. Теория. Анализ языковых единиц» ею предлагается следующая классификация фразеологической вариантности (подобная классификации В.П. и А.В. Жуковых): 1) фонетическая вариантность (*калиф/халиф на час*), 2) словообразовательная вариантность (*на глаз/на глазок*), 3) морфологическая вариантность (*валить/сваливать в одну кучу*), 4) синтаксическая вариантность (*вожжа под хвост попала/попади*), 5) лексическая вариантность (*извиваться ужом/змеей*), 6) количественное варьирование (*пустить (красного) петуха*) [Современный русский язык 2006: 346-349]. При этом исследователь отмечает, что существуют два типа функционирования ФЕ: 1) узуальное употребление (без изменения семантики и/или структуры), реализующее существующие языковые семантико-коннотационные свойства фразеологизма, и 2) окказиональное употребление (с изменением («авторской обработкой») семантики и/или структуры, реализующее потенциальные возможности ФЕ. Не называя конкретных приемов авторских трансформаций, Е.И. Диброва пишет, что «способов видоизменений в зависимости от авторского замысла насчитывается свыше трех десятков», особо подчеркивая тот факт, что «трансформация единиц определяется авторской стратегией» [Там же: 350].

По мнению М.И. Сидоренко, занимающего похожую позицию, вариантность ФЕ русского языка создается при помощи: 1) разности компонентов, не вносящих в значение целого дополнительных семантических оттенков или отличающихся друг от друга только стилистической принадлежностью и эмоционально-экспрессивной окрашенностью (*гнуть шею (спину)*); 2) видо-временных различий глагольных компонентов фразеологизма (*брать (взять) на буксир*); 3) различий в синтаксическом управлении (*глаза б мои не смотрели на кого-либо (не видели кого-либо)*); 4) несовпадения падежных окончаний именных компонентов фразеологической единицы (*вверх тормашками (тормашки)*); 5) введения факультативного компонента (*попасть в (самую) точку*); 6) различий в ударениях (*чудное (чудное) дело*); 7) различий в предлогах (*с первого абцуга (по первому абцугу)*); 8) различий в залоговой форме (*попасть*

⁴³ Исследователь указывает и на особые отношения между формой и значением вариантной ФЕ: 1) форма вариантна – значение невариантно; 2) форма невариантна – варьирует значение; 3) варьируют и форма, и значение единицы, при этом связывая первые два случая с односторонним варьированием, а третий – с двусторонним. В понимании Е.И. Дибровой вариантность формы ФЕ связана: 1) с разграничением уровней варьирования – фонетическая, словообразовательная, морфологическая, синтаксическая и лексическая вариантность; 2) с усечением компонентного состава ФЕ – количественная (количественная) вариантность; 3) с количеством варьируемых компонентов (двучленная/многочленная вариантность) [Современный русский язык 2006: 346].

(попасться) в руки); 9) различий в управлении глагольного компонента (*сжаться в ком (комо)*) [Сидоренко 1982: 63-64].

Ю.А. Гвоздарев исследует фразеологическую вариантность в связи с проблемой русского фразообразования и предлагает следующую типологию фразеологических вариантов: 1) фонетические (*сесть в калошу – сесть в галошу*); 2) морфонематические (*сбоку припеку – сбока припека*); 3) словообразовательные (морфемные) (*скатертью дорога – скатертью дорожка*); 4) морфологические (*ни жив ни мертв – ни живой ни мертвый*); 5) синтактико-морфологические (*пустить петуха – пуцу петуха*); 6) лексико-морфологические (*брать за душу – взять за душу*); 7) синтаксические (*комедию ломать – ломать комедию*); 8) морфолого-синтаксические (*одержать победу – одержав победу – одержанная победа – победа одержана*); 9) лексико-синтаксические (*ходить в струне – держите его, как говорится, в струне*); 10) лексические (*на попятный двор – на попятный*); 11) лексико-семантические (*козел отпущения – осел отпущения*); 12) семантические (*закрывать глаза*) [Гвоздарев 2010: 36-38].

Н.Ф. Алефиренко и Н.Н. Семенов под фразеологическим вариантом понимают те видоизменения фраземы, которые характеризуются относительным тождеством фразеологического значения и этимологического образа и различаются отдельными компонентами плана выражения, что придает им определенное экспрессивно-стилистическое своеобразие, и выделяют следующие типы ФЕ: 1) лексические (*рыть (копать) яму кому*); 2) морфологические (*под сурдинку (сурдинкой)*); 3) словообразовательные (*звонить (трезвонить, раззванивать) во все колокола*); 4) количественные (*кривой как (турецкая) сабля*); 5) видовые (*брать/взять под свое крылышко*); 6) смешанного типа (*вить/свить гнездо (гнездышко)*) [Алефиренко, Семенов 2009: 69-74]. Данная классификация, как и предыдущие, связана с нормативным представлением о вариантности. При этом Н.Ф. Алефиренко и Н.Н. Семенов признают существование и контекстуально преобразованных фразеологических единиц и отдельно рассматривают «творческое преобразование фразем», выделяя такие стилистические приемы обновления семантики фразеологических единиц в текстах, как: *I. Отвечающие требованиям правильного употребления*: 1) количественное изменение компонентного состава за счет употребления уточняющих слов к тем или иным компонентам; 2) редукция (сокращение) компонентного состава; 3) замена лексических компонентов; 4) контаминация; 5) буквализация, т.е. разрушение всем известного обобщенно-образного

значения; II. *Вызванные речевыми ошибками*: 1) неоправданное расширение компонентного состава (фразеологический плеоназм) (*тяжелый сизифов труд*); 2) неоправданное сокращение компонентного состава (*усугубляющее обстоятельство*); 3) замена паронимом (*провести вокруг пальца*) [Там же: 215-218]. Таким образом, Н.Н. Семененко и Н.Ф. Алефиренко разграничивают понятие нормативного фразеологического варианта и творческого (стилистического) преобразования фразеологической единицы в тексте.

Н. М. Шанский разделяет фразеологизмы на функционирующие без изменений и функционирующие в трансформированном виде, с иным смысловым значением, обновленной структурой или новыми экспрессивно-стилистическими качествами. При этом трансформацию ФЕ Н. М. Шанский связывает с авторскими интенциями для создания всякого рода художественно-стилистических эффектов (каламбуров, языковой игры, красочного образа и др.) и выделяет следующие приемы индивидуально-художественной (стилистической) обработки узуальных фразеологических единиц: 1) наполнение фразеологического оборота новым смысловым содержанием при сохранении его лексико-грамматической структуры; 2) обновление лексико-грамматической стороны фразеологического оборота при сохранении его семантики и основных черт структуры; 3) использование фразеологического оборота в качестве свободного сочетания слов, что часто связано с изменением их значения и стилистических свойств; 4) образование новых, индивидуально-художественных оборотов по модели узуальных ФЕ как с использованием структуры и отдельных элементов общеязыкового оборота, так и с использованием одной лишь его структуры; 5) употребление фразеологического оборота, одновременно понимаемого и как свободное сочетание слов, и как фразеологическое; 6) употребление не фразеологического оборота как такового, а его общего образа или содержания [Шанский 1957: 136-142].

Особую концепцию понимания процессов трансформаций ФЕ предлагает И.В. Зыкова, рассматривающая явление фразеологической креативности в дискурсивном и системном аспектах в ее связи с макрометафорическими концептуальными моделями. Исследователь говорит не о приёмах трансформации, а о базовых «стратегиях коммуникативной адаптации фразеологических образов к дискурсу» [Зыкова 2014: 245], к которым относит 1) встраивание, 2) приращение, 3) пере-композиция, 4) разбиение, 5) комбинирование. Автор концепции объясняет представленную типологию тем, что, в

отличие от иных подходов, она понимает любые модификации фразеологизмов как «факты реализации креативного потенциала макрометафорических концептуальных моделей в создании коммуникативно адаптированных и прагматически ориентированных форм фразеологизмов в процессах дискурсообразования», подчеркивая то, что «всякая модификация фразеологизма – это модификация, которую исходно претерпевает его образ» [Зыкова 2014: 244]. При этом И.В. Зыкова приходит к выводу о том, что «все создаваемые в дискурсе модификации <...> фразеологизмов обусловлены той макрометафорической концептуальной моделью, которая лежит в основании базовой формы их образов» [Там же: 302-303], а их целью является создание самого дискурса и оптимизация прагматико-коммуникативной задачи.

Одна из самых подробных и логичных классификаций фразеологических трансформаций, которая отражена в словаре «Фразеологизмы в русской речи», принадлежит А.М. Мелерович и В.М. Мокиенко. Исследователи предлагают следующую типологию контекстуальных преобразований ФЕ:

I. Стандартные преобразования: синтаксическая инверсия; внешние синтаксические и морфологические преобразования ФЕ; переход утвердительной формы ФЕ в отрицательную;

II. Структурные (структурно-семантические) преобразования: внутренняя синтаксическая и морфологическая трансформация; расширение компонентного состава ФЕ; замена компонента ФЕ семантически однородным элементом;

III. Трансформации, основанные на предварительном вычленении ключевого компонента ФЕ: эллипсис ФЕ; вычленение ключевого компонента ФЕ, который сохраняется в исходной грамматической форме и/или сохраняет то же значение, и образование на его основе свободного словосочетания; вычленение ключевого слова или словосочетания часто в измененной форме и образование на его основе авторского окказионализма;

IV. Окказиональные ФЕ: трансформация ФЕ по контрасту; ролевая инверсия компонентов ФЕ; конверсия ситуации (конверсные трансформации); контаминация ФЕ; включение ФЕ в сравнительный оборот; замена компонента ФЕ по принципу звуковой близости, переосмысления грамматической формы ключевого слова и под.;

V. Семантические трансформации: этимологизация ФЕ (с пояснениями); двойная актуализация; буквализация значения; народная этимологизация; экспликация внутренней формы (образной основы) ФЕ; полное переосмысление ФЕ при сохранении или видоизменении ее формальной структуры;

VI. Образование окказиональной ФЕ по модели языковой ФЕ.

VII. Авторский афоризм, основанный на использовании языковой ФЕ.

VIII. Слово, окказионально образованное на основе ФЕ языка [Мелерович, Мокиенко 2005: 41-42].

Согласно классификации И.Ю. Третьяковой, которая основывается на изменчивости внешнего плана фразеологизма, приемы фразеологических трансформаций делятся на структурно-семантические и семантические:

I. Структурно-семантические трансформации: 1) расширение компонентного состава фразеологизма, 2) замена компонентов, 3) образование окказионального фразеологизма по модели языковой фразеологической единицы; 4) фразеологический эллипсис; 5) контаминация; 6) модификация синтаксической модели; 7) сегментация; 8) ролевая инверсия;

II. Семантические трансформации: 9) двойная актуализация; 10) буквализация; 11) переосмысление фразеологической единицы [Третьякова 2011в: 17].

С точки зрения Н.Л. Шадрина, помимо узуального употребления ФЕ существуют две основные формы окказионального употребления фразеологизмов: нарушение дистрибуции и речевое (индивидуально-авторское) преобразование. При этом под нарушением дистрибуции ФЕ понимается помещение фразеологизма в необычный для него контекст при сохранении его целостности, а под индивидуально-авторским преобразованием – такое использование фразеологической единицы, при котором маркирующим признаком становится использование фактора раздельнооформленности, благодаря чему выявляется семантическая или структурная отдельность компонентов⁴⁴.

⁴⁴ У модификаций первого типа определяется своя типология: нарушение семантической дистрибуции, нарушение стилистической дистрибуции и нарушение предметно-логической дистрибуции. Индивидуально-авторские преобразования Н.Л. Шадрин подразделяет на семантические, основанные на нарушении устойчивости фразеологизма на семантическом уровне, и структурно-семантические, основанные на окказиональных изменениях в составе, количестве и порядке следования компонентов и включающие в себя качественные и количественные изменения. Отдельно автор касается проблемы

Обобщенно классификацию фразеологических трансформаций Н. Л. Шадрина можно представить в виде следующего перечня:

I. Нарушение дистрибуции фразеологической единицы: а) нарушение семантической дистрибуции; б) нарушение стилистической дистрибуции; в) нарушение предметно-логической дистрибуции;

II. Индивидуально-авторские преобразования фразеологической единицы (1. Семантические: а) актуализация прямого лексического значения компонента фразеологизма; б) использование семантической двуплановости всего словосочетания или предложения; 2. Структурно-семантические: 2.1. качественные: а) изменение установившегося в языке порядка следования компонентов; б) замена компонента; 2.2. количественные: а) сокращение компонентного состава (редукция); б) расширение компонентного состава;

III. Комплексные преобразования [Шадрин 1991: 143-201].

В данной работе мы используем совмещение классификаций А.М. Мелерович – В.М. Мокиенко и Н.Л. Шадрина, причем такой прием фразеологической трансформации, как нарушение дистрибуции ФЕ, понимаемый Н.Л. Шадриним как отдельный тип модификации фраземы, мы рассматриваем в рамках семантических трансформаций, поскольку данный прием не нарушает целостности ФЕ, ее структуры и компонентного состава. В рамках следующих разделов мы рассматриваем не все приемы встретившихся в интернет-дискурсе модификаций ФЕ, а лишь те, которые несут в себе семантические, стилистические изменения и важны для формирования смысла и текста. В связи с этим не рассматривается целый ряд приемов, среди которых, напр., морфологические преобразования, переход утвердительной формы ФЕ в отрицательную и наоборот, модификация синтаксической модели и под., поскольку они не сопровождаются серьезными семантическими изменениями, а носят, скорее, формально-грамматический характер. В настоящей главе уделяется место и рассмотрению смежных и новых явлений, таких как графические трансформации, фразеологическое насыщение контекста и «фразеологические девиации»⁴⁵.

выделения сложных преобразований, сочетающих в себе несколько способов трансформаций [Шадрин 1991: 143-201].

⁴⁵ О термине «фразеологическая девиация» см. соответствующий раздел данной главы.

2.2 Структурно-семантические трансформации ФЕ⁴⁶

2.2.1 Расширение компонентного состава ФЕ

Расширение (распространение) компонентного состава традиционно относится к структурно-семантическому типу трансформации ФЕ, при котором изменяется ее оформленность в связи с количественным изменением компонентов и приобретаются дополнительные оттенки значения. Под расширением компонентного состава ФЕ мы понимаем «количественное изменение компонентного состава за счет употребления уточняющих слов к тем или иным компонентам» [Алефиренко, Семенов 2009: 215]. Изучением данного явления в той или иной степени занимались разные исследователи, так или иначе касавшиеся вопросов фразеологической вариантности (В.П. Жуков, А.В. Кунин, В.М. Мокиенко, Н.Ф. Алефиренко, В.М. Мелерович, И.Ю. Третьякова, Н.М. Шанский и др.). А.В. Кунин, исследуя раздельнооформленность ФЕ, выделяет два типа расширения компонентного состава: 1) вклинивание (включение в состав ФЕ слов, переменных сочетаний слов или других фразеологизмов, которые расширяют структуру ФЕ и ее лексический состав) и 2) разрыв⁴⁷ (речевое разъединение ФЕ переменным словом, сочетанием слов или графическими средствами при неизменном компонентном составе самого узуального фразеологизма, так как при разрыве разъединяющие элементы не включаются в структуру ФЕ и не вписываются в образ, положенный в его основу) [Кунин 1996: 38-39]. Вопрос о том, что считать распространителем (расширителем) компонентного состава фразеологизма, а что – элементом просто сочетающегося с ФЕ контекста, на данный момент еще не являлся предметом отдельного пристального рассмотрения и теоретического осмысления в лингвистике, поэтому и в данном исследовании мы придерживаемся традиционно признаваемых компонентов-«расширителей»⁴⁸.

⁴⁶ Под структурно-семантическими трансформациями фразеологизмов мы понимаем такие изменения узуальных (нормативных) фразеологизмов, которые затрагивают и его значение, и его структуру.

⁴⁷ В нашей работе ФЕ, в которых компоненты вводятся при помощи так наз. разрыва, мы не будем рассматривать как трансформированные ФЕ, так как считаем это явление просто дистантным расположением компонентов.

⁴⁸ Так, А.М. Мелерович и В.М. Мокиенко в словаре «Фразеологизмы в русской речи», говоря о расширении компонентного состава фразеологизма, приводят следующие примеры. Например, расширение субстантивных фразеологизмов: *вечные козлы отпущения, один из любимейших козлов отпущения* и др., глагольных фразеологизмов: *напрасно метать бисер перед свиньями; рассыпать чеховский жемчуг перед публикой*; расширение адъективных фразеологизмов: *вроде той седьмой воды на киселе, десятая или двадцатая вода на киселе* и др., а также широко представлено расширение компонентного состава фразеологизмов со структурой предложения, например, *есть еще порох в старых пороховницах, своя рубашка всегда к телу ближе* и др. [Мелерович, Мокиенко 2005]. И.Ю. Третьякова считает, что окказиональный расширитель может прикрепляться к любому компоненту фразеологизма, при этом, в

С точки зрения количества расширяющих компонентов расширение компонентного состава может быть однокомпонентным (напр., *Сперва единицы пробирались на вольную Украину, чтобы внести русскую лепту в победу Майдана (какой далёкой она казалась в те дни!)⁴⁹...* <http://mawgli.livejournal.com>) и многокомпонентным (напр., *Доблестным контрразведчикам. Хотите найти самые жирные иголки в стоге сена? Ищите не связи, а их отсутствие.* <http://zavertkinas2.livejournal.com>).

С точки зрения семантических и функциональных особенностей вводимых компонентов выделяется пять типов окказиональных расширителей – слов или конструкций, вводимых в узуальный фразеологизм: 1) расширители-интенсификаторы, называющие степень выраженности какого-либо признака, увеличение или уменьшение интенсивности протекания процесса; 2) расширители-экспрессивы, содержащие оценочность, способные передать чувства, эмоции автора текста, его оценку; 3) расширители-буквализаторы, называющие внутренние и внешние признаки лиц, предметов, описанных в первоначальном образе, легшем в основу ФЕ; 4) расширители-эксplikаторы, эквивалентные семам денотативного значения ФЕ, эксплицирующие ее значение; 5) расширители-конкретизаторы, способные конкретизировать типичную ситуацию, характеризуемую языковой ФЕ, в различных конкретных деталях [Третьякова 2011в: 27-29].

В интернет-дискурсе обнаруживаются все семантико-функциональные типы окказиональных расширителей компонентного состава ФЕ. **Расширитель-**

зависимости от того, какой компонент подлежит расширению, выбирается та или иная часть речи в соответствии с синтаксическими и семантическими валентностями компонентов ФЕ, и приводит следующие примеры расширений: *вбивать клин отчуждения, общеизвестная азбучная истина, нести чудовищную околесницу, расхлебывать кашу ложками* и др. [Третьякова 2011в]. Н.А. Крюкова, указав на неоднородность явлений, которые подводятся под понятие расширения ФЕ, выделяет два типа преобразований: 1) распространение компонентного состава ФЕ (слово, распространяющее состав фразеологизма, сохраняет свое лексическое значение и квалифицируется как слово, входящее в окружение ФЕ (*повариться в лондонском котле*)); 2) расширение компонентного состава ФЕ (слово в границах фразеологизма теряет свои признаки (т.е. утрачивает лексическую самостоятельность) и на правах компонента входит в состав ФЕ (*поставить большой крест*)). Автор перечисляет, с каким расширителем или распространителем может связываться компонент фразеологизма или фразеологизм: с именами прилагательными, знаменательными и местоименными (*висел на тончайшем волоске, взялись на мою голову*), именами числительными (*бросит первый камень*), именами существительными (*съел собаку премудрости*), неопределенно-количественными словами (*наломал немало дров*), причастиями (*греет уж застоявшуюся кровь*), наречиями (*взял быка прямо за рога*) [Крюкова 2007]. Никто из исследователей не рассматривает в рамках подобной трансформации конструкций с зависимым от фразеологизма (или его компонента) причастным оборотом, обособленным и находящимся в постпозиции. Мы также не будем считать подобные примеры случаями расширения (распространения) компонентного состава.

⁴⁹ В данной работе все примеры приводятся с сохранением орфографии и пунктуации авторов, при этом некоторые из цитат приводятся в сокращенном виде.

интенсификатор⁵⁰ обычно усиливает семантику узуальной ФЕ с указанием на степень выраженности признака, на его эталонность. Подобный процесс происходит в следующем примере, где окказиональный расширитель *мертвый* при введении в состав ФЕ *доходит как до жирафа до кого* интенсифицирует узуальное значение ‘кто-л. очень медленно соображает’:

До вас доходит, как до жирафа, мертвого жирафа, шесть лет. Это первое.
<https://govoritmoskva.ru>.

Ср. также другие случаи интенсификации значения ФЕ при расширении компонентного состава:

Моя версия, которую я уже пытался обосновывать, остается прежней: этот самолет перегрузили каким-то левым грузом, как принято сегодня во всех сферах нашей жизни. Положились на вечный русский авось – а он, гад, и подвел. <http://karhu53.livejournal.com>; Но даже они не смогли объяснить мне, какого такого, в баню, суслика, действие чеховского рассказа периодически прерывалось группой людей в белых саванах, изображавших из себя птиц, которые трагическими голосами заунывным гекзаметром в стиле какого-нибудь Софокла или Аристиды, несли редкую ахинею насчет своих полетов. <http://evaevg.livejournal.com>.

Расширитель-экспрессив позволяет передать отношение автора текста к описываемому событию или реалии, как правило, пейоративную. Напр.,

Не меньше мерзости от простых пользователей Фейсбука, которые подливали масла в этот смрадный огонь. <http://mix14.livejournal.com>; Скажите, одному мне вот это вот кажется бредом сумасшедшей сивой кобылы? И если нет, не одному, то почему следствие и суд этого не заметили? <http://stomaster.livejournal.com>; Неважно, потому что британцы и тут преуспели, внесли свою неповторимую лепту и отлично продолжают жанр. <http://british-cinema.livejournal.com>.

И расширители-интенсификаторы, и расширители-экспрессивы позволяют увеличить оценочность, экспрессивность, эмоциональный «градус» контекста.

Следующий тип подобной модификации фразеологизмов связан с присоединением **расширителей-буквализаторов**, актуализирующих внутренний, первоначальный образ идиомы или образ одного из ее компонентов. Подобный прием трансформации вносит легкий оттенок двойной актуализации – обыгрывания буквального значения одного из компонентов фразеологической единицы с

⁵⁰ Необходимо отметить, что разделение интенсификации и экспрессивизации для ФЕ весьма условно, поскольку фразеологизмы, как прагматические образования, объединяют в своей функциональной нагруженности эти «элементы».

актуализацией фразеологического значения. Принципиально важным для нас представляется необходимость отметить следующее: подобные расширители могут основываться как на значении отдельного компонента фразеологизма (*Рыжая белка в колесе мозга? :)* <https://loiri.livejournal.com>), так и на первоначальном образе всей фразеологической единицы (напр., *Далее идет призыв: у вас есть возможность внести свою денежную лепту в восстановление храма!* <http://kickbase.livejournal.com>). Иногда вводимые в состав ФЕ компоненты способствуют созданию более яркого образа, внося значение буквализации, эксплицируя элементы образа, положенного в основу фразеологизма:

Со своим самоваром старой модели в Тулу, нечего добавить... Киви в курсе, что США не является преимущественно наличной экономикой, как Россия? <http://www.banki.ru>

Расширители-экспликаторы, в отличие от буквализаторов проясняют не первоначальный образ, положенный в основу фразеологической единицы, а само связанное, фразеологическое значение. Так, в следующих примерах расширители-экспликаторы усиливают семантику фразеологизма и как бы проясняют, актуализируют часть его значения, зачастую создавая плеонастический эффект. Напр.,

Для меня лично очень важно установить границы - должен быть свой угол, свой комп, свой банковский счет и пр. То есть должна сохраняться некая автономия, есть мои дела, и мои внутренние переживания, о которых вообще никому говорить не хочется. Так что я еще не люблю, когда настойчиво лезут в душу. <http://holy-vanilla.livejournal.com> (ср. значение ФЕ *лезть / залезать в душу* ‘настойчиво, навязчиво выведывать, узнавать чьи-л. мысли, чувства, переживания, замыслы’ [Мелерович, Мокиенко 2005]); *Сегодня сбылась моя заветная голубая мечта. В коллекции появилась "та самая чашка". Итальянская, ручной росписи, теплая, нежнейше блаkitная.* (ср. значение ФЕ *голубая мечта* ‘горячее заветное желание, часто невыполнимое’ [Мелерович, Мокиенко 2005]).

При помощи расширителя-конкретизатора легко можно уточнить различные атрибуты носителя признака, который обозначается посредством фразеологизма, предельно приближая значение ФЕ к условиям определенной речевой ситуации. Подобный тип расширения позволяет связать фразеологизм и контекст. Напр.,

Сеть отслеживает ключевые слова, одно из которых «грудинин» и даёт разрядку команде троллей мочить клиента в виртуальном сортире. <https://www.razumei.ru>

При помощи расширения компонентного состава в интернет-дискурсе уточняются и конкретизируются совершенно разные понятия, актуальные для данного сообщения или текста, например, соотнесенность с местом или временем:

Честно говоря, будет очень обидно, если немцы опять пойдут на поводу у Америки и будут плясать под Вашингтонскую дудку. <http://vepoqinfidal.livejournal.com>; *Меня искренне поражают комментарии на тему "Европа пляшет под американскую дудку в вопросах санкций..."* <http://orthodox.livejournal.com>; *Ну вот и первая ласточка 2013г. прилетела!* <http://www.banki.ru> и т.д.

Фразеологизмы, модифицированные данным приемом, являются легко узнаваемыми для носителей языка, так как поддерживают ярко выраженную связь с узуальной фразеологической единицей (что не противоречит и устойчивости как одному из признаков ФЕ). Подобный прием часто используется в тексте, так как «введение дополнительных компонентов способствует более гармоничному взаимодействию фразеологической единицы с непосредственным словесным окружением и увеличивает ее выразительные возможности, предельно приближая ее значение и образность к условиям данной речевой ситуации» [Шадрин 1991: 198].

2.2.2 Замена компонента ФЕ

Данный тип трансформации выделяется большинством исследователей фразеологии (Н.Ф. Алефиренко, В.П. Жуков, Н.Л. Шадрин, А.М. Мелерович, В. М. Мокиенко и др.) и понимается достаточно однозначно – как прием структурного обновления фразеологической единицы за счет замены узуального компонента идиомы или паремии окказиональным. Так, Н.М. Шанский рассматривает прием замены компонентного состава как прием стилистико-контекстуального преобразования в рамках обновления лексико-грамматической стороны фразеологического оборота при сохранении его семантики и основных черт структуры (*как за зеницу глаза*) [Шанский 1957]. В.П. Жуков и А.В. Жуков говорят о нормативных лексических вариантах, связанных с заменой одного компонента другим или другими (*взять (вбить) себе в голову (башку)*) [Жуков 2006]. Н.Ф. Алефиренко и Н.Н. Семенов различают нормативные лексические варианты (*рыть (копать) яму кому-либо*) и контекстуальную замену лексических компонентов (*всеми фибрами своего чемодана*) [Алефиренко, Семенов 2009].

С точки зрения **типологии заменяющего компонента** можно говорить о том, что замены⁵¹ можно условно разделить на 1) находящиеся с заменяемым словом в системных

⁵¹ Так, Н.Л. Шадрин отмечает то, что компонент фразеологизма может заменяться своим лексическим синонимом, антонимом, паронимом или словами и сочетаниями слов, не связанными с компонентами

отношениях и 2) не находящиеся с заменяемыми в системных отношениях. В рамках первой группы возможна замена компонентов синонимами и контекстуальными (ситуативными) синонимами, антонимами и под. Например,

*Я, не хотела этого всего публиковать, т.к. не люблю «выносить мусор из избы», но в нашем современном мире приходится отстаивать свою честь и достоинства через интернет и всевозможные социальные сети. <http://mvdiary.livejournal.com> (ср. уз. выносить сор из избы); Тиньков никогда **не придумывал велосипеда**, он просто брал продукт и оптимизировал его, делал его не таким как все, он спортсмен и любит быть первым в пиве, пельменях или банковских услугах. <http://generationp.livejournal.com> (ср.уз. изобретать велосипед); Но отменить пенсию у них **кишка слаба**. <http://gia.ru>; Вопрос другой: «а кто-то из наших современников» может стать лениным-сталиным?» Маловероятно - потому, что **кишка толста**. <http://a-buldakov.livejournal.com> (ср. уз. кишка тонка).*

Замена компонента словом или словосочетанием может происходить и не в рамках системных отношений между заместителем и заменяемым словом. Напр.,

*Уже три дня к ряду ищу текст книги Эрланда Лу "Наивно.Супер" на норвежском языке. Хер найдёшь. Везде аудиокниги. Даже тексты Гамсуна в оригинале не достанешь, зато **аудио книг - куры не клюют**. <http://oshurkin.livejournal.com> (ср. уз. денег куры не клюют) и т.д.*

Особое внимание хотелось бы обратить на популярную в интернет-дискурсе, характеризующуюся высокой экспрессивностью и свободой общения, **замену компонента узуального фразеологизма с целью эвфемизации**. Часто подобные трансформации протекают на основе синонимичных замен стилистически менее грубым словом, напр.,

*В итоге фазу замыкает на корпус, рабочих бьёт током, они отскакивают, матерясь и размахивая руками, кричат в гневе, что инженеру пора **натянуть глаз на анус**. <http://ruszaschita.livejournal.com> (ср. уз. натянуть глаз на жопу).*

Такие замены могут вызывать и эффект «псевдоэвфемизации», как происходит в следующем контексте, где груб.-прост. элемент *жопы* заменяется на не менее грубый арготизм *тухес*⁵², правда, значительно менее известный и реже употребляемый (за счет чего и создается мнимая эвфемизация):

никакими системно-лингвистическим отношениями [Шадрин 1991: 194], а Я.В. Динова выделяет синонимические, антонимические, тематические и гиперогипонимические замены [Динова 2011].

⁵² Тухас, -а, тухес, -а, м. Зад, задница [Елистратов 2002].

*Можно сколько угодно притягивать убийц Немцова за уши к "руке Кремля", пытаюсь **натянуть** **глаз на тухес**, однако нельзя просто взять и проигнорировать простой факт, на который вчера обратили внимание многие жыжысты. <http://ifc.livejournal.com>.*

С точки зрения **семантики самих заменяющих компонентов** внутри фразеологической трансформации можно говорить об их разнообразии. И.Ю. Третьякова предлагает классификацию окказиональных заместителей, аналогичную типологии расширяющих компонентов и выделяет заместители-конкретизаторы, заместители-экспликаторы, заместители-буквализаторы, заместители-интенсификаторы и заместители-экспрессивы [Третьякова 2011в: 30]. Так, одной из основных функций различных заменяющих компонентов в нашем материале является **конкретизация, уточнение значения фразеологизма**. Например, в следующем контексте компонент *волк* в узуальной ФЕ *волк в овечьей шкуре* заменяется окказиональным компонентом *волчица*, конкретизирующий гендерные различия с актуализацией добавочного значения 'особое женское коварство':

*То, что не смог за 150 лет патриархат, начиная с первого ареста суффражисток, – развенчать идею борьбы за права женщин, – смогли некие загадочные злодейки якобы феминистки. Причем скромными силами нескольких девушек и за один день. Интригует? Мне, например, стало дико любопытно, что же такое страшное совершили эти **волчицы в овечьих шкурах**, да еще в святой для всей передовой общественности день – день 8 марта, день солидарности женщин в борьбе за эмансипацию. <http://diana-lebedeva.livejournal.com>.*

Уточнение значения фразеологизма происходит и со следующей паремией с высокой степенью обобщенности значения *рыба ищет, где глубже, человек, где лучше*. Замена в данном случае происходит без существенного изменения значения, позволяя семантизировать значение фразеологизма применительно к определенной ситуации (о выборе банка на основании величины процента вклада):

***Рыба ищет где глубже, вкладчик где больше...** <http://www.banki.ru>.*

Еще один пример конкретизации при замене представлен в следующем контексте. В устойчивом выражении *спасибо в карман не положишь* со значением 'недостаточная благодарность, которая должна быть выражена чем-то материальным' происходит замена компонента *спасибо* на *уголовная ответственность*. Дискурсивно фразеологизм приобретает значение 'уголовной ответственности недостаточно', а его употребление в диалоге между интернет-пользователями наглядно показывает, каким образом устойчивые сочетания становятся коммуникативно востребованными:

Dilvl: Понимаю там, петицию, что бы руководство банка, доведшее его до такого состояния, привлечь к уголовной ответственности с конфискацией имущества, это же совсем другое дело!

И.З. Бывших: Dilvl, уголовную ответственность в карман не положишь. А конфисковать, думаю, уже нечего, все вне досягаемости, разве что мелочи: квартира, машина... www.banki.ru.

Следующий интернет-контекст содержит в себе два фразеологизма. В первом из них в узуальном фразеологизме *бросать на произвол судьбы* происходит замена компонента «судьба» аббревиатурой «ЕС», в данном случае выполняя функцию конкретизации, позволяющую более точно выразить авторскую интенцию. Во втором же случае замена в узуальном фразеологизме *расхлебывать кашу* со значением ‘распутывать неприятное дело’ на *расхлебывать помои* помогает повысить экспрессивность ФЕ, а компонент «помои» актуализирует само значение фразеологизма, то неприятное дело, с которым придется разбираться:

Как выжмем свои деньги с этого островка,, так его можно бросать на произвол ЕС. И кто бы что не говорил ... – это всё слова, Путину же приходится эти помои с Кипром расхлёбывать... <http://www.banki.ru>.

Субституция компонента в узуальной языковой единице может выполнять и **функцию экспрессивизации**. Так происходит в следующем контексте, где мы можем наблюдать замену в узуальном фразеологизме *расти как грибы после дождя* со значением ‘быстро и в больших количествах появляться’. Заменяющий компонент-гипоним «поганка» выполняет функцию экспрессивизатора и интенсификатора, позволяя выразить отношение говорящего к событиям, его оценку происходящего и выделить, интенсифицировать значение фразеологизма:

*У нас этих торговых центров уровня а-ля Москва, за последнее время **выросло, как поганок после дождя**. <http://www.banki.ru>.*

Заменяющий компонент может и «**буквализировать**» значение фразеологизма или одного из его элементов, часто создавая более яркий образ. Так, например, происходит в следующем случае, где в узуальную ФЕ *крутиться /вертеться как белка в колесе* вводится окказиональный глагольный компонент-буквализатор *метаться*:

*И вот он вроде бы на отдыхе, но **мечется как белка в колесе**. И никакого выхода не предвидится. Терпи, итальянский мужик, тебе уже 43 года — ты должен совладать с собой. <http://fembot2.livejournal.com>.*

С точки зрения структуры компонент-заместитель может быть как однословным (*Помнится, пять лет назад с такой же истории началось мое ПМЖ в Египте. Я тоже, будучи в сосиску никакой, мукнула в ответ на предложение сгонять в гости к Хеопсу и была зверски увезена столь же теплой компанией к фараонам на куличики.* <http://nenazi-64.livejournal.com>; ср. уз. к чёрту на куличики, у чёрта на куличиках), так и многословным. Например, широкую употребимость (с многословной заменой компонента) в различных коммуникативных ситуациях и темах демонстрирует фразеологический библеизм *легче верблюду пройти сквозь игольное ушко, чем [богатому войти в Царство Божие]* с «переменным» компонентом, в котором возможности варьирования заложены структурно. Ср.,

Она тоже была крута, всю жизнь была главбухом, из числа вредных, про которую говорили - легче верблюду пролезть в игольное ушко, чем сдать Ираиде Ивановне годовой отчет. <http://radulova.livejournal.com>; *Что мешает выехать "пряма щас"? В свете событий последних лет Россия превращается в страну-изгоя - и легче верблюду пройти через игольное ушко, чем русскому получить визу, разрешение на работу и вид на жительство в приличной стране.* <http://burckina-faso.livejournal.com>; *Легче верблюду пройти в угольное ушко, чем дураку доказывать что он не дурак. Не остальным доказывать что-то дураку, а самому дураку доказывать остальным, что дурак не он.* <http://abrod.livejournal.com>.

Будучи самым употребительным приемом контекстуального преобразования ФЕ [Шадрин 1991: 194], приеме замены компонента способен быстро адаптировать фразеологизм в тексте, способствуя его конкретизации, экспрессивизации, экспликации, что делает ФЕ дискурсивно востребованной в любой коммуникативной ситуации. При этом данный тип трансформации устойчивых выражений позволяет сохранить структуру и форму ФЕ, оставив ее легко узнаваемой для читателя.

2.2.3 Приемы сокращения компонентного состава ФЕ

Контекстуальное сокращение фразеологической единицы (**редукция, эллипсис ФЕ**) привлекало внимание многих ученых, занимавшихся проблемами фразеологической вариантности и окказиональности (А.М. Мелерович, В.М. Мокиенко, И.Ю. Третьякова, Н.Л. Шадрин, Н.Ф. Алефиренко, Н.Н. Семененко). Под фразеологическим эллипсисом или фразеологической редукцией мы понимаем опущение компонента фразеологизма. А.М. Мелерович, В.М. Мокиенко обращают внимание на то, что при эллипсисе фразеологизма его смысловое значение сохраняется,

но часто этот преобразовательный прием сопровождается уменьшением интенсивности экспрессивности и яркости фразеологической образности [Мелерович, Мокиенко 2005: 24]. По мнению Т.Н. Федуленковой, разнообразные синтаксические деформации фразеологических оборотов, например, такие, как эллипсис ФЕ, вскрывают словную природу их компонентов, доказывая тот факт, что редуцированные компоненты представляют собой значащее отсутствие, а не манифестацию их семантической избыточности [Федуленкова 2005а: 18]. Данное мнение противостоит позиции Н.Л. Шадрина, который считает, что возможность окказиональной редукции компонентного состава обусловлена свойственной фразеологизмам избыточностью семантической информации. [Шадрин 1991: 196 – 197].

Появление редуцированных ФЕ⁵³ в интернет-дискурсе является регулярным (и даже частым) и объясняется тем, что фразеологический эллипсис способствует созданию одной из важнейших черт сетевого дискурса – **разговорности** и связан с созданием **эффекта живой разговорной речи**, пусть и зафиксированной письменно (устно-письменная речь как важнейший атрибут сетевого пространства). Например,

Хорошо было с начало подумать, а потом делать. Теперь поздно – слово не воробей...www.banki.ru (ср.уз. слово не воробей, вылетит – не поймаешь); На данном этапе больше всего в жж мне нравится, что меня никто не читает. Мой "убиенный" журнал был слишком публичным. А этот-для себя, хотя я почти не пишу.Обжегшись на молоке.... http://kraken-01.livejournal.com (ср. уз. обжегся на молоке, дует и на воду); Хотя ладно. В чужой монастырь, как говорится... Живите, как хотите. http://lado-mira.livejournal.com (ср. уз. в чужой монастырь со своим уставом не ходят).

Подобные редуцированные фразеологические трансформы становятся частыми спутниками интернет-комментариев, представляющих собой максимально приближенный к устному высказыванию интернет-жанр.

Прием редукции компонентного состава часто связан с **эвфемизацией и самоцензурой**. Тем не менее, для реципиента совершенно ясен опущенный компонент (пусть даже эксплицитно не выраженный), его значение, а также интенции говорящего, использующего это фразеологизм в редуцированном виде. Например,

⁵³ По мнению Н. Л. Шадрина, в данном приеме возможно выделение трех основных типов редуцирования: а) опущение отдельных компонентов; б) употребление словосочетаний, представляющих собой начальный, срединный или конечный вариант фразеологизма; в) использование лишь отдельных образных компонентов [Шадрин 1991: 196].

Только у **нас всё как всегда через...** www.banki.ru (ср. уз. что-л. через задницу); Так прямо и заявил судьё Ширяевской: **«Не вижу смысла метать бисер»**. domozhiroff.livejournal.com (ср.уз. метать бисер перед свиньями); **Завтрак. Да, это мороженое. С шоколадом, печеньем и вареньем. Нет, не слипнется.** tanya-simonovva.livejournal.com (ср. уз. задница не слипнется?).

С приемом редукции компонентного состава ФЕ сближается **прием сегментации фразеологизма**, который основан на разделении языкового фразеологизма на сегменты (части), которые в речи получают статус самостоятельных единиц и функционируют, репрезентируя часть фразеологического значения [Третьякова 2011в: 18]⁵⁴. На наш взгляд то, что часто понимается под сегментацией фразеологизма, сближается с понятием отфразеологического символа [Мелерович 2004], отфразеологического слова [Блинова 2004], приема вычленения ключевого слова или компонента ФЕ [Мелерович, Мокиенко 2005], понятием дефразеологизации в понимании В.П. Жукова как процесса восстановления в отдельных компонентах фразеологизма их вторичных лексико-семантических свойств [Жуков, Жуков 2006: 244] и позицией В.М. Мокиенко, понимающего дефразеологизацию как совокупность разнообразных путей превращения фразеологизма в слово [цит. по: Там же: 247].

Частое использование сегментированных элементов ФЕ в виртуальной коммуникации можно объяснить как тенденцией **к демонстрации разговорности**, так и экономией языковых усилий и **стремлением к ускорению коммуникации**. Ср.,

Упорная работа белки в колесе. В этом случае человек готов работать день и ночь, но сам не знает чего он хочет. <http://health-scanner.livejournal.com> (ср. уз. крутиться как белка в колесе); *Договор с организациями тоже кстати теоретически любопытный объект для анализа. Навскидку там может быть несколько **граблей**, как в ту, так и в другую сторону.* www.banki.ru (ср. уз. наступать на одни и те же грабли); *Имхо, отрасль - **не иголка в стоге сена**.* <http://svetan-56.livejournal.com> (ср. уз. искать иголку в стоге сена); *Еще рано. **Это неубитый медведь**.* <http://lizardman-d.livejournal.com> (ср. уз. делить шкуру неубитого медведя); *Вторая **ложка дёгтя** - шрифты!* <http://squad.livejournal.com> (ср. уз. ложка дёгтя в бочке мёда); *А вот "**Софи**" - это что-то удивительное, **на мой аршин**; возможно, одна из лучших работ*

⁵⁴ И.Ю. Третьякова в своих работах разделяет понятия «сегментация фразеологизма» и «фразеологический эллипсис». Под фразеологическим эллипсисом она понимает такую трансформацию, главной процедурой которой является опущение компонента идиомы, а оставшиеся в тексте фразеологизмы репрезентируют весь фразеологизм, актуализируя деривационные связи с языковым фразеологизмом полного состава с возникающим при этом эффектом недосказанности (например, подлить масла в огонь – подлить масла, масла в огонь), а под фразеологической сегментацией – расщепление фразеологизма на компоненты и выбор затем в качестве функционирующего одного (в двух- и более компонентном составе) или двух (в трех- и более компонентном составе) (например, перейти Рубикон – Рубикон, принимать за чистую монету – чистая монета). Необходимым условием сегментации исследователь называет наличие специально организованного контекста с внешними актуализаторами, способными поддержать деривационную связь компонента с языковой фразеологической единицей и отсутствующими компонентами, при этом сегментированный компонент становится синтаксически доминирующим и меняет категориальный статус фразеологической единицы [Третьякова 2011в: 30-35].

в области итальянской эстрадно-оркестровой музыки с небольшим закосом в психоделию...://vatagarker.livejournal.com (ср. уз. *мерять на свой аршин*) и др.

Наш материал демонстрирует вычленение при сегментации только именных компонентов ФЕ, выраженных существительными, что можно объяснить их способностью «воссоздать наглядную картину (фрагмент картины) – образную основу фразеологической единицы» [Третьякова 2011г: 177].

2.2.4 Фразеологическая контаминация

Контаминация – это объединение в речевом потоке структурных элементов двух языковых единиц на базе их структурного тождества или функциональной и семантической близости [Языкознание 1998: 238]. В сфере фразеологии проблемы контаминации как приема преобразования идиомы рассматривались⁵⁵ А.М.Бабкиным, В.М. Мокиенко, А.М. Мелерович, И.Ю. Третьяковой и др. В данном исследовании мы понимаем фразеологическую контаминацию как «прием окказионального преобразования фразеологической единицы, при котором происходит совмещение двух или более языковых ФЕ, в результате которого образуется окказиональный фразеологизм» [Колобова 2011: 8].

Фразеологические единицы в сетевом дискурсе часто трансформируются при помощи контаминации, поскольку сам процесс контаминирования «соответствует языковому духу нашего времени – духу смешения стилей» [Вальтер, Мокиенко 2006: 13], а «подобное скрещение фразем придает им новую образную ауру, семантическое обновление и повышение экспрессивности» [Алефиренко, Семенов 2009: 217]. В целом, анализ нашего материала позволяют выделить две причины формирования фразеологических контаминантов: **разговорность и мгновенность интернет-коммуникации**, формирующая спонтанное, часто ошибочное смешение ФЕ, и **карнавальность, игровой характер общения**, способствующие сознательному

⁵⁵ Структурно-грамматический подход к рассмотрению явления контаминации фразеологических единиц предложен в работах И.Ю. Третьяковой и Е.А. Колобовой, выделивших структурные модели, по которым происходит объединение фразеологизмов. Выделяются либо три типа фразеологической контаминации (контаминация-перекрещивание, контаминация-наложение, контаминация-объединение) [Третьякова 2011в: 33], либо четыре типа: контаминация-перекрещивание (заваривать волынку = заваривать кашу + тянуть волынку), контаминация-распространение (по одежке протягивай ножки = протягивать ноги + встречать по одежке), контаминация-наложение (с открытой душой нараспашку = с открытой душой + душа нараспашку), контаминация-присоединение (валяться в ногах у мелкой сошки = валяться в ногах + мелкая сошка) [Колобова 2011: 8-13].

столкновению элементов различных устойчивых выражений в одной окказиональной конструкции.

В первом случае возникают зачастую неосознанные, спонтанные окказиональные ФЕ, отражающие мгновенность и разговорный характер сообщения⁵⁶. Напр.,

*Тогда причем тут стоимость ОСАГО и сумма страховых выплат если гаишники **стригут капусту** везде, где только можно и нельзя: эвакуация - доход, ДТП - доход, ДТП с участием пьяного водителя - очень большой доход! www.banki.ru.*

Использованный трансформированный фразеологизм *стричь капусту*, часто встречающийся и в разговорной речи, и в интернет-общении, состоит из двух узуальных фразеологизмов, объединенных на основании контаминации-перекрещивания: *стричь купоны* со значением 'присваивать средства и выгоды' и *рубить капусту* со значением 'зарабатывать много денег'. Данная контаминация протекает на основе относительной схожести семантики и выражает новый смысл, связанный со значением 'получать деньги, присваивая чужие'.

На основании схожей семантики возникает и следующий окказиональная ФЕ *кататься в шоколаде*, объединяющая две узуальных ФЕ *быть в шоколаде* со значением 'получать выгоду, находясь в изначально невыигрышной ситуации' и *кататься как сыр в масле* 'жить в довольстве, в полном достатке':

*Я бы им еще какое-нибудь наказание дала, помимо увольнения. У нас и так все военные **в шоколаде катаются**, отношение к ним, как к королям, уважение, а когда некоторые так себя ведут, напиваются, то это пятно на всей армии, нельзя позволять такого поведения никому из рядов вооруженных сил! <http://rudy-jaddey.livejournal.com>.*

Ср. также и другие подобные примеры:

*С середины 2014г. и по сей период рост цен и тарифы **нанесли серьезную брешь** в кармане рядовых граждан. banki.ru (уз. *нанести урон* 'стать причиной потеря, ущерб, убыль'+ уз. *пробить брешь* 'существенно подорвать что-л. '); **Задним числом, конечно, все умны**, но лично я бы задумался об уязвимости схемы еще в тот момент, когда ТКС придумал эту отправку договора по почте. banki.ru (уз. *задним умом крепок* 'не способен вовремя сообразить, принять нужное решение' + уз. *задним числом* 'позднее, спустя некоторое время после свершившегося').*

⁵⁶ О случаях системных фразеологических ошибок, возникших на основании контаминации, см. раздел Фразеологические трансформации vs «фразеологические девиации».

Ряд окказиональных ФЕ, образованных при помощи контаминации (обычно контаминации-присоединения), **сближается с таким явлением как фразеологическое насыщение контекста**⁵⁷ и часто не позволяет точно определить границы этих явлений. Например,

*ЕС и Кипр - жировали на эти деньги вкладчиков, теперь нужно будет им **затянуть пояса и перейти на хлеб и воду***. banki.ru (уз. *затянуть пояс [потуже]* + уз. *сесть на хлеб и воду*); А так согласен с некоторыми комментариями, если и дальше продолжать бездействовать и обдирать народ, то рано или поздно придётся уменьшать зарплаты чиновникам и прочим, а то и вообще **"сверкая пятками за бугор бежать"**, если конечно "за бугром" впускают. <http://ria.ru> (уз. *сверкать пятками* + уз. *бежать за бугор*⁵⁸).

Как и фразеологически насыщенный контекст, подобные контаминационные окказиональные образования значительно повышают экспрессивность интернет-текстов, помогая интенсифицировать релевантный для говорящего (вернее – пишущего) смысл.

Во втором случае происходит всегда сознательное использование контаминации, которое приводит к появлению «игровых» окказиональных устойчивых выражений, так наз. «антипословиц»⁵⁹, часть из которых возникает именно на основе приема контаминации. Как отмечают Х. Вальтер и В.М. Мокиенко, «одним из наиболее активных способов трансформации традиционных паремий является и своеобразный языковой «макаронизм», контаминация двух совершенно разных по смыслу, а нередко и структуре пословиц. Этот процесс преобразования паремий также в какой-то мере соответствует языковому духу нашего времени - духу смешения стилей» [Вальтер, Мокиенко 2005: 13]. Интернет-коммуникация со своей карнавальностью, языковой креативностью и свободой становится благодатной почвой для функционирования подобных выражений. Напр.,

*Нашел в квартире место, где можно с фонами фотать. Не люблю их, но **на безрыбье и рак на горе свистнет***. <http://lmerlokl.livejournal.com> (ср. уз. *на безрыбье и рак рыба* + уз. *когда рак на горе свистнет*); *Как говорится, **баба с возу, и волки сыты***. Фильм «Короткие встречи» это прежде всего фильм о женщинах. Но мне женская психология зачастую бывает непонятна, и сегодня говорить о ней мне недосуг. <http://kinogrushko.livejournal.com> (ср. уз. *баба с возу – кобыле легче* + уз. *и овцы целы, и волки сыты*); **Одна голова хорошо, а два сапога пара**. Друзья, на этот раз я решила написать о синергии.

⁵⁷ О фразеологическом насыщении контекста см. отдельный раздел данной главы.

⁵⁸ *Бежать за бугор*. Прост. Уезжать за границу (М.Д.)

⁵⁹ Антипословица как явление подробно описана в работе [Вальтер, Мокиенко 2005].

<http://elenaklimenko.livejournal.com> (ср. уз. *одна голова хорошо, а две – лучше* + уз. *два сапога пара*); Супружница возьми да пошути: *ты ж хотел на велосипеде покататься, вот и едь на нём на работу. И смотрит на меня насмешливо: мол, чотко я тебя приколола? А я покумекал-покумекал, да и поехал на велике. Хорошо смеётся тот, кто смеётся как лошадь!* <http://chonbuk.livejournal.com> (ср. уз. *хорошо смеётся тот, кто смеётся последним* + уз. *смеяться как лошадь*).

Как видно из приведенных примеров, подобные контаминированные выражения, нося искусственный характер и представляя собой «смешение ради смешения» [Там же: 13], часто являются самоцелью высказывания, реализуясь в людической функции или функции самопрезентации языковой личности⁶⁰.

2.2.5 Ролевая инверсия ФЕ

Ролевая инверсия как прием преобразования фразеологизмов выделяется не всеми исследователями контекстуального использования фразеологизмов. Учитывая активное использование данного приема в интернет-дискурсе, мы считаем необходимым рассмотреть и его. А.М. Мелерович и В.М. Мокиенко причисляют ролевую инверсию к окказиональным трансформациям и понимают под данной модификацией особый тип структурно-семантического преобразования ФЕ, основывающийся на взаимозамене компонентов, выражающих контрастивные элементы фразеологического значения и занимающих разные синтаксические позиции в структурной схеме ФЕ [Мелерович, Мокиенко 2005: 28-29]. Напр., *Не имей сто друзей, а имей сто ... рублей, долларов, а дальше сам выбирай валюту...* <http://radchenko-anna.livejournal.com> (ср. *не имей сто рублей, а имей сто друзей*).

Для формирования подобных конструкций, в которых значение становится противоположным, «детали образной картины или ситуации, в целом сохраняясь, своеобразно перегруппировываются, становятся на новые позиции по отношению друг к другу. Новая образная картина может стать нереальной, представляться абсурдной» [Третьякова 2009а: 171]. См., напр., *А на самом деле было вот как. Сижусь на лавочке. А я, уточню, не экзальтирована ни капли и в каждой ложке мёда найду бочку дёгтя.*

⁶⁰ Стоит отметить, что антипословицы становятся «смысловым центром» так наз. демотиватора, представляющего собой специфическое интернет-явление и состоящего из картинки и шуточного текста и вирально распространяемого в Сети. О роли ФЕ и антипословиц в формировании демотиваторов см. раздел *Людическая функция ФЕ* в главе 3.

Бывают же такие люди! <http://kakula-pera.livejournal.com> (ср. уз. *ложка дегтя в бочке меда*).

Изменение значения узуального фразеологизма происходит за счет «перегруппировки» внутри подобных трансформов контекстуальных антонимов (обычно метафорического характера, становящихся антонимами только в составе данного фразеологизма) (напр., *слон – муха, грязь – князь, волк – овца* и т.д.):

Из слона муху раздуваю)) <http://faber-fortunae.livejournal.com>; *Овицу в шкуре волка называют волком -- встречают по одежке, но, да, провожают не всегда по уму :)* <http://toni-14.livejournal.com>; *Ну и по устоявшейся традиции ложка меда в бочку дегтя: все знающие люди, руководители фондов связанных с полосатыми кошками и прочие им подобные, заявляют, что тигр хоть и был обколот транквилизаторами, но всё равно представлял немалую опасность для окружающих.* <http://kainapilon.livejournal.com>.

Часто для лучшего понимания фразеологических единиц, трансформированных по данной модели, необходима организация особой фразеологической конфигурации⁶¹, способствующей семантизации трансформированного фразеологизма в тексте. Как, напр., происходит в следующем примере, где окказиональный вариант ФЕ *овца в волчьей шкуре* (ср. уз. *волк в овечьей шкуре*) со значением ‘кто-л. слабый, незначительный, притворяющийся сильным’ семантизируется включенными во фразеологическую конфигурацию актуализаторами, эксплицирующими семы ‘сильный’ (*мужиковато выглядевший*) и ‘слабый’ (*с вялым мотором*):

В прошлый раз мы арендовали для чилийских разъездов овцу в волчьей шкуре - Nissan NP300 – мужиковато выглядевший заднеприводной пикап с вялым мотором... <http://Lucas-v-leyden.livejournal.com>

Ср. также следующий контекст, где узуальная ФЕ *с корабля на бал* со значением ‘неожиданно для себя попадать из обыденных обстоятельств в более торжественные или сугубо официальные’ меняется на окказиональную ФЕ с противоположным значением в том числе и благодаря дополнительной семантизации с включением в конфигурацию конкретизирующих компонентов:

Прямоком с бала на корабль, то есть с концерта на поезд. Вена, ты прекрасна! <http://owl-marry.livejournal.com>

⁶¹ Фразеологическая конфигурация представляет собой структурно-семантическое и стилистическое единство, образуемое фразеологической единицей и ее актуализатором. Фразеологическим актуализатором является слово, словосочетание, предложение или группа предложений, семантически связанные с употребляющимися в данных контекстах фразеологизмами [Мелерович, Мокиенко 2005: 32].

Иногда фразеологизм, измененный приемом ролевой инверсии, сочетается в одном контексте с узуальным фразеологизмом, в таком случае ролевая инверсия выглядит ярче и фактически создает новый авторский афоризм, как, например, происходит в следующих примерах. Ср.,

У людей способных на самоиронию самый тонкий юмор и самый искренний смех. Из мухи они сделают слона, а из слона - муху. И получится смешно. <http://angelikaoreshek.livejournal.com>;
Посвящается же притча всем тем, кто увидел в этой притче себя. Я, например, увидел. И подумал: лучше уж быть овцой в шкуре волка, чем волком в овечьей шкуре :-)) <http://stas-senkin.livejournal.com>;
Тут кроется какая-то тайночка, как немедленно отметил бы Буратино. Это путь из грязи в князи, а потом из князи в грязи. Туда и обратно. И это при таких-то рекомендациях! <http://serzigzagser.livejournal.com>.

Фразеологизмы, способные трансформироваться по данной модели, как мы видим, активно используются в преобразованном виде в интернет-коммуникации, часто нося системный, стабильный характер, что говорит о продуктивности и популярности приема ролевой инверсии ФЕ. Подобные окказиональные ФЕ содержат в себе ключевые аксиологические оппозиции «большое – маленькое», «хорошее – плохое», «слабое – сильное», «значительное – незначительное» и легко реализуют свою ярко выраженную оценочность в рамках интернет-дискурса, отличающегося экспрессивностью. Шутливый, игровой характер таких трансформов также соответствует людическому пространству виртуального общения.

2.2.6 Образование окказионального фразеологизма по узуальной модели

Продуктивным для интернет-дискурса оказывается и прием создания окказионального фразеологизма по модели узуального. По мнению А.М. Мелерович и В.М. Мокиенко, трансформированные фразеологизмы, оформленные в тексте данным приемом, образованы по структурно-семантическим моделям синонимичных ФЕ (*лису назначать заведующей курятником*) [Мелерович, Мокиенко 2005: 28], а И.Ю. Третьякова отмечает, что данная трансформация осуществляется по двум возможным моделям с образованием трансформированного фразеологизма по структурной аналогии и с образованием трансформированного фразеологизма по аналогии образной основы [Третьякова 2011в: 35].

Использование данного приема сопровождается созданием особой фразеологической конфигурации, позволяющей идентифицировать данное

окказиональное сочетание с определенным прототипическим фразеологизмом. Так, структурная аналогия позволяет понять полностью окказиональный фразеологизм и без дополнительной его семантизации. Например,

Да уж, что недопустимо для Греции, Португалии итп, то прекрасно для США... <http://www.banki.ru> (Ср. *Что позволено Юпитеру, не позволено быку*); *Мда, каков город - таков и размах...* <http://www.banki.ru>. (Ср. *Каков поп, таков и приход*); *Дарёному iPady в номер не смотрят...* www.banki.ru (Ср. *дареному коню в зубы не смотрят*) и т.д.

В данных примерах подобные трансформации позволяют не только конкретизировать авторскую мысль в контексте, но и создать более яркий, экспрессивный образ, оказывающий воздействие на читателя.

В случае необходимости семантизации созданного окказионального варианта в тексте во фразеологический контекст вводятся конструкции, способствующие лучшему пониманию авторской интенции, как, например, происходит в следующем интернет-комментарии, где использование контекстных актуализаторов «коррупция», «чистка» помогают соотносению окказионального варианта *ловить карасиков в иллюзиях* с прототипической моделью *ловить рыбу в мутной воде* со значением 'преследовать корыстные цели, извлекать выгоду':

Вначале проведите чистку нотариусов ...или коррупция - это слово для минфина конечно же ...меньше печатайте пухляк в виде денег....с вами мечтает познакомится уже большая часть населения страны ... а вы все в иллюзиях ловите карасиков. www.banki.ru.

Некоторые фразеологизмы демонстрируют очень высокую продуктивность данного трансформационного приема благодаря своим структурным особенностям. В интернет-дискурсе, отличающимся шутовым характером коммуникации, подобные возможности самого фразеологизма позволяют пользователям активно проявлять свои лингвокреативные способности. Ср., например, множественные окказиональные трансформации, созданные по модели узуального устойчивого выражения *на безрыбье и рак рыба*:

Ушлый Google предлагает другой вариант: 'cold duck' - ёри, смесь красного с шампанским. увы, в сети нет студийной записи, качество выкладываемой оставляет желать, но на безрыбье и ёри – птица. <http://partr.livejournal.com>; *Нашли чем хвастаться. На безрыбье и валенок корабль, да.* <http://madrador23.livejournal.com>; *Перечисленные модели далеко не полный список имеющихся в продаже. Мне просто надоело :).* *На "безрыбье" и 17штук - обзор.* <http://vostnod.livejournal.com>; *Конечно, на*

безрыбье и СМС карась. Не зря в мире повальное увлечение СМС российскими банками никто не подхватил. <http://www.banki.ru>; *А на безрыбье и евнух — мужчина.* <http://vitkvv2017.livejournal.com>.

Фразеологизм *волк в овечьей шкуре*, тоже демонстрирующий высокую продуктивность данного модификационного приема, также является легко узнаваемым для носителя языка и с точки зрения оформления, и с точки зрения содержания, поэтому легко подкрепляет в качестве прототипа окказиональные варианты. Особым фактором, позволяющим восстановить деривационные связи трансформированной ФЕ, является сохраняющийся во всех вариантах компонент *шкура*:

Не успело политсообщество после фарса прошлых думских и президентских выборов очухаться – так новые выборы на носу! <...> Хорош эколог, занимал неслабые государственные посты уже, а ничерта не сделал. <...> Но, народ сер, но мудр и чиновника в шкуре эколога – уж как-нибудь разглядит. <http://a-poli.livejournal.com>; *Я соглашусь на 100% с оицумимой тенденцией засилья чиновников в шкурах кого бы то ни было, директоров-медучреждений, эффективных менеджеров развития нанотехнологий...* <http://negazeta.livejournal.com>; *Посмотрел на одном дыхании все 7 сезонов «Декстера». Очень понравилась идея поместить серийного убийцу в шкуру судебного эксперта полиции.* <http://putadot.livejournal.com>

При подобных трансформациях окказиональные фразеологизмы, сохраняя структурную и семантическую связь с языковой фразеологической единицей, функционируют, как правило, основываясь на своем инвариантном, узуальном значении.

2.3 Семантические трансформации ФЕ⁶²

2.3.1 Двойная актуализация значения фразеологизма

В работах лингвистов, выделивших в своих классификациях вариантности семантический тип (А.М. Мелерович, В.М. Мокиенко, И.Ю. Третьякова, А.В. Кунин, Н.М. Шанский, Н.Л. Шадрин, А.Е. Болдырева), прием двойной актуализации фразеологической единицы понимается достаточно однозначно. Так, А.В. Кунин расценивает двойную актуализацию как прием, основанный на двойном восприятии: на обыгрывании значения ФЕ и буквального значения ее переменного прототипа⁶³ или на обыгрывании значения ФЕ и буквального значения одного, двух или трех ее

⁶² Под семантическими трансформациями понимаются такие преобразования фразеологической единицы, которые связаны с ее качественными и семантическими, а не количественно-структурными изменениями.

⁶³ Прототип фразеологизма - это мотивирующая база, с которой фразеологизм связан деривационными отношениями в синхронии или диахронии [Кунин 1996: 27].

компонентов [Кунин 1996: 27], а А.М. Мелерович и В.М. Мокиенко – как совмещение фразеологического значения оборота и его образной основы и/или внутренней формы [Мелерович, Мокиенко 2005: 20]. Н.М Шанский, не употребляя термина «двойная актуализация», говорит о контекстуальном «употреблении фразеологического оборота, одновременно понимаемого и как свободное сочетание слов, и как фразеологическое» [Шанский 1957: 139]⁶⁴.

В виртуальном пространстве прием двойной актуализации фразеологизма становится одним из самых популярных способов использования устойчивых выражений. Для создания эффекта двуплановости ФЕ⁶⁵ необходимо создание фразеологической конфигурации «с введением в контекстное окружение фразеологических актуализаторов двух видов: 1) слов, актуализирующих деривационные связи компонентов фразеологической единицы с прототипами-лексемами; при этом подбираются слова, способные обыграть элементы образной основы ФЕ: называющие конкретные свойства, качества, действия лиц, предметов – участников сценического действия, картин, фрагментов образной ситуации; 2) слов, актуализирующих фразеологически связанное значение компонентов ФЕ, то есть собственно фразеологическое значение сочетания слов (или предложения); при этом подбираются слова, эксплицирующие в контексте элементы значения фразеологизма или компонентов фразеологизма, символизирующих что-либо в метафорическом ключе» [Третьякова 2011: 36-37]⁶⁶.

⁶⁴ Данный преобразовательный прием порождает только окказиональные трансформации. Так как, по мнению Н.Н. Амосовой, фразеологизм как языковая единица обладает только связанным, фразеологическим, целостным значением, а в целостном значении двуплановости вообще нет. Она может лишь искусственно создаваться при обыгрывании лексических компонентов идиомы [Амосова 1963: 96]. Подобной точки зрения придерживается и Н.Л. Шадрин, который считает, что в языке семантическая двуплановость существует как потенция, способная реализовываться лишь в процессе речи [Шадрин 1991: 189].

⁶⁵ Что касается механизма возникновения эффекта двойной актуализации (в том числе юмористического), интересной представляется точка зрения А.Е. Болдыревой, которая, основываясь на фреймовой теории М.Минского, связывает возникновение эффекта двойной актуализации и часто сопутствующего ему юмористического эффекта с вводом в речь непредсказуемых элементов, активирующих в сознании адресата неожиданный фрейм. Причем может происходить и неожиданная смена неродственных фреймов, и неожиданная смена фреймов, имеющих общие терминалы, и неожиданное наложение фреймов, в результате чего в сознании адресата возникают различные ментальные оппозиции («логичное – нелогичное», «возможное – невозможное», «высокое – низкое» и т.п.) [Болдырева 2009: 168].

⁶⁶ При реализации приема двойной актуализации, «буквализоваться» может как один из компонентов фразеологической единицы, так и весь образ, положенный в основу идиомы. Этот факт отмечает Н.Л. Шадрин и выделяет два типа семантических преобразований: 1) преднамеренное обыгрывание прямого словарного значения отдельных компонентов; 2) противопоставление свободного и фразеологического значения всего словосочетания. Различия между этими двумя процессами являются принципиальными и с точки зрения структуры, и с точки зрения применения, поскольку реализация семантической

Так, в следующих контекстах фразеологизм *вертеться / крутиться как белка в колесе* сопровождается наличием в контекстном окружении двух типов актуализаторов, одни из которых «обыгрывают» элементы образной основы данной ФЕ (*мускулатура; мускулатура всего беличьего рода; мог только пиццать, а бежать дальше приходилось*), а вторые (*Пустой труд — позор; вёл совершенно пустую, лишённую смысла жизнь*) помогают реализовать в тексте фразеологически связанное значение данного идиоматического выражения ‘вынужденно, беспрестанно заниматься какими-л. хлопотными делами, изнурительной работой’ [Мелерович, Мокиенко 2005]:

И у белки в колесе тоже развивается мускулатура, но какое нам дело до ее мускулатуры и мускулатуры всего беличьего рода? Пустой труд — позор. <http://dolzhnik.livejournal.com>; *Понимаете, раньше я вёл совершенно пустую, лишённую смысла жизнь. Я читал любимые книги, часто виделся с друзьями и даже гулял! Понимаете, я был как белка в колесе, мог только пиццать, а бежать дальше приходилось.* <http://doctor-osen.livejournal.com>.

Игровой потенциал двойной актуализации становится **способом создания шуток и каламбуров, а также значительного увеличения экспрессивности текста.** Напр.,

Совет №3: Не тяни на антирелигиозную лекцию кого попало. Такие лекции пойдут впрок только если какой-то культурный "багаж" у слушателей уже есть. А бисер перед свиньями метать - только зря время терять. И бисер, бгг) <http://sov0k.livejournal.com>; *Недавно познакомилась она с водителем камаза. Рукастый, дом сам построил, любитель охоты, рыбалки, шашлыков. Даже высшего образования нет. Напористый, сразу взял быка за рога (корову за вымя). В общем – мужыгыгыгык!* <http://sonikrom.livejournal.com>.

Двойная актуализация и элементы возникшей благодаря ей фразеологической конфигурации могут выступать мощным инструментом **не только экспрессивизации интернет-текста, но и текстовой когезии**, как в следующем примере, где «буквализированный» элемент *Куличики* фразеологической единицы *поехать/отправиться к чёрту на куличики*⁶⁷ выступает связующим звеном в построении шутливого нарратива блога:

Пишу техподдержке:

двуплановости всего сочетания слов осуществима лишь при условии, что у фразеологизма имеется переменный прототип, а для актуализации лексического значения отдельных компонентов это условие не обязательно, и данный прием может употребляться по отношению к любой единице, у которой хотя бы один компонент остается (в синхроническом плане) элементом лексической системы языка» [Шадрин 1991: 181-182].

⁶⁷ *К чёрту на куличики поехать, отправиться; попасть* и т. п. Очень далеко; неизвестно куда [Телия 2006].

- Ребята, уезжаю к **черту на куличики**. Что надо подключить, чтобы **на Куличиках** в роуминге не разориться? Запутался в тарифах и услугах, посоветуйте, плиз.

- Рекомендуем подключить дополнительную опцию "Не парься в роуминге", - отвечают. - После подключения Вы будете пользоваться услугами связи по привычным домашним ценам.

Поблагодарил, долетел **до Куличиков**, включил телефон, зачекинился, посмотрел почту и получил смс: "Баланс пуст". Добрался до отельного вайфая, пишу оператору, мол, где же мои денежки? А он отвечает:

- По данным системы на Вашем номере происходили списания за выходы в интернет в роуминге на сумму стоицот рэ. Согласно условиям пакета "Не парься в роуминге", он не действует при нахождении на территории **Куличиков**, где стоимость микробайта составляет офиглиард рублей.

- Как же так? Я же сразу написал, что **еду на Куличики**, вот скриншот!

В следующем письме оператор извиняется за своего специалиста и закидывает на счет круглую сумму, больше чем в 2 раза превышающую списанные деньги. <http://busubtma.livejournal.com>.

Часто при двойной актуализации ФЕ фразеологическая конфигурация становится полноценным текстом, а устойчивое выражение в таких случаях становится источником и семантическим центром порождения высказывания. Подобные случаи, как правило, протекают благодаря осознанию говорящим образной основы фразеологизма и его значения. Напр.,

*Поэтому и является абсолютной утопией принцип «каждый труд должен быть оплачен». Звучит красиво, а примените-ка на практике! Сядет человек **толочь воду в ступе**: час толчёт, и вы ему уже должны рубль, два толчёт – и вы задолжали ему уже два рубля. Работа очевидна: мускулы напряжены, пот градом льётся, любой прибор зафиксирует физическую работу (движение, перемещение). Но общество, которое станет каждому **толкарю воды в ступе** платить почасовую, обанкротится. <http://ss69100.livejournal.com>.*

С функциональной точки зрения фразеологические актуализаторы, входящие в состав фразеологических конфигураций исследуемого материала, как правило, выполняют две функции: функцию семантизации и стилистическую функцию. Если слова, актуализирующие собственно фразеологическое значение, способствуют более полному пониманию авторского замысла, связывают фразеологизм с контекстом, то актуализаторы, обыгрывающие буквальное значение фразеологизма или его компонентов, создают яркий и насыщенный образ, увеличивают экспрессивность высказывания, добавляют иронию в контекст, создавая более «живую» картину происходящего. Напр.,

*Итак, сегодня всем выпускникам Нижегородской области **подложили свинью**, розовенькую и хрюкающую. Свинью в виде злополучного "третьего" комплекта сочинений. Никто не читал "Войну и*

мир", но все писали по ней сочинение. У меня прямо на экзамене из пальца потекла кровь - до такой степени его стёрла. Шаргалками не пользовалась. Поэтому вышла чушь. <http://elen-tony.livejournal.com>

Частое и регулярное использование данного приема в интернет-коммуникации говорит о его значительной дискурсивной востребованности, объясняемой, на наш взгляд, его ролью в создании таких черт сетевого пространства, как **карнавальность и креативность**.

2.3.2 Буквализация значения фразеологизма

Буквализация значения фразеологизма является приемом, в основе которого лежит тот же процесс, что и в основе двойной актуализации, обыгрывание буквального и переносного значения сочетания слов. Дифференцирующим признаком данного приема контекстуального преобразования ФЕ служит то, что при двойной актуализации доминирует фразеологическое значение, а при буквализации – буквальное. Исследователи, выделяющие данный прием (А.М. Мелерович, В.М. Мокиенко, Н.Ф. Алефиренко, Н.Н. Семенов, И.Ю. Третьякова), единодушны в понимании его сути. Так, И.Ю. Третьякова говорит о том, что основной процедурой является организация такой фразеологической конфигурации, где при введении в контекст актуализирующих элементов происходит доминирование буквального значения [Третьякова 2011: 37], а А. М. Мелерович и В. М. Мокиенко указывают на то, что при буквализации значения исходное, прямое значение сочетания, представляющее собой образную основу ФЕ, не только актуализируется и выступает на первый план, но и часто противопоставляется фразеологическому значению оборота [Мелерович, Мокиенко 2005: 20]. Н.М. Шанский, говоря о контекстуальном преобразовании фразеологизмов, не использует данный термин, но говорит о функционировании «фразеологического оборота в качестве свободного сочетания слов» [Шанский 1957: 139]. Н.Ф. Алефиренко связывает данный тип преобразования фразеологической единицы с разрушением известного всем обобщенно-личного значения фразеологической единицы, утратой им метафорического значения, благодаря внешней омонимии фразем и свободных сочетаний слов [Алефиренко, Семенов 2009: 217]. Различия между двойной актуализацией и буквализацией легко можно увидеть при сравнении предшествующего примера, где доминирует фразеологическое значение ФЕ *подложить свинью*, и следующего контекста, где буквальное значение выступает на первый план:

Соседям подложили свинью. 120-килограммовую... На востоке Москвы квартиранты сбежали, бросив на произвол судьбы огромную хрюшку. Кому-то к дверям котят слепых подбрасывают. А жильцам дома номер 14 по улице Чечулина в буквальном смысле подложили свинью. Мохнатую и здоровенную! Народ с работы возвращаться, а в подъезде — она. Лежит у лестницы и грустно кряхтит...
<http://nikolaeva.livejournal.com>.

Зачастую для выделения «буквального» плана фразеологизма используются маркеры метаязыковой рефлексии (что называется, так сказать и др.), часто используемые в разговорной речи и подчеркивающие разговорный характер интернет-коммуникации:

А я с дамой наблюдали за этим с безопасного расстояния. Этот эпизод очень долго не могли снять, потому что дважды начинался дождь, и съемочная группа, включая актеров и массовку, ждали, что называется, у моря погоды. Актеры травили байки, рассказывали забавные истории, которые происходили с ними в театре или на съемках. <http://alexbor69.livejournal.com>.

Основной задачей приема буквализации в сетевом дискурсе является создание шуточных, иронических текстов. Напр.,

"Если вы просто идете в магазин и покупаете телефон вместо того чтобы изучить новые для вас науки - электронику, физику, схемотехнику, кибернетику - и спаять телефон самому - вы слабоумный". <...> А можно круче - вы слабоумный, если не можете самостоятельно собрать телефон _лучше_, чем массовая продукция китайских фабрик. С другой стороны, никто не будет спорить что слабоумный - это как раз тот кто начнет с нуля изобретать велосипед, телефон, уют и скороварку - вместо того чтобы просто взять готовое. Судьи-то кто? <http://mi3ch.livejournal.com> (ср. уз. изобретать велосипед); *Провести научный семинар в трапезной действующего монастыря идея нетривиальная, а нам, так сразу подошло. Пока перед глазами лектор перечисляет 25 мест Иоанна Крестителя на родном глобусе, за спиной братие печёт новых тортиков к ближайшему кофебрейку. И анализ калорийности меню святого (акриды в диком меду) пошёл много живее под ароматы макарон по рецептам 16-го века, которыми отец-настоятель пообещал сразу после лекции накормить все пять тысяч семинарствующих.* <http://sinli.livejournal.com> (ср. уз. питаться акридами и [диким] мёдом).

2.3.3 Экспликация ФЕ. Народно-этимологическое переосмысление ФЕ

Продуктивным для интернет-дискурса становится прием, получивший название экспликации внутренней формы фразеологической единицы, под которым понимается «раскрытие в контексте исходного образного представления, ситуации, явившихся базой фразеобразования. При этом фразеологическое значение, его индивидуальное употребление сопоставляется с мотивирующей его, «порождающей» ситуацией. Таким

образом прослеживается, выявляется процесс переноса значения, охватывающий определенную композиционную часть текста» [Мелерович, Мокиенко 2005: 22].

Сетевое пространство дает плодородную почву для реализации приема экспликации ФЕ, поскольку некоторые интернет-жанры (блог, форум, чат, интернет-комментарий) структурно рождаются из обсуждения или «раскрытия» определенной темы, часто представленной устойчивым выражением (например, в виде заголовка в блоге, раскрываемого автором текста, и в виде «треда»⁶⁸ дискуссии, состоящего из комментирования ФЕ). Ср., напр., следующий контекст⁶⁹, представляющий собой обсуждение проблемы коррупции, которое выстраивается на основе экспликации образа выражения *Рыба гниет с головы*. При экспликации устойчивого выражения актуализируются элементы его образной основы, становясь «тканью» текста и порождая дальнейшее обсуждение:

«Nikodim (Ours) 19.04.2013 11:50 # :

*...бытовая коррупция не принимает политических решений и не определяет направленность больших экономических проектов и жизнь страны. Кроме того, "бытовая" живет в тени "властной" коррупции. **Рыба гниет с головы.***

rodros 16.06.2013 14:56 # :

*Миф ... **Первое, что портится в рыбе - кишечник и прочее содержание брюха. И в государстве во всем винить правительство несправедливо.***

Bald 16.06.2013 15:33 # :

*rodros, **Да и живая рыба не гниет***

Алексей Паков (Митрандил) 16.06.2013 15:36

*# rodros пишет: **Первое, что портится в рыбе - кишечник и прочее содержание брюха.***

*Ну да, чиновничество то есть. Все остальные **органы работают на брюхо - прекрасное сравнение получилось для России! Брюхо раздулось до такой степени, что весь организм из сил выбивается, чтобы его потребности удовлетворять...** www.banki.ru*

С приемом экспликации образной основы ФЕ сближается механизм **народно-этимологического переосмысления**, такого приема контекстуального использования устойчивого выражения, который «заключается в сведении непонятной единицы языка к понятной, в стремлении осмыслить новые знаки языка через сопоставление их с внешне сходными, известными» [Там же: 21]. Как и при экспликации, фразеологизм в данном случае получает дальнейшее текстовое развертывание, как это происходит в следующем примере, представляющем собой метаязыковую рефлексивную виртуальную языковую личности по поводу обоснованности-необоснованности существования

⁶⁸ Тред - иерархически организованная последовательность ответов на сообщение в интернет-коммуникации, «ветвь» дискуссии (М.Д.)

⁶⁹ К сожалению, из-за лимита места мы не можем приводить большое количество подобных примеров, часто представляющих собой многостраничные обсуждения. Подробнее о тексто- и жанрообразующей функции ФЕ см. раздел *Текстообразующая и жанрообразующая функции* в главе 3.

«фразеологической девиации»⁷⁰ **скрипя сердцем** и узуального фразеологизма **скрепя сердце**⁷¹:

Про сказанное и написанное.

Пишут люди разные штуки, как будто ошибочные. Например, "скрипя сердцем", или "скрепя сердцем", а якобы правильно писать "скрепя сердце". Но вот на самом-то деле все эти выражения не лишены смысла, напротив, смысл их глубок и говорят они о важном. Человек же вроде как ошибся, опуску совершил или вроде как не очень грамотный, но... не все так просто.

Вот это правильное выражение о чем? о том, что ты сердце скрепляешь, ты его обуздываешь, ты его замуровываешь или там садишь на цепь, как собаку, в крайнем случае, берешь на поводок. А когда собаку сажают на привязь? Если надо дом защитить (довольно глупое занятие, как привязанная собака его защитит?), если надо собаку защитить (идеешь по людной улице, чтоб не побежала, не попала под машину, не потерялась...), или от собаки защитить кого-то (может, типа, куснуть кого-нибудь, такое тоже бывает, хотя тут все равно больше печешься о собаке, чем о ком-то там). Вот и с сердцем такая же фишка происходит, укрепляешь его, сдерживаешь, делаешь то, против чего оно восстает, а ты, такой умный, блин, думаешь, что "надо".

А вот "скрепя сердцем" совсем уже другое, ты сердцем скрепляешь что-то, как печатью, как связью, как скрепкой. Твое сердце тут становится залогом, гарантом, оно болит и рвется, когда скрепленные части норовят разехаться. Сердце стоит на страже и может даже погибнуть. Очень осторожно нужно им скреплять, только самое важное, если сердце само так решило, что готово погибнуть, но вот это вот будет удерживать до последнего. Ошибаясь же, все равно прикладываешься подобным образом и ставишь сердце свое под удар, ибо написанное пером....

Или вот "скрипя сердцем". Сразу видится что-то заржавевшее, скрипящее, требующее смазки и ремонта. Сердце ведь емкость, вместительное, помещение в какой-то мере. а уж что поместить в него - от тебя зависит, ну и от него, от сердца, конечно, в первую очередь. Иной раз и не хотел бы кого-то пустить, но поздняк метаться, оно уже открыло дверцу, пустило, чаем угощает, кофе варит в джезвочке, подкладывает корлицу и кардамон, и цветочки базилика лимонного, аромат такой, что вовек тот гость нее уйдет. А дверца эта сердечная всегда виделась впереди, на груди. Распахнешь ее, направишь луч света и все там меняется. Например, орут люди друг на друга, посветишь им, они и замолчат, а там и лица станут добрые, нормальные. Я когда научилась этому, стала применять постоянно и доприменялась до такого сердечного приступа, что теперь 100 раз отмерю, прежде чем отрезать. Да и нельзя куда ни попадя светить. Оно как вышло, жили мы в месте, пропитанном мертвыми энергиями, и сердце ныло, когда я уходила на работу, оставляя там собаку. Собака смотрела на меня с подоконника с такой тоской... а я скрепляла сердце и ила.... Но потом дверцу распахивала и светила туда все время, пока меня не было дома, чтоб отпугнуть, не подпустить зло к дорогому существу, беззащитному перед ним. Месяца два так делала, а потом свалилась. Почувствовала тогда, что перерасходовала эту энергию, более того, нехорошо ее было туда лить. Что-то надо было другое придумать. А вот недавно я поняла, что у сердца есть еще и задняя дверца. Она ощущается где-то в районе позвоночника, между крыл, лопаток, болит в последнее время ужасно, открывается во сне, а потом никак не закроется до конца. Она заржавела и скрипит. Закрывать ее я бы ни за что не согласилась, жить без снов, без прогулок по иным реальностям, оставишь наглухо только в этом мире, было бы чертучур жестоко. Но и оставлять приоткрытой, перекосившейся тоже не дело. И, главное, я же отлично знаю, что лучшая смазка для нее, а от чего ржавеет, но никак не могу настроиться на ремонт.
<http://tuse4kakorzueva.livejournal.com>

⁷⁰ О фразеологических девиациях в интернет-дискурсе см. раздел *Фразеологические трансформации vs «фразеологические девиации»*.

⁷¹ *Скрепя сердце*. Разг. Против воли, против своих убеждений [Мокиенко, Никитина 2007].

2.3.4 Нарушение дистрибуции ФЕ

Вопрос о применимости понятия «дистрибуция» к фразеологизму и содержанию самого понятия «фразеологическая дистрибуция» обсуждался, напр., в следующих работах: [Мороховский 1961], [Кунин 1975], [Шадрин 1991, 2009]. В нашем исследовании мы будем пользоваться данным термином в понимании Н.Л. Шадрина, обосновывающего возможность применения данного термина, возникшего в фонологии, к фразеологизмам, предлагая рассматривать его шире, чем просто сочетаемость. *Дистрибуция фразеологической единицы* – это совокупность всех контекстов, в которых регулярно встречается данная единица. Таким образом, в сфере фразеологии понятие дистрибуции носит нормативный характер, поэтому *«употребление фразеологизма в несвойственном контексте (семантическом, ситуационном, стилистическом) следует квалифицировать как нарушение дистрибутивной нормы»* [Шадрин 1991: 155-156]⁷².

Нарушением стилистической дистрибуции является помещение фразеологизма в несвойственную ему стилистическую среду, вследствие чего возникает своеобразный стилистический диссонанс, усиливающий выразительность этого фразеологизма и эстетическое воздействие всей фразеологической конфигурации [Там же: 163]. Особо ярко этот прием выглядит в интернет-пространстве, отличающемся общей «сниженностью» и повсеместным использованием жаргонизмов и прочих субстандарных элементов. Обычно для создания такого эффекта в подобные стилистически сниженные интернет-контексты помещается фразеология «высокого стиля», как правило, библейского или античного происхождения, маркирующаяся в словарях пометами «книжное», «высокое», «устаревшее».

Столкновение стихий высокого и низкого в таких случаях создает более яркий текст (с элементами иронии, оценки и т.д.) и заставляет «обновить» экспрессивность используемой ФЕ. Например,

Да просто агницы божие! Меня вообще забавляют срачи, где начинается морализирование в политике. <http://bmpd.livejournal.com>; *Совсем недавно Шалтай - Болтай выложил в сеть личную переписку мадам Арбидол, весьма занятное чтиво, рекомендую всем. Выходит так, что мадам Васильева, по сравнению с Голиковой, просто агнец божий, невинное дитя.* <http://alex-shulenin.livejournal.com>;

⁷² В целом можно сказать, что, несмотря на разные терминологические обозначения, с данным типом трансформации так или иначе сталкивается большинство исследователей прагматики фразеологизмов, и, несмотря на использование различных терминов, ученые имеют в виду одинаковые языковые явления. Так, А. М. Мелерович и В. М. Мокиенко в работе «Фразеологизмы в русской речи» говорят о таких типах преобразований как изменение и расширение лексико-семантической сочетаемости ФЕ, окказиональном преобразовании, связанном с коренным переосмыслением ФЕ языка или приобретением ФЕ дополнительного семантического оттенка [Мелерович, Мокиенко 2005], что соответствует нарушению предметно-логической и семантической дистрибуций ФЕ.

Сдаётся мне, в сервисе "похожих" бета-Кинопоиск пытается угадать "ценимых", а IMDb, наоборот, в сервисе "ценимых" показывает "похожих". Неутешительное резюме: мир **юдоль скорби**, исхода нет, всё плохо. Жажну очередную мороженку, больше ничто не поможет. Ну, можно ещё Рутрекер листать. <http://adzhaya.livejournal.com>

Стилистический диссонанс может вызвать и слишком насыщенное неологизмами окружение устаревшего или книжного фразеологизма, напр.,

Снэп-чат. История в инстаграмме, контакте, фейсбуке и прочие снэп-чаты это и есть бочка Данаид. <http://abaunov.livejournal.com>; *Кто-то притворяется в интернете добрячком, но бьёт ногами котят; кто-то строит из себя крутого мачо, а в жизни лишь прыщавый подросток для которого жизнь — это боль.<...> А кто-то просто махровый тролль и ищет забвение в **пирровых победах** над самим собой.* <http://svinsent.livejournal.com>.

Нарушение предметно-логической дистрибуции заключается в приложении фразеологизма к необычному для него объекту, в «переадресовке» его предметной отнесенности [Там же: 167]. Наш материал демонстрирует высокую продуктивность данного приема и большое количество примеров нарушения предметно-логической дистрибуции, при котором происходит употребление выражений, денотативно отнесенных к людям, в отношении неодушевленных предметов и абстрактных понятий. Для нас принципиальным представляется отметить то, что в данном случае происходит именно «переадресовка» фразеологизма без изменения его значения. Обычно эта «переадресовка» происходит в отношении актуальных, «злободневных» событий, предметов и явлений (обычно сфер политики, экономики). Напр.,

*Но согласитесь эти новости США – **белая ворона**⁷³ среди стаи черных.* <http://theodore-nash.livejournal.com>; *Везде в детских учреждениях есть виши. Никто не замораживается по поводу. Выходит, опять Россия **белая ворона**, считая, что виши - это некомильфо?* <http://debbiwf.livejournal.com>; *Турция для ЕС прекрасный **козёл отпущения**⁷⁴.* <http://garnet-maddam.livejournal.com>; *Естественно, в качестве **козла-отпущения** решено было использовать Россию.* <http://keydn-jashbee.livejournal.com>; *Аргумент "ну че ты джиперские машины двигаешь тут, это узкая аудитория" не канает: возможность по превращению в проходимца, это просто бонус, свидетельствующий о качестве агрегатов, о запасе прочности казалось бы обычной городской машины. Эскуда например, это не отнюдь не одни лишь монстры для грязей, она не для этого проектировалась, наверняка. Посмотрели, подумали, прикинули, проверили - оказалась таким **"волком в овечьей шкуре"**⁷⁵." <http://dervishv.livejournal.com>; *Ну у вас прям США - **ангел во плоти**⁷⁶ какой-то.* <http://polit-rack.livejournal.com>.*

⁷³ *Белая ворона.* Разг. Редкий, необычный по своим качествам человек, резко выделяющийся среди других людей [Мокиенко, Никитина 2007].

⁷⁴ *Козёл отпущения.* Человек, на которого перекалдывают, возлагают чужую вину, ответственность за чужие провинности [Мелерович, Мокиенко 2005].

⁷⁵ *Волк в овечьей шкуре.* Разг. Неодобр. О лицемере, прячущем под маской добродетели свои злые намерения [Мокиенко, Никитина 2007].

⁷⁶ *Ангел во плоти.* 1. Книжн. Кроткий, чуткий, непорочный человек. 2. Разг. Ирон. Человек, маскирующий свои отрицательные качества [Мокиенко, Никитина 2007].

Под нарушением семантической дистрибуции понимается такое «употребление фразеологизма, при котором он помещается в контекст, придающий ему индивидуальное, не закреплённое языковым узусом значение» [Там же: 158]. В интернет-дискурсе некоторые ФЕ переосмысливаются в рамках контекста, приобретая дополнительный семантический оттенок или получая новый смысл. В следующем контексте ФЕ *стреляный воробей* под влиянием автора приобретает окказиональное значение ‘духовно развитые люди’ вместо узуального ‘опытный, бывалый человек, которого трудно обмануть или перехитрить’ [Мокиенко, Никитина 2007], при этом ФЕ может семантизироваться в тексте и получать другие атрибуты, указывающие на авторское толкование устойчивого выражения (в данном случае - кавычки):

Почти как на прошлой неделе первая половина этой недели с понедельника по среду отличается на редкость напряжённой, неформатной, угловатой небесной погодой, на фоне которой преуспевают лишь «стреляные воробьи» — духовно продвинутые люди, у которых вся карта состоит из проработанных внутренних конфликтов. <http://svetan-56.livejournal.com>

В следующем примере ФЕ *аредовы веки* с узуальным значением ‘очень долго, долгое время, века (быть, стоять, жить)’» [Федоров 2008] под воздействием ряда трансформационных приемов преобразуется в окказиональный фразеологизм *аредова куча* со значением ‘очень много’:

*Я, кстати, решила больше не френдить всех подряд, кто со мной заговорит. Что-то эта тактика стала приносить мне **аредову кучу сомнительных "друзей"**, которые заговорят пару раз, потом пропадают на месяцы - и хрен их знает, может, они только и хотят, что расфрендиться. Убоявшись, бездны премудрости. Не будем отказывать им в шансе вовремя сбежать.* <http://inesacipa.livejournal.com>

Продуктивность приема нарушения дистрибуции ФЕ можно объяснить тем, что он отвечает требованиям и законам языка. Причины возникновения подобных трансформаций обусловлены не только авторскими интенциями, но и объективными языковыми факторами. Так, если нарушение стилистической дистрибуции можно связать с авторским намерением помещения фразеологизма одного стиля в контекст иного стилистического регистра для создания иронического эффекта или эффекта экспрессивизации, то нарушение семантической и предметно-логической дистрибуции связано с законом экономии, который позволяет не создавать новый фразеологизм, а «переадресовать» уже имеющееся устойчивое выражение к другому объекту или использовать его с окказиональным приращением смысла.

2.4 Фразеологическое варьирование иных типов

2.4.1 Графические трансформации ФЕ

В данном разделе нам хотелось бы отметить новый тип фразеологических трансформаций, порожденный в том числе использованием идиоматических выражений в интернет-дискусе⁷⁷. Речь идет о графическом преобразовании фраземы, связанном либо с **включением средств, компенсирующих на письме недостаток «устности» (интонация, громкость, эмоции и т.д.), либо с другим малоисследованным явлением – зачеркиванием.** В целом «игры» с графикой становятся ярким признаком современных медийных пространств, что отражается и в лингвистических исследованиях, затрагивающих проблемы графической языковой игры и ее роли в современных текстах, см., напр., [Амири 2007, 2013], [Григорьева 2003], [Попова 2007], [Санников 2002]. Безусловно, свободное, креативное обращение с графикой в целом характерно и для интернет-коммуникации.

Так, появление **смайликов (эмотиконов)** и их роль как полноценных компонентов интернет-коммуникации и как средств компенсации недостатков письменной речи при передаче устной уже описаны в литературе, см., напр., [Гусейнов 2005, 2008], [Кронгауз 2013]. В интернет-коммуникации они часто используются в сочетании с фразеологизмами. Например,

*Да скорее всего хозяева сейчас ударно трудятся над структурой активов: сливают остатки денег с трупа банка, списывают имущество, реализовывают портфель, тянут время, обещают... в общем вкалывают **не покладая рук**, устают невероятно. 🙄 www.banki.ru*

Так, в вышеприведенном контексте случае смайлик фактически заменяет нам словарную помету *ирон.*, помогая эксплицитно отразить иронию автора или его шутливый настрой. Использование смайлика иногда позволяет актуализировать значение ФЕ, стать визуальным, а не текстовым актуализатором, фактически создавая креолизованный текст. Напр.,

*У нас, как утром Набиуллина **проснулась не с той ноги**, так всех кто **под руку попадет**... 🎸*
 www.banki.ru

⁷⁷ Графические трансформации ФЕ активно используются и в рекламном дискурсе.

Наряду с эмоджиконами во фразеологическую конфигурацию могут вводить **различные параграфемные средства**⁷⁸. Некоторые из них создают эффект смайлика, напр.,

Ида... неисповедимы пути людских отношений :-) <http://morena-morana.livejournal.com>

Особую роль параграфемные средства играют в создании эвфемизации, заменяя букву или часть жаргонизма, грубого или просторечного слова, входящего в состав ФЕ. Ср.,

А на вакантное место подобрали более «профессиональную» кандидатуру кого-то из родственников главарей «Кольчуги», ведь с работой в «дыре» полная ж@па⁷⁹?! <http://pashikzt.livejournal.com>; *Да, если вы думаете, что Иваново - ж..на мира⁸⁰, то глубоко ошибаетесь.* <http://kamajuki.livejournal.com>; *Так что, сейчас посмотрим ещё какое-то время, убедимся окончательно, что впереди наш туризм ждет полная ж...па, и будем закрываться.* <http://japan-walks.livejournal.com>; *Воистину, жениться лучше на молодых, нежных и глупеньких. А не на таких занозах в з@днице⁸¹, как она, и увы, как я.* <http://nattyshaffner.livejournal.com>

Особую роль в интернет-коммуникации приобретают и новый графический прием **зачеркивания**, получивший в научной литературе название **литуратива**, представляющего собой образец так называемой «неполной коммуникации». Г. Гусейнов пишет об этом явлении: «Другой пример неполной коммуникации, возникающей на почве эрративов, представляет собой прагматический ответ блогосферы на известный вызов Витгенштейна: если о чем-то нельзя говорить, то об этом следует молчать. Правило блогосферы переиначивает эту формулу Витгенштейна: "О чем нельзя говорить, то следует записать". Но, поскольку записанное все же по-прежнему мыслится неудобосказуемым, блоггер пользуется новым приемом. Ранее этот прием в языкознании не описывался, поэтому у него не было и названия. Восполним этот пробел. Подобно фольклорному персонажу, который завернулся в сеть в ответ на требование быть одновременно одетым и раздетым, блоггер помещает зачеркнутую запись. Правильный греческий термин для такой записи – диаграф. Но поскольку слово диаграф занято инструментом, воспользуемся его латинским эквивалентом: литуратив – от *litura* (от глагола *lino*), "зачеркивание"» [Гусейнов 2008].

Литуратив представляет собой такой компенсационный и игровой прием, при котором создатель текста сознательно демонстрирует то, что думает, но по каким-либо причинам якобы не хочет писать. Активно участвуют в «процессе зачеркивания» и

⁷⁸ Параграфемные средства – «вторичные по отношению к языку невербальные средства, сопровождающие письменную речь и способствующие восприятию и пониманию текста читателем» [Жеребило 2010].

⁷⁹ *Полная жопа*. Вульг.-прост. Нечто плохое (М.Д.)

⁸⁰ *Жопа мира*. Вульг.-прост. О провинции, деревне; о том, что далеко находится (М.Д.)

⁸¹ *Заноза в заднице*. Вульг.-прост. О раздражающем человеке (М.Д.)

фразеологизмы, поскольку они представляют собой интертекст, элемент «коллективного знания», легко (часто в первую очередь) извлекаемый из сознания для характеристики или оценки явления. Например,

А как-же заповедь - не укради? Подставь ~~другой карман~~ другую щеку? banki.ru; *У этого масла чумовой аромат кокоса! Я ~~стрелянный воробей~~ пробовала разные кокосовые масла, и это точно чемпион!* <http://iherbfans.livejournal.com>; *Москва Россия слезам не верит* banki.ru; *В городе Глухов России, при всех демагогических рассусоливаниях о том, что "к прежнему возврата нет", на самом деле ничего не меняется.* <http://olegmatvey.livejournal.com>; *Живут, понимаешь, как ~~христос за пазухой~~⁸² сыр в масле", и никто-то к ним не подходит, и ничего-то про них не пиши. Совсем уже наглость потеряли – эти ~~эти~~ небожители.* <http://ru-ua-by.livejournal.com>

В интернет-коммуникации использование фразеологизма совместно с литуративом становится, как правило, средством создания иронии или шутки. Людическую функцию литуратива отмечает и Г. Гусейнов: «Литуратив оказывается, таким образом, стебным (ёрническим, глумливым) развитием традиции подтекста. В советской традиции подтекста участник коммуникации понимал, что основное содержание сообщения находится в невысказанной, "подводной" его части. Литуратив, наоборот, выносит табуированный подтекст в прямое высказывание» [Там же].

Разумеется, необходимо отметить и случаи участия ФЕ в сознательном игровом искажении графики и создании эрративов в рамках как специфических интернет-жаргонов (напр., жаргон падонков, кашенитов и др.), так и в общем интернет-сленге (так наз. олбанский язык)⁸³, основывающихся на достаточно верной фонетической форме при искажении графического облика. На основе подобного «орфоарта» происходят игровые графические трансформации фразеологизмов типа:

Разобрацо в себе, главному герою памагаед хитражённый, но благородный мент-интелегенд. И верныйе друзья ~~вносяд насильную лепту~~. <http://pppirate.livejournal.com> (ср. уз. вносить свою лепту); *У них нет задачи ~~мачить-в-сартире-адназначна~~.* <http://putnik1.livejournal.com> (ср.уз. мочить в сортире).

Более того, на основе такой эрративной графической игры возникли и фразеологические неологизмы, представляющие собой «собственно сетевую фразеологию» типа *аффттар жжот* и др. Напр.,

Очень многие в блогосфере отозвались бы предсказуемо – ~~Аффттар жжот!~~⁸⁴ ~~Пеши езчо!~~⁸⁵ <http://orlan77777.livejournal.com>; *Ржунимагу!*⁸⁶, *ей-богу!* *Наша доблестная российская оппозиция три раза согласовывала этот марш и грозила вывести на него мощную толпу народа – в заявке прописали целых десять тыщ.* <http://qkempek.livejournal.com>; *Первое - в нашей авиации теперь определен новый ~~аццкий сотона~~⁸⁷ - это товарищ Шпитальный.* <http://trunk-2007.livejournal.com> и др.

⁸² Пример так назыв. фразеологической девиации. Ср. уз. *Как у Христа за пазухой быть; жить.*

⁸³ Об этих явлениях см. [Гусейнов 2005, 2008], [Кронгауз 2013].

⁸⁴ *Аффттар жжот.* Неол. интер. Одобрительное высказывание о тексте, материале, новости (М.Д.).

⁸⁵ *Пеши езчо / исчо!* Неол. интер. Одобрительное высказывание о тексте, материале, новости (М.Д.).

⁸⁶ *Ржунимагу.* Неол. интер. О чем-л. очень смешном (М.Д.).

⁸⁷ *Аццкий сотона.* Неол. интер. 1. Главный злодей. 2. Одобрительно о чем-л., вызывающем восхищение (М.Д.).

2.4.2 Фразеологическое насыщение контекста⁸⁸

Наряду со структурно-семантическими и семантическими контекстуальными трансформациями ФЕ, некоторые исследователи, напр., [Naciscione 2010], [Кунин 2005], [Арсентьева 2006], относят к способам контекстуального использования ФЕ и прием фразеологического насыщения контекста. Под фразеологическим насыщением контекста понимается использование в рамках одной фразеологической конфигурации двух и более фразеологических единиц. Данное явление получает в научной литературе различные наименования: фразеонабор [Колобова 2015], [Кунин 2005], [Третьякова 2011a], фразеологическое насыщение контекста [Арсентьева 2006], [Семущина 2011], нанизывание фразеологических единиц [Мелерович, Мокиенко 2014], [Денмухаметова 2008], *instantial phraseological saturation of discourse* [Naciscione 2010].

Фразеологическое насыщение контекста, часто встречающееся явление в дискурсе Интернета, представляет собой особый стилистический прием, способствующий реализации некоторых авторских интенций. В первую очередь, сам факт насыщения контекста ФЕ как прагмемами указывает на повышенную эмоционально-экспрессивную тональность высказывания. Часто интенция участника коммуникации, связанная с выражением эмоций или отношения, реализуется именно при помощи фразеонабора, помогающего создать экспрессивный текст:

Не всё ему на халяву богатеть. Заключил договор, так выполняй условия. И не чего заднюю включать. Обмана со стороны мужика нет, есть договор подписанный сторонами. Так что нефиг олегу тенькову волосы на голове рвать. Выход один: Исполнить условия договора. www.banki.ru; Пуганые вороны боятся кустов, обжѣгшись на молоке, дуешь на воду, верно же? Вот и многие мужчины, чей первый брак был неудачным, избегают брака второго. Сегодня, после письма одного из моих читателей, решил сделать заметку на эту тему. <http://koolamesa.livejournal.com>.

Особую роль использование фразеонабора играет при **интенсификации какого-либо определенного, конкретного смысла**. Учитывая специфику интернет-общения как «свободного высказывания», отражающего наиболее актуальные для языковой личности темы и отличающегося высокой экспрессивностью и эмоциональностью, необходимо отметить, что такие «смыслы» часто связаны с негативным оцениванием политических и социальных явлений. Фразеологизмы в текстах интернет-комментариев выступают как важнейшее средство отражения не только языковой интенции, но и социальной, политической позиции участника сетевой коммуникации. Как правило, во

⁸⁸ Подробнее о роли фразеологического насыщения контекста в интернет-дискурсе см. работу [Доброва 2017].

фразеологическом насыщении контекста в таких случаях выступают устойчивые выражения, объединенные общим фразеосемантическим полем, соотносимым и с определенным концептом. Среди подобных концептов, репрезентируемых фразеологическими единицами в интернет-комментариях к новостям общественно-политического характера, особо выделяется концепт лжи, обмана, введения в заблуждения. Ср. следующие контексты:

Пенсии - это государственный лохотрон. Государство всегда может изменить правила игры⁸⁹ и показать фигу. <http://ria.ru>; *Короче с этими проходимцами с большой дороги дел вести нельзя, без денег и без штанов останешься.* <http://www.banki.ru>; *А менеджер (зн..а) соловьём распевался, что это больше чем год назад(((Походу фин/банк/системе не нужны деньги населения, банки получают за бесплатно нужную им сумму, сумев пристроиться к санации и пр/мутной водичке (((<http://www.banki.ru>.*

В указанных примерах благодаря нанизыванию фразеологических единиц (*мутная вода – уз. ловить рыбу в мутной воде, проходимцы с большой дороги – уз. разбойники с большой дороги* и др.), связанных общей семой обмана, и высокой степени «фразеологической плотности» создается эффект интенсификации конкретного смысла, подчеркивания авторской позиции по определенному вопросу. Фразеологизмы в таких случаях часто выступают друг для друга как интенсификаторами, так и актуализаторами фразеологического значения. Так, например, происходит в следующем контексте, в котором средствами фразеологического насыщения репрезентируется еще один частотный для интернет-комментария смысл, заключающийся в семантических оппозициях «бедность – богатство», «щедрость – скупость»:

Снова аттракцион невиданной щедрости⁹⁰ ... а чё все правильно ! заморозим пенсии, обесценим накопления населения страны, увеличим налоги (изменим налогооблагаемую базу что одно и то же на выходе) и т.д. Ничего россияне пояса то подтянут, потерпят и все поймут. Ведь "Россия щедрая душа"⁹¹ ... <http://www.banki.ru>.

Таким образом, на наш взгляд, в текстах интернет-дискурса «полифония фразеологических голосов» (термин А. Начисчионе) может рассматриваться как один из наиболее ярких способов контекстуального использования ФЕ.

⁸⁹ *Изменить правила игры.* Отказаться от договоренностей, передумать в процессе (М.Д.)

⁹⁰ *Аттракцион невиданной щедрости.* Неол. Обычно иронично о неожиданной щедрости, расточительстве, больших тратах (М.Д.)

⁹¹ *Россия – щедрая душа.* Иронично о щедрости, расточительстве, тратах (М.Д.)

2.4.3 Комплексные трансформации ФЕ

Говоря о контекстуальных преобразованиях ФЕ, необходимо отметить случаи так называемых комплексных, сложных трансформаций. Под комплексными преобразованиями мы понимаем совмещение различных модификационных приемов для создания окказионального фразеологизма. Совмещение приемов возможно в самых разных сочетаниях и комбинациях⁹². Рассмотрим некоторые случаи.

Так, например, при совмещении приемов ролевой инверсии и замены компонента возникает шуточный окказиональный вариант пословицы *Не имей сто рублей, а имей сто друзей*:

Не имей сто друзей, а имей одну наглуую рожу. Проблемы, которые встанут перед Тельцами в июле, им придётся решать самостоятельно. Друзья не смогут помочь ни деньгами, ни связями. Так что не тушуйтесь, идите напролом сами. <http://taledi.livejournal.com>.

Совмещение приемов расширения компонентного состава, замены компонента и двойной актуализации в следующем случае создает ироничный трансформ узуального фразеологизма *выносить сор из избы*, основывающийся в том числе на обыгрывании компонента *сор*, его синонима *мусор* в буквальном⁹³ и переносном значении⁹⁴:

Довольно часто по мнению правозащитников правонарушения имеют отношение к сотрудникам ФСИН, СИЗО и положению дел осуждённых.<...>. Подполковник запаса. Не выносим "мусор" из избы ФСИН. <http://dolexcult.livejournal.com>, а применение расширения компонентного состава совместно с заменой компонента изменяет ФЕ *нести ахинею* следующим образом: *А в экспертной среде наблюдается полнейшее засилье каких-то страусов. А чего - бабки платят, бубни любую ахинею, можно даже не открывать глаза и не высовывать голову из под земли, чтобы посмотреть на быстро меняющуюся реальность. Просто поразительно.* <http://gorynych1.livejournal.com>.

В рамках сложных преобразований «классические» приемы способны сочетаться и с новыми, графическими. Ср., напр., случай совмещения контаминации и включения во фразеологическую конфигурацию эмоджикона: *Из России правительственные структуры подобный запрос не сделали, потому что правительственные структуры*

⁹² Классификация комплексных преобразований, предложенная А. С. Начисчионе, с подразделением комбинированных преобразований на собственно сложные и осложненные, при которых «один элементарный прием сопровождается другим или другими преобразованиями, играющими по сравнению с основным приемом речевого обновления фразеологической единицы второстепенную роль» [цит. по: Шадрин 1991: 201], на наш взгляд, является не совсем удобной в связи со сложностью или даже невозможностью выделения ведущего приема.

⁹³ *МУСОР*, -а (-у), муж. Отбросы, сор [Ожегов, Шведова 1992].

⁹⁴ *МУСОР*, -а, м; мн. -а, -ов. Милиционер [Елистратов 2002].

России сами же там деньги и хранят. Ведь они трудятся ради этих денег не покладая рук как рабы на галерах 🏛️ banki.ru или случай сочетания ролевой инверсии и литуратива: *Сделав из мухи слона из-за книги, пора научиться делать из слона муху* <http://w-e-l-l.livejournal.com>.

Подобные комплексные трансформации позволяют автору высказывания легко изменить устойчивое выражение и вписать его в контекст, приспособив к потребностям конкретного высказывания.

2.5 Фразеологические трансформации vs «фразеологические девиации»

От рассмотренных выше фразеологических трансформаций, являющихся осознанными приемами изменения семантики и структуры устойчивого выражения в тексте, необходимо отличать случаи фразеологических ошибок, ставших регулярными спутниками интернет-пространства. В связи с этим мы вводим понятие **фразеологической девиации** – *неосознанного ошибочного искажения формы и семантики ФЕ, вызванного незнанием или непониманием ее этимологии, образной основы, структуры и/или отдельных компонентов и носящего при этом системный характер*. Необходимо подчеркнуть, что под фразеологическими девиациями мы понимаем именно случаи системного использования подобных устойчивых выражений, а не единичные случаи нарушения нормы. Данное явление необходимо отличать от случаев языковой игры и так называемых эрративов, «возникающих вследствие нарочитого грубого искажения стандартного написания слова и его последующей микрогрупповой канонизации в качестве утрированно-исправленного и иногда фиктивно приспособленного к реальному произношению» [Гусейнов 2005].

Безусловно, охватить все случаи активно используемых системных «фразеологических ошибок» не представляется возможным. Тем не менее, в связи с частотностью явления хотелось бы в наиболее полной форме представить встретившиеся нам в интернет-дискурсе фразеологические девиации. В связи с этим мы приводим обнаруженный нами материал в виде списка, сопровождаемого примерами, подтверждающими регулярный характер использования данных выражений.

Авдеевы конюшни (ср. уз. Авгиевы конюшни)

Мне кажется, эта тема требует максимального распространения – человека, который искал убежища, могут выдать из-за одной простой причины... второй год у нас в стране занимаются политическими изгибами и распилами, вместо нормальной, полноценной **чистки Авдеевых конюшен**. <http://zloy-odessit.livejournal.com>; А кто думает что как в сказке по щучьему велению вся армия преобразится и станет самой высокотехнологичной просто не далекие люди, нужны и те кто будет **Авдеевы конюшни** разгребать и запах от них будет не лаванды. <http://sokol-ff.livejournal.com>; Вопрос в том, что даже в "Рособоронэкспорте" присутствуют представители 5-й колонны (хотя я бы называл их банальными нац. предателями) и что стране предстоит титанический труд по очистке этих **авдеевых конюшен** на всех уровнях, во всех сферах. <http://fritzmorgan.livejournal.com>

Войти в аналогии чего (ср. уз. войти в анналы [истории], быть в анналах истории)

В мрачные дни депрессии, это сочетание почти случайно столкнется на площадке звукового кино и искры, вспыхнувшие между ними, превратятся в гордость нации. Джанетт МакДоналд и Нельсон Эдди по отдельности и вместе **войдут в аналогии** американского кино и станут историей. <http://msvetlanaa.livejournal.com>; Это была битва, **вошедшая в аналогии истории** битв городов русских, как битва двух "К".. <http://allex-khost.livejournal.com>; А пресловутая борьба с "ИГ" **войдет в аналог американской лжи** и лицемерия на международной арене. Вот такие новости, друзья. <http://bachi110.livejournal.com>; Такое чувство, что эта ситуация вызывает у него гордость и он жаждет, чтобы это **вошло в аналогии истории**. <http://nobusuxo.livejournal.com>.

Войти в аналы чего (ср. уз. войти в анналы [истории], быть в анналах истории)

Этот день несомненно **войдет в аналы истории сирийско-российских ПВО**, будет праздноваться, как всенародный праздник... <http://colobus1.livejournal.com>; Причина отказа директора по персоналу заставила плакать кровавыми слезами. Этот случай должен **войти в аналы эталонной глупости**. <http://silverlj.livejournal.com>; Небольшой сюжет из той страшной войны, не **вошедший в аналы истории**. <http://akson-403.livejournal.com>

Всё образумится (ср. уз. всё образуется!)

Я терпела сколько могла и если я молчала, это вовсе не значило, что меня эта жизнь устраивала, я лишь надеялась, что **всё образумится**, что ты сам всё поймёшь, что это не прекратится, что все попытки вникнуть. <https://your-katya.livejournal.com>; Наладятся отношения церкви и государства, **все образумится**, утихомирится и верующие смогут вернуться в большой храм... <http://himmelhoh.livejournal.com>; Ладно, **все образумится**. Мы что нибудь придумаем. ... <http://bigbarry4u.livejournal.com>; А потому абсолютно уверен, что наступит время, а оно не за горами, когда вокруг моей России **все образумится**, "устаканится" и к ней будут также подлизываться, также заискивать <http://danilovivushkin.livejournal.com>.

Высосать с потолка что (ср. уз. высосать из пальца что и уз. взять с потолка что)

О том, что подобный каджет можно собрать из (сюрприз! сюрприз!) нерабочих айфонов, которые стоят куда дешевле, видимо, пузя не в курсе. И делает кучу умных выводов **на высосанной с потолка цифре** "в полтора раза") <http://exler-cult.livejournal.com>; Я вот не очень понимаю, если вакансия интересная и требования **не высосаны с потолка**, то соискателей будет явно больше одного. <http://exler.livejournal.com>; Ты сейчас опять **высосал с потолка** какой-то бред.

<http://artureg.livejournal.com>; Мне проблема кажется **высосанной с потолка**. <http://ailev.livejournal.com>; Примеры **сетапов я высосал с потолка** в процессе написания поста, секунд за 30 :) <http://world-of-kwg.livejournal.com>.

Выше моего достоинства что (ср. уз. выше моего понимания что и уз. ниже своего достоинства)

Вот просить оплату за свою работу почему-то стыдно... наверно, подсознательно это **выше моего достоинства**, главное — что работу сделал на совесть, а деньги само собой разумеющееся. <http://yurij-burlan.livejournal.com>; Нет, я точно не планирую "присосаться" к какому-нибудь папику и стать содержанкой, **это вообще выше моего достоинства** в принципе. <http://rebro-a-dama.livejournal.com>; Меня начало это раздражать, но забирать ложку было **выше моего достоинства**. Я терпел изо дня в день, что Генка пользуется моей ложкой. <http://my-first-time.livejournal.com>; Потому что потакать твоей бывшей **это выше моего достоинства**. <http://mundic.livejournal.com>.

Гиена огненная (ср. уз. геенна огненная)

Может по заслугам нам вообще положена **гиена огненная** и прочие тартарары? <http://shiha-shiha.livejournal.com>; Неужели ОНИ не поймут, что в лучшем случае сами подохнут от своей злобы и зависти, а в худшем - живьем сгорят **в Гиене Огненной**. <http://sunny-yuri.livejournal.com>; Уже смирилась с тем, что гореть мне **в гиене огненной**. Но прошло два дня, и ничего. <http://malysli.livejournal.com>.

Жить как Христос за пазухой (ср. уз. жить как у Христа за пазухой)

Жили на полном пансионе по высшему советскому разряду **как Христос за пазухой**. <http://wowavostok.livejournal.com>; Будете жить, **как Христос за пазухой**. <http://semonsemenich.livejournal.com>; Она бы ему и сказки читала, и носки бы вязала, и каши варила... **и жил бы он у нее как христос за пазухой**. <http://smallafort.livejournal.com>.

Как синицу ока (ср. уз. как зеницу ока хранить, беречь)

Да и главное, чтобы родные земли **защищали, как синицу ока**. <http://pcytter.livejournal.com>; Тада я буду их **беречь как синицу ока** <http://lipik.livejournal.com>; Не захотели удержать любовь, **не берегли, как синицу ока**. Забыли все обещания и слова любви, которые говорили... <http://mayrana.livejournal.com>; У меня таких фильмов несколько, **я их берегу, как синицу ока**. <http://killerbee.livejournal.com>.

Кануть в лето (ср. уз. кануть в Лету)

Надежды, что этот кошмар экономических отношений **канет в лето** — пока остаются только надеждами, причем робкими. <http://mishin05.livejournal.com>; Развивалось мореплаванье, и лишь смутные легенды **канувших в лето** народов донесли до нас сказаниях о чудесных кораблях... <http://i-am-cuba.livejournal.com>; Времена дружинников и рыцарей круглого стола безнадежно **канули в лето**, скажут вам. <http://7freiheit.livejournal.com>; Депутатские запросы **канут в лето**. <http://rubikon-69.livejournal.com>; Когда легко было купить всякую макулатуру, которая потом **канула в лето**. <http://pavelval.livejournal.com>.

Кинуть в лету/Лету (ср. уз. кануть в Лету)

Если интересно, то почитайте, сколько ПТУ закрылось, сколько технических факультетов **кинуло в лету** ... <http://kgb-ru.livejournal.com>; И сколько **кинуло в лету** таких русских родов. Ужас. <http://bessonov-perm.livejournal.com>; И, потом, эпоха плеейров уже **кинула в лету**;) Есть более миниатюрные забавы;) <http://godiner1.livejournal.com>; Мой "ритуал" **кинул в лету** не так уж и давно. <http://svetliya4ek.livejournal.com>

**Коктейль
молотого/Молотого** (ср. уз.
коктейль
Молотова)

Двое подростков кинули в окно жилого дома **коктейль молотого**. Обычное хулиганство или тяжелое преступление, это и выяснит Отдел 44. <http://tvljom.livejournal.com>; Всё началось с **коктейлями Молотого** бросаемыми нацистами в милицию и должно закончиться расстрелами нацистов. <http://vg-saveliev.livejournal.com>; В случае, если митинг перерастет во вторую фазу, или того хуже - в массовые беспорядки - камни, **коктейли Молотого** и другие метательные предметы полетят в разные стороны, начнется давка, и покинуть все это "представление" будет гораздо сложнее. <http://everett-kadda.livejournal.com>.

**Насущие
проблемы** (ср. уз.
насушчные проблемы)

Многие из Вас наверняка хотели бы иметь под рукой источник последних новостей из жизни большого города, а так же информации о скидках, где сделать маникюр, где купить подходящие туфли, что одеть на свидание, где познакомиться с молодыми людьми, куда сходить с подружками, чем порадовать себя, своих родных близких, а также обсудить **насушчные проблемы** как связанные с парнями, так и прочее. <http://zhenskoe-mnenie.livejournal.com>; Пока я стараюсь решать **насушчные проблемы**: найти деньги, устроиться на работу, избавиться от тараканов и засора и придумать, чем отплатить девушке, которая будет учить меня английскому. <http://pastkatty.livejournal.com>; Форум позволяет руководству большинства университетов страны лично обсудить **насушчные проблемы** и попытаться найти выход или решение из той или иной затруднительной ситуации. <http://hikaruhayashi16.livejournal.com>.

**Не пришёл
кобыле хвост** (ср. уз.
не пришей кобыле
хвост)

Но поражает относительно большой процент людей с опытом **не пришел кобыле хвост** которые прут на экзамены и даже получают чартер. <http://thelittleheart.livejournal.com>; Летом в подвале соседнего дома вывелись котята. <...> Двое черных явно были отродьем дворового бандита с погрызенным ухом, двое рыжих напоминали мамашку. А пятый - **не пришел кобыле хвост**, непонятно в кого. <http://ru-cats.livejournal.com>; Я его также люблю, но что можно сделать, когда у власти те, кто ради наживы выкорчевывают парки, а для отвода глаз восстанавливают церкви, а вокруг ставят высотки, на фоне которых эти самые церкви, как **не пришел кобыле хвост**. <http://maxfraikiev.livejournal.com>.

**Обед
молчания** (ср. уз.
<дать>
молчания)

Приехал, зарегистрировался. Ознакомился с правилами: нужно соблюдать **обед молчания** 9 дней, сдать мобильник в камеру хранения, ходить только по мужской территории, физические упражнения запрещены. Ну окей, подумал я, интересный опыт. Познакомился с некоторыми интересными людьми и вот первая медитация и **обед молчания** вступает в силу. <http://geksin.livejournal.com>; Потом она 40 лет его ждала, дав **обед молчания** и померла. <http://starskiy.livejournal.com>; Тимур решает принять **обед молчания**. <http://tvljom.livejournal.com>; Главное условие – соблюдать дистанцию и **обед молчания**, потому что на территории Украины объявлена «охота на ведьм». <http://karakulsqrtqq.livejournal.com>.

**Плот
воображения** (ср. уз.
плод воображения)

Банк по воле божьей не рождался, а является **плотом воображения** участников мирских дел – гражданского оборота. <http://ru-auto.livejournal.com>; Существовали ли на самом деле Сады Семирамиды или являлись всего лишь **плотом воображения**? <http://findaway4u.livejournal.com>; Это необычно если представить, что всё, с чем я имею дело - своего рода **плот воображения**, результат работы

разума. <http://g-ray-dient.livejournal.com>; *Его судьба, пусть и **плот воображения** Киплинга, очень показательна в этом моем рассуждении.* <http://antonrudov.livejournal.com>.

Пожимать
плоды (ср. уз.
пожинать плоды)

*Сейчас, во взрослой жизни, вы **пожимаете плоды** своих детских и юношеских трудов.* <http://ru-codryzestvo.livejournal.com>; *Киевская хунта в бессильной злобе уже в который раз пытается сделать гадость России, а, на самом деле, сама **пожимает плоды** своих козней.* <http://shabdua.livejournal.com>; *Дарина **пожимает плоды** пренебрежительного отношения к солнцу - у неё первые признаки ожога на спине.* <http://dgevel.livejournal.com>; *Однако в процессе продавливания американцы отдавили мозоли огромному количеству чиновников и функционеров — и сейчас Штаты начинают **пожимать плоды** своего танца в посудной лавке.* <http://fritzmorgen.livejournal.com>.

Расплюнуть
(ср. уз. Раз плюнуть)

*Мы не боялись АБСОЛЮТНО НИЧЕГО! Гулять по лесу в ночи? Да легко! Забраться на самое высокое дерево? **Расплюнуть!** Мир был наш!* <http://sis-travel.livejournal.com>; *Более того, найти съёмочную площадку очередного голливудского фильма?? **Расплюнуть**, детка!* <http://nevaldis.livejournal.com>; *Просто удовлетворять отвратнейшими выступлениями типа Дарьи Ставрович, Кирилла Бабиева, Михала Житова и т.п. либо просто из-за необычности (хотя найти подобных аналогов даже в одном городе - **расплюнуть**)...* <http://keeper75.livejournal.com>.

Вернуться в
/покинуть родные
пернаты (ср. уз.
родные пенаты,
вернуться в родные
пенаты)

*Сначала была общага, потом сняли квартирурку на Тимирязевской. потом снимала комнату и квартиру одна, в перерывах **возвращаясь в родные пернаты**. потом вернулась в свою коммуналку и жила там одна до тех пор, как получила квартиру свою.* <http://discrepant-girl.livejournal.com>; *Уже нет))) **Покинул родные пернаты**. В Звенигороде живу. Разбор у меня..* <http://vinauto777.livejournal.com>; *Как она есть. трогательные стихи. недавно сын **покинул родные пернаты**. в доме стало тихо и пустынно.....* <http://vera-56.livejournal.com>; *Так отправляй его обратно, **в родные пернаты**.* <http://greenbat.livejournal.com>

Сдувать
былинки с кого (ср.
уз. сдувать пылинки
с кого)

*Очень им дорожат, идеализируют его, чуть ли **ни сдувают** **былинки**. Малеишие его достижения воспринимаются как покорение Эвереста* <http://infanta0207.livejournal.com>; *Можете дать стопроцентную гарантию, что это мирный обыватель???* Или "Беркут" должен **сдувать** **былинки с боевиков правого сектора? <http://molonlabe.livejournal.com>; ***Сдувает** **былинки с жены**.* <http://luchshe-molchi.livejournal.com>.**

Секрет
полушинели (ср. уз.
секрет Полишинеля)

*Собственно, что Бирюков - мошенник, это **секрет полушинели**. В Сети инфо есть.* <http://gwinplane.livejournal.com>; *Ну вот и **секрет полушинели** - вовремя не отправлена смс об отказе от предлагаемой услуги.* <http://sOno.livejournal.com>; *Хех... Тоже мне **секрет полушинели**. Все давно всё знают.* <http://putnik1.livejournal.com>; *Почему упал рубль, мне до фени. А почему упала гривна - это **секрет полушинели**: она упала потому, что под ее стабилизацию постоянно занимались деньги, причем ладно бы они просто занимались - но они еще и оголтело тырились при этом.* <http://morreth.livejournal.com>.

Семи прядей
во лбу кто (ср. уз.

*У нас везде-же кумовство и протекционизм, что на госрадио, что на любом коммерческом. И **будь ты хоть семи прядей во лбу**, хоть с изумительным и неповторимым голосом, без личных связей дорога тебе*

семи прядей во лбу кто)

туда заказана... <http://jrnlist.livejournal.com>; **Не надо быть семи прядей во лбу**, что бы сообразить, что каждый человек сын не только своих родителей, но и своего народа. <http://bither.livejournal.com>; **Не надо быть семи прядей во лбу** чтобы понять под чью дудку пляшут принимавшие эти безобидные на первый взгляд поправки и законы. <http://svetovidov.livejournal.com>

Серый координат (ср. уз. серый кардинал)

Нет там никаких **серых координатов**, есть пятая колонна, которая перехватила власть у антимайдановцев. <http://matveychev-oleg.livejournal.com>; Женщины - это **серые координаты**.<...> Женщины о которых многие мужчины(как ты) мечтают далеко не дуры. Они потенциал мужчины видят за версту. <http://feofanio.livejournal.com>; С недавних пор мне очень интересна информация (не секретная, конечно) о **сером координате** городской Думы, Камыниной Тамаре Николаевне... <http://luchshe-molchi.livejournal.com>; В старой школе я играла роль эдакого "**серого координата**", наблюдала за все со стороны, делала выводы и руководила кем могла в тихую. <http://v-stranger.livejournal.com/>

Скрипя сердцем / **скрипя сердце** (ср. уз. скрепя сердце)

Еще все-таки **скрипя сердцем** если все будет хорошо в том же сентябре буду апгрейдить себе телипонтий. Возьму скорее всего Самсунг, который у мамы только другого цвета, J серии. <http://asmol.livejournal.com>; Чтобы увеличить шансы, я, **скрипя сердцем**, выбрал дорогой пятизвездочный отель, две ночи в котором стоили почти 500 баксов.. <http://ru-travel.livejournal.com>; В этот раз я **скрипя сердце** уехала из лавки с пустыми руками. <http://manyasha-p.livejournal.com>; В какой-то момент, даже **скрипя сердце** пришлось признать ее одним из главных ошибок и разочарований. Но исправилась. <http://hou-ru.livejournal.com>.

Скрывать покровы (ср. уз. срывать покровы)

Да он вообще, это, всё то, что - англичка королева! просто от нас **скрывают покровы!** <http://tyler78.livejournal.com>; На западных объектах я наблюдал подвод тротуарного покрытия к стене здания. Что и у нас применяют, и отмостка в данном случае заменена тротуаром. Но вы продолжайте **скрывать покровы** с отмосточного заговора большевиков. <http://nemihail.livejournal.com>; Автор **скрывает покровы** и показывает нам ПРАВДУ!!!! <http://sapojnik.livejournal.com>; Так же поражает его двуличность и отборность с кого **скрывать покровы**. Своих хозяев не трогает. <http://polittrash.livejournal.com>.

Сидеть сломя руки (ср. уз. сидеть сложа руки и уз. <бежать> сломя голову)

Пока вы там нежитесь в летних свитерках и тулупчиках, наслаждаетесь очередным звягинцевским опусом или сретесь по поводу чьего-то безвиза (пох.й, честно), я тут, между прочим, не **сизжу лениво сломя руки**, а продолжаю духовно самосовершенствоваться на ниве сельского хозяйства и алкогольной абстиненции.. <http://ujeslesar.livejournal.com>; **Не могу сидеть сломя руки**, пойду сделаю что-то полезное для Родины. <http://drevo-z.livejournal.com>; «Почему ты не борешься с режимом? Почему ты **сидишь сломя руки???**» <http://luchshe-molchi.livejournal.com>.

Царство /царствие Матфея (ср. уз. обьятия Морфея)

Боюсь преждевременно уйти **в царство Матфея!** Кошъ уже там... <https://luchshe-molchi.livejournal.com>; Смеркалось. Найдя место для очередного ночлега и дав ему название «Земляничная поляна», отужинав, подведя итоги уходящего дня и наметив планы на день грядущий мы отправились **в царствие Матфея**. <http://macvic.livejournal.com>; Это я всё уже из постели дописываю - какбэ констатирую тот факт, что

*потихоньку отправляюсь в поход в царство Матфея :)) Спокойной ночи!
<http://roger1777.livejournal.com>; Эта необыкновенной красоты музыка, наконец-то, усыпляет меня, и финальные литавры (чуть не написал титры!), когда счастливые влюблённые встречаются на небесах, моя удовлетворённая душа наблюдает уже где-то по пути в царство Матфея, оставив тело выключать проигрыватель, заводить будильник, и искать одеяло. <http://dima-i-koty.livejournal.com>*

Эдипов труд
(ср. уз.
Сизифов труд и уз.
Эдипов комплекс)

*Мне кажется, очень тяжело тащить за уши к лучшей жизни людей, к этому не готовых. Это **эдипов труд**. <http://luchshemolchi.livejournal.com>; Никогда свою дочь не отдам в финансы, уж пусть пропадает в больнице медиком, хоть польза людям, а то тут **Эдипов труд** какойта! <http://zuzana-n.livejournal.com>; Неужели нельзя деньги, которые ежегодно тратятся на борьбу с наркотиками тратить на изобретение новых наркотиков без побочных эффектов. Т.к борьба с ними (наркотиками) это **Эдипов труд**, ибо люди как искали на чем бы поторчать, так и будут искать и все равно найдут, как бы вы не боролись с этим. <http://more-fiction.livejournal.com>.*

Несмотря на то, что «неправильность» употребления устойчивых выражений рассматривается лингвистами в различных функциональных сферах, см., напр., [Береля 2007], [Зуева 2006], [Третьякова 2009б], [Хакимова 2013], можно говорить о том, что неверное использование ФЕ и связанные с этим фразеологические ошибки – явление, присущее, в первую очередь, разговорной речи и всегда существовавшее в ней. Большинство ошибочных вариантов ФЕ, встретившихся в текстах блогов, форумов и интернет-комментариев, закономерно переключалось в сетевое пространство из разговорной речи (ср. *скрипя сердцем/скрипя сердце, как синицу ока* и др.), отразив современную социолингвистическую ситуацию, связанную с демократизацией нормы, общим снижением речевой культуры («язык - зеркало того общества, в котором он функционирует» [Стернин 1998: 4]) и тем, что Интернет открыл доступ к «публичной» письменной речи всем слоям населения. Несмотря на то, что системное неправильное использование ФЕ не является собственно интернет-явлением, тем не менее, **именно в интернет-дискурсе фразеологические девиации подвергаются письменной фиксации** (фактически впервые мы можем говорить о столь массовой фиксации речевых ошибок), наиболее ярко отражая речевую ситуацию и, на наш взгляд, способствуя дальнейшему распространению и закреплению ошибок.

Что касается механизма возникновения ошибок, то мы можем говорить о нескольких основных типах таких моделей. Часто фразеологические девиации возникают на основе **смещения паронимов, ошибочной паронимии**: компонент ФЕ

заменяется паронимом, что обычно происходит при субституции агнонима⁹⁵ знакомым словом, приводящей к утрате смысла, например, *Авдеевы конюшни* (ср. уз. *Авгиевы конюшни*), *войти в аналоги* (ср. уз. *войти в анналы [истории], быть в анналах истории*), *кануть в лето/кинуть в Лету* (ср. уз. *кануть в Лету*), *секрет полушинели* (ср. уз. *секрет Полишинеля*) и др. Регулярны случаи использования **ошибочной контаминации**, при которой происходит смешение двух фразеологизмов, например, *высосано с потолка* (ср. уз. *высосать из пальца что* и уз. *взять с потолка что*), *сидеть сломя руки* (ср. уз. *сидеть сложа руки* и уз. *бежать сломя голову*), *Эдипов труд* (ср. уз. *сизифов труд* и уз. *эдипов комплекс*) и др. Возможное **незнание и нарушение правил орфографии** порождает возникновение фразеологических девиаций типа *серый координал*⁹⁶ (ср. уз. *серый кардинал*), *коктейль Молотого* (ср. уз. *коктейль Молотова*) и др.

Причинами возникновения подобных ошибок, а также их закрепления и распространения является, как правило, **непонимание образа, положенного в основу фразеологизма** (напр., *жить как Христос за пазухой* (ср. уз. *жить как у Христа за пазухой*)), **незнание конкретного компонента ФЕ** (напр., *как синицу ока* (ср. уз. *как зеницу ока* <хранить, беречь>)) или **незнание культурной реалии, стоящей за устойчивым выражением** (напр., *кинуть в лету/Лету* (ср. уз. *кануть в Лету*)). Сильно «страдают» от языкового «вандализма» фразеологизмы античного происхождения, поскольку подобные девиации спровоцированы агнонимами в составе устойчивых выражений и незнанием культурных и исторических ситуаций (*Авгиевы, анналы, Сизифов, Морфей* и т.д.). Тем не менее, ошибочно употребляются и фразеологизмы, не уходящие корнями в подобные тексты культуры и обладающие достаточно прозрачной образной основой, напр., *всё образумится* (ср. уз. *всё образуется*), *насущие проблемы* (ср. уз. *насущенные проблемы*), *скрывать покровы* (ср. уз. *срывать покровы*), *не пришёл кобыле хвост* (ср. уз. *не пришей кобыле хвост*), *пожимать плоды* (ср. уз. *пожинать плоды*) и др., указывающие на значительное снижение речевой культуры⁹⁷ и языковой рефлексии⁹⁸ в обществе.

⁹⁵ Агнонимы – «слова, плохо знакомые среднестатистическому носителю языка» [Норман 2010: 653].

⁹⁶ Ср. и повсеместно встречающееся как в устной, так и в письменной речи «координально» (ср. кардинально).

⁹⁷ Как справедливо, отмечают Х. Вальтер и В.М. Мокиенко: «Поскольку вульгаризация русского литературного языка <...>- одна из доминантных тенденций современного языкового развития, то и эта линия в паремологии весьма сильно активизировалась» [Вальтер, Мокиенко 2005: 11].

⁹⁸ Стоит отметить и случаи встречающейся в Интернете языковой рефлексии, обычно иронического характера, по поводу фразеологических девиаций. Напр., *Наши начальник упр-ия здравоохранения говорил "родные ПЕРНАТЫ". Сама слышала, прям на совещании.* <http://nikavvv.livejournal.com>; *С чисто*

2.6 Фразеологические окказионализмы vs фразеологические неологизмы. Трансформации фразеологических неологизмов

От рассмотренных выше фразеологических окказионализмов необходимо отличать фразеологические неологизмы⁹⁹. Под фразеологическим неологизмом (ФН) мы, вслед за В.М. Мокиенко, понимаем «не зарегистрированные толковыми словарями современных литературных языков устойчивые экспрессивные обороты, которые либо созданы заново, либо актуализированы в новых социальных условиях, либо образованы трансформацией известных прежде паремий, крылатых слов и фразем, а также сочетания, заимствованные из других языков» [Мокиенко 2006]. **Главным отличительным признаком фразеологического неологизма является его принадлежность языку, в то время как окказионализм принадлежит речи.** Как отмечает Д.Н. Давлетбаева, «новые ФЕ, появляясь первоначально в речи одного человека, могут быть повторены другими носителями языка. Однако до тех пор, пока данная единица функционирует на уровне речи, она остается окказионализмом или авторским употреблением. Повторенная многократно и ставшая достоянием языка, единица переходит в разряд узуальных ФЕ» [Давлетбаева 2012: 17]. Т. Малински предлагает несколько критериев дифференциации ФН от фразеологических окказионализмов, среди которых: знание данной неофраземы носителями языка, его минимально трехразовая фиксация в текстах, а также отсутствие зафиксированности в словарях [Малински 1992: 67-76]. Об обязательности фактора отмеченности словарями для фразеологического неологизма (в аспекте его сравнения с окказионализмом) говорит Д.Н. Давлетбаева [Давлетбаева 2012]. На наш взгляд, критерий обязательной лексикографической зафиксированности ФН не совсем корректен при его отграничении от окказионализма, поскольку ФН, зачастую будучи уже полноценными языковыми (а

прагматической точки зрения, лучше сидеть сломя руки. Бежать сложа голову - в этом есть нечто куриное, обреченное. <https://drevo-z.livejournal.com> и т.д.

⁹⁹ В связи с этим необходимо вспомнить и слова В. Матезиуса, указывающего на важность изучения речевой реализации конкретных языковых фактов: «Теоретически язык содержит все языковые явления, которые присущи конкретным высказываниям всех говорящих, принадлежащих в данную эпоху одному и тому же большому языковому коллективу, который называется нацией. В действительности же языкознание, конечно, никогда не сможет удовлетворить выдвинутым выше требованиям. Это обусловлено не только огромным богатством языковых явлений вообще, но главным образом тем, что ежедневно – особенно в обществе с развитой духовной жизнью – возникают новые, хотя и недолговечные явления, а при изучении языков уже издавна обращается внимание только на главные черты, к которым применимы примитивные методы анализа» [Матезиус 1967: 42-43].

не речевыми) явлениями, узнаваемыми носителями языка и активно используемыми в различных текстах, фиксируются словарями со значительным опозданием.

Разумеется, Интернет как пространство, чувствительное ко всему новому и при этом неогенное, т.е. способное самостоятельно порождать неологизмы, является активной средой их функционирования. Выше мы сказали об отличии фразеологических окказионализмов (трансформаций) от фразеологических неологизмов, поэтому сразу возникает вопрос о том, способны ли фразеологические неологизмы трансформироваться. Безусловно, способны. Фразеологические неологизмы контекстуально модифицируются по тем же принципам и моделям, что и «старые», устоявшиеся фразеологизмы языка. Данное явление выглядит достаточно парадоксальным, учитывая то, что фразеологические неологические единицы еще не зафиксированы словарями, «еще не полностью получили права гражданства в разговорной речи» [Мокиенко 2006], но при этом сам факт вовлеченности конкретного фразеологического неологизма в трансформацию и языковую игру говорит о его вхождении «в плоть и кровь» языка, о его популярности и о его «узнаваемости» интернет-пользователем.

Анализ трансформаций фразеологических неологизмов и установления самого факта их разнообразной моделируемости позволяет рассматривать Интернет не только как среду функционирования (а иногда и возникновения) ФЕ, **но и как средство их верификации.** По нашему мнению, исследование трансформаций фразеологических неологизмов в виртуальной коммуникации позволяет не только установить их коммуникативную востребованность и «укорененность» в сознании носителя языка, но и решить вопросы о составе и структуре фразеологического неологизма, уточнить его форму, например, для дальнейшего лексикографического портретирования.

В нашем материале широко представлено использование различных приемов структурно-семантического и семантического типов дискурсивного варьирования фразеологических неологизмов. Активно в интернет-дискурсе модифицируются ФН при помощи приема замены компонента фразеологической единицы:

Все еще лежу в сторону игры¹⁰⁰ в RPG Maker. <http://basic-dormouse.livejournal.com/>; Начала стремится (зачеркнуто) ползти (зачеркнуто) лежать в сторону фриланса или собственного маркетингового агентства. <http://usena.livejournal.com/>; У меня вот по плану собственно с треском

¹⁰⁰ Ср. ФН *лежать в сторону (направлении) мечты*. Шутл. Пассивно мечтать о чем-л., ничего не предпринимая для осуществления желаемого (М.Д.)

*захлопнулась пару геитальтов*¹⁰¹. Думала это произойдет попроще, но это как ловить на сквозняке "летающую" дверь. vk.com

Частотны на просторах Сети и случаи расширения и сокращения компонентного состава фразеологических неологизмов:

*От иллюстраций к книге мимиметр просто зашкаливает*¹⁰²! <http://irsenas.livejournal.com>; *Это я к собачникам обращаюсь))) я вот только сейчас в ФБ и не могла не поделиться) собачий мимиметр зашкаливает! Это же прелесть какая!* <http://magdacook.livejournal.com>; *"А наш то убогонький продолжает жечь души людские напалмом "послушания"*¹⁰³. <http://kalakazo.livejournal.com>; ; *Да и ратушный геитальт всё ещё не закрыт.* <https://twitter.com>; *Ну и в качестве милого бонуса: вчера дорогой супруг закрыл мой ювелирный геитальт.* <http://users.livejournal.com> Он нам объяснил, что это как-то связано с приложениями гугла для смартфонов. Но я в этом полный некомпенгаген¹⁰⁴, совершенно ничего не понял. <http://yakov-a-jerkov.livejournal.com>; *Какого черта гимн СВЕТСКОГО(?) государства исполнял хор Срепенского мужского монастыря? Что лучше не нашлось? Видать скрепы*¹⁰⁵ внедряют.. <http://radulova.livejournal.com>

Подвергаются ФН и семантическим трансформациям, в том числе, в случае языковой игры. Таковы многочисленные случаи шуточно-игровой контекстуальной реализации фразеологизмов при помощи приема двойной актуализации. Например:

Купила ванили, капнула на ткань блузки за воротом. ...Замочила в ванише. На утро ... пятна исчезли. Ура! Да, здравствует производство отбеливателей. Однако... вместе с пятнами ушел и зеленый цвет и вся моя долгожданная двухдочка. Теперь блузка ярко-голубая. Также красиво, но я-то хотела отношений с зеленееныыыым. Геитальт утоплен. <http://katnat.livejournal.com>; *Потому что глядя на некоторые его ужимки, мимиметр не просто зашкаливает, его рвет нафик и в ключья:)* <http://nari-gordon.livejournal.com>; *Сейчас вообще на все выходят опровержения. Чуть только духовные скрепы трещат - тут же все опровергают* <http://www.banki.ru>; *Закрой геитальт, дуэт!* <http://araphel.diary.ru> и др.

Регулярны и случаи комплексных, а также графических трансформаций фразеологических неологизмов. Ср.,

*Мужчина мрачнел и мрачнел от ее активности и ума. Мне казалось, что в его, кстати, очень милой невинной кудрявой голове мечтательно прыгали розовые пони*¹⁰⁶, в то время, как в реальности его будущая жена изрыгала языки пламени. *И розовые пони, те, кто еще выжил, с криком убежали. А, может быть, конечно, я и ошибаюсь, но милая внешне невеста изнутри представляла собой суровую смесь крепкого хозяйственника лет 45 пяти, при чем какого-нибудь гаражного кооператива, и невоспитанной девицы, которая затыкает своему близкому человеку рот фигурально рукой.* <http://nattyshaffner.livejournal.com>; *Пчелы в смятении. Голосовать ли за мед*¹⁰⁷? *Очередная полумера дала трещину по вполне объективным причинам.* <http://www.banki.ru>; *Не стоит еееу*

¹⁰¹ Ср. ФН *закрывать/закрыть (завершать/завершить) геитальт*. Закончить, завершить какое-либо важное дело; удовлетворить потребность в чем-либо (М.Д.)

¹⁰² Ср. ФН *мимиметр зашкаливает!* О высшей степени умиления чем-либо (М.Д.)

¹⁰³ Ср. ФН *жечь напалмом*. Удивлять, поражать (М.Д.)

¹⁰⁴ Ср. ФН *некомпенгаген кто в чем*. Шутл. Кто-л. совершенно не разбирается в чем-л. (М.Д.)

¹⁰⁵ Ср. ФН *духовные скрепы*. Ценности, скрепляющие Россию в единое целое (часто иронически). (М.Д.)

¹⁰⁶ Ср. ФН *жить в мире розовых пони*. Шутл. Быть оторванным от реальности; находиться во власти иллюзий (М.Д.)

¹⁰⁷ Ср. ФН *пчелы против меда*. Ирон. Об участии в чем-либо людей, изначально не заинтересованных в достижении положительного результата (М.Д.)

~~на глобус~~¹⁰⁸ овечью шкуру на волка пытаться натягивать. Как бы вам этого не хотелось...
<http://judgesuhov.livejournal.com>

Таким образом, контекстуальная трансформация является для фразеологического неологизма показателем его популярности и коммуникативной востребованности. Сам факт трансформации говорит о том, что фразеологизм «укоренился» в языке настолько хорошо, что даже в модифицированной форме узнается носителем языка.

Рассматривая Интернет не только как среду функционирования фразеологизмов, но и как **инструмент исследования**, можно использовать его также как **средство верификации момента вхождения ФЕ в язык, вариантов его формы, его значения или значений, стилистической маркированности**¹⁰⁹. Анализ в таком случае будет реализовываться не на основании метода сплошной выборки (который реализован в данной диссертации), а на основании прямого поиска конкретного фразеологизма в текстах блогов (или НКРЯ). Поскольку данный аспект не является предметом исследования данной диссертации, мы предпримем попытку лишь обозначить и продемонстрировать эвристические возможности Интернета на примере функционирования трех незафиксированных словарями, но очень популярных в Рунете и уже выходящих за его пределы фразеологизмов: *завершать/завершить геишальт*, *духовные скрепы*, *запасаться/запасть покорном*. Все эти три фразеологизма в данный момент очень популярны в Сети и за ее пределами, хотя именно в Интернете случаи фразеупотребления¹¹⁰ видны наиболее наглядно.

Мы сознательно рассматриваем фразеологические неологизмы, возникшие различными способами (об этом см. [Малински 1992]). Так, например, популярное в данный момент выражение *завершить/завершить геишальт* возникло в результате детерминологизации психологического понятия, фразеологический неологизм *запасаться/запасть покорном* возник на основе часто используемого свободного словосочетания разговорной речи, а их авторство не определено. Третий фразеологический неологизм *духовные скрепы* имеет статус крылатой фразы (т.е. возник в результате цитации, согласно классификации Т. Малински) после обращения президента России к Федеральному собранию 12.12.2012 года.

¹⁰⁸ Ср. ФН *натягивать / натянуть сову на глобус*. Ирон. Подтасовывать факты, манипулировать источниками, чтобы обосновать свою точку зрения (М.Д.)

¹⁰⁹ Подобная верификация была использована автором при составлении *Словаря русских неологизмов*, изданного Университетом им. Ф. Палацкого в 2018 г.

¹¹⁰ Все данные и числа приводятся на момент окончания 2015 года (М.Д.)

Примечательно, что согласно Национальному корпусу русского языка [НКРЯ] данное выражение впервые прозвучало в работе М. Коллонтай «Дорогу крылатому Эросу! (Письмо к трудящейся молодежи)» (1923) в форме *духовные скрепы* и *душевные скрепы*. Однако, несмотря на большую популярность данного выражения в сети, в НКРЯ (возможно, в силу особенностей обновления) данное сочетание больше не обнаруживается. Авторство В.В.Путина опровергает тот факт, что данное выражение встречается в блогах и до обращения президента. Так, поиск по блогам [Яндекс.Блоги 2015] дает за период 1.01.2011 по 01.01.2012 – 26 употреблений данного сочетания, хотя и метафорического, но еще не в качестве узнаваемого и идиоматизированного, являющегося, как правило, частью какого-либо текста религиозного характера. А вот за период 1.01.2012 г. по 11.12.2012 г. встречается уже больше 200 случаев, причем часто уже и в ироническом контексте. Такой рост количества фразеопотреблений, возможно, связан с обращениями и интервью патриарха, в которых он также использовал это выражение, например, в сентябре 2012 года, см., напр., <http://geokosm.livejournal.com/6188.html>. Таким образом, точный момент вхождения данного выражения в язык и речь в качестве именно фразеологизма на данный момент не определен, как и действительный автор, хотя пишущие ощущают ее «крылатый» характер и часто пытаются при рефлексии по поводу происхождения фразы приписать авторство тому или иному знаменитому человеку: цитируют Н. Бердяева (*Царь был духовной скрепой русского народа, он органически вошел в религиозное воспитание народа...* <http://timursim.livejournal.com>), сомневаются по поводу авторства (*Нравственные скрепы расшатались (не помню - Соловьёв или Ключевский это написал...* <http://2k.livejournal.com>), приводят точные ссылки на случаи использования данного выражения в литературе (<http://makkawity.livejournal.com>) и т.д. Однако можно с уверенностью утверждать, что именно обращение президента дало мощный импульс для вхождения данного фразеологического неологизма в язык. Так, согласно поиску по блогам с 12.12.2012 по 12.12.2013 г. обнаружено уже более 10000 фактов употребления.

Точный момент вхождения фразеологического неологизма в язык не всегда можно определить. Однако поиск в Сети (например, по блогам) позволяет приблизительно отследить год начала бытования фразеологической единицы в речи пользователей Интернета и проследить динамику его популярности. Так, например, фразеологическая единица *завершить/завершать геиштальт* детерминологизированного происхождения (из терминосистемы психологии) не

обнаружена нами во фразеологических словарях, однако, согласно поиску в блогах, она начинает функционировать (наряду с профессиональным термином) уже в 2003 году:

В общем-то в данном случае развод - лишь формальность.. Завершение геишальта, так сказать.; <http://busybackson.livejournal.com>; *Говорю тебе пожалуйста за то что я тебе помог, завершаю геишальт так сказать...* <http://little-fury.livejournal.com>

С 2004 года в блогосфере Рунета начинается последовательный рост количества словоупотреблений со словом *геишальт*, так за 2014 год система поиска по блогам показывает более 10000 случаев, из которых только примеров сочетания *завершить геишальт* – более 500, *закреть геишальт* – почти 2500, не считая примеров варьирования компонента фразеологизма. В случае с данным фразеологизмом Интернет помогает и при определении компонентного состава. Так, из терминосистемы данный фразеологизм пришел в форме *завершать/завершить геишальт*, однако приведенные выше цифры говорят о том, что в современном языке форма *закреть/закрывать геишальт* встречается примерно в пять раз чаще. Ср.

Сижу, закрываю детский геишальт - доедаю ложкой икру из килограммовой банки. <http://tolchok.diary.ru>; *Поддавшись новогоднему настроению решил завершить геишальт и посмотреть последнюю серию когда-то в детстве любимого сериала.* <http://17-009.livejournal.com>

С 2005 года появляется в блогах и неологический фразеологизм *запасаться попкорном*:

Повторите вашу фразу о главе исполнительной власти. я заранее запасюсь попкорном :) <http://2004-vybory-ua.livejournal.com>.

Именно с этого периода начинается постепенное увеличение количества контекстов с данным оборотом, а за период всего 2014 года на запрос *запасаться попкорном* приходится почти 5500 примеров. Примечательно, что до 2005 года это словосочетание также употреблялось в качестве свободного и буквального:

Ах, да, запаситесь попкорном, колой о т.д. фильм идет 2 часа 40 минут... периодически я была готова уснуть.. http://users.livejournal.com/_lama_/; *Вот и топаеть, предварительно запасиись попкорном, соса-солой и хорошей компанией, что бы в очередной раз убедиться, что в последнее время хороших фильмов стало катастрофически мало, а того, чего хочется посмотреть - катастрофически много..* <http://narayasha.livejournal.com>

Массив открытых и закрытых корпусов Интернета позволяет определить и уточнить значение фразеологического неологизма. Так, на основе анализа фразоупотреблений в различных интернет-контекстах мы попытались дать определения

исследуемым фразеологизмам. Например, фразеологизм *запасаться попкорном* используется в значении 'пассивно, но с интересом наблюдать за развитием событий':

*Да уж, ситуация принимает все более интригующий оборот. Запасаемся попкорном, и наблюдаем картину, гораздо более захватывающую, чем любая голливудская драма... <http://nechtoportal.ru>; Россия **запаслась попкорном** и наблюдает, как Запад пытается вытянуть свой вождельный проект под названием «Не Россия»... vk.com/agents_kremlin, Я запасся на весь 2009 год попкорном, уверен, год будет богатым на зрелища. <http://microgenius.livejournal.com>*

Это значение подтверждается и статьей «Попкорн» в шуточной энциклопедии Луркоморье (Луркмоар), пишущей о различных интернет-явлениях: «С интернетовского на человеческий «попкорн» переводится примерно как: «О дорогие участники спора, знайте, что ваша дискуссия возбудила во мне интерес, и хоть принимать участие в полемике у меня желания нет, я пристально наблюдаю за ходом мысли и получаю от этого удовольствие!» (<https://lurkmore.co/%CF%E0%EF%EA%E0%F0%ED>). Однако, часть контекстов, по нашим наблюдениям, актуализирует и второе значение 'ожидать чего-либо':

*Ждём продолжения, **запасаемся попкорном!** fritzmorgen.livejournal.com; А по сему **запасайтесь попкорном** и ждите следующих повествований! <http://set613.livejournal.com>*

Интернет позволяет обнаружить и случаи возникновения достаточно частотного трансформы, образованного при помощи приема расширения компонентного состава фразеологизма *запасаться попкорном и патронами*, который уже стал отдельным фразеологическим неологизмом:

*Время **запасаться не попкорном, а патронами...** Потому что эта новость - вернейший признак того, что война элит перешла в горячую фазу... <http://obskurant.dreamwidth.org>; Сами производители и АНБ отмалчиваются, а значит действительно закладки есть, и их действительно используют. **Запасаемся попкорном и патронами.** Продолжаем вести наблюдение.... <http://matmyst.livejournal.com>*

При этом значение фразеологизма меняется с 'пассивно, но с интересом наблюдать за развитием событий', 'ожидать чего-либо' на 'ожидать чего-либо плохого, готовиться к худшему':

*Верховный суд вышел за рамки и открыл ящик пандоры. ну а я **запасся попкорном и патронами...** <http://kuzimama.livejournal.com>; Я уже **попкорном и патронами запасуюсь** чуя новый передел собственности и построения новой вертикали. khazin.livejournal.com*

Популярный фразеологический неологизм *завершать геиштальт* функционирует в языке в значении, близкому к изначальному, терминологическому 'сделать что-либо важное, значимое', 'закончить какое-либо важное дело':

Я закончила ремонт, сдала квартиру, геишальт закрыт, а это значит, что нашлось время для очередного моего дня. <http://vk.com>; Сегодня хотелось бы написать о велосипеде... Я ведь даже до сих пор не умею о нем кататься.... На самом деле, уже безумно хочется закрыть у себя этот геишальт и, наконец, научиться кататься. <http://mashenka041094.livejournal.com>; Давний летний геишальт об утренней пробежке закрыт. Утро выдалось прекрасным) <https://www.facebook.com>

Анализ функционирования данного фразеологизма отражает и его регулярное ироническое использование при характеристике незначительных дел и событий:

Научились готовить крокеты с борщечком; сделали елку из одной гирлянды и пяти фантиков; заготовили ведро селедки под шубой; начали по-польски интонировать; наставили себе синяков в аквапарке; выпили около десяти литров алкоголя; закрыли невероятное количество геишальтов. <http://noshpito.livejournal.com>

С определением точного значения фразеологизма *духовные скрепы* ситуация несколько сложнее. Различные порталы, специализирующиеся на объяснении популярных явлений Рунета, определяют данный фразеологический неологизм так: «обозначение духовных оснований, объединяющих общество современной России» <http://ruxpert.ru>, «основы, скрепляющие российское общество» www.wikireality.ru и т.д. Однако такое понимание встречается лишь в контекстах, в которых отражены попытки интернет-пользователя проанализировать что-либо в патриотическом или религиозном духе:

*Итак, **духовные скрепы**... Путин, с учёным видом знатока, небрежно так бросил это выражение пару лет назад. С тех пор не смолкает иронический хор критиков. Не знаю, насколько наш Президент силён в проблематике, но **духовные скрепы**, объединяющие русский народ, в самом деле существуют. Это не только то, что объединяет русских между собой, не только некие надсистемные свойства, обеспечивающие специфику нашего развития. Это также то, что отличает нас от других. <http://kotbegemott.livejournal.com>*

Значительно чаще данный фразеологизм используется с ироническим оттенком. Например,

*Следственный комитет возбуждает уголовные дела по заведомо ложным обвинениям... Поневоле задумаешься, а не являются ли такие обвинения **одной из духовных скреп**? <http://schegloff.livejournal.com>; Вот что случается при отсутствии **духовных скреп**! Поди небось ещё базы НАТО где-то рядом расположены! – Не поверите, под каждым домом. <http://medvedyteddy.livejournal.com>*

Таким образом, можно сказать, что Интернет вносит существенный вклад и в исследование фразеологической неологии. Именно в виртуальном пространстве фразеологические неологизмы подвергаются первоначальной «материальной» фиксации и доказывают сам факт своей коммуникативной востребованности. Интернет как исследовательский инструмент верификации помогает зафиксировать употребление

фразеологизма, значительно опережая фразеографические работы, верифицировать значение устойчивого выражения, время и источник его происхождения или момент вхождения в язык, увидеть прагматический потенциал фразеологической единицы и ее популярность в динамическом аспекте, а также определить форму и границы фразеологического неологизма, что является актуальным, например, при его лексикографическом описании.

Глава 3. ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ НАГРУЖЕННОСТЬ ФЕ В РУССКОМ ИНТЕРНЕТ-ДИСКУРСЕ

3.1 Теоретические предпосылки изучения фразеологических функций

3.1.1 Понятие фразеологической функции и ее виды

Прагматическая и коммуникативная направленность современной лингвистики определяет и актуальность проблемы функции языкового знака: «понятие функции пронизывает все современные системы семантики и прагматики» [Степанов 1998: 387], а «все представления о языке, складывающиеся в современных модальных и интенциональных логиках, пронизаны разнообразными функциями, более того — понятие функции составляет самую основу системности этих представлений» [Там же: 389].

Под термином **функция языковой единицы**¹¹¹, благодаря представителям Пражской лингвистической школы вошедшим в категориальный аппарат языкознания, традиционно понимается¹¹² «роль, выполняемая языковой единицей (грамматической категорией, грамматической формой) при воспроизведении в речи», а также «назначение (применение, использование) разных сторон языка и его элементов» [Розенталь, Теленкова 1976]. Важность функциональной нагруженности языковой единицы подчеркивает Е.С. Кубрякова: «Установление функции языковой единицы предполагает определение её роли в данном языке (системе языка), например, у предложения могут быть выделены коммуникативная (сообщать о чём-то) и номинативная (называть это событие) функции. Каждая языковая единица существует исключительно потому, что

¹¹¹ Как справедливо отмечают авторы «Энциклопедического словаря чешского языка», функция «1. v Pražské škole označuje především „úkol“, který jazykové prostředky s ohledem na lidské výrazové potřeby plní. Společným „úkolem“ lze na úrovni langue definovat jednotky různých, hierarchicky uspořádaných jazykových rovin... Na úrovni parole se ukazuje konkrétní uplatnění funkcí jazykových prostředků, zobecněné na úrovni langue. ... 2. S komunikačně-pragmatickým obratem se rozšířilo užívání pojmu funkce ve smyslu komunikační funkce výpovědi» [EŠC 2002: 144].

¹¹² Ср. также другие определения «функция» в лингвистике: способность языковой формы к выполнению того или иного назначения (нередко синоним терминам «значение» и «назначение» языковой формы); зависимость или отношения между единицами языка, обнаруживаемые на всех уровнях его системы (Е. С. Кубрякова) [БСЭ 1969—1978]; в лингвистике слово «функция» используется в двух значениях: 1) собственно лингвистическая Ф. языковой единицы в системе языка и вербальном контексте; 2) социальные Ф. языковых и текстовых единиц как их роль в реализации целей и задач общения и других экстралингвистических стилиобразующих факторов той или иной речевой разновидности, ее назначения в социуме [СЭСРЯ 2003].

она, в отличие от другой языковой единицы, служит известной цели, т. е. выполняет определённую функцию» [БСЭ 1969—1978].

Примат одних языковых функций над другими и возможность выделения основных функций, по мнению Н.В. Данилевской, «определяется именно функциональной значимостью (тексто- и стилеобразующей ролью) языковой организации той или иной речевой разновидности в соответствующей сфере интеллектуально-духовной деятельности» [СЭСРЯ 2003]. В интернет-коммуникации, как коммуникации пограничного типа, стилистически находящейся между публицистической речью (и массовой коммуникацией) и речью разговорно-обиходной, на наш взгляд, будет происходить смешение доминантных языковых функций обоих стилистических регистров: «для публицистической речи, обслуживающей нужды массовой коммуникации, основными являются информативная функция, функция ценностной ориентации и социальной оценки, экспрессивная функция, функция воздействия, а также налицо функции констатации и агитационно-пропагандистская; <...> в разговорно-обиходной речи, обслуживающей сферу повседневного непосредственного межличностного неофициального общения, основными являются: функция эмотивная, воздействия, фатическая, ценностной ориентации и информативная» [СЭСРЯ 2003].

Устойчивые выражения, актуализируясь в любом контексте, реализуют свою «прагмемную сущность» [Мокиенко 2016: 8] и функциональную нагруженность. В интернет-дискурсе фразеологизмы также играют свою **прагматико-коммуникативную роль и служат для реализации множества функций**. Как отмечает В.А. Кунин: «У ФЕ имеется определенная «программа» функционирования, которая предопределена самой их сущностью» [Кунин 2005: 132]. Исследование употребления фразеологических единиц в онлайн-дискурсе говорит о множестве способов контекстуальной реализации устойчивых выражений. Фразеологизмы активно используются в Интернете, демонстрируя высокую дискурсивную востребованность. О роли устойчивого выражения в контексте и влиянии контекста на идиому Н.Ф. Алефиренко пишет: «Значение знака косвенно-производной номинации соотносится вполне с определенным образом предметно-практической деятельности..., а дополнительный смысл значения знака приобретает в дискурсивно-когнитивной деятельности в зависимости от мотивов, целей и намерений коммуникантов и в результате смысловых преобразований знаков прямо-номинативного характера — субстанциональной базы вторичного семиозиса»

[Алефиренко 2008: 36]. **Под функцией фразеологической единицы** мы (в рамках данной работы) **понимаем роль, выполняемую ФЕ при ее актуализации в речи.**

В научной литературе **количество и состав функций фразеологических единиц** определяется по-разному. Сложность явления и разные исследовательские задачи стали причиной возникновения различных классификаций и отличающегося «набора» самих функций. Основываясь на принципах выделения основных и вторичных функций языкового знака и языка, большинство исследователей строит свои классификации на основании критерия константности – дополнительности фразеологических функций или их роли в языке и речи.

Справедливо разделяет фразеологические функции на общеязыковые и речевые Ю.А. Гвоздарев, относя к общеязыковым – номинативную, сигнификативную и синтаксическую, а к речевым – экспрессивно-образную, оценочно-характеризующую, обобщающую, стилеобразующую [Гвоздарев 1989: 13-14].

Определенную иерархию фразеологических функций в своей классификации предлагает А.М. Эмирова, выделяющая: 1) конститутивную функцию ФЕ, связанную с сообщением; 2) фразеологические субфункции, к которым относятся номинативная, сигнификативная, символическая; 3) фразеологические эпифункции, включающие экспрессивную, фатическую, эстетическую и др. [Эмирова 1987: 38].

Утверждая, что способность ФЕ выполнять конкретные функции «обусловлена прежде всего разницей в соотношении мотивированности и конвенциональности их значений, жесткостью/нежесткостью связи между означаемым и означающим» [Савицкий 2006: 178], В.М. Савицкий выделяет следующие функции устойчивых выражений: характеризующую, мнемотехническую (указывающую на какой-либо типичный признак), выразительную, изобразительную, криптолалическую (конспиративную), эвфемистическую, юмористическую, экспрессивную, эмотивно-оценочную, моделирующую, кумулятивную [Там же: 178-181]. Данный «набор» функций ФЕ отражает как языковые функции ФЕ (кумулятивная, моделирующая), так и речевые (характеризующая и пр.)

Исследуя актуализацию устойчивых выражений в повествовательном дискурсе, М. А. Фокина причисляет к фразеологическим функциям следующие: стилеобразующую, являющуюся интегративной для соподчинённых функций: текстообразующей, концептообразующей и жанрообразующей, последняя из которых, в свою очередь, объединяет хронотопическую, сюжетообразующую и ритмообразующую [Фокина 2008: 10-12].

Значительное внимание функциональности фразеологизмов уделяет А. В. Кунин, выделяя функции константные и дополнительные. К константным фразеологическим функциям он относит коммуникативную, познавательную и номинативную функции: «Коммуникативной функцией ФЕ является их назначение служить средством общения или сообщения. Общение предполагает взаимный обмен высказываниями, а сообщение — передачу информации без обратной связи с читателем или слушателем. Номинативная функция ФЕ — это их соотнесенность с объектами реального мира, включая и ситуации, а также замена этих объектов в речевой деятельности их фразеологическими наименованиями. Для номинативной функции фразеологизмов характерно заполнение лакун в лексической системе языка. Это свойственно подавляющему большинству фразеологизмов, так как у них нет лексических синонимов. Разновидностями номинативной функции являются нейтрально-назывная и назывная. Нейтрально-назывная функция является основной для фразеологических единиц, например, *brown paper* — оберточная бумага. При реализации подобных оборотов в актах коммуникации важен факт обозначения объекта, а не стилистическое использование оборота. Для переосмысленных фразеологизмов (идиоматизмов и идиофразеоматизмов) также характерна назывная функция, но она является не нейтральной, а стилистически маркированной. С номинативной функцией тесно связана познавательная (когнитивная) функция — опосредованное сознанием социально-детерминированное отражение объектов реального мира, способствующее их познанию. <...> Познавательная и номинативная функции реализуются в рамках коммуникативной функции, образуя диалектическое единство, а все остальные функции — в рамках данных функций. В этом проявляется иерархичность функционального аспекта фразеологической системы» [Кунин 2005: 132-133]. Им также выделяется волюнтаривная, дейктическая, результативная, прагматическая, стилистическая, кумулятивная, директивная, оценочная, резюмирующая, компенсаторная, текстообразующая и другие фразеологические функции. При исследовании отмечает, что приведенное им «перечисление функций фразеологизмов не представляет собой их классификацию. Эта сложная проблема ждет своего решения» [Там же: 141]. И действительно, до сих пор не существует четкой структурной типологии или иерархии фразеологических функций. Этот факт отражен и в попытках других фразеологов систематизировать

функциональную нагруженность ФЕ, которые приводятся в работах [Ломакина 2015], [Фесенко 2009]¹¹³.

Как видно из приведенного «набора» фразеологических функций, их условно можно разделить на две группы: **информативно-номинативную** и – наиболее важную и релевантную для фразем (а также для интернет-дискурса и медиадискурса) – **прагматико-коммуникативную**. Как отмечает В.М. Мокиенко, «с точки зрения прагмалингвистики языковые единицы разделяются на информемы – носители сугубо интеллектуальной, рациональной информации, и прагмемы – единицы, предназначенные для регуляции человеческого поведения и потому отражающие явления эмоционально-волевой сферы психики человека. Фразеология, одной из релевантных характеристик которой является экспрессивность (resp. коннотативность), генерируемая различными динамическими процессами семантики и структуры фразеологических единиц, является преимущественно набором прагмем. «Прагмемная» сущность ФЕ проявляется прежде всего в том, что они с денотативной точки зрения практически не несут никакой новой информации и используются в текстах как исключительно характеризующее средство. <...> Чисто информационная «избыточность фразеологии», однако, компенсируется ее прагматической полноценностью как активного средства воздействия на адресата» [Мокиенко 2016: 8]. Ведущую роль прагматического аспекта фразеологического функционирования отмечает и Е. А. Добрыднева, говоря о том, что ФЕ в тексте «обязательно стремится к достижению определенного прагматического эффекта и тем самым реализует одну из прагматических функций или ряд прагматических функций фраземы: фатическую, побудительную, функцию эмоционального воздействия, функцию достижения эмпатии, функцию

¹¹³ Неоднозначность выделения фразеологических функций отмечают и чешские лингвисты: «Funkce f.i. jako jaz. jednotky je obecně stejná jako každé jiné jednotky jaz. Tím, že f.i. je v textu víceslovným a ustáleným jaz. pojmenováním, založeným sémioticky a psychologicky, plní základní nominativní funkci a tím, že je komponentem, částí širší textové struktury, plní druhou základní jaz. funkci strukturní, resp. komunikativní. Takto má např. nominální frazém *kámen úrazu* nominativní funkci pojmenování druhu obtíže, analogickou subst., zatímco z hlediska strukturního např. ve větě *Karlův doplněk k návrhu se stal kamenem úrazu* má funkci predikátovou, tj. tvoří součást jejího přísudku. Podobně verbální frazém *hodit něco za hlavu* je nominativně obvykle pojmenováním druhu negativní reakce a strukturně obvykle přímo predikátem. Zatímco nominativní funkce má povahu paradigmatickou, je funkce strukturní syntagmatická a slouží i k funkční klasifikaci f.i. K nejobjektivnější klasifikaci však slouží funkce strukturní spolu s typologií transformačních anomálií f.i. Volněji se někdy mluví i o dalších funkcích, funkci estetické (řada f.i. vyjadřuje např. zvláště podárenou či vtípnou metaforu, obraz), ekonomické (nominativně je f.i. obvykle velmi ekonomický, „krátký“ a doslovný opis, pokud ho vůbec má, je vždy delší), popř. i evaluativní (většinou jsou f.i. prostředky výrazného hodnocení v systému co do počtu prostředků vůbec nejbohatší), kterou je však třeba uvažovat v rámci pragmatiky» [Čermák 20176].

формирования мнения, функцию эстетического воздействия и т.д.» [Добрыднева 2000: 110].

Таким образом, можно сказать, что «глобальной» функцией устойчивых выражений в интернет-дискурсе является **прагматическая**, при этом реализующаяся в различных «формах», воздействующих на читателя (экспрессивная, людическая и т.д.) и формирующих дискурсивные черты (текстообразующая, жанрообразующая и т.д.).

Необходимо отметить, что в данной главе мы рассматриваем не общеязыковые (языковые) функции, а **речевые функции ФЕ**, которые они реализуют в тексте. В данной главе мы также сознательно, с исследовательскими целями выделяем и рассматриваем отдельные, наиболее важные функции, выполняемые фразеологизмами в интернет-дискурсе. При этом мы осознаем **полифункциональный характер каждой ФЕ в тексте**. Как отмечает А.В. Кунин, в высказываниях функции ФЕ часто перекрещиваются [Кунин 2005: 140]. Полифункциональность фразеологии, отмечаемая, напр., в работах [Ломакина 2015], [Савицкий 2006], [Фокина 2008], заключается в способности фразеологической единицы выполнять в тексте несколько функций одновременно, формируя, на наш взгляд, явление, которое можно было бы назвать **фразеологическим функциональным (или прагматическим) синкретизмом**.

Как нам кажется, важным аспектом реализации фразеологической функциональности является их интертекстуальный характер¹¹⁴, в связи с чем в следующем разделе нам бы хотелось обозначить свою позицию по поводу интертекстуальности ФЕ.

3.1.2 Интертекстуальность фразеологизмов и фразеологизм как интертекст¹¹⁵

Само понятие **интертекстуальности**, возникнув в работах Ю. Кристевой¹¹⁶, отвечая задачам постструктуралистского мировоззрения, быстро становится предметом многочисленных гуманитарных исследований, прежде всего, философии и литературоведения (Р. Барт, Ж. Деррида, М. Фуко, Ж. Лакан и др.). Появившись

¹¹⁴ Важно отметить, что, по нашему мнению, большая часть трансформаций фразем, в первую очередь, семантического типа (например, двойная актуализация, экспликация внутренней формы и др.), рассмотренных в предыдущей главе, также протекает благодаря реализации интертекстуального потенциала ФЕ.

¹¹⁵ Подробнее о роли фразеологической интертекстуальности в формировании дискурсивного пространства Интернета см. [Dobrova 2018].

¹¹⁶ Ю. Кристева вводит данный термин в 1967 году в статье «Бахтин, слово, диалог и роман» и понимает интертекстуальность как «межтекстовый диалог» [Кристева 2000: 435]

изначально как текстовая характеристика (*межтекстовый диалог* – Ю. Кристева), понятие интертекстуальности¹¹⁷ вышло за пределы своей первоначальной дефиниции и приобрело максимально широкое значение в интерпретации Ж. Дерриды, считающего, что «внетекстовой реальности вообще не существует» [Деррида 2000: 313], и Ш. Гривеля, утверждающего, что «нет текста, кроме интертекста» [Ильин 1996: 225]. Как справедливо замечает И.П. Ильин, «сегодня этот термин употребляется не только как литературоведческая категория, но и как понятие, определяющее то миро- и самоощущение современного человека, которое получило название постмодернистской чувствительности» [Там же: 225].

Являясь первоначально литературоведческими категориями, интертекстуальность и интертекст становятся объектом внимания ученых-языковедов и быстро попадают в категориальный аппарат лингвистики текста (Р.-А. де Богранд, В. У. Дресслер, В.Е. Чернявская и др.), а затем и лингвистики в целом. Так, в современной лингвистической русистике интертекст становится предметом исследования в связи с различным кругом проблем: интертекст и его роль в различных видах дискурса: научном [Ракитина 2015], публицистическом [Бобровская 2015], рекламном [Беданоква 2015], религиозном [Бобырева, Карасик 2015]; интертекст в его связи с метафорой [Дементьев 2015], [Кураш 2001] и лингвокультурным концептом [Воркачев 2015]; изучается интертекстуальность и как фактор жанрообразования [Кулакова 2011] и др.¹¹⁸.

Динамика увеличения интереса к проблеме интертекстуальности не способствовала формированию однозначного определения и выработке единого подхода к толкованию самого явления в различных гуманитарных науках. Как и в литературоведческой и философской парадигмах, лингвистическое понимание интертекста также не является однозначным: в языкознании интертекст может определяться как «отсылка к отдельным событиям и культурным фактам, а также цитаты

¹¹⁷ Будучи ограниченными рамками раздела, мы не имеем возможности подробно рассмотреть всю сложность и многоаспектность явления интертекстуальности в современных гуманитарных науках. Подробно о явлении и подходах к его изучению см., например, следующие работы обобщающего характера: [Ильин 1996], [Литвиненко 2008], [Фатеева 2007], [Чернявская 2009].

¹¹⁸ Л. Яновец, отмечая интерес чешских лингвистов к проблеме интертекста, так описывает современный чешский научный ландшафт, посвященный данной теме: «V českém prostředí to jsou mimo práce literárněvědní především M. Otruba, J. Homoláč, který se jako první český lingvista soustředil podrobněji na výzkum intetextuality jako konstitutivní složky smyslu textu z hlediska lingvistického (teorie textové lingvistiky [srov. Homoláč 1996]). Dále je to např. S. Čmejrková nebo R. Čapková / Holanová, které se věnují intertextualitě jako konstitutivního aspektu mediálního textu, především reklamních sdělení (komplexně [Čmejrková 2000, Holanová 2012], tam i další práce), J. Hoffmannová, jejíž zájem v současné době míří k výzkumu intertextuality v internetových komunikátech [Hoffmannová 2006], nebo S. Schneiderová, která se zaměřuje na intertextovost ve filozofických textech [viz např. Schneiderová 1999]» [Janovec 2012: 213]. См. также обзорную статью об интертексте [Hoffmannová 2003].

любых сообщений на естественном языке» [Литвиненко 2008: 88], «объективно существующая информационная реальность, являющаяся продуктом творческой деятельности человека, способная бесконечно саморегенерироваться по стреле времени» [Кузьмина 1999: 8], так и посредством (часто еще более размывающих и без того широкое понятие) метафор: «интертекст – среда обитания культурных концептов», «интертекст – это то, что можно читать в прямом смысле этого слова» [Степанов 2017]. Так, по мнению Т.Е. Литвиненко, отмечающей неоднозначность толкования указанных терминов и многообразие подходов к интерпретации интертекстуальности, в современных лингвистических исследованиях «интертекст в ряде случаев может становиться синонимом интекста, претекста, подтекста, прототекста, пратекста, контекста, надтекста, метатекста, гипертекста, макротекста, сверхтекста, мегатекста и др.» [Литвиненко 2008: 290]. Сложные терминологические отношения понятия интертекст и смежных понятий в рамках категориального аппарата лингвистики текста отмечают и другие исследователи, например, [Schahadat 1999].

В данном разделе нам хотелось бы принять за определение интертекста классическую формулировку Р. Барта, понимающего интертекст максимально широко¹¹⁹, и которая, на наш взгляд, отвечает задачам не только широкого междисциплинарного подхода, но и лингвистических исследований в целом: «Каждый текст является интертекстом: другие тексты присутствуют в нём на различных уровнях в более или менее узнаваемых формах: тексты предшествующей культуры и тексты окружающей культуры. Каждый текст представляет собой новую ткань, сотканную из старых цитат. Обрывки культурных кодов, формул, ритмических структур, фрагменты социальных идиом и т.д. – все они поглощены текстом и перемешаны в нём, поскольку всегда до текста и вокруг него существует язык. Как необходимое предварительное условие для любого текста интертекстуальность не может быть сведена к проблеме источников и влияний: она представляет собой общее поле анонимных формул, происхождение которых редко можно обнаружить, бессознательных или автоматических цитат, даваемых без кавычек» [Барт 1994а: 226].

¹¹⁹ В чешской филологической традиции также встречаются узкое (например, „původně literárněvědný termín pro označení vztahu mezi dvěma nebo více texty; užívá se také v sémiotice. V lingvistickém kontextu jeden z konstitutivních rysů textuality“ [EŠČ 2002: 184]) и широкое понимание интертекста (например, „Text není souhrnem významů, ale plynutím, přechodem; každý text je zároveň intertextem textu jiného, neboť všemi procházejí určité obecně kulturní jazyky, které se zároveň v každém textu kombinují v cosi jedinečného, co lze postihnout jen ve smyslu rozdílu vůči jiným textům“ [Bílek 2003: 64]).

Вопросы интертекста и интертекстуальности традиционно решались на примерах художественных текстов и применительно к художественным текстам, которые включали следующие виды интертекстем: аллюзия, цитата, реминисценция. **Вопрос об интертекстуальности фразеологизмов** и прочих «генерализованных высказываний» не является изученным в полной мере, а многие аспекты этой проблемы лишь предстоит рассмотреть. Тем не менее **проблема интертекстуальности устойчивых выражений**¹²⁰ так или иначе затрагивается в современных работах российских лингвистов. Например, В.Н. Телия, говоря о лингвокультурологическом статусе ФЕ, отмечает, что «фразеологические номинации представляют собой большой объём «свёрнутой» культурно-маркированной информации» [Телия 1996: 288] или ФЕ «представляют собой микротексты, в номинативное основание которых, связанное с ситуативным характером обозначаемого, втягиваются при его концептуализации все типы информации, характерные для отображения ситуации в тексте, но представленные во фразеологизмах в виде «свёртки», готовой к употреблению как текст в тексте» [Там же: 8]. По мнению В.М. Мокиенко, «соединение слов – это уже какой-то связный рассказ, более или менее выкристаллизовавшийся образ» [Мокиенко 1986: 3]. Несмотря на недостаточную теоретическую разработку проблемы, в современной лингвистической русистике фраземы уже рассматриваются как интертекстуальный феномен, см., напр., работы [Рыжкина 2012], [Фокина 2008]. Интертекстуальные свойства фразем отмечает и литературовед и нарратолог, автор теории «возможных миров» Л. Долежел: «Intertextualitu lze chápat jako vlastnost textury, intertextuální význam je obsažen ve slovech, frazeologii, citátech, klišé apod» [Doležel 2003: 200]. О роли интертекстуальности фразем в формировании текстового пространства упоминает и [Hoffmannová 2012].

Сложный вопрос статуса «интертекстуальности» фразеологической единицы связан и с неоднозначным пониманием и определением явлений прецедентности и интертекстуальности в целом. Так, например, В.В.Красных считает, что объектом исследования теории интертекстуальности становится художественный текст, в то время

¹²⁰ Важным для нас является и прямая **взаимосвязь между интертекстуальностью и гипертекстовостью** как важной чертой интернет-дискурса. Когда речь заходит о вопросе «интернет и интертекст», вопросов возникает не меньше, чем при вопросе «фразеологизм и интертекст». Интертекстуальность интернет-дискурса, по нашему мнению, возникает благодаря не только структуре гипертекста, но и полижанровости виртуального пространства и значительного смещения и слияния границ внутренних дискурсов интернета. Будучи ограниченными рамками раздела мы не можем рассмотреть вопрос отношения гипертекстовости и интертекстуальности подробно. Об «интертекстуальности гипертекста» и о том, носит ли гипертекст Интернета интертекстуальный характер, см., например, [Maï 1991], [Колокольцева 2015], [Janovec 2012], [Höflerová 2013].

как теория прецедентности изучает «тексты, порождаемые в процессе непосредственной коммуникации» [Красных 2002: 137-138], и в контексте подобного подхода фразема может пониматься как прецедентный текст, но не как интертекстема. Необходимо отметить и позицию, отраженную в работе [Красных, Гудков, Захаренко, Багаева 1997] и заключающуюся в отрицании интертекстуального характера фразеологизма в связи с невозможностью всегда точно определить прецедентную ситуацию и источник ФЕ, что, на наш взгляд, достаточно спорно. Более того, в рамках постмодернистской или постструктуралистской концепции (собственно и породившей понятие «интертекст» и «интертекстуальность») всё (не только литература, но и культура) воспринимается как текст, становящийся источником нового текста. И даже если не за каждой фраземой стоит «полноценный» прототекст (как это происходит, например, с классическим интертекстом, «выросшим» из художественного произведения), тем не менее за каждым фразеологизмом всегда стоит какая-либо **ситуация, «свернутая» в образ**, поскольку «дискурсивное мышление как разновидность речевого познания, порождая знаки косвенно-производной номинации, оказывается полиморфным: при «переплавке» первичного вербального материала оно не ограничивается только языковыми знаками – в «переработку» включаются и квазипредметные знаки, и образные представления (наглядные образы), и ассоциативно-образные схемы, структурируемые коммуникантами в процессе порождения и восприятия (понимания, осмысления) текста как продукта дискурсивного мышления» [Алефиренко 2008: 41]. В связи с этим, на наш взгляд, ФЕ можно считать интертекстом, хотя бы и «коротким интертекстом», «ячейкой больших интертекстов» и «квантом интертекстуальности» в понимании Ю.С. Степанова [Степанов 2017].

Наша позиция в вопросе причисления или непричисления фразеологических единиц к интертекстам совпадает с мнениями тех исследователей, напр., [Рыжкина 2012], [Фокина 2008], которые считают фразеологизмы интертекстуальными феноменами. На наш взгляд, **фразеологизм является интертекстемой** не только потому, что обладает свернутым внутренним образом и отсылает к какой-либо ситуации и прототексту, но и потому, что **его собственные онтологические характеристики указывают на интертекстуальный характер устойчивого выражения**. Так, такие черты ФЕ как семантическая целостность, устойчивость и воспроизводимость позволяют воспринимать фразему как целый текст, раздельнооформленность и мотивированность ФЕ помогают реализовывать ее интертекстуальные связи с прототипом или конкретным компонентом, образность ФЕ указывает на наличие внутри

идиоматического выражения свернутой, конденсированной информации и дает возможность для дальнейшей контекстуальной интертекстуальной экспликации, а экспрессивность ФЕ реализует и главную функцию любого интертекста – оказывать воздействие на адресата и повышать выразительную силу нарратива.

Фразеологические единицы, таким образом, являются интертекстами, поскольку могут быть **охарактеризованы чертами, присущими «классическому» интертексту**: они воспроизводятся в «готовом виде», т.е. в виде «чужого» слова, извлекаются из «общего поля анонимных формул» [Барт 1994а: 226], представляя собой текстовые «свёртки», максимально широко связанные (как в языковом, так и в культурном плане) с другими текстами. Более того, интертекстуальная природа фраземы позволяет реализовать и трансформационно-вариативный потенциал устойчивого оборота, поскольку позволяет узнать даже в измененной форме или семантике языковой единицы ее узуальный прототип.

Особую роль в реализации интертекстуального потенциала ФЕ и прочих «генерализованных высказываний» играет **явление семантизации¹²¹ устойчивого выражения**, при котором во фразеологическую конфигурацию вводится авторское комментирование фразеологизма, максимально адаптирующего его к контексту и конситуации. Семантизация (объяснение значения ФЕ, приспособляющее идиому к контексту и конкретизирующее ее) еще раз указывает на интертекстуальный характер фразем, поскольку в данном случае ФЕ воспринимается как *чужое слово*, требующее дополнительной интерпретации. Семантизация, таким образом, может пониматься как один из способов экстерииоризации, т.е. «превращения внутренних мыслительных действий во внешние» [Алефиренко 2008: 31].

На наш взгляд, роль фразеологизмов в формировании текстовых пространств и популярность самих ФЕ говорят о том, что вопрос об интертекстуальности фразеологизмов нужно рассматривать шире. Безусловно, ФЕ являются интертекстетами и характеризуются наличием «свернутого образа», отсылающего к какому-либо тексту или ситуации, как одной из релевантных черт, как онтологической характеристикой. На наш взгляд, «массовое» использование фразеологизмов позволяет утверждать, что они представляют собой факты «интертекстуализации сознания» [Ильин 1998: 32], и что, в

¹²¹ Под семантизацией устойчивого выражения традиционно понимается «раскрытие актуального смысла фразеологической единицы посредством ее авторского толкования» [Мелерович, Мокиенко 2005: 32].

связи с этим, фразеологическим единицам присуща и более глобальная характеристика – интердискурсивность (термин В.Е. Чернявской [Чернявская 2009]), поскольку «и автор текста, и читатель разделяют знание об общих ментальных принципах, типологических моделях текстопроизводства или культурных кодах. Это их общий транссемиотический универсум, их интертекст или «текст в голове» [Чернявская 2009: 211]¹²². Это общее информационное поле, откуда извлекаются фраземы, можно называть «интердискурсом, поскольку речь идет об интегрированном в целостную систему человеческого знания, рассеянном во многих дискурсивных формациях», а «масштаб, степень влияния этого когнитивного феномена («текста в голове») на конкретные текстообразовательные процессы и их результаты – высказывание/текст, может быть большим или меньшим» [Там же: 211]. Так, интернет-контексты демонстрируют свою высокую потребность в ФЕ и их прагматических характеристиках и практически не представляют собой примеров так назыв. «негативной интертекстуальности» [Ильин 1998: 122], т.е. нарратива без интертекстуальных включений, что вполне отвечает постмодернистскому пониманию текста и является наглядной демонстрацией принципа «бесконечной интертекстуальности» (понятие Ж. Дерриды) [Ильин 1996: 50].

Таким образом, можно утверждать, что интертекстуальность фразеологических единиц как помогает в создании фразеологического варьирования (поскольку узнаваемость даже трансформированного устойчивого выражения осуществляется в том числе и на основании интертекстуальной «свертки» внутреннего образа и знания ситуации возникновения ФЕ), так и потенциально способствует реализации многих фразеологических функций (в первую очередь, жанро- и текстообразующей, аргументирующей и др.)

3.2 Функции устойчивых оборотов в интернет-дискурсе

3.2.1 Номинативная функция

Номинативная функция присуща большинству языковых единиц. Так, согласно определению В. Н. Телии, «номинация – образование языковых единиц, характеризующихся номинативной функцией, т.е. служащих для **называния и**

¹²² В связи с исследованием интернет-дискурса, интердискурсивность фразеологических единиц можно толковать и как способность выходить за пределы конкретного дискурса, что, например, демонстрирует сетевая и эрративная фразеология, покидающая пределы породившего ее сетевого пространства и «вливающаяся» в другие дискурсы, напр., разговорный или публицистический.

вычленения фрагментов действительности и формирования соответствующих понятий о них в форме слов, сочетаний слов, фразеологизмов и предложений» [ЛЭС 1990: 336].

Вопрос отнесения-неотнесения ФЕ к номинативным-неноминативным единицам в российской лингвистике рассмотрен, например, в работах [Кунин 2005], [Телия 1996]. В.П. Жуков, А.В. Жуков утверждают, что «фразеология является мощным средством метафорической номинации типичных ситуаций, возникающих в жизни человека и одновременно зачастую способом их осознания, представления, придания им облика, близкого и понятного конкретному человеку» [Жуков, Жуков 2006: 150-151]. Способность ФЕ выполнять номинативную функцию, т.е. называть элементы действительности, не вызывает сомнения. Тесно связывая с номинативной познавательную (когнитивную) функцию ФЕ, А.В. Кунин определяет ее так: **«номинативная функция ФЕ — это их соотнесенность с объектами реального мира, включая и ситуации, а также замена этих объектов в речевой деятельности их фразеологическими наименованиями. Для номинативной функции фразеологизмов характерно заполнение лакун в лексической системе языка. Это свойственно подавляющему большинству фразеологизмов, так как у них нет лексических синонимов»** [Кунин 2005: 132-133]¹²³.

Представляется важным отметить, что **номинативная функция фразеологизмов как единиц прагмемного характера всегда тесно связана с их прагматическими функциями**: «акты номинации могут протекать при непосредственном взаимодействии с прагматическими факторами. Последние оставляют свой след в сигнификате — то или иное отношение именующих к обозначаемому: эмоциональное (ср. «солнце» и «солнышко», «маленький» и «малюсенький»), оценочное («главарь», «кляча», «тащиться»), ориентацию именующего на социальные условия речи или формы существования языка и его функционально-стилистическую дифференциацию (ср. пометы в словарях типа «прост.», «спец.», «торж.», «поэт.» и т. п.). Отображение при номинации не только элементов объективной действительности, но и прагматического, субъективного отношения создаёт экспрессивную окраску языковых единиц за счёт особого субъективно-модального компонента значения» [ЛЭС 1990: 336]. О реализации

¹²³ Ср. также определение, данное В.Н. Телией: под номинативной функцией фразеологизмов «понимается способность имени, выраженного сочетанием слов указывать на объект, соотносимый с одним денотатом (классом реальных, свойств, событий, явлений, фактов и т.п.), ни один из признаков которого не соотносится с отдельным именем, входящим в сочетание слов» [Телия 1996: 60-61].

номинативной функции ФЕ в рамках их прагматической ориентированности говорит и А.В. Кунин: «Познавательная и номинативная функции реализуются в рамках коммуникативной функции, образуя диалектическое единство, а все остальные функции — в рамках данных функций. В этом проявляется иерархичность функционального аспекта фразеологической системы» [Кунин: 2005: 132-133]. Таким образом, любая **«номинация» при помощи фразеологизма будет сопровождаться обязательно присущей ему экспрессивностью** и яркостью внутреннего образа, поэтому использование ФЕ и смежных явлений в номинативной функции определяется, в первую очередь, желанием говорящего привлечь внимание к реалии, обозначив ее необычным, нестандартным образом. Ср. напр., следующие случаи реализации номинативной функции ФЕ в Интернете, в которых устойчивые выражения синонимично «называют» следующие реалии (*задать березовой каши* – выпороть, наказать; *точить лясы* – болтать, разговаривать, *бить баклуши* – бездельничать, *не за горами* – скоро):

Президент "Нашим" задал березовой каши. <http://shenda.livejournal.com>; *Пусть остальные подождут в очереди, пока очередной клиент точит лясы с кассиршей или с секретаршей.* <http://tigrenok-t.livejournal.com>; *А областные депутаты по-прежнему бьют баклуши в том самом доме, что был возведён на пресловутое «золото партии» во второй половине века XX.* <http://hameleon7.livejournal.com>; *Думаю, то время не за горами.* www.kp.ru

Такое «номинативно-эстетическое» использование устойчивых выражений А.Е. Супрун объясняет «желанием адресанта использовать некий уже имеющийся образ в новом, не претендующем на оригинальную образность <...> сообщении, оживляя тем самым текст» [Супрун 1995]. Так, в следующем фразеологически насыщенном контексте использование нескольких устойчивых выражений в рамках одной фразеологической конфигурации номинирует (конечно, с определенной стилистической или экспрессивной окраской) конкретные реалии, привлекая при этом внимание именно к ним: *сильные мира сего* – представители власти, *письма счастья* – уведомления с требованиями оплаты, *кары небесные* – наказание:

Вот бы кто из сильных мира сего коллекторские "письма счастья" почитали, да выдали какие-нибудь рекомендации, куда обращаться... Там кары небесные почище отзыва лицензии, и тоже варианты решения проблемы и ценовые предложения типа оплаты счетов за работу по взысканию. www.banki.ru.

В интернет-дискурсе фразеологические единицы способны номинировать не только «обычные» реалии окружающей действительности, но и **элементы реальности, релевантные для виртуального коммуникативного пространства**. По этой причине **особое значение номинативная функция приобретает в связи с использованием в**

интернет-дискурсе фразеологических неологизмов (ФН). Одновременно с этим нельзя говорить только об «виртуальной, сетевой» актуализации ФН, поскольку диффузность границ Интернета и других современных дискурсов настолько велика, что размывает сферу и среду употребления.

Безусловно, мы согласны с В.М. Мокиенко и Х. Вальтером в том, что «в отличие от лексической неологии фразеологические неологизмы в массе своей служат не обозначением новых явлений действительности, а их оценочной характеристикой» [Мокиенко, Вальтер 2008: 104]. При этом ФН могут и называть (разумеется, с экспрессивной составляющей) реалии, требующие не только обновления оценочных характеристик, но и наименования. К таким случаям можно отнести функционирование как «собственно интернет-фразеологии», так и заимствований из языка программистов и «компьютерщиков», получивших распространение только благодаря Интернету. Ср., напр., способность фразеологизмов¹²⁴ номинировать новые явления и реалии, в том числе значимые для «компьютеризированной» среды и интернет-пространства:

Голубой зуб, синий зуб ‘шутл. о программе Bluetooth’: *Продаю маленький 2-симочный телефончик. Уменьшается в ладошке. Отличные микрофон и динамик. Обе симки работают. Есть слот для карточки, **синий зуб**, интернет, даже камера(!).* <http://spb-market.livejournal.com>; *Юзал еще на ПокетПЦ фуджисименс, где ГПС подключался отдельным девайсом через синий зуб, а интернет так же через синий зуб подкачивался с телефона сониеркссон 620-го. И хорошо все работало ведь!))* <http://realhemul.livejournal.com>;

Голубой гигант ‘шутл.-иронично о компании IBM’: *Сегодня прочитал что IBM анонсировала 5 нм чип. Когда то голубой гигант чуть не прозевал эру персональных компьютеров. А сейчас процессоры уже везде.* <http://aleks-denisof.livejournal.com>; *Какие же откровения нам поведал голубой гигант в своей Business Process Management For Dummies, IBM Limited Edition?* <http://digafot.livejournal.com>; *Крокуснаноэлектроника вот опять держит мхатовскую паузу, а меж тем вновь принятый закон Яровой так и призывает заткнуться, и немедленно взять много денег. Кстати голубой гигант двадцать лет вокруг этой темы ходит.* <http://1500py470.livejournal.com>;

*Таблетка / лекарство от жадности*¹²⁵. ‘Шутл. Компьютерная программа для взлома другой программы (обычно платной)’: *Значит при помощи "таблетки от жадности" можно использовать какой то программный продукт нахаляву.* otvet.mail.ru; *Как известно, оригинальные дистрибутивы софта нужно добывать исключительно на официальных сайтах, и потом, после установки, давать им таблетку от жадности. Винда не исключение.* <http://zarajsky.livejournal.com>; *А вот и про версия популярного музыкального плеера Winamp с встроенной таблеткой от жадности.* <http://yggiril3573994.livejournal.com>;

*Тётя Ася*¹²⁶ ‘Шутл. Программа, интернет-мессенджер ICQ’: *В свое время разработчики icq тоже прекратили поддержку клиента, но тетя ася работала стабильно, просто не выпускались новые версии.* <http://iva-no-va.livejournal.com>; *Ты в комментах упоминала приватное общение, тогда старая добрая*

¹²⁴ Приводя данные примеры, мы осознаем, что подобные, часто «квазитерминологические» устойчивые выражения не всегда можно назвать фразеологизмами в «классическом» понимании.

¹²⁵ Данный шуточный фразеологизм в указанном «компьютерном» значении является уже переосмысленной фразой, прецедентным текстом из анекдота, характеризующим изначально жадного человека.

¹²⁶ Данный шуточный фразеологизм также является переосмысленным прецедентным текстом из популярной некогда рекламы.

*тетя Ася (аська, icq) твой выбор :))) Да и тупо дешевле, чем смс писать. :))) gtalk в этом плане многие пользуют :) <http://gorgoner-meduza.livejournal.com>; Опять **Тетя Ася** упала. ICQ снова в дауне. Опять что-то там на сайте ковыряют... <http://softskif.livejournal.com>*

Ср. также и другие подобные фразеологизмы, номинирующие реалии новой компьютерной сферы: *синий / голубой экран (смерти)* ‘сообщение операционной системы о неустрашимом сбое в работе ядра компьютера (от англ. blue screen of death)’, *федорино горе* ‘раздел программы для установки GNU/Linux Red Hat (от англ. Fedora Core)’, *волшебный батон* ‘кнопка компьютера ZX SPECTRUM’, *белая тачка* ‘компьютер, собранный на территории Европы или Северной Америки’, *ветер перемен* ‘смена операционной системы на компьютере’, *форточки горбатые* ‘программа Windows’ и мн. др.

Потребность в номинации (в том числе и средствами фразеологии) получили не только компьютерные, но и собственно **интернет-реалии**. Так, сам интернет-сленг или просто разговорный русский язык, использующийся в Сети, под воздействием так наз. «жаргона падонков» стал называться (разумеется, с шуточной окраской) *олбанским языком*:

*Да, и я думаю, что Пушкин был бы не против **олбанского языка** для использования его в общении с друзьями. <http://galina-rm.livejournal.com>; Да что говорить о финансовой грамотности, если поражает общий уровень безграмотности наших граждан! ...особенно тусующихся в рунете - «**олбанский**» **йезыг** окончательно их испортил!.. <http://dad51.livejournal.com>; Меня поражает, как в наше время в языке даже образованных людей родительный падеж множественного числа слова "грамм" представляется в форме "грамм", а не "граммов", как это положено. Русский **язык** неумолимо скатывается к **олбанскому**? <http://stalinst.livejournal.com>*

Появление электронной почты и спама, в том числе мошеннического характера, породило фразеологизм (1) *нигерийское письмо* ‘спам, электронные письма, рассылаемые с целью мошенничества, вымогания денег’ (этнический компонент в составе ФЕ появился в связи с преобладанием в подобных писем адресантов из Африки), а такое явление как уникальный, присваиваемый каждому интернет-пользователю IP-адрес – устойчивое выражение (2) *вычислить по айпи* со значением ‘найти, обнаружить кого-л.’, часто используемое с иронической окраской:

*(1) В качестве стандартного предлога в «**нигерийских**» письмах выступает необходимость обналичить крупную сумму денег. Спамер обычно утверждает, что он располагает миллионами долларов, но они приобретены не совсем законным способом или же хранятся в обход закона. Например, это украденные иностранные инвестиции или гранты ООН. <https://otvet.mail.ru>; Не понимаю, что происходит на рынке интернет-мошенничеств. Где старые добрые **нигерийские письма**? Почему никто не сообщает о моем ганском дядюшке, оставившем мне миллиард наследства и аравийском дедушке, собирающимся подарить мне нефтяную вышку? Это ж просто наглость: "вышли две тысячи, потом отдам". Никакой фантазии, никакого интереса. Или мошенник обленился, или измельчал. <http://pro100-petrov.livejournal.com>.*

(2) Но одного дурак не знает, что это интернет, детка. И можно не только "**вычислить по айпи**", но и найти все, что ты, дебилушка, и кто ты. Умиляет эта наивная вера в относительную анонимность и пресловутую недоступность. <http://1-neko.livejournal.com/>; Когда закончу скажу, если кто то сломает, **вычислю по айпи** и залью дверные замки эпоксидкой, будете знать. <http://evgens.livejournal.com>

Ср. также и другие множественные номинации интернет-реалий при помощи фразеологии: *в Гугле забанили кого* 'о ком-либо, не желающем самостоятельно искать какую-л. информацию', *отправляться/отправиться (идти) в бан* 'получить запрет или частичное ограничение прав на пользование каким-либо сайтом', *без гугля* 'не прибегая к поиску в Интернете; самостоятельно' и мн.др.

Разумеется, в интернет-дискурсе функционирует множество жаргонов, но именно жаргон «компьютерщиков», программистов и примыкающие к ним жаргоны геймеров, хакеров и др., именно в Интернете получают свое полноценное текстовое воплощение.

Важно отметить, что компьютеро-ориентированные жаргоны, функционирующие прежде всего внутри субкультурных сообществ и «выходящие» в сферу непрофессиональной коммуникации в связи с номинированием реалий компьютерной и смежных сфер, оказывают влияние и на общественный дискурс, что подтверждается приобретением жаргонными фразеологизмами новых, более широких значений, зафиксированных нами в интернет-коммуникации (а также в разговорной речи неспециалистов и текстах СМИ). Так, например, устойчивое выражение из жаргона программистов *фиксить баги*, первоначально означавшее 'находить и исправлять ошибки в компьютерной программе' (напр., *Поскольку защита у нас уникальная в своём роде, и я имею доступ к коду, то все баги я фиксирую сам, быстро и качественно.* <http://forum.tirozhka.ru>) за счет его частой актуализации в Сети выходит за пределы жаргона и в данный момент приобретает широкое значение 'исправлять ошибки', используясь применительно к любым тематическим областям:

*Очень долгое время **фиксить этот баг** мне мешало то, что я воспринимала его как что-то хорошее, мол, я слишком добрая, слишком мягкая. И только по прочтении этого блога стало потихоньку доходить, что это не доброта, а слабость границ.* <http://wraitho-o.livejournal.com>; *Поскольку за пару недель до этого я попробовала, каково быть иностранцем на иноязычной (важно: неангло) ролевой игре (и об этом еще будет отдельная сага), стало ясно, какие баги нужно фиксить в первую очередь. А именно: никогда не оставлять их без хоть какого-то англоязычного сопровождения, потому что иностранец оказывается в некотором смысле как в аквариуме: что-то видно, но ничего не слышно, и взаимодействие затруднено до крайности.* <http://tar-viniel.livejournal.com>; *А все потому, что наука и правильная культура (максимально поощряющая самоэволюцию человека и общества) растут из свободы мышления и доступа к информации и не терпят ограничений, даже если они преподносятся забота об их же благе. <...> Что же делать? **Фиксить баги**, переводя систему на новый уровень развития шаг за шагом. Не нравится существующая культура — создаем свою и делаем ее приоритетной.* <http://tiphareth-ljr.livejournal.com>

Фразеологизм *прокачивать/прокачать скилсы*, изначально номинирующий узкую, специфическую реалию геймерской субкультуры и означающий ‘усиливать возможности персонажа компьютерной игры’, также под воздействием интернет-популярности перемещается с языковой периферии в центральные области фразеологической системы, приобретая более широкое значение ‘развивать, совершенствовать умения, способности’:

Сейчас мой мозг научился делать много дел одновременно: считать до 10, не сбиваясь, и думать о своём. Нужно будет прокачать скилс сосредоточения, чтобы мыслей совсем не было. <http://alizia.livejournal.com>; *Training plan – план стажировки. Очень важный документ, в котором нужно разбить стажировку на несколько этапов и подробно описать каждый из них. Чем стажер будет заниматься в этот период, что выучит, какие скилсы прокачает и в таком духе...* <http://bahbka07.livejournal.com>; *Думаю многие ездили по программе work and travel в США. Это замечательная программа, в течение которой ты один(одна) без всяких помощников, но с друзьями зарабатываешь бабло в чужой стране - читай баксы. Думаю, не стоит объяснять, почему это хороший челендж для тех, кто хочет прокачать свои скилсы.* <http://denisrodny.livejournal.com>

Расширил свое первоначальное значение и еще один фразеологизм из речи программистов – *прошито в биосе что-л.*, первоначально означавший ‘о чем-л., находящемся в базовом программном обеспечении компьютера’. В результате его частого употребления и возможной «прозрачности» метафорической модели устойчивое выражение приобретает новое, «некомпьютерное» значение ‘о чем-л., что заложено в характере кого-л.’. Напр.,

У нас в Бирюлёво у детей правило давать сдачи было по-моему прошито в биосе. Да, может не получиться ответить, обидчик часто оказывался сильнее или быстрее, но первая реакция у всех всегда - попытаться ударить в ответ. <http://funny-smile.livejournal.com>; *Религия как средство борьбы с врожденным биологическим страхом перед смертью прошита в биосе у очень многих людей.* <http://albertmotsar.livejournal.com>; *Ведь человеческий хищник - это таки не тигр, или какой иной зверь, он гораздо хуже именно потому, что наслаждается своим хищничеством, а не просто ведет себя так, как у него прошито в BIOSе.* <http://congregatio.livejournal.com>

Таким образом, данные случаи подтверждают как сам факт влияния интернет-жаргонов, являющихся порождением сетевых субкультур, на современный русский язык, так и их «информогенность» (термин А.В. Чадаева) [Чадаев 2004], т.е. способность самой субкультуры оказывать «информационное» влияние на другие пространства. При этом безусловной является и **парольная функция** данных фразеологизмов (особенно на этапе «незнания» их широкой общественностью), отделяющая компетентных «своих» от некомпетентных «чужих»¹²⁷.

¹²⁷ О важности «парольности» и отделении «своих от чужих» в среде «компьютерщиков» говорят и экспрессивные наименования «чужих» типа *мастдайный ламер* ‘о человеке, плохо умеющем обращаться с компьютером’, *нубский нуб* ‘о новичке в компьютерных играх’ и мн.др.

Конечно же, интернет-коммуникация отражает продуктивность не только компьютерной и сетевой фразеологии, но и общую «терминологизацию» (т.е. массовое заимствование из терминосистем) современной русской фразеологии. Как отмечает В.М. Мокиенко, «многие исследователи подчеркивают все усиливающееся влияние научно-технической терминологии на словарный и фразеологический состав современных литературных языков» [Мокиенко 2016: 12]. Так, в современный русский язык (и виртуальную коммуникацию) свою фразеологическую лепту вносят и другие «информогенные субкультуры». Так, например, становятся в результате частого использования фразеологизмами термины популярной психологии:

психологическое (социальное) поглаживание ‘похвала, слова поддержки’: *Неужто, думаешь, они ищут в подобных квестах психологических поглаживаний и социальных вознаграждений?* <https://inesacipa.livejournal.com>; *И, возможно, бессознательная цель фотографий в инстаграммах, записей в твиттерах, заметок в социальных сетях - это получения "социальных поглаживаний", которые позволят человеку обрести точку опоры в новом, огромном мире.* <http://basstur.livejournal.com>;

незакрытый (незавершённый) геитальт ‘незавёршенное важное, значимое дело или невыраженная эмоция, оказывающие влияние на психологическое состояние человека; неудовлетворённая потребность в чем-либо’: *Это нормальные аргументы? И я не могу разобраться в своих чувствах. Толи правда такая любовь, то ли незакрытый геитальт.* <http://ru-psiolog.livejournal.com>; *Так и не станцевала танго - незакрытый геитальт. Ну, и о, этот вечный гендерный дисбаланс!* <http://arnaera.livejournal.com>;

закрывать/закрывать (завершать/завершить) геитальт ‘закончить, завершить какое-либо важное дело; удовлетворить потребность в чем-либо’: *Да, сегодня произошло такое, о чем я и мечтать не могла много лет. Такой геитальт закрылся, что пока прийти в себя не могу.* <http://msvetlakova.livejournal.com>; *Книга, начинавшаяся как обстоятельное и детальное повествование, в конце оказалась образчиком жанра отрывочного репортажа. Такого, у которого ни вводной части нет, закомаящей нас с героями, ни завершающей, которая закрывает все геитальты, сиречь висящие сюжетные линии, и оставляет впечатление завершённости.* <http://meraya.livejournal.com> и мн.др.

Попадает на фразеологическую орбиту и переосмысленная квазитерминология популярного в данный момент эзотерического дискурса, обретшего в Сети плодородную почву как для социальной, так и для вербальной реализации. Ср., напр., *получать / получить в карму плюсы* ‘ирон. Какими-либо действиями улучшать свою судьбу, свою жизнь’; *портить / испортить карму кому* ‘ирон. Ухудшать судьбу, жизнь кого-либо (обычно о себе)’; *по фенишую что*. ‘ирон. Хорошо, правильно’; *не по фенишую что* ‘ирон. Плохо, неправильно’ и мн.др.

Номинирование новых реалий (в том числе средствами фразеологии) связано не только с появлением новых технических явлений, но и с изменениями политической, социальной и экономической сфер, требующих «экспрессивного обозначения», соединяющих в себе и номинацию, и оценку. В связи с этим ярко проявляет себя и номинативная функция ФЕ в назывании явлений не только компьютеро-ориентированных субкультур, но и тех **реалий современности, которые наиболее**

актуальны для общества в данный момент¹²⁸. Мгновенное отражение наиболее острых тем в Интернете объясняется как его социальной детерминированностью, так и разговорностью, экспрессивностью, анонимностью, мгновенностью распространения информации и т.д. Так, для номинации людей, любящих активно обсуждать и критиковать политическую и социальную ситуацию, но ничего не предпринимать для решения проблем, возникают ФЕ *диванные войска, диванные эксперты, кухонные генералы*, активно функционирующие в Интернете, отражающие в том числе и «доминанту» сетевой коммуникации, заключающейся в обсуждении и критике острых социальных и политических темы и помогающие лаконизации речи¹²⁹:

Написать пять вот таких постов в разные места. Копипастить можно и нужно. Это если настоящий боец диванных войск, а не просто сочувствующий. -))) <http://pantv.livejournal.com>; *Надо как-то расширять такую информацию чтоб общество бунтовало против таких вещей. Но мы как диванные войска мало что можем в таких постах. Может пора создать мобильный взвод из жежеешников?* <http://gmichailov.livejournal.com>; *В наше время диванные эксперты - неизбежное зло. rikabi.ru; Только вам не кажется, что вы сейчас становитесь в ряды все тех же "кухонных генералов", когда начинаете рассуждать о том, о чем не понимаете, и чем реально никогда не занимались.* <http://colonelcassad.livejournal.com>.

Банковский кризис в России 2012-2014 гг., выразившийся в массовом банкротстве и закрытии банков, также сопровождался появлением новых реалий, часть из которых была обозначена неофраземами. Так, например, возникли устойчивые иронические выражения *дробильщик вкладов* ‘клиент банка, специально делящий сумму депозита, превышающего порог страхового возмещения на меньшие, с целью обезопасить себя от потери денег и гарантировать получение страховой выплаты’ и *пылесосить вклады* ‘о мошеннической деятельности банка, который привлекает вклады с населения под большой процент, затем объявляет о банкротстве, присваивая деньги’:

В чем, с вашей точки зрения, кроются причины резкого увеличения т.н. «дробильщиков» вкладов за последние годы? <http://ovod2.livejournal.com>; *Сегодня выиграл процесс по "дробильщикам" вкладов на круглую сумму. По поводу повода для иска можно почитать здесь.* <http://ilich72.livejournal.com>; *Но, судя по тому, с каким остервенением «Югра» пылесосила рынок вкладов последние три года (рост с 40 до 184 млрд рублей с июля-2014 по июль 2017), с реальными активами там напряжёнка.* <http://oleganisimov.livejournal.com>; *Впрочем, потери мелких вкладчиков физлиц — вовсе не ключевой момент в истории Внешпромбанка. Это, скорее, характерно для лопнувшего «Траста», который собирал, а вернее сказать, пылесосил, вклады населения.* <http://ogurcova.livejournal.com>

Сложные международные отношения России и западных стран, сложившиеся после введения экономических санкций в 2014 году, «вылились» в появление шутливой

¹²⁸ Наиболее значимые и актуальные явления современности отражаются во фразеологизмах, выполняющих **символическую функцию**. Об этом явлении см. соответствующий раздел диссертации.

¹²⁹ Об участии ФЕ в лаконизации речи В.М. Савицкий пишет: «Неполнота мотивированности значения повышает семантическую емкость идиом, **позволяет выразить обширное содержание в лаконичной форме** при сохранении характеризующей и мнемотехнической функций» [Савицкий 2006: 181].

ФЕ *железный занавес*, номинирующей (и разумеется, оценивающей) общую напряженную ситуацию и представляющей собой шуточный трансформ, образованный от фразеологизма советской эпохи *железный занавес*,

Всё хочу записать, что для меня в разговорах последнего времени оказывается иногда полезным выражение «железный занавес», — применительно к тому очень специфическому барьеру, который сейчас выстраивается между Россией и Западом. <https://zezeshka.livejournal.com>; Во вчерашнем разговоре пришедшийся к слову в апреле "железный занавес" всплыл опять - в связи с тем, что, в отличие от железного (в реальности тоже имевшего, конечно, неоднородную плотность и пр., но мы о метафоре), позволяет говорить об уплотнении, изменении степени вязкости, плотности, проницаемости. Растворимости, наконец. <http://snorapp.livejournal.com>

В связи с трансформацией политической и социальной сфер см. также и фразеологические неологизмы, активно используемые в Сети (и во всем медиадискурсе в целом) и отражающие характерные для современной России так наз. «меры по укреплению федерализма», напр., *вертикаль власти* 'выражение, применяемое для описания иерархии исполнительной власти в Российской Федерации', *встраиваться в вертикаль власти* 'входить в систему управления государством', *укреплять вертикаль власти* 'принимать меры по повышению эффективности работы органов исполнительной власти', *тефлоновый рейтинг* 'необычайно высокий и при этом устойчивый политический рейтинг' и др. Ср. также все еще часто используемые фразеологизмы, называющие криминальные реалии социального характера, возникшие в России 1990-х годов: *ставить / поставить на счётчик кого*, *включать / включить счётчик кому* 'назначать кому-л. срок выплаты определённой (вымогаемой) суммы', *забивать / забить стрелку*. 'назначить время и место встречи, договориться о встрече (часто криминального характера)', *искать / найти стрелочника*. 'искать человека, на которого можно свалить вину (в том числе криминального характера)'.

Таким образом, можно говорить о **значительной роли номинативной функции фразеологии** в интернет-дискурсе: и если жаргонная «собственно-компьютерная» фразеология, номинирующая новые технические реалии, а также другая терминологическая фразеология связана в том числе и с **реализацией парольной функции**, позволяющей отличить «своего» от «чужого»¹³⁰, то фразеология,

¹³⁰ Безусловно, оппозиция «свой – чужой» в Интернете приобретает новое «измерение» в связи с одной стороны, со способностью Сети охватить весь мир, а с другой стороны, с фактической виртуальной «доступностью» практически любого человека, выразившейся в известной метафоре «глобальная деревня» (термин М. Маклюэна). Парольная функция в интернет-дискурсе, на наш взгляд, становится и особым способом сближения интернет-пользователей, основанном на создании эффекта причастности чему-либо специфическому и расшифровывании того, что известно лишь избранным, а при этом видно и доступно всем.

номинарующая новые реалии социально-политической направленности, играет **важную роль в лаконизации речи** (стоит лишь сравнить их с данными нами выше тяжеловесными дефинициями неофразем), столь важной для интернет-коммуникации. С номинативной и парольной функцией сближается и **функция самопрезентации языковой личности**, выражающаяся в особом отборе номинаций, языковых средств, в том числе фразем, поскольку выбор языковых единиц участниками коммуникации говорит о понимании ими пресуппозиции, фоновых знаний. Участники интернет-общения демонстрируют друг другу факт знания определенных культурно-значимых текстов, интертекстом, а за выбором конкретных фразеологизмов и решением их применить всегда стоит языковая личность, желающая создать определенный образ себя. Роль самопрезентации языковой личности и роль интертекстуальности ФЕ в формировании связей между автором высказывания и читателем точно отмечает А.М. Архангельская: «Tyto skutečnosti reflektují jazykový cit i kreativitu autora mediálního textu, představují jej jako lingvisticky bohatou a kulturně nezávislou osobnost, která se snaží všemožnými prostředky zapůsobit na čtenáře, vést s ním dialog, chce vejít do jeho povědomí, seznámit se s ním» [Arkhanhelska 2018: 113-114].

Тенденция к активному самовыражению отражает особенность не только виртуальной коммуникации, но и современной культуры. Как пишет Г. Франкфурт, «если раньше человек стремился представить некую точную картину мира, общего для всех, то теперь он старается лишь честно выразить самого себя. Убежденный в отсутствии у действительности какой-либо внутренней природы, отождествимой с истиной, он всецело отдался попыткам выражения собственной природы. Человек как будто решил: раз уж верность фактам лишена смысла, надо быть верным себе» [Франкфурт 2008: 107].

3.2.2 Экспрессивная и эмоционально-оценочная функции

Как отмечает О. В. Ломакина, «экспрессивная и эмотивно-оценочная функции ФЕ больше всего осмыслены и описаны лингвистами <...> Эмоционально-экспрессивная функция ФЕ вербализирует чувства, эмоции говорящего, воздействуя на адресата с различной степенью интенсивности» [Ломакина 2015: 109]. С экспрессивной тесно связана эмоционально-оценочная функция фразеологизмов, демонстрирующая положительное или отрицательное отношение говорящего к чему-либо (предмету речи, конкретным реалиям действительности и др.) [Там же: 111]. В связи со сближением

данных функций и часто невозможностью отделить одну от другой мы рассматриваем их вместе в рамках одного раздела.

Экспрессивная и эмоционально-оценочная функции, являющиеся основными функциями фразеологизмов, играют важную роль и в виртуальной коммуникации, представляющей собой письменное воплощение разговорной речи, которая характеризуется экспрессивностью и повышенной эмоциональностью, поскольку говорящий пытается передать собеседнику не только информацию, но и дать оценку чему-либо, выразить свои впечатления, переживания, ощущения. Более того, на наш взгляд, сама экспрессивность Интернета часто организуется фразеологическими средствами, поскольку пространство виртуального общения меньше расцвечено яркими экспрессивными тропеическими средствами художественного дискурса или дискурса качественной публицистики. Причиной популярности ФЕ в Сети становится и факт пересечения общих онтологических черт фразеологии и интернет-дискурса – экспрессивности и тенденции к пейоративности (выражению негативных смыслов, оценок и пр.). Необходимо отметить то, **что экспрессивность ФЕ реализуется не только при помощи данной функции: все рассматриваемые нами в рамках данной главы функции устойчивых выражений (номинативная, людическая, дисфемистическая и др.) так или иначе связаны с реализацией фразеологической экспрессивности и персуазивности**¹³¹.

Как мы уже отметили выше, экспрессивная и эмоционально-оценочная функции ФЕ часто встречаются в Сети. В первую очередь, хочется отметить регулярное **обновление экспрессии** устойчивых выражений, призванное привлечь внимание к фраземе. Часто для обновления экспрессии ФЕ используется **весь репертуар трансформационных приемов** устойчивых выражений¹³². Подобное «авторское» использование ФЕ обращает внимание на сам текст и «форму» коммуникативного поведения участника, а не только на смысл устойчивого выражения, что может, с одной стороны, усложнять понимание и коммуникацию, а с другой – значительно интенсифицировать образность и повышать экспрессивность. Ср., напр., следующие случаи замены компонента (*Как достали эти "мальчики", Медведевы, Дворковичи, которые не понимают и не знают суть глубины жизненных процессов, которые не видят дальше своего кабинета и кошелька!* <http://ria.ru>); расширения компонентного

¹³¹ Под персуазивностью понимается «воздействие автора устного или письменного сообщения на его адресата с целью убеждения или призыва к совершению действия» [Чернявская 2006: 25].

¹³² См. также ГЛАВУ 2.

состава (*И таким образом, повторяясь раз за разом, у человека оттачивается привычка бояться, доходя до полного автоматизма. В общем как белка в колесе мясорубки.* <http://acidic7.livejournal.com;>) комплексных трансформаций (*Маркетологи Apple настолько хороши, что владельцы неподготовленных для лапши ушей начинают думать, что им предлагают инновационный и эксклюзивный продукт.* <http://olegt0rr.livejournal.com;> *В основном призвание рекламы - выпячивать достоинства товара. Из были делать сказку. Из воды вино. Из Квзимодо - Аполлона Бельведерского. Это один метод. Наиболее распространенный Но есть и другой. Не раздувать сильные стороны, а преуменьшать недостатки. Все наоборот. Из слона - муха. Из небоскреба - шалаи.* <http://zlatoslavnavay.livejournal.com;>) шутливого обыгрывания фразеологических девиаций (*"Сизифов комплекс" (невозможность жить без тупой, тяжелой и непродуктивной работы) и "Эдинов труд" (регулярная еб*я¹³³ мозгов родственникам и иным близким людям).* Лично я знаю немало обладателей первого и любителей второго... <http://franz-josef.livejournal.com;> *С чисто прагматической точки зрения, лучше сидеть сломя руки. Бежать сложа голову - в этом есть нечто куриное, обреченное.* <https://drevo-z.livejournal.com>) и мн.др.

Повышенный заряд экспрессивности получают часто встречающиеся в интернет-дискурсе фразеологически насыщенные контексты, в которых присутствуют несколько фразеологических «центров»:

Пуганные вороны боятся кустов, обжѣгшись на молоке, дуешь на воду, верно же? Вот и многие мужчины, чей первый брак был неудачным, избегают брака второго. Сегодня, после письма одного из моих читателей, решил сделать заметку на эту тему <http://koolamesa.livejournal.com;> *Чтобы не тянуть когти на резине за хвост в долгий ящик, закончим, пожалуй, нашу фотосессию сегодня, тем более, что осталась только одна героиня, и вот зуб даю, про нее будет немного.* <http://bigfatcat19.livejournal.com;> *Нас, мол, с Граниным не проведѣшь, мы в этом вопросе пуд соли съели и собаку съели редкой породы.* <http://ansari75.livejournal.com;> *Это вас развели, как лохов. А вы все лапшу с ушей снимать не хотите.* <http://serzigzagser.livejournal.com;> *И в связи с чем мне подумалось: а ведь нельзя и мне все пускать на самотѣк. Сейчас такой трудный и ответственный период, а я зарю голову в песок? Нет уж. Буду, буду тянуть из болота своего бегемота:)* <http://japan-walks.livejournal.com>

Особую роль в обновлении экспрессии устойчивых выражений играет прием двойной актуализации, связанный с введением в контекст актуализаторов, позволяющих реализовать и связанное, и прямое значение ФЕ. В следующем примере контекстный актуализатор *повар готовит острое блюдо для всех голодных* реализует экспрессивную

¹³³ Значок * наш (М.Д.)

функцию, обыгрывая буквальное значение компонентов устойчивого выражения *запахло жареным*:

Что то жареным запахло у нас!! По моему повар готовит острое блюдо для всех голодных – вот зачистят банки, денежки буратинки потащат в Сбер, а тут их кот Грефилио и накроет – объявит, что деньги кончаются в королевстве и надо поделиться www.banki.ru.

Ср. также следующие контексты, в которых реализуется этот прием:

*Если много раз **совать нос не в свои дела**, можно вдруг осознать, что этот нос тебе сломали. В общем, я про ситуации на границах России, где одному очень любопытному самолёту разведки RC-135U американского происхождения отбили желание летать российские самолёты типа "СУ-27". <http://ninassax12.livejournal.com>; Меня зовут Кристина, мне 26 лет, и эта история о том, как я провела в Корее два месяца или, другими словами, **"съела собаку"** в Южной Корее. <...> P.s. Вопреки распространённому мнению, корейцы собак не едят_ <https://perune.ru>. За всю историю человечества добыто всего 163 тысячи тонн золота. ... В физическом смысле откормленный человечеством **золотой телец** не так уж и толст: если переплавить все золото мира, его можно было бы уместить в куб с гранями по 20 метров <http://elitetrader.ru>*

То же, например, происходит в следующих контекстах с фразеологизмом *палить/стрелять из пушки/пушек по воробьям*, в которых в рамках фразеологической конфигурации происходит актуализация элементов образной основы (*заряды, шум, дым*), выходящих в контекст и придающих ему дополнительную экспрессию:

*Зато вселяют надежду. Ведь чем меньше ты знаешь, тем больше в этих знаниях уверен. И это дает силы **"палить из пушки по воробьям"** с утроенным энтузиазмом. До тех пор, пока заряды не кончатся. <http://g-decor.livejournal.com>; Юзер, по моим ощущениям, **стреляет из пушек по воробьям - вроде даже в некоторых попадает, но много шума и дыма**. Кто-то сочтёт это эффектным. Дело вкуса. <http://malka-lorenz.livejournal.com>*

Ср. также следующие случаи контекстуального использования фраземы *бить баклуши*, в которых устойчивое выражение также вплетается в «ткань» текста с обыгрыванием внутреннего образа и ситуации, положенной в основу ФЕ:

*В меру теплая, слегка дождливая погода, украшенная разноцветным покрывалом листьев, - у многих любимое время года (у меня, кстати, тоже), однако именно в этот период следует готовиться к зимнему рабочему ритму - скажем так, **обустраивать берлогу**. В общем, пора и мне объявлять **сезонную смену топорика с баклушами на ноутбук с блогом**. <http://nivar389.livejournal.com>; А чо это вы в третий раз про три работы? Завидуете, поди? Сами-то, небось, на одной-единственной работе **баклуши бьете с прохладцей, а?** Так и знала, что вы лентяй! <http://egyptclub.livejournal.com>.*

Как мы уже отмечали, общение в Интернете отличается общей сниженностью и использованием жаргонизмов и прочих субстандарных элементов, поэтому ввод «высокого» фразеологизма в стилистически сниженный контекст создает «стилистический оксюморон». Например, нарушение стилистической дистрибуции фраземы, т.е. помещение устойчивого выражения определенного стилевого регистра (*книж., устар.* и др.) в стилистически иной контекст – частое явление на просторах виртуального дискурса. Стилистическая принадлежность фраземы и ее соотнесенность

с прототекстом или прецедентной ситуацией, лежащей в основе образа устойчивого выражения, быстро «прочитывается» носителем языка, и столкновение двух стихий в таких случаях зачастую создает более яркий текст (с элементами иронии, оценки и т.д.) и заставляет «обновить» экспрессивность используемой ФЕ. Напр.,

Да просто агнцы божие! Меня вообще забавляют срачи, где начинается морализирование в политике. <http://bmpd.livejournal.com>; *Сдаётся мне, в сервисе "похожих" бета-Кинопоиск пытается угадать "ценимых", а IMDb, наоборот, в сервисе "ценимых" показывает "похожих". Неутешительное резюме: мир юдоль скорби, исхода нет, всё плохо. Жахну очередную мороженку, больше ничто не поможет. Ну, можно ещё Рутрекер листать.* <http://adzhaya.livejournal.com>.

Примыкает к рассматриваемым функциям и **характеризующая функция** некоторых фразеологизмов: «внутренняя форма таких идиом содержит яркий, бросающийся в глаза признак, который служит представителем предмета» [Савицкий 2006: 178]. На примере интернет-дискурса можно говорить о «всеядности» устойчивых выражений при характеристике явлений. Фразеологизмы в виртуальной коммуникации используются как для характеристики актуальных на данный момент явлений, так называемых «горячих тем», так и любых других, в том числе бытовых тем, отражая смешанный характер интернет-дискурса с точки зрения интенциональности. Напр.,

И кто ж по его мнению морально готов к этому? Те кого от кормушки не оторвёшь? Остальные и не доживут до этого возраста, значит и пенсии выплачивать не надо будет. Мудрое руководство! <http://ria.ru>; *А иногда прямо требуется быть хозяйшкой, С большой буквы Х.* <http://irenarbar.livejournal.com>; *Народ видит шило и мыло, но «шило» хотя бы сделало за последние десятилетия что-то (не всё спёрло на высоких ценах на нефть), а «мыло» вообще только треплется и вспоминает про замечательные 90-е и их «демократию».* <http://akry.livejournal.com>; *До проекта: - 12-часовой рабочий день; - 6 дней в неделю оперативной деятельности; - не было удовлетворения от работы: “как белка в колесе”; - казалось, что один в компании: сам справлялся со всеми проблемами.* <http://vc-moscow.livejournal.com>

Виртуальная коммуникация с присущей ей экспрессивностью не только требует обновления экспрессивности устойчивых выражений, но и сама способствует **возникновению и новой экспрессивной фразеологии**. В интернет-дискурсе формируется и функционирует новый «вид» фразеологии – **эрративная фразеология**, представляющая собой целый класс изначально узко-жаргонной фразеологии (впоследствии вышедшей в широкое пространство современной русской коммуникации) и выражающая лишь положительную или отрицательную оценку. Эрративная фразеология, как правило, выражает лишь восхищение или неодобрение автора, напр., *аффттар жжот* ‘одобрительное высказывание о тексте, материале, новости‘; *пеши езчо/исчо!* ‘одобрительное высказывание о тексте, материале, новости‘; *ржу нимагу*, *ржунимагу* ‘о чем-л. очень смешном‘; *аццкий сотона* ‘одобрительно о чем-л.,

вызывающем восхищении', *канаццкий баян* 'неодобрительно о чем-либо; о чем-л. устаревшем, неинтересном', *много букаф* 'неодобрительно о чем-либо; о чем-л. устаревшем, неинтересном', *в меморис!* 'высокая положительная оценка чего-л.', *ф тонку!* 'негативная оценка чего-л.', *убей себя ап стену* 'негативная оценка чего-л.', *выпей йаду* 'негативная оценка чего-л.', *убицца веником* 'выражение удивления или восхищения' и мн. др. Ср.:

Класссссно и познавательно! Тарантино отдыхает! Аффтар жжОт! <http://porugaichik.livejournal.com>; *Я почему-то думал, что Киллари трудно переплюнуть, и товарищи американские фантасты плохо себе представляют картинку к термину "неуправляемый игрок на мировой арене". В общем все дядьку устраивает, Америка пеши исчо.* <http://guinplen-001.livejournal.com>; *Хвастается, что дипломатические узоры вышивать умеет - ржу нимагу :-)* <http://nikitich.livejournal.com>; *От этого зрелища у меня невольно вырывается возглас "Аццкий сотона, ну и местечко!"* <http://akisun.livejournal.com>; *Да это просто канаццкий баян* клон *The Cardigans* (и *A Camp* заодно) какой-то. <http://zaya-ru.livejournal.com>; *Для тех, кому много букаф. Ущерб у Васи 50000р, с учетом износа его пежо, ему заплатил росгосужас 30000 рублей, вот разницу можно взыскать непосредственно с виновника.* <http://ru-auto.livejournal.com>; *ААААА! Это просто шедевр! В меморис, однозначно)* <http://petruher.livejournal.com>; *Политика надоела, ф тонку.* <http://meggirita.livejournal.com>; *Значит ты неудачник. Азаза, убей себя ап стену.* <http://world-of-ru.livejournal.com>; *Вышло и совсем совсем не смешно. Аффтар, выпей йаду.* <http://stop-rpc.livejournal.com>¹³⁴.

Частотность подобных примеров объясняется особенностью интернет-коммуникации, отличительной чертой которой является ее ориентация на речевую свободу и повышенную экспрессивность. Данный факт доказывает и то, что сетевое общение является тем типом речевой ситуации, для которой «опознание исходной интенции говорящего, насыщенной положительной или отрицательной эмоцией, является <...> вполне достаточным результатом» [Норман 2014: 12].

К фразеологическим эрративам и их специфической экспрессивности примыкает (конечно, условно), по нашему мнению, и такое явление как «**фразеологический кириллический варваризм**» (условно назовем его так), отражающий «американизацию» современного русского языка и представляющий собой такое буквальное заимствование из английского языка, которое записано кириллицей и носит при этом системный характер. Активное функционирование этих аномальных ФЕ происходит не только в Интернете, но в устной речи, но в Сети получает письменную фиксацию. Ср., напр.,

¹³⁴ Средствами эрративности происходит и обновление экспрессивности бранной и нецензурной фразеологии: *малое&ущий фактор*, *малопуущий фактар*, 'о том, что совсем не касается, не волнует кого-л.' *ужос нах* 'выражение ужаса', *ф гавно*, 'о состоянии сильного алкогольного опьянения', *ватце убило нах* 'выражение смеха или удивления' и др. См. также раздел *Дисфемистическая и эвфемистическая функции*.

джаст бизнес¹³⁵: Издательства сейчас интересуются только авторами, у которых сразу готова серия романов - ничего личного как говорится - **джаст бизнес**. <http://living-for-free.livejournal.com>; Заглянул в топик и слегка озадачен - за пару дней залпом два стратосферных выброса дерьма в сторону Владимира. Господам стыдно за разруху и грязь. Палиться на позорной джинсе типа "искаженный микропленкой ГУМ стал маленькой избенкой" - нет, не стыдно, **джаст бизнес**. <http://vl-raduga.livejournal.com>; **Джаст бизнес, братва делила поляну**. <http://colonelcassad.livejournal.com>;

джаст ин тайм¹³⁶: Чуть позже – и Манчини прибыл бы **джаст ин тайм**, как полицейские в боевиках: после получасовой перестрелки, к горам трупов и окровавленному герою-чемпиону. <http://www.eurosport.ru>; Похоже, но у нас массовка и конвейер на сборке. И (с тайной гордостью) 50 РРМ на выходе. И "**джаст ин тайм**" у потребителя. <http://seva-riga.livejournal.com>; У меня например есть клиент, делает двери для Бентли в сборе. Вы себе даже представить не можете, какое это сложное изделие, и сколько поставщиков задействовано, чтоб эту дверь сделать (а они все разные же) и **джаст ин тайм** доставить на конвейер. <http://stainlesstrat.livejournal.com>;

джаст фор/фо лулз, джаст фор/фо фан¹³⁷. При этом американскому правительству никто не давал тот самый статус «мирового судьи». Все что делает правительство и спецслужбы Обамы они делают, по факту, «**джаст фор лулз**». <http://eylbert-hanna.livejournal.com>; Возможно, когда-нибудь, я это разберу и что-нибудь выложу. Когда танки мне окончательно смогут надоесть. **Джаст фо лулз**. <http://world-of-ru.livejournal.com>; Скиньтесь с Романом на пакетик спайса, и угостите этого бригадира сигареткой. Результат обязательно снять на видео, **джаст фор лулз**. <http://noname373.livejournal.com>; Но нафига? нынешний формат посещения мармелада не требует путеводителя. Разве что **джаст фо фан** попрактиковаться? <http://darth-caedius.livejournal.com>; Зачем превращать в пытку то, что должно быть «**джаст фо фан**»? <http://кроха-enot.livejournal.com>;

Онли бизнес¹³⁸: Теперь "черной дырой" для завуалированной и не очень, контрабанды, вероятно, являются республики Новороссии (но там немножко другая ситуация и вообще отдельный разговор). То есть, ничего личного, **онли бизнес**. <http://pro100-petrov.livejournal.com>; Понятно, что таким ходом они пытаются сыграть на понижение цены. Как говорится - **онли бизнес**. <http://aftershock-1.livejournal.com>; Моя теща при любой власти делала бабло на выборах. Ничего личного, никакой политики - **онли бизнес**. <http://uberanarchism.livejournal.com>;

Онли фо/фор (ю)¹³⁹: Товарищ, эта улыбка на аватаре - **онли фо ю!** <http://i-legal-alien.livejournal.com>; Когу тоже не везти?? А то завтра с Финки привезут знакомые (заказал **онли фо ю**) ;) <http://boris-adder.livejournal.com>; Не рассказывайте сказки, гражданинчик, сейчас не 90-е и в штатах уже многие побывали. Свободы и демократии там **онли фо** богатых, негров и голубых - даже штатовские социологи уже признают - белый гетеросексуальный мужчина в америке одно из самых угнетаемых существ))) <http://loboff.livejournal.com>;

Траст ми¹⁴⁰: Подводка Kiko. С ней даже у краборуких получатся ровные тонкие стрелки. **Траст ми**:) <http://stogova.livejournal.com>; PS мое имя слишком известно здесь, чтобы его называть. **траст ми, айм фэймоус**. <http://ru-auto.livejournal.com>; Если нэйтивы делают комплименты вашему английскому, значит это просто ахтунг какой-то, **траст ми**. Но, если нормально разговаривают, не восхищаясь поминутно, как говорящей собачкой, то уже получше, в целом, получше. <http://masterofstyle.livejournal.com>

¹³⁵ **Джаст бизнес**. Жарг. Это всего лишь бизнес; говорится об отсутствии личных мотивов или личной заинтересованности в чем-л. (М.Д.)

¹³⁶ **Джаст ин тайм**. Жарг. Точно в срок, точно вовремя. (М.Д.)

¹³⁷ **Джаст фор лулз, джаст фор фан**. Жарг. Ради удовольствия; для смеха, веселья. (М.Д.)

¹³⁸ **Онли бизнес**. Жарг. Это всего лишь бизнес; говорится об отсутствии личных мотивов или личной заинтересованности в чем-л. (М.Д.)

¹³⁹ **Онли фо/фор (ю)**. Жарг. Шутл. О чем-л., предназначенном исключительно для кого-л.

¹⁴⁰ **Траст ми**. Жарг. Шутл. Призыв верить говорящему.

Как видно из рассмотренных контекстов, фразеологизмы становятся **постоянными спутниками «оценочных» и экспрессивных текстов**: блогов, комментариев к новостям, сообщениях в блогах и т.д. Таким образом, экспрессивность самого интернет-дискурса поддерживается экспрессивными средствами фразеологии. Безусловно, важно и то, что экспрессивные векторы двух явлений переплетаются, взаимно обогащая друга, как, например, происходит в связи с соединением интернет-эративности и фразеологии. Благодаря экспрессивности самих фразеологических единиц и их роли в повышении экспрессивности окружающего их текста, фразеологизмы часто концентрируются в наиболее актуальных, важных местах нарратива, реализуя свою способность воздействия на адресата, давая характеристику и оценку различным явлениям, реализуя свою персуазивность. Как говорит Ф. Гиренок, «в речи человека важна <...> не истина, не соотнесенность с предметом, а возможность воздействия на Другого, минуя реальность. Поэтому центр речи не внутри человека, а между людьми, в сфере их взаимных действий» [Гиренок 2012: 18]. Как мы уже отмечали, в связи с «глобальной» экспрессивностью ФЕ все ее функции существуют в тесной связи с ней: более частные воплощения фразеологической экспрессивности отражены в следующих разделах данной главы.

3.2.3 Дисфемистическая и эвфемистическая функции

Анонимность интернет-коммуникация и ее разговорный характер является и причиной бросающегося в глаза всем пользователям Сети изобилия бранной и нецензурной лексики и фразеологии¹⁴¹ во всем ее многообразии. Безусловно, «любовь» носителей русского языка к «крепкому словцу» не связана с появлением Интернета и существовала всегда, а столь массивное письменное воплощение сквернословия отражает, в первую очередь, тенденцию к демократизации современной русской речи. «Гласность наконец-то сделала в России возможным "печатание непечатного". Современная литература, особенно "диссидентская", изобилует бранными словами и выражениями: А. Солженицын, Л. Копелев, Э. Лимонов, В. Аксенов, С. Довлатов, Юз

¹⁴¹ «Гермины бранная лексика и обсценная лексика понимаются как взаимно пересекающиеся, хотя и не полностью идентичные: не все бранное обсценно и, наоборот, не все обсценное - бранно. Брань (как и нем. Schimpfwort), по определению новейшего русского академического словаря – это 'оскорбительные, бранные слова; ругань', а обсценная лексика (obsценne slova), по дефиниции новейшей же языковедческой энциклопедии, – 'грубейшие вульгарные выражения, которыми говорящий спонтанно реагирует на неожиданную и неприятную ситуацию. Это столь табуизированные слова, что часто они вынуждают говорящего создавать аппозиции (пропуски) типа chod' do..., ty si taky..., ty vies» [Мокиенко 1994].

Алешковский – эти и многие другие писатели, книги которых продаются во всех лавках Петербурга и активно читаются, давно уже разорвали "заговор молчания", которым был окружен русский благой и неблагой мат. Средства массовой информации чем дальше, тем больше "нашпиговываются" экспрессивными единицами, включая и русскую брань. <...> Депутаты Верховного Совета, президенты, мэры городов и главы администрации не гнушаются "простым русским словом" или в крайнем случае, его эвфемизмами. Мат, как и жаргон, стал своего рода модой, - как впрочем и популизм в его самом обнаженном варианте» [Мокиенко 1994].

О причинах глобального огрубления современной русской речи пишет и М.Л. Ковшова: «процесс огрубления речи связывают с открытым в эпоху гласности обсуждением запретных ранее сторон интимной жизни человека, а также с повышением в речи современного человека уровня агрессивности. Непосредственная негативная характеристика, включающая переход на личность, навешивание ярлыков, разнообразные оскорбления и издевки, оценка, выявляемая через намек, – вот далеко не полный арсенал средств, которыми пользуются собеседники, пребывающие в состоянии раздражительности, нетерпимости, агрессии по отношению друг к другу. Речевая агрессия – явление обычное не только в современном разговорно-обиходном общении, но общении публичном – на митинге, в политическом выступлении, на телеэкране, на экране, на радио, в газете и на сайтах в интернет-коммуникации» [Ковшова 2007: 260].

В связи с этим особую роль приобретает дисфемистическая (и эвфемистическая) функция языковых единиц¹⁴², в том числе и устойчивых выражений, выделяемая, например, в работах [Баранов, Добровольский 2015], [Ковшова 2007], [Кунин 2005], [Савицкий 2006].

Как мы уже отметили, в виртуальной среде, отличающейся анонимностью, экспрессивностью и общей стилистической сниженностью, активно используется и получает свою письменную фиксацию (впервые в таком масштабе!) весь репертуар русской грубой, бранной и нецензурной фразеологии, бывшей до появления интернет-коммуникации спутницей преимущественно устной речи.

¹⁴² Несмотря на значительное число лингвистических работ, посвященных проблеме эвфемии/дисфемии, сложный статус эвфемизма и дисфемизма как явления и неоднозначность ответа на вопрос «Что считать эвфемизмом и дисфемизмом?» отмечается, например, в работах: [Баранов, Добровольский 2015], [Ковалева 2008], [Ковшова 2007], [Крысин 1994], [Сеничкина 2012] и др.

Под **фразеологическими дисфемизмами** понимаются «идиомы, находящиеся ниже стилистической нормы («разговорное» – для фразеологизмов), имеющие в качестве С-мишени идиомы, соответствующие стилистической норме или находящиеся выше ее по стилистическому регистру. Например, идиома *говно на постном масле* воспринимается как производная от *чушь на постном масле*. Ср. также *просиживать штаны vs. просиживать задницу, с гулькин нос vs. с гулькин хер; грош цена vs. х... цена [как] с цепи сорвался vs. как с х... сорвался*» [Баранов, Добровольский 2015: 195].

Вся «классическая» русская бранная, нецензурная фразеология здесь получает полноценную письменную фиксацию во всем своем «дисфемистическом» многообразии:

*Молчит пидарас, будто х*ем¹⁴³ подавился¹⁴⁴. Понятное дело, что Арбайт Иоганович по устоявшейся привычке не ответит, а Вы, что по этолму поводу можете сказать?* <http://agent-smiley.livejournal.com>; *Да шо думать, денег надо наскребать. Сама сижу последние годы, девятый х*й¹⁴⁵ без соли доедаю¹⁴⁶, но при этом лелею мечту насобирать финансов и умотать на все лето на Украину: Одесса вообще давняя мечта, Телелинцы вот без дела пропадают, у другой подруги в Броварах многочисленная родня...* <http://feministki.livejournal.com>; *И это, пожалуй, главная причина по которой большинство автомобилистов не любят оставлять свои машины где-то за три пи*ды¹⁴⁷¹⁴⁸ от места жительства.* <http://golosop.livejournal.com>; *Ни одной пи*ды¹⁴⁹¹⁵⁰ в посте или посту замечено не было* <http://tipaa-etaa.livejournal.com>; *Таких примеров у меня пруд пруди, когда человек сидит на зарплате в 30-40 тыщ, х*ем¹⁵¹ зруши околачивает¹⁵² на работе, отсиживая положенные 8 часов, и даже не стремится претендовать на должности в других компаниях с достойной зарплатой и хорошим соцпакетом.* <http://bodlivaya-korov.livejournal.com> и мн.др.

Такие примеры подтверждают, что использование русской «сексуализированной» нецензурной фразеологии (и лексики) совсем не обязательно должно происходить в контекстах, посвященных отношению полов и что это лишь средство выражения говорящим максимальной экспрессии. Как точно отмечает В.М. Мокиенко, «буквальный перевод большинства русских ругательств, особенно «многоэтажных», может породить впечатление о какой-то гипертрофированной, чудовищной «сексуальной озабоченности» и извращенности русских. Ругающийся же, как правило, о сексе, а тем более об извращениях даже и не думает: обычно он лишь в древней традиционной форме

¹⁴³ Значок * наш (М.Д.)

¹⁴⁴ Неценз. О том, кто молчит.

¹⁴⁵ Значок * наш (М.Д.)

¹⁴⁶ Неценз. Голодать, жить бедно, впроголодь длительное время.

¹⁴⁷ Значок * наш (М.Д.)

¹⁴⁸ Неценз. Очень далеко.

¹⁴⁹ Значок * наш (М.Д.)

¹⁵⁰ Неценз. Никого, ни одного человека.

¹⁵¹ Значок * наш (М.Д.)

¹⁵² Неценз. Бездельничать, заниматься бессмысленными делами.

изливает свою русскую душу, высказывая таким образом свое недовольство жизнью, людьми, правительством» [Мокиенко 1994].

Разумеется, к дисфемистическому «полюсу» относятся не только обценные фразеологизмы, но и другие ФЕ, находящиеся ниже стилистической нормы (см. определение фразеологического дисфемизма выше), а также те, которые «используются для выполнения свойственной им цели – огрубить речь» [Ковшова 2007: 108]. Напр.,

*Европа восстанавливается. Евро-ПИГСы выздоравливают, в Испании с Португалией наблюдается серьезный рост экономики, Греция постепенно начинает **выкарабкиваться из задницы**. В евромоторе, то бишь, Германии по экономике трехлетние максимумы. <http://gorynych1.livejournal.com>; Как поднимать экономику, если мало того, что все хотят сладко жить и ничего не делать, **на жопе в тёплом офисе сидеть**. так и работать особо некому. Россия превращается в страну охранников и менеджеров. А вкалывать на заводах никто не хочет. Руководство страны что, рожать заставит, силком за станки поставит? Надо зарплаты поднимать на тех работах, на которые никто не идёт сейчас. Вот тогда да. А пока получают деньги те, кто **нихрена не делает**¹⁵³, или его деятельность не так важна для экономики, так всё и будет. gia.ru и мн.др.*

Интернет-дискурс со свойственной ему экспрессивностью и лингвокреативностью выступает и **источником возникновения и средой функционирования новых фразеологических дисфемизмов**. Напр.,

***набрасывать / набросить говно на вентилятор**. ‘Груб. Намеренно провоцировать конфликт, разжигать ссору’: Значит человек умеет и любит сделать так, чтобы всем вокруг плохо стало. Подразумевается сравнение с эффектом от **"набросить говна на работающий вентилятор"**.otvet.mail.ru; Поскольку работать не интересно он принялся за старое. И тут моя возлюбленная то-ли обчитавшись пикабу то-ли еще чего ну вообще посоветовала ему не **вбрасывать говно на вентилятор**. pikabu.ru; Может хватит уже **говно на вентилятор набрасывать?** Утомительно читать в куче тем одно и тоже. hidplanet.ru;*

***наброс (вброс) говна на вентилятор**. ‘Груб. Провокация, разжигание конфликта, ссоры’: Хз, пока что просто **наброс говна на вентилятор**. На видео ничего такого нет. twitter.com; Чтобы вы понимали серьезность проблемы: дискуссия зародилась там после моего прихода (более того, я знала, что так будет, в принципе, мои действия можно смело классифицировать как **наброс говна на вентилятор**), дискуссию можно отнести к широкой теме "как нам обустроить Россию" (к слову, я выступала на стороне России), аргументы и у меня и у моего оппонента были в духе "зуб даю, что так". <http://norui-fileg.livejournal.com>; Узбагойтесь, граждане. Это **набросы говна на вентилятор**. Хорошие, годные **набросы**. Их цель - что бы мы все были в крапинку. <http://aryhetzt.livejournal.com>;*

***рвать/порвать (свою) задницу на британский флаг** ‘Груб. Очень стараться что-либо сделать; прикладывать максимум усилий к чему-л.’: К хорошему быстро привыкаешь, поэтому я **рвал свою тощую задницу на британский флаг**, что бы исправить данную ситуацию. <http://voorhis88.livejournal.com>; Быть в бессилии трудно, поскольку трудно не поддаться соблазну искусственно мобилизоваться и настроить старых конструкций, или, разрывая задницу на британский флаг, попытаться изобрести что-то офигенно новое. <http://anna-borich.livejournal.com>; Когда нам что-то очень нужно, мы задницу на британский флаг порвем, но сделаем все, чтобы достичь своей цели! <http://issy-talberts.livejournal.com>;*

кто [выглядит] как жопа из кустов**. ‘Груб. О ком-либо некрасивом’: Мужики ноют, мол эта худая, эта толстая, яркий макияж, плоская задница, маленькая грудь, а сами **выглядят, как жопа из

¹⁵³ Эвфемизм (М.Д.)

кустов. <https://masterofstyle.livejournal.com>; *Выгляжу, как жопа из кустов:):):)* [youtube.com](https://www.youtube.com); О себе: живу с мамой, *выгляжу, как жопа из кустов*. gazzvody.ru;

отбеливать / отбелить анус. 'Груб. Заниматься глупым, бесполезным делом': *От безделья уже не знают куда деться. То анус отбеливают, теперь камешки приклеивают в зуб*. <http://bespridanitsa.livejournal.com>; *Ну да, чувак, мощь ВВП заключается в биржевых брокерах, массово отбеливающих анусы*. <https://marv.livejournal.com>; *Зачем же мы отбеливали анус, если бумага - однослойная? Скорблю с вами, соратнеги!* <https://ljsear.ch> и мн.др.

При этом можно утверждать, что в интернет-дискурсе активно сосуществуют два противоборствующих коммуникативных «вектора»: **тенденция к дисфемизации** общения, связанная с разговорным характером виртуальной коммуникации и ее жаргонизированностью и демократичностью, и **тенденция к эвфемизации общения**, отражающая необходимость смягчения грубых наименований. Справедливости ради необходимо отметить, что данная тенденция к сосуществованию в одном коммуникативном пространстве эвфемизации и дисфемизации характерно не только для онлайн-дискурса, но и для современной русской речевой ситуации: «в современной русской речи достаточно отчетливо проявляются две разнонаправленные тенденции: к огрублению речи и ее эвфемизации» [Крысин 2004: 262].

Под фразеологическими эвфемизмами понимаются «выражения, заменяющие обценные, неприличные, грубые и т.п. формы, а также табуированные элементы словаря (в том числе и ощущаемые как производные от них), в той или иной мере снимающие запрет на употребление» [Баранов, Добровольский 2015: 188]. От лексем-эвфемизмов они отличаются тем, что «в отличие от эвфемизмов-единичных слов имеют дополнительные коннотации, полнее отражают культурно-социальный смысл нового названия, являются более сложным отражением общественной оценки явления, ярче выражают стилистическую и жанровую принадлежность названия» [Ковалева 2008: 4].

Интернет-дискурс (как дискурс, объединяющий «приватность» и публичность) становится средой актуализации различных фразеологических эвфемизмов. Например, здесь активно функционируют эвфемизмы обценной фразеологии типа *ёшкин кот*, *полный абзац*, *полный звездец*, *ядрёна вошь*, *едрить твою налево*, *ёж твою медь*, *Япона мать*, *японский городской*, *ядрёный корень*, *ядрёна мать*, *ёкарный бабай*, *ёперный театр*, *туева хуча* и др.:

Сегодня уже в гости зазывает и чуть не кофе в постель обещает. Ну ёж твою медь! Ну почему без этого-то нельзя?! <http://nadf666.livejournal.com>; *Ну япона мать. ЧТО должна нам сказать эта сцена?* <http://eto-yana.livejournal.com>; *Коньяк закончился давно, Но от себя не убежать. Какое все вокруг говно, Ну что за жизнь, ядрена мать!* <http://vovuch2.livejournal.com>; *Клецевых инфекций туева хуча. Помимо энцефалита и боррелиоза, которые более-менее на слуху, это еще и бабезиоз, риккетсиоз, грануцитарный анаплазмоз, моноцитарный эрлихиоз и другие язык-сломать-можно инфекции.* <http://bagee.livejournal.com>; *А вот ночью был полный абзац. Так ужасно я давно не спала.* <http://big-blue->

heron.livejournal.com; Для примера. Я бы очень хотел, чтобы отпала необходимость стричь ногти. Делаешь какую-нибудь простую операцию за 2999 рублей, и ногти больше не растут. Хотя **хрен с ними с ногтями**. Вот носки! Да! Везде есть штрихкоды. Пора айфону научиться запоминать все наши вещи, каталогизировать их по коду, а потом, когда опять носок потеряется, спрашиваешь: "Siri, **едрить твою налево!** где мой носок?" <http://boris-gouts.livejournal.com> и др.¹⁵⁴.

Мы не можем сказать, что интернет-коммуникация отражает популярную в современном общественном дискурсе эвфемизацию социальных тем, связанную с возрастающей ролью в обществе таких явлений как социальная толерантность и смягчение различных дискриминаций (напр., дискриминаций по полу, возрасту, комплекции, цвету кожи и др.): сетевое общению скорее тяготеет к активному использованию прямых наименований подобных явлений. Фразеологические эвфемизмы «терминологического» типа, отражающие социальную и политическую корректность (*работница секс-индустрии, человек с ограниченными возможностями, оказывать секс-услуги, выходец с Кавказа, асоциальная категория населения* и мн.др.), характерны скорее для публицистических жанров (в том числе интернет-СМИ) и в интернет-коммуникации используются мало, не отражая табуирования указанных сфер.

В отличие от мало используемых социальных эвфемизмов, наш материал отражает значительную роль применения фразеологических эвфемизмов традиционно выделяемых «эвфемизмовозависимых» тематических групп, среди которых: физиологические процессы и состояния, определенные части тела, связанные с «телесным низом», отношения между полами, болезни, которые причисляются к главным эвфемистическим областям, например, Л.П. Крысиным [Крысин 1994]. Виртуальная коммуникация становится настоящим «раздольем» для бытовых эвфемизмов. При этом нельзя говорить о том, что главной функцией эвфемизмов в следующих контекстах является лишь смягчение сказанного (см. на совсем не смягченный контекст некоторых примеров), поскольку они используются и как элемент своеобразного «украшения» текста. Ср.,

*Праздновали они с компанией новый год в ресторане. Как положено с боем кремлевских курантов она загадала желание: «Познакомиться с красивым и богатым парнем». Где то часа в два **пошла попудрить носик**»¹⁵⁵. <http://zabzamonok.livejournal.com>; У меня вот уже несколько дней задержка. **Гости на красных жигулях**¹⁵⁶ не приехали. Застряли в дороге. <http://n-borzova.livejournal.com>; Ну у меня первый день цикла вполне уловим, хотя бы по тем же предупреждающим намекам в виде раздражительности, нервозности и плаксивости во время ПМС =)))) сначала обычно мысль - чё за хрень? какого фига я себя*

¹⁵⁴ Безусловно, учитывая постоянный процесс «дрейфа» эвфемизмов и утраты многими из них эвфемистичности, некоторые из этих выражений не всегда уже можно назвать эвфемизмами в полной мере из-за частичной утраты ими облагораживающих свойств и их грубости, ощущаемой носителями языка.

¹⁵⁵ *Пойти попудрить носик*. Эвф. Посетить дамский туалет.

¹⁵⁶ *Гости на красных жигулях*. Эвф. Менструация.

так веду? а потом - а, ну да... скоро **красные дни календаря**¹⁵⁷ =) <http://wiccan-mara.livejournal.com>; С большим компиком не полежишь в ванной, не поваляешься на диване, не сходишь в магазин... Не проведешь не скучно время в **комнате неизвестного архитектора**¹⁵⁸ :)))))) Вот...все преимущества налицо! <http://ank-omon.livejournal.com>; Если сомневаетесь в пластинчатых грибах - берите только лисички, даже если нарветесь на ложные, в самом худшем случае просто проведете в **кабинете задумчивости**¹⁵⁹ энное количество дней без особых последствий. <http://janis60.livejournal.com>; Насколько я слышал его секс это весьма унылое действо, **кинул палку**¹⁶⁰ поставил галку, написал отчет в ЖЖ - вот и вся тебе камасутра. <http://fixin.livejournal.com> и др.

Регулярно использование в интернет-дискурсе, отличающемся карнавальностью, и шуточных, иронических фразеологических эвфемизмов, а также «осмеяния» уже существующих фразеологических эвфемизмов¹⁶¹. Напр.,

переводить/перевести отношения в горизонтальную плоскость ‘склонять к интимным отношениям’: *Перед тем, как перевести отношения в горизонтальную плоскость, вам нужен повод, чем заняться.* <http://alextaxi.livejournal.com>; *Я в те времена очень хотела, чтобы у меня был мужчина-друг. Вот прямо друг - и всё тут! И никаких дополнительных опций. А мужчины всё время как-то стремились перевести отношения в горизонтальную плоскость.* <http://marinamariha.livejournal.com>.

отправлять/отправить в пещерное эротическое путешествие¹⁶² ‘отказать кому-л. в чем-л. в резкой, грубой форме’: *У меня было весьма лестное предложение вступить в эту шайку... я отправил в пещерное эротическое путешествие к такой-то собаке, сказав что с ними я в одном поле ... не сяду.* <http://anti-chief.livejournal.com>; *Но на этом скандал не закончился, а разгорелся с новой силой. Как сообщил портал Goldenfront, владельцы этого поддельного золота попытались вернуть его в Сбербанк, где их отправили «в пещерное эротическое путешествие».* <http://yurypet.livejournal.com>;

женщина нетяжелого поведения, женщина не самого тяжелого поведения¹⁶³ ‘проститутка, гулящая женщина’: *В комиксе показаны две женщины нетяжелого поведения, у одной из которых есть фотоаппарат, а у другой на спине надпись "Пресса".* <http://karamergen.livejournal.com>; *Как-то на мой вопрос о Таиланде некто ответил, что причиной тому дешевый алкоголь, доступные наркотики и женщины не самого тяжелого поведения. И мужчины, переодетые в таких женщин, LOL. И дешевизна, разумеется.* <http://innuleska.livejournal.com>

Подобная языковая игра с эвфемизмами является, на наш взгляд, одной из форм их регулярного обновления. О нестабильности и регулярном обновлении эвфемистического фонда языка говорит Т.А. Ковалева: «Действие эвфемизмов определяется наличием грубого, недопустимого эквивалента; как только это подразумеваемое неудобнопроизносимое выражение выходит из употребления, эвфемизм

¹⁵⁷ Красные дни календаря. Эвф. Менструация.

¹⁵⁸ Комната неизвестного архитектора. Эвф. Туалет.

¹⁵⁹ Кабинет задумчивости. Эвф. Туалет.

¹⁶⁰ Кинуть палку. Эвф. Осуществить половой акт.

¹⁶¹ Как пишут Е.П.Сеничкина, И.Н. Никитина: «Иронические эвфемизмы - примета современной эвфемии. Однако под термином «современная» следует понимать достаточно широкие временные рамки. Уже в словаре В.И. Даля зафиксировано ироническое обозначение такого запретного наименования, как «ягодицы» - Европа. Комическое и ироническое прослеживается во всех тематических группах современных эвфемизмов, хотя продуктивность таких замененных наименований в разных культурах различна» [Сеничкина, Никитина 2007: 199].

¹⁶² Ср. с первоначальными вариантами типа *послать кого на хер* и т.д.

¹⁶³ Ср. с первоначальным вариантом *женщина легкого поведения*.

теряет свои облагораживающие свойства, переходит в разряд прямых наименований и требует новой подмены» [Ковалева 2008: 20].

Креативный потенциал некоторых фразеологических эвфемизмов проявляет себя и в динамике. И если В.М. Мокиенко в 1994 году отмечает, что «выражение *послать на три буквы кого* в современной речи столь популярно, что породило немало анекдотов, где, например, под последним понимается «стройка века» БАМ (Байкало-Амурская магистраль) или XVII-й съезд комсомола» [Мокиенко 1994], то в современном жаргоне компьютерщиков выражение *послать на три буквы* получило новое значение ‘воспользоваться Интернетом’ (из-за трехбуквенных сочетаний *www* или *URL*), а шуточный фразеологический неологизм *послать на три кнопки* – значение ‘перезагрузить компьютер, нажав одновременно сочетание трех клавиш *Ctrl + Alt + Del*’:

Система озадачена. Послали на три буквы? Это ж URL. <http://date-naoki.livejournal.com/>; *Послать на три буквы - ползть на WWW.* <http://eyange.livejournal.com/>; *Мне попался такой, который пришлось послать на три кнопки и вышибать через диспетчер процессов.* <http://morrigan-lee.livejournal.com/>; *Как послать компьютер на три кнопки?* <https://otvet.mail.ru>

От собственно фразеологических эвфемизмов необходимо отличать **контекстуальные трансформации с целью эвфемизации самого фразеологизма**. Как мы уже отмечали в предыдущей главе, эвфемизация, «смягчение» устойчивого выражения может реализовываться при помощи разнообразных модификационных приемов: сокращения компонентного состава ФЕ (*Так прямо и заявил судье Ширяевской: «Не вижу смысла метать бисер».* <http://domozhiroff.livejournal.com/>; *Только у нас всё как всегда через...* www.banki.ru), замены компонента узуального фразеологизма (*В итоге фазу замыкает на корпус, рабочих бьет током, они отскакивают, матерясь и размахивая руками, кричат в гневе, что инженеру пора натянуть глаз на анус.* <http://ruszaschita.livejournal.com/>), за счет введения параграфемных средств (*Здравствуйте. Я очутилась в глубокой ж***.* <http://realityshow1.livejournal.com/>; *А на вакантное место подобрали более «профессиональную» кандидатуру кого-то из родственников главарей «Кольчуги», ведь с работой в «дыре» полная ж@па ?!* <http://pashikzt.livejournal.com/>; *Воистину, жениться лучше на молодых, нежных и глупеньких. А не на таких занозах в з@dнице, как она, и увы, как я.* <http://nattyshaffner.livejournal.com/>.)

Важно отметить и влияние эрративных средств в эвфемизации. Интернет-эрративность выступает средством не только дополнительной экспрессивизации, но и **эвфемизации обценной фразеологии**, создаваемой за счет «орфоарта» и

параграфемных элементов. Ср., напр., следующие эрративные жаргонизмы, представляющие собой порождение «жаргона падонков»: *малое&ущий фактор / малоипущий фактар* 'о том, что совсем не касается, не волнует кого-л.' *ужос нах* 'выражение ужаса', *вапце убило нах* 'выражение смеха или удивления', *и (совсем) ниибёт / и ниипёт* 'том, что написавший не хочет слышать никаких возражений', *первый нах!*, *фдисятке нах!* 'выражение одобрения, восхищения' и мн.др.:

Но что-то этот малоипущий фактар меня не сильно впечатлил... <http://dvernaaya-moda.livejournal.com>; *А предлагается повысить пенсионный возраст аж до 65. Ужос, нах!* <http://damillola.livejournal.com>; *На улице ужос нах, деревню гадюкино по моим наблюдениям скоро смоем.* <http://lady-nb.livejournal.com>; *В разобранном виде (снято переднее колесо) + грузовая декларация (5-8 грн) - без особых проблем. В чехле (учитывая, что вел весит ДО 15 кг) - ручная кладь и НИИБЕТ. Для доп страховки - можно взять грузовую декларацию - и совсем НИИБЕТ.... Нуразу.* <http://straygaldvir.livejournal.com>; *Я часто и прямо говорю, что эгоист, и ниипет.* <http://bipolar-moods.livejournal.com>; *ШЫкарно, я щцетаю!! особенно доставили свинки (первая так вапце убила нах, вторую стало жалко :(* (<http://mayonesa-nax.livejournal.com>); *Фдисятке нах. Пишу всякую фигню, буду рад визитам :)* <http://dpmmax.livejournal.com>

Использование подобных эрративных фразеологических эвфемизмов часто сопровождается не только речь представителей субкультурных сообществ, но и «рядовых» пользователей Сети, поскольку в таком случае «коммуникант получает возможность как бы снять с себя часть ответственности за сказанное, перекладывая ее на автора, создавшего текст, на культурную группу, для которой данный текст является прецедентным, на самого адресата, который, опираясь на свои фоновые знания, расшифровал иносказание и извлек из него смысл» [Слышкин 1999: 132].

Таким образом, интернет-коммуникация отражает продуктивность дисфемистической и эвфемистической функций фразеологических единиц. О безусловной узнаваемости фразеологических эвфемизмов в связи с их онтологическими характеристиками пишет Т.А. Ковалева: «Фразеологическая сущность эвфемизмов отличается особым характером: при любой степени идиоматизации, при самой широкой неопределенности общего значения фразеологические эвфемизмы всегда дают подсказку, какой элемент реальной действительности называется, из ситуации общения всегда ясно, какое не принятое в цивилизованном обществе название заменяется на смягчающее, этичное, культурно допустимое» [Ковалева 2008: 11].

Можно утверждать, что анализ дисфемистических и эвфемистических особенностей ФЕ в интернет-дискурсе отражает как активность данных процессов в современной русской речи, так и их важность для создания собственно сетевых дискурсивных черт (экспрессивности, открытости, анонимности, креативности). Массированная дисфемизация, огрубление интернет-общения, а также доминирование

«бытовых» эвфемизмов над «социальными» указывают на примат личностноориентированности, приватности над институциональностью и публичностью виртуальной коммуникации. В.М. Мокиенко в 1994 г. пишет: «На заборах и в местах общественного пользования все реже появляется сакраментальное слово из трех букв, которого никак не могла искоренить полиция и милиция. Стражам порядка приходится теперь больше усилий прилагать для уничтожения политических лозунгов и выпадов против отдельных представителей «эшелонов власти». Это (пусть и неполное) исчезновение мата на стенах русских уборных – знак нового времени. Времени отсутствия цензуры и свободы слова. Надолго ли?» [Мокиенко 1994]. Возможно, за время, прошедшее с момента создания этих строк, «необходимость» писать заветные дисфемизмы в местах общественного пользования так и не возникает в связи с появлением массового Интернета, ведь теперь есть более масштабная и публичная стена – «стена» социальной сети или блога, где каждый в полной мере может реализовать свой экспрессивный потенциал.

3.2.4 Аргументативная и резюмирующая функции. Фатическая функция

Несмотря на убедительно доказанное Х. Вальтером и В.М. Мокиенко снижение «уважения» к народной мудрости, выраженной в пословицах, и активное «паремиологическое сопротивление» современного дискурса [Вальтер, Мокиенко 2005: 7], устойчивые выражения в виртуальной коммуникации все же активно используются в качестве средства аргументации. Регулярность аргументативной функции ФЕ в интернет-дискурсе, при которой фраземы и прочие выражения генерализованной семантики используются в качестве обоснования и доказательства своей позиции, можно объяснить их повышенной «авторитетностью» на фоне общей разговорности, устности сетевой коммуникации, поскольку «пониженная, по сравнению с письменным, авторитетность устного канала передачи информации предполагает активизацию обращения субъекта к различным формам компенсации его авторитетности» [Тубалова 2016: 123]. Например,

(1) Комментарий: *Пир во время чумы!* 🤪 *Прибыль регулятора больше всей прибыли им регулируемых причем за счет этих самых регулируемых* 😊 *Крутой бизнес, ништяк!* 🤪
<http://www.banki.ru>;

(2) Новость: *«Рынок в напуганном состоянии, и любая претензия регулятора воспринимается рынком так, что за любым предписанием может последовать что-то серьезное», — сказал Госунян. <...>*

Комментарий: *"Тебя посядут, а ты не воруй!"* Пугливые, понимаешь, банкиры пошли. Деньги не выводите, обналом не занимайтесь, террористов не финансируйте и всё будет пучком. www.banki.ru.

Используя устойчивое выражение, особенно «генерализованной семантики», в интродуктивной позиции (как в примерах выше), автор текста, высказывания, нарратива как бы заранее предполагает его последующую семантизацию.

В случае отсутствия «текстовой» экспликации и положения в конце текста предполагается имплицитная экстериоризация в сознании адресата, который знаком с этой фраземой или устойчивым выражением, ситуацией их использования и фоновыми знаниями, стоящими за ними. Это явление «имплицитной семантизации» регулярно реализуется в интернет-дискурсе в случае использования ФЕ в **резюмирующей функции, сближающейся с аргументативной** и заключающаяся в том, что фразеологизм является «кратким резюме предыдущего высказывания» [Кунин 2005: 138]. Ср., например, интернет-комментарии в следующих контекстах:

(1) *Новость: Набиуллина: вывод активов из банков по сомнительным операциям сократился в 2,5—3 раза. Объемы вывода активов из банков по сомнительным операциям сократился примерно в 2,5—3 раза, сообщила в Госдуме в пятницу председатель ЦБ Эльвира Набиуллина. <...>*

Комментарий: *"Все уже украдено до нас!!!"* <http://www.banki.ru>;

(2) *Новость: В Госдуме хотят жить под гимн «Боже, царя храни!» и по юлианскому календарю <...>*

Комментарий: *А Вы, как не садитесь, всё в музыканты не годитесь! Или - чем бы дитя не тешилось, лишь бы не плакало!* <http://www.kp.ru>.

(3) *Так то да, перспективы большие, но я голосую за здесь и сейчас, а не за возможности :) вопщем лучше синица в руках)* <http://zheka-ural.livejournal.com>.

Не мешает реализации аргументативного потенциала устойчивого выражения и случаи трансформации ФЕ, лишней раз подтверждающие интертекстуальный характер фразеологизма:

Через пару лет, я купил себе третий пень, достал с полки пыльную игрушку, запустил ее. И что Вы думаете, я прошел первую миссию? Хрен, все повторилось точь в точь, пока не завис и третий пень. Вот только юнитов наплодилось на порядок больше и бардака они устроили тоже поболя. Насколько хватило ресурсов нового компа. И опять на семь бед – один «reset». А потом я кому-то игру эту подарил. <http://dv-pikalov.livejournal.com> (ср. уз. на семь бед – один ответ); Руководитель диссертации Путина стал долларовым миллиардером <...> А получил он свои первые акции «Фосагро» за поддержку компании по разграблению ЮКОСа во время процесса по делу Ходорковского. Вспомнилась мудрая русская поговорка - не имей сто рублей, а имей сто друзей, у которых есть сто рублей... Так и живём, хорошо, весело. <http://bor-odin.livejournal.com> (ср. уз. не имей сто рублей, а имей сто друзей).

Как отмечает Г.Г. Слышкин на примере функционирования прецедентных текстов, использование устойчивых выражений в функции убеждения коммуникативного партнера в своей точке зрения «характерно для таких жанров, как спор и дискуссия, моделируемых в рамках теории семантических примитивов А. Вежбицкой:

СПОР

- знаю, что ты думаешь о Z нечто другое, чем я
- думаю, что ты думаешь плохо
- говорю это, потому что хочу, чтобы ты думал так же, как и я

ДИСКУССИЯ

- думаю, что ты думаешь об X нечто другое, чем я
- говорю это, потому что хочу, чтобы каждый из нас сказал, что он об этом думает (и почему)
- думаю, что и ты хочешь, чтобы каждый из нас сказал, что он об этом думает и почему
- думаю, что, говоря об этом, мы могли бы сделать так, что мы будем думать одно и то же
- я хотел бы, чтобы мы думали одно и то же» [Слышкин 1999: 139].

Это подтверждается и нашим материалом. Как видно из примеров, приведенных выше, в интернет-дискурсе употребление устойчивых выражений в резюмирующей или аргументативной функциях наиболее часто встречается в составе интернет-комментариев, представляющих собой спор или дискуссию. Выбор фразем и паремий для использования в резюмирующей или аргументативной функциях определяется интенцией говорящего. Так, по нашим наблюдениям, если для комментирования блогов используются, как правило, паремии положительной аргументации, поскольку дискуссии в блоге обычно проходят в рамках лично-ориентированной коммуникации и предполагают дружеское общение, то для комментирования статей на новостных сайтах выбираются устойчивые выражения для демонстрации протеста, несогласия, ироничного отношения к сказанному¹⁶⁴. Ср., напр., интернет-комментарии аргументативного и резюмирующего характера с различными устойчивыми выражениями в составе к сообщению в блогах (1)-(2) и к следующей новости *Голодец*:

¹⁶⁴ Стоит заметить, что промежуточное положение в таком случае будут занимать популярные блоги, так наз. «топовые блоги», сближающиеся со СМИ.

Две трети россиян не нуждаются в высшем образовании на сайте газеты «Комсомольская правда» (3):

(1)

Борис Куприянов о том, почему в России перестают читать книги. В Российской империи книжных магазинов было в два раза больше, чем в сегодняшней России.

rusistka: = Я сравнил цену книг с повседневными вещами = Хождение в кафе и винопитие - не "повседневные" вещи для среднего россиянина. Нет, конечно есть люди, которые покупают и потребляют алкоголь каждый день - но это уже отклонение от нормы.

hyperboreus: Можно подумать, средний россиянин читает книги чаще, чем пьет)) Хорошо, не повседневные, но достаточно частые, по сравнению, например, с плаваниями на яхте.

klausnick: **Бедность не порок.**

radolini: А ни о какой бедности речи не идет. Речь идет о нормальном среднем достатке и размере трат относительно него.

soimu: Полностью с Вами солидарен. Книги сейчас действительно не особенно по карману большинству граждан. <https://philologist.livejournal.com>

(2)

Удар крылатыми ракетами «Калибр НК» по объектам ИГИЛ в Сирии — видео Министерство обороны РФ

miss_hohotyn007:

худой мир лучше доброй ссоры. <https://nikolay-siya.livejournal.com>

(3)

Андрей:

*НУ да надо чтобы рабы батрачили на высшее руководство и знали свое место у парашки. **верным курсом идем товарищи***

Влад:

*зачем парню из деревни высшее образование?"**Как смел своим нечистым рылом здесь чистое питьё мутить моё?"***

Сеня:

*Совершенно верно....., не будьте идиотами и дарите детям не "диплом", а **УДОЧКУ...***

Геннадий:

*Голодец права ибо **от многих знаний многие беды меньше знаешь крепче спишь а среднестатичному восьмидесятипроцентному россиянину достаточно знать азбуку и читать букварь...***

Гость:

...чтобы в избирательном бюллетене нужную графу не перепутать

Клоунам из правительства:

*Как говорится: **Чем больше в армии дубов, тем крепче наша оборона!***

<http://www.kp.ru>

Частое использование устойчивых выражений (как правило, паремий) в качестве полноценного комментария может (и одновременно с аргументацией) реализовываться и с целью установления или поддержания контакта между участниками коммуникативного акта. Сам факт устойчивости и воспроизводимости

фразеологической единицы способствует ее использованию в **фатической функции**¹⁶⁵ в определенных коммуникативных условиях, поскольку «фатический дискурс приветствует использование готовых клише, неразложимых формул» [Норман 2014: 20]. О наличии у ФЕ фатической функции говорит А.В. Кунин: «разновидностью прагматической функции является также контактоустанавливающая функция, заключающаяся в создании непринужденного общения автора и читателя или слушателя, а также персонажей между собой» [Кунин 2005: 138].

В рамках онлайн-общения фразеологизмы и смежные явления (половицы, поговорки, крылатизмы, цитаты) в определенных дискурсивных условиях часто могут заменять собой этикетные клишированные формулы и способствовать установлению и поддержанию общения, что особенно ярко проявляется в жанре интернет-комментария, характеризующегося особой диалогической или полилогической структурой. Так, напр., происходит в следующем контексте, в котором разворачивается **фатический полилог** незнакомых между собой участников, обсуждающих высказывание известного политика об образовании, представляющий собой фразеологическую конфигурацию из реплик, каждая из которых фактически состоит из устойчивого выражения:

Павел: Старая русская " поговорка " - Ученье - свет, а неученье - ...тьма.

Правда: «По делам их узнаете их». (Матфей 7:20)

Гость2220: Ученье - свет, а неученье - чуть свет, да на работу. <http://www.kp.ru>

Иван: От дурака добра не жди. Дурак один родится-всему свету беда. Голоду что глупо, то любо.

007: Россия щедрая душа!

<http://www.kp.ru>

Разумеется, интернет-коммуникация, представляя собой коммуникацию смешанного типа, объединяющую институциональность и «личноориентированность» и включающую в себя в том числе и такие черты, как неофициальность, анонимность, ориентацию на неформальную коммуникацию и знакомство с любым пользователем Сети, отражает тенденцию к сдвигу общения в сторону фатического (а не информативного) варианта. Например, о повышении фатического фактора в общении при снижении официальности пишет Т.Г. Винокур [Винокур 1993: 112], а увеличение роли фатической функции языка в условиях интернет-

¹⁶⁵ Контакттоустанавливающая (фатическая) функция языка – предназначение языка быть средством завязывания контактов между индивидами [ССТ 2006].

общения в целом отмечает Л. Воборил [Воборил 2008]. Повышенная фатика виртуальной коммуникации поддерживается, таким образом, и фразеологическими средствами.

Как говорит Т.Г. Винокур, фатическое речевое поведение «предоставляет право использовать весь диапазон коммуникативных ролей-функций соответственно готовности слушающего воспринять их в таком же диапазоне – от «своего» до «чужого» (группового, коллективного). К тому же существует житейская мудрость, согласно которой в беседе, не предполагающей различия прагматических последствий истинности или ложности высказывания, адресант должен говорить то, чего ожидает от него адресат, и говорить так, как хотелось бы адресату» [Винокур 1993: 136]. И устойчивые выражения как элементы этой «житейской мудрости» (и интертекстемы) легко встраиваются в ситуацию установления или поддержания контакта¹⁶⁶. Ср., напр., комментарии к новости о банкротстве банка:

петр петров: А как-же заповедь - не укради? Подставь ~~другой карман~~ другую щеку?

*forts forts: А есть еще такая : Не делай другим так, как не хочешь чтоб делали тебе. **Не рой яму другому, а то сам в нее попадешь ... и т.п.***

banki.ru

Как мы отметили, паремии и фраземы воспринимаются носителями языка как элемент хрестоматийной мудрости: «в связи с этим проникновение признаков письменной речи в устное сообщение лично-ориентированного дискурса можно рассматривать как способ повышения его авторитетности, осуществляемый в виде обращения к речевым формам социально-авторитетных дискурсов» [Тубалова 2016: 123-124]. При этом регулярное использование устойчивых выражений в интернет-дискурсе в качестве средства аргументации или установления/поддержания контакта также базируется и на «эксплуатации» фразеологической интертекстуальности. На наш взгляд, можно говорить об аргументативной и фатической функции ФЕ как апелляции к аксиологической системе конкретного социума, «мудрости народа», его ценностям. Об этом убедительно пишут А.Н. Баранов, Д.О. Добровольский: «аргументация с помощью идиом и метафор строится <...> на скрытой апелляции к ценностям, которые не принято подвергать сомнению. <...> Поскольку план содержания идиом и метафор часто обнаруживает оценочную составляющую, использование этих выражений может имплицитно навязывать участникам коммуникации ту или иную оценку обсуждаемого положения дел» [Баранов, Добровольский 2008: 488]. В целом, эта апелляция к

¹⁶⁶ У фатического общения две основные цели: «желание вступить в общение» [Винокур 1993: 137] и желание «говорить, чтобы высказаться и встретить понимание» [Там же: 139].

авторитету источника характерна для интертекста в целом, представляющего собой «ссылки и аллюзии на другие тексты, уже приобретшие свой авторитет в результате традиции, закрепившейся в рамках определенной культурной среды, воспринимаемых как источник безусловных и неоспоримых аксиом. В конечном счете, авторитет отождествляется с тем набором риторических или изобразительных средств, при помощи которых автор текста создает специфическую «власть письма» над сознанием читателя» [Ильин 1996: 224]. По нашему мнению, эта способность ФЕ выступать в качестве аргументирующего или резюмирующего средства для интернет-дискурса становится не только важным элементом оценки наиболее актуальных событий и явлений, но структурным средством создания «мгновенности» передачи информации, важной черты виртуального коммуникативного пространства.

3.2.5 Текстоброобразующая и жанробразующая функции

Фразеологизмы в интернет-дискурсе могут активно участвовать в порождении и организации текста. Роль ФЕ в текстоброобразовании уже отмечалась исследователями¹⁶⁷: под текстоброобразующими факторами фразеологизмов понимают «реализацию лингвистических свойств данных языковых знаков, позволяющих им, наравне с грамматическими и лексическими средствами языка, создавать те звенья в структуре текста, которые являются элементами структуры и в отдельных случаях также и связующими средствами фрагментов текста» [Чернышева 1974: 161]. Безусловно, фразеологические единицы могут выполнять роль «классических» средств текстовой когезии, например, служить межфразовой скрепой (*Хотят разделить общество на господ и вечных холопов необразованных? Ёжику понятно, что высшее образование сделают доступным только для отпрысков из богатых семей. www.kp.ru*) или актуализаторами предшествующей и последующей текстовой информации (*Так ведь женщины хотели принцев на белом коне - вот "удачники" и стараются: от развала СССР и до взяток - все для и ради желания женщин ! **Получите и распишитесь** вы ВСЕ одобряете ! Даже торговлю наркотиками , грабежи и т.п. **Ведь деньги не пахнут** и на них не пишут за что они получены!!! <https://gia.ru>*). Но нам бы хотелось рассмотреть особую роль в устойчивых выражений именно в порождении текста¹⁶⁸.

¹⁶⁷ См., напр., [Баранов, Добровольский 2008], [Кунин 2005], [Фокина 2008] и др.

¹⁶⁸ На роль ФЕ в порождении текстов художественного дискурса указывает и М. Фокина: «Текстопорождающая роль ФЕ проявляется в результате осуществления глобальной связности в пределах целого текста. Текстоконструирующие и текстопорождающие фразеологические средства способствуют интеграции текстовой связности и целостности, пересечению синтагматических и парадигматических

Значительный функционально-прагматический потенциал фразеологизмов, известный еще по их роли в формировании текстов классической русской литературы или текстов современной публицистики, напр., [Климович 2011], [Коршкова 2005], [Мокиенко 2016], [Попова 1998], [Прибытько 2002], [Фокина 2008] и мн. др., реализуется и в условиях интернет-коммуникации, где устойчивые выражения (в том числе благодаря своей интертекстуальности) часто становятся «ключами нарратива»¹⁶⁹, занимая важную смысловую позицию в тексте и способствуя лучшему пониманию авторской интенции. О часто встречающемся тесном смысловом переплетении ткани текста и фраземы точно говорится в статье Ю. С. Степанова, посвященному интертексту: «это соответствие устанавливается в некоторых «точках контакта» речевого потока с внутренней системой знаний индивида, в роли которых и выступают «смысловые вехи». Они актуализируют и «подключают» фрагменты системы знания, необходимые для осмысления последовательности слов, составляющих контекст. В этих «точках» происходит как бы пересечение общего, объективного, субъективного» [Степанов 2017].

На наш взгляд, наиболее ярко способность устойчивых выражений становиться «ключами нарратива» и «смысловыми вехами» текстового пространства проявляется за счет **экспликации**, базирующейся на интертекстуальности ФЕ и конституирующей роли их внутреннего образа. Как отмечает В.Н. Телия, «образность, заключённая во внутренней форме (*фразеологизма – М.Д.*), – как раз во многом и предопределяют не только развитие значения, но и особенности его функционирования» [Телия 1996: 29]. Подобная экспликация часто происходит за счет помещения ФЕ **в «сильную» позицию**.

Как известно, фраземы часто используются в качестве заголовков в текстах современных СМИ. Подобную «сильную» позицию идиоматические выражения способны занимать и в текстах блогов, форумов и т.д. Текст, следующий далее, после заголовка, представляет собой «расшифровывание» фраземы, часто с экспликацией и буквализацией внутреннего образа, накладывающегося на параллельный план

смысловых отношений, объединяющих отдельные фрагменты текста в общую повествовательную ткань произведения. ФЕ, обладающие высоким текстопорождающим потенциалом, определяют коммуникативную перспективу литературного нарратива, создают вертикальный контекст, посредством которого осуществляется смысловое развёртывание повествования» [Фокина 2008: 11].

¹⁶⁹ Термин-метафора Т.Н. Николаевой, под которым понимаются «фрагменты разной протяженности, которые помогают увидеть смысловую дополнительную нагрузку в самом этом тексте или ведут нас в другой текст, переключая с которым также открывает для нас дополнительные смысловые пространства» [Ключи нарратива 2012: 40-41].

фразеологического значения, а сам заголовок заранее демонстрирует, отражает авторскую позицию, предопределяя оценку событий:

Не мечите бисер.

Уж сколько раз твердили миру: не мечите бисер перед свиньями! Не поймут, не оценят, но нет! Кажется, что вот именно ты сможешь пробудить в этих щетинистых тушках все светлое и прекрасное, что таится на самом дне их толстых животиков. Вот сейчас они подымут к небу свои испачканные дермецом пяточки и засветятся в их маленьких глазках проблески ума и уверуют они и пойдут за тобой, внимая каждому слову... Увы! В лучшем случае останутся при своем мнении, а то ведь еще и изгадить могут. <http://laprimairene.livejournal.com>.

Как видно из этого примера, текстовое «развертывание» устойчивого выражения происходит за счет актуализации ФЕ и нескольких повторных «обращений» к ее элементам, так называемой **рекуррентности фразеологизма в тексте**¹⁷⁰. Часто именно рекуррентность устойчивого выражения позволяет создать смысловую доминанту текста, при этом увеличивая его экспрессивность и помогая выразить авторскую оценку. Как справедливо отмечает П.П. Ветров, «фразеологизм наряду со словом является строительным материалом текста, однако, в отличие от слова, это особый материал; функционально-текстовая особенность фразеологизма состоит в том, что он способен содействовать связности текста, одновременно увеличивая при этом перспективу его потенциального восприятия. Эта способность объясняется изначальной предрасположенностью фразеологизма к семантическим приращениям. Образные ассоциации, возникающие в тексте за счет фразеологизмов, возможны только в текстовой среде, так как все текстовое пространство – это естественная зона иррадиации значения фразеологизма» [Ветров 2011: 23]. Не используя понятия рекуррентности, А.Н. Баранов и Д. О. Добровольский также говорят о способности ФЕ выступать в качестве «маркеров определенных элементов сюжета» [Баранов, Добровольский 2008: 515], вводящих в повествование отсылки к персонажам, идеям и событиям конкретного нарратива. Ср. следующий текст¹⁷¹, который мы сознательно приводим полностью с целью продемонстрировать как возможность одного эксплицирующегося фразеологизма породить текст значительного объема (в данном случае поста в блоге), так и множественность способов рекуррентности ФЕ и ее компонентов в тексте¹⁷².

¹⁷⁰ Осознавая неоднозначность определений понятия *рекуррентность* в лингвистике, а также разнородность явлений, называемых данным термином, см., напр., [Жеребило 2010], [Кошечкина 2012], [Юдина 2014] и др., в данном исследовании мы понимаем **рекуррентность как повторяемость в тексте**, а рекуррентность ФЕ как «систематический повтор фразеологических единиц в <...> тексте» [Ветров 2011: 23].

¹⁷¹ К сожалению, будучи ограниченными рамками раздела диссертации, мы не можем привести большое количество обнаруженных нами в интернет-дискуссии подобных текстов в связи с их объемом.

¹⁷² Для удобства восприятия элементы рекуррентности нами выделены жирным шрифтом.

Колесо для белок¹⁷³

Чем больше наблюдаю, тем больше убеждаюсь, что современная политика и экономика состоят из своеобразных **"беличьих колес"**, внутри которых можно **бесконечно крутиться, совершенно не продвигаясь вперед**. И неважно, с какой скоростью вы будете **бежать внутри этого колеса** - оно от этого не сдвинется с места. И не изменится по своему устройству.

Владельцам этих **колес** даже выгодно, чтобы вы **крутили их как можно быстрее**, потому что энергия от вращения идет им на пользу.

Одно из таких **колес** - демократические выборы. Народ ходит, ходит, ходит на выборы, но жизнь простых людей от этого не становится лучше. Жизнь становится лучше только у тех, кому принадлежит это **колесо демократии, которое крутит народ**. Мне часто пишут, что у нас демократия неправильная (читай **некачественное колесо**), поэтому и живем плохо, а вот в США и Европе - там **колесо хорошее**, поэтому и народ живет лучше, чем мы.

Да не потому в США и Европе **"белки"** живут лучше, что они свое **колесо** лучше крутят или оно у них какое-то более другое, более технологичное, на шарикоподшипниках, а не на деревянной палке. Европейские и американские **"белки"** живут лучше только потому, что их лучше кормят. А кормят их лучше потому, что **хозяева богаче и денег в тех странах больше**.

Хозяева американских и европейских **"беличьих колес"** просто богаче российских. Ну и немного умнее, поэтому не выводят свои деньги в другую страну. Тем более, что им и выводить-то некуда, наоборот - к ним в страну все выводят свои деньги.

Вот поэтому западные **"белки"** и живут хорошо - к ним в страну текут деньги с колес российских и иных **"белок"**. Но многие мне не верят. Думают, что если заменить **деревянное колесо на стальное и поставить его на шарикоподшипники**, чтобы потери от трения были меньше - жить станем лучше, веселее. Да не вы станете лучше и веселее жить, если потери от трения станут меньше, а хозяева колеса.

Почему же тогда **хозяева колеса не меняют деревянный дрын на шарикоподшипник**, если им от этого станет лучше?

Да потому, что это дорого и опасно. Рискованно **менять колесо**. Чтобы **менять колесо - надо его остановить и народ в этот момент может понять, что жизнь без колеса ничем не хуже, чем с колесом, наоборот - намного лучше**. И тогда **второй раз в это колесо люди уже не полезут**. Поэтому **его и не апробуют - пусть лучше "белки" бегут как бегут**.

Колесо надо было ставить на шариковый подшипник с самого начала, но в 90-е было не до хорошего, демократию строили "из того, что было", **вот колесо и получилось из деревяшек и палок, перемотанных скотчем**. Народ в него запустили и он принялся **крутить**.

А когда фотография Ельцина **перед колесом начала раздражать "белок"**, им поставили Путина. И внушили, что надо **бежать, не останавливаясь**, иначе Путина не станет, а вместе с ним не станет и России. Белки побоялись такой перспективы и побежали дальше. И теперь непонятно, как заменить этот портрет еще раз, чтобы **белки не остановились**. Ведь им уже внушили, что Путин незаменим. Если заменить и ничего не случится, то **белки могут подумать, что и про колесо их обманули и перестанут бежать**. А может быть и того хуже - испугаются самого факта замены, побегут в разные стороны и сломают колесо насовсем.

Поэтому и держат портрет Путина перед колесом, а само колесо, чтобы оно не развалилось, укрепляют разными скрепами, духовными и не только. И демократическое колесо - далеко не единственное, а лишь одно из.

Другое колесо - это частный бизнес. **Белкам** сказали, что если заниматься частным бизнесом, то все будут богатыми и успешными, что заниматься частным бизнесом правильно и полезно. **И белки залезли в колесо частного бизнеса, чтобы крутить его**.

Нарегистрировали фирм, набрали кредитов, наделали рекламы, сайтов, набрали бухгалтеров, арендовали офисы и бегут, бегут, бегут... Абсолютное большинство этих фирм дублируют друг друга, перепродают одни и те же товары, при этом конкурируют и тем самым взаимно понижают прибыль. Огромное

¹⁷³ Ср. уз. **крутиться как белка в колесе**

количество людей делают дурную работу, отбирают друг у друга клиентов, сражаются за госконтракты, делают откаты ради победы в тендерах и так далее и тому подобное.

Эффективность экономики от этого бизнеса скорее снижается, чем растет, потому что миллионы людей по всей стране заняты не производством, а борьбой друг с другом, причем в ходе этой борьбы качество почти не растет, потому что большая часть товаров производится за рубежом - их качество не зависит от того, кто конкретно вам их перепродаст, какой у него будет логотип, сайт, офис, джип и что-нибудь еще.

Но белки упорно бегут, пытаясь стать успешнее, хотя все они находятся в одном колесе и успех одной белки достигается за счет другой.

По-настоящему успешными становятся только хозяева колеса, внутри которого бегут белки. Это банки, у которых белки берут кредиты для "развития своего бега", топливные и энергетические компании, а также крупные импортеры, у которых белки закупают товары, чтобы перепродавать их и добиваться того, чтобы другие белки их покупали - те, которые бегут в колесе потребления.

Колесо потребления - самое большое из всех беличьих колес. Внутри колеса потребления бежит даже больше белок, чем внутри колеса демократии. Реклама говорит, что надо покупать новые товары - более современные, более эффективные, более модные, более другие. Нужно купить новый айфон, потому что предыдущий уже не круто. Нужно купить новый шампунь, потому что его рекламирует Роналду. Нужно купить новую бритву, новый автомобиль, новый телевизор, новые памперсы, новые таблетки от головы, новое средство от выпадения волос, новое средство для удаления волос, новые волосы и что-нибудь еще.

Перед беличьим колесом стоит телевизор и показывает, какие товары надо покупать больше и чаще. И белки крутятся в колесе, чтобы покупать эти товары больше и чаще, соревнуются друг с другом, кто больше и кто чаще покупает, у кого новее айфон, у кого круче автомобиль, у кого шире экран и так далее и тому подобное. И чтобы все это покупать, белки берут кредиты, а чтобы отдать их - надо бежать еще быстрее, потому что когда брали кредиты - думали, что денег станет больше, а их не стало больше, поэтому надо быстрее бежать.

Надо бежать быстрее, быстрее, быстрее...

И белки бегут, бегут, бегут...

Бегут, думая что вот сейчас выберут кого-то лучше Путина или наоборот оставят Путина на новый срок и станет лучше. Бегут, думая что добьются успеха в бизнесе, начнут больше зарабатывать, станут лучше жить...

И некоторые действительно начинают больше зарабатывать и лучше жить, но этот успех достигается за счет других белок, которые оказались не такими проворными. Каждая успешная белка достигла своего успеха, потому что пробежалась по головам двух или трех других. А самые успешные - по головам сотен и тысяч.

Бег в колесе не сдвигает его с места и не делает это колесо лучше. И энергия от его вращения уходит не внутрь колеса, а наружу.

Белки ничего не производят, они только приводят в движение колесо, с помощью которого из страны выкачиваются ресурсы и направляются за рубеж. И белок за это кормят. Но белок кормят только в том объеме, чтобы им хватало сил крутить колесо и чтобы они не взбунтовались, что приведет не только к остановке, но и к разрушению колеса.

Белок кормят настолько хорошо, насколько это необходимо для стабильного бега и не больше.

А белки думают, что если они будут лучше и быстрее бежать, то их будут лучше кормить.

Белки смотрят, как живут такие же белки в Европе и США - и думают, что если они будут бежать так же, то станут так же жить.

Белки смотрят, как живут такие же белки на Украине и думают, что если они перестанут бежать, то станут жить плохо. А украинские белки смотрят, что им показывают и говорят про российских и думают - как же хорошо, что они теперь бегут внутри независимого колеса.

Только нет никакого независимого колеса - есть просто разные колеса, побольше и поменьше. В одних белок больше, в других меньше. Одних кормят лучше, потому что нефтегазовый ресурс это позволяет, а других кормят хуже, потому что хозяева колеса не такие богатые, но при этом такие же жадные.

Вот собственно и вся система.

Демократия, рыночная экономика, капитализм, потребительский сектор, реклама, маркетинг, выборы, кредиты, частный бизнес - все это просто система беличьих колес, чтобы белки внутри бежали изо всех сил, глядя в телевизор и думая, что будут лучше жить, если станут бежать лучше и быстрее.

Телевизор показывает, что другие белки живут лучше, потому что быстрее бегут - и белки стараются бежать быстрее.

Телевизор показывает американских белок, европейских белок, украинских белок, выборочно показывает наиболее успешных российских белок - и остальные белки, глядя на "передовиков беличьего бега" стараются бежать так же, как им показали.

Вся современная политика и экономика - это одна большая система беличьих колес.

По сути та же матрица, только без виртуализации целого мира. Однако практика показывает, что особенно крутой виртуализации даже не требуется, белки готовы бежать глядя в самый обычный телевизор. Причем некоторые готовы бежать даже в скрипучем деревянном колесе.

Такая вот беличья карусель... <http://o-dnr.livejournal.com>

Использование ФЕ в качестве заголовка интернет-нарратива (например, сообщения в блоге и др.) **не всегда сопровождается формированием рекуррентных фразеологических «сетей» в тексте.** Зачастую текстообразование может происходить только благодаря семантизации и конкретизации значения ФЕ в тексте, а сам заголовок может выполнять дополнительную аттрактивную функцию, привлекая внимание читателя и приглашая его к интерпретации фразеологической интертекстемы и «дешифровке» послания. Часто такие заголовки сопровождаются «эффектом обманутого ожидания», что для виртуального коммуникативного пространства становится очередным элементом присущей ей карнавальности. Например,

РОЛЛЫ С АКРИДАМИ И ДИКИМ МЁДОМ.

<...> Сегодня вспоминали с Илюхой, как лет шесть назад вздумали держать Великий Пост. Что там, мясо типа есть нельзя? Не вопрос! А что можно? Ну раз мясо нельзя - значит, можно рыбу. Логично. И покупали мы малосольную форель и сёмгу, и тунца, и стейки из лосося, и креветок. И ходили мы в суши-бары, и ели там роллы постные с угрем и авокаааадо)) Это был самый вкусный период моей жизни. Сорок дней беззаботного поедания деликатесов! Стоит ли говорить, что мне очень понравилось поститься :) <http://whinnie-poh.livejournal.com> (ср. уз. питаться акридами и диким медом);

Не суй свой нос в чужой кокаин!!!

Итак други в полку коалиции прибыло. Мексиканский наркобарон Хоакин Гусман по прозвищу Эль Чапо (Коротышка), находящийся в розыске, послал электронное письмо лидеру террористической группировки «Исламское государство» (ИГ) Абу Бакр аль-Багдади. В нем он угрожает боевикам расправой за уничтожение партии наркотиков. Главарь картеля «Синалоа» остался недоволен действиями ИГ. В направленном исламистам послании Коротышка назвал серьезной ошибкой попытку террористов вмешаться в бизнес картеля на Ближнем Востоке. В письме Коротышка отмечает, что его люди «заберут долларок» с

представителей «Исламского государства» и «уничтожат» их, если те «продолжат касаться его операций» <...> <http://ru-polit.livejournal.com> (ср. уз. совать свой нос во что).

Важную роль играют устойчивые выражения и «внутри» текста, часто реализуя текстообразующую функцию через **интродуктивную позицию ФЕ с ее последующей семантизацией**, которая фактически и создает новый текст, ткань повествования. Как справедливо замечают А.Н. Баранов и Д.О. Добровольский, «в дискурсе, в процессе непосредственного функционирования языка внутренняя форма часто оказывается более важной, чем факт фиксации некоторого выражения как сложной или простой единицы лексикона» [Баранов, Добровольский 2008: 475]. В следующих контекстах значительная часть текста, в которой и отражается авторская позиция и ирония по поводу определенной темы, возникает из семантизации и конкретизации фразем *барашек в бумажке* (пример 1), *комара оцезживать*, *а верблюда проглатывать* (пример 2), *прокрустово ложе* (пример 3):

(1) *Штраф за курение в неположенном месте он брать не стал – кому нужна вся эта фу-ты ну-ты бюрократия: «заполните бумажку», «пройдите в это окошко». Взрослые люди понимают друг друга с полуслова. В общем, обошлись **маленьким барашком в бумажке**. Нет, не подумайте, милицейский не впал в детство, не вообразил себя маленьким принцем, и, как следствие, не требовал от нас нарисовать на клочке бумажки бляющую парнокопытное. То был другой барашек, всем зеленым дугам вместе взятым он предпочитал уютные задние карманы и кожаные портмоне. <http://listenfedor.livejournal.com>;*

(2) *Тогда люди будут знать, что мучить людей нельзя - они ответят. А пока Путина будут терпеть, трпите и мелких насильников, будьте последовательны. Потому что сажая их, а оставляя насильников в Кремле, вы только **оцезживаете комара, а верблюда проглатываете**. Боротесь с результатами, а не источником заразы. Сажаете наркоманов за пакетик и оставляете наркобаронов ездить с мигалками и носить форму. <http://zigmund-balash.livejournal.com>;*

(3) *В.Высоцкий не был бардом в современном понимани. Но к его личности до сих пор пытаются примерить **прокрустово ложе** жанра. Тут или ноги ноги отрезать, или голову, потому как что-то одно не помещается. Не поддается его наследие никакой классификации. Нельзя тупо применить некое клише, вроде "Высоцкий-бард". Не был он бардом в современном понимани. Он был просто поэтом. Странное сочетание: "просто поэт". Но, на мой взгляд, это так. <http://postoronniy-70.livejournal.com>.*

Разумеется, как это видно на примере приведенных контекстов, легко «эксплицируются», формируя текст, устойчивые выражения с «максимальной степенью интертекстуальности», представляющие собой известные прецедентные тексты, афоризмы и «фразеологизированные» цитаты, восходящие к широко известным текстам культуры (Библии, античной мифологии и т.д.) и максимально связанные с текстом-источником. Тем не менее, устойчивые выражения не столь «благородного»

происхождения также способны активно реализовать в дискурсе (в том числе, в виртуальном) свой текстопорождающий потенциал.

Из князей в грязь.

Вот такой агрегат под названием «Mercedes-Benz GLE-Class Coupe (C292)» я сегодня обнаружил, шагая до детсадика, из которого нужно забирать одного гаврика... Такие гости к нам в околоМКАДье нам заезжают очень редко. <http://teinosuke-mori.livejournal.com> (ср. уз. из грязи в князи);

Шило и мыло, обменный курс

Много историй рассказывают о том, как жестокие и глупые взрослые выносят несчастным детям мозг на тему учёбы. Мол, главное в жизни оценки, и надо получать одни пятёрки, а лучше с плюсом, иначе ты тупой, не сдашь экзамены, и жизнь твоя будет сломана однажды и навсегда. Чуть не к половине подобных историй прилагается хэппи-энд - умный и добрый взрослый управляет ребёнку мозга. Мол ничего страшного, фигня эти оценки, вот например троечник из моего класса сейчас зарабатывает больше, чем все отличники вместе взятые... Потому что добрые и умные взрослые твёрдо знают, что школьные оценки - это действительно фигня. А главное в жизни - деньги :) <http://raniel-glolas.livejournal.com> (ср. уз. менять шило на мыло).

Таким образом, можно утверждать, что осознаваемая говорящим интертекстуальность с развертыванием внутреннего образа присуща не только фразеологизмам, восходящим к авторитетным текстам или широко известным ситуациям, поскольку «идиомы с живой внутренней формой, основанные на тропеических преобразованиях <...> хорошо осознаются носителями языка как состоящие из двух слоев семантики: внутренней формы и актуального значения. Более того, в некоторых ситуациях внутренняя форма даже ощущается в большей степени» [Баранов, Добровольский 2008: 518-519].

Фраземы в интернет-дискурсе могут выступать **и как жанрообразующее средство**. Так, наиболее ярко жанрообразующая способность ФЕ проявляет себя при экспликации её образной основы, народно-этимологическом переосмыслении или двойной актуализации ФЕ, когда из комментирования, семантизации или обыгрывания значения или внутренней формы устойчивого выражения на свет «рождаются» **целые треды («ветки») интернет-дискуссий**, состоящие из отдельных интернет-комментариев. Так, например, происходит в следующем случае, где контекст с фразеологизмом *питаться акридами и диким медом* предваряет ссылку на статью «Исследование о выбросах парниковых газов и производства аммиака из видов насекомых, пригодных для животного или человеческого потребления», а его дальнейшее комментирование (в том числе с буквализацией) порождает интернет-дискуссию:

Сбывается очередное библейское предсказание! Правда, не полностью, а наполовину. Насчет дикого меда - увы, а акридами, похоже, мы все скоро будем питаться <...> (Комментарии):

alextr98 акридами будем питаться: Но пешком ходить всё равно не будем!

Spamsink Re: акридами будем питаться: Не будем. Хитин можно в топливо перерабатывать.

alextr98 Re: акридами будем питаться: Проше, насекомых будут запрягать вместо лошадей!

Spamsink Re: акридами будем питаться: И то: КОБЫЛКА, -и; мн. род. -лок, дат. -лкам; ж. 3. Название ряда насекомых сем. саранчовых. Зелёная к.

<...>

malaya_zemlya Это было не предсказание, а диета от Иоанна Крестителя.

<...>

Spamsink Несбалансированное питание.

Spamsink Зато недолго.

<...>

Spamsink Это да. Я думаю, что после нескольких дней питания одним медом каждый очередной день можно будет за месяц мучений засчитывать.

<...>

Spamsink Да ну? Белковую пищу можно готовить массой разных способов. Я же не сырыми их есть предлагаю.

<http://spamsink.livejournal.com>

Ср. также следующий контекст, представляющий собой интернет-комментарии и «тред», возникший на основе обсуждения фразеологической единицы и игры с ней:

Daniel (reticolo) 10.05.2013 19:37 *Вот они, плоды стабильности в тихой гавани.* 🤔

Владимир (Vlad3256) 10.05.2013 21:35 *в тихой гавани черти водятся* 🤔

Daniel (reticolo) 10.05.2013 21:38 *Черти в омуте, в гавани - чертята.* 😊

Владимир (Vlad3256) 10.05.2013 22:36 *омут, по определению меньше гавани, следовательно в гавани "плоды стабильности" т.е. черти,*

в нашем примере, крупнее 🤔 *логика так подсказывает* 🤔

<...>

Владимир (Vlad3256) 11.05.2013 12:47 *подумавши, забираю свои слова обратно. В нашей тихой гавани нано-чертенята водятся. ОНИ помельче чертей будут.* banki.ru

Таким образом, можно говорить о том, что фразеологизмы **способствуют созданию коммуникации между участниками общения в Сети** и участвуют в порождении нового сетевого жанра.

Даже одна фразеологическая единица представляет собой в тексте сложное, неоднозначное явление, так как является и частью текста, и самостоятельным текстом,

интертекстемой. **Фразеологически насыщенный контекст** содержит несколько таких «свернутых текстов» в виде устойчивых выражений, присутствующих в конфигурации. Образная основа, заложенная внутри «нанизывающихся» друг на друга фразем (поговорок, афоризмов и т.д.), часто получает дальнейшее толкование благодаря текстовому развертыванию. Напр.,

Ускоренным темпом ведут нашу страну в пропасть. История их ничему не учит. Президенту надо сделать выбор - с народом он или с олигархами, лавировать как раньше не удастся. На двух стульях не усидеть - пока от него слышим только болтовню, надо сделать, надо сделать. Когда же уже услышим что хоть что-то сделано. <http://ria.ru>

Подобным образом из комментирования и семантизации устойчивых выражений с абстрактно-обобщенной семантикой создаются целые тексты. Участник коммуникации может трактовать любые устойчивые выражения генерализованной семантики, приспособивая их к конкретной ситуации. Фразеологически насыщенный контекст также участвует в жанрообразовании, формируя реплики интернет-диалога, складывающегося из комментирования фразеологической единицы, ее повтора или развертывания фразеологической метафоры:

Реплика: Русским образование? Она пусть идет каровям хвосты крутуют!

Ответная реплика: Где вы последний раз видели каровой? Сейчас во многих деревнях живности днем с огнем не сыщешь. <http://www.kp.ru>

Выступая как средство когезии текста, фразеологические единицы, следовательно, способствуют (наряду с другими функциями) и текстовой связности, актуализируясь в составе фразовых и сверхфразовых фразеологических контекстов:

Леонид: Добавлю, а то все высшего напучали, а сидят, дуб, дубом, штаны просиживают.

Ирина: Правильно говоришь. Сидят на огромных окладах штаны протирают, а рабочий пашет как лошадь домой еле ноги тащит после работы за копейки. <http://www.kp.ru>

Особую роль в реализации текстообразующей и жанрообразующей функций ФЕ в онлайн-дискуссе играет **метаязыковая¹⁷⁴ рефлексия виртуальных языковых личностей по поводу этимологии и значения устойчивых выражений¹⁷⁵**. Открытость, полифоничность и анонимность Интернета провоцирует появление

¹⁷⁴ Традиционно под метаязыковой функцией понимается «назначение языка выступать одновременно как средство (инструмент) исследования и описания языка, использование языка для описания самого языка» [Жеребило 2010]. Метаязыковая функция обычно не приписывается фразеологизмам языка. Мы понимаем ее в рамках задач данного раздела как способность фразеологических единиц порождать метаязыковую рефлексию о происхождении, истории, этимологии и существовании самого фразеологизма или его компонентов.

¹⁷⁵ Подробно об интернет-интерпретациях ФЕ пользователями Сети см. работу [Мокиенко 2011].

различных рассуждений пользователей Сети о происхождении устойчивых выражений. При этом сами интерпретации могут носить как «нормативный», корректный характер, представляя собой цитирование мнений специалистов (обычно в таких случаях речь идет о прямой цитации и пересказе словарных статей), напр.,

Буриданов осёл <...> Философы позднего Средневековья выдвинули теорию, по которой поступки живых существ зависят не от их собственной воли, а исключительно от внешних причин. Учёный Буридан (точнее Бюридан), живший во Франции в 14 веке, подтверждал эту мысль таким примером. Возьмем голодного осла и положим по обе стороны от его морды на равных расстояниях две одинаковые охапки сена. У осла не окажется никакого основания предпочесть одну из них другой: ведь они в точности похожи. Он не сможет потянуться ни к правой, ни к левой и, в конце концов, умрёт от голода. <https://matveychev-oleg.livejournal.com> и т.д.,

так и быть сопряженными с совершенно вольными толкованиями и даже являть собой самостоятельные «изыскания» в области фразеологии, представляя **народно-этимологическое переосмысление фраземы**. Так, в следующем примере автор «переплетает» в своем сообщении в блоге одну из научно-лингвистических трактовок происхождения фразеологизма *собаку съел* – от пословицы *собаку съел, а хвостом подавился*¹⁷⁶ с совершенно анекдотичной авторской этимологией:

Хм. Ну наконец-то. Совершенно непонятное мне выражение "Я в этом деле собаку съел", означающее высшую степень профессионализма, оказывается, изначально имеет совсем другой смысл. Первоизданный вариант фразеологизма: "Я в этом деле собаку съел, а хвостом поперхнулся". То есть как бы все было нормально, а потом - БАЦ и все запорол (винда, например, слетела). Осталось теперь выяснить, что это за таинственная собака и как это выражение трансформировалось до нынешнего состояния. Бьюсь об заклад, что "собака" - это какой-то переименованный тюркизм (сэбэке, например), который со временем превратился в совершенно бессмысленную собаку. А может быть у пословицы казахские корни и в ней действительно идёт речь о собаке. В Казахстане, как мне однажды рассказывал мой бывший коллега собак едят вовсю, хотя особо и не афишируют. Кстати, он никогда не слышал о группе Битлз, но зато может отличить по вкусу овчарку от сенбернара. Так и живет. <http://home-rubber.livejournal.com>

Известна значительная роль фразеологии (в том числе и текстообразующая) в творчестве классиков русской литературы и в художественном дискурсе в целом, напр., [Василенко 2006], [ЖРФХР 2010], [Климович 2011], [Ломакина 2015], [Мокиенко 2018], [Фокина 2008] и др. Не миновала чаша сия и «интернет-творчество» виртуальных пользователей, так называемую «сетературу», сетевую литературу. Наш материал демонстрирует активное участие устойчивых выражений и в поэтическом модусе¹⁷⁷ сетевого художественного дискурса. «Стихотворный текст органически соединяет в себе дихотомию формы и содержания. И художники слова, ставя акцент то на первом, то на втором полюсе этой дихотомии, высекают особую эстетическую энергию из их

¹⁷⁶ См. в следующем словаре [Бирих, Мокиенко, Степанова 2005: 651-652].

¹⁷⁷ Для «чистоты» исследования примеры таких употреблений приводятся только на основании стихотворений, размещенных в блогах, а не на специализированных «поэтических» сайтах, содержащих творчество как профессиональных поэтов, так и поэзию «бумажного», несетевого характера.

взаимодействия» [Мокиенко 2018: 212]. «Интернет-художники слова» используют фразеологизмы для поддержания данной дихотомии, выделяя при помощи устойчивых выражений смысловую доминанту стихотворения и применяя их в версификационной функции, т.е. в качестве средства организации рифмы и поддержания стихотворного размера. Ср.,

*Объяснению решил я посвятить стишок,
Почему со смехом наблюдаю РФ я с Украиной свару.
На каждый потому что в глазах Украины РФ найденный сучок
Найдет Украина в глазах РФ бревен пару. <...>
<http://truechelovek.livejournal.com>*

*Давайте всех мочить в сортире рьяно,
Давайте в Лондон, в Лондон, вашу мать!
Дойдем и станем весело и пьяно
На Трафальгаре пиво распивать!
<http://colobus1.livejournal.com>*

*<...>Пахнет влюбленность акридами с медом,
А импотенция пахнет разводом.
<http://mcdowns.livejournal.com>*

*<...> все сохнет как папье маше, покуда клейстерные реки
бегут, в картофельной парше густеют гунны, галлы, греки,
мешает бешеный аптекарь мышьяк и олово вотще,
покуда с мыльным в шалаше проходят **аредовы веки**,
все здесь - плавильня, плащаница, платон и плата, плут и плоть,
читай. не дай тебе господь открыть последнюю страницу
<http://leminuta.livejournal.com>*

*Белокурая краса
От ушей и до хвоста.
Обожает **бить баклуши**
На тахте, среди подушек.
<http://opasniyvozzrast.livejournal.com>*

*Прогнило всё, менталитет не тот,
Любовь покинула людей и вот,
Златой телец уж миром правит,
И ядом золотым всех травит!
<http://morena-morana.livejournal.com>*

Таким образом, фразеологические единицы (и смежные явления) оказывают значительную роль в построении интернет-текстов и даже жанров, при этом благодаря прагматическому «синкретизму» фразеологизма данные тексты зачастую сопровождаются авторской оценкой, «эффектом незримого присутствия автора текста, - текста, который неизменно «пропитан» в той или иной мере субъективным авторским восприятием преподносимой информации» [Ветров 2011: 23].

3.2.6 Людическая функция

Несмотря на пристальное внимание лингвистов к проблемам языковой игры¹⁷⁸, **людическая (игровая) функция**¹⁷⁹ языка выделяется лишь несколькими исследователями, напр., [Гак 1998], [Crystal 2001].

Е.А.Земская, М. А. Китайгородская, Н. Н. Розанова, говоря о языковой игре и отмечая ее устремленность на сообщение и ориентацию на форму, относят людическую функцию к поэтической: «Игровая функция языка – это один из видов поэтической функции» [Земская., Китайгородская, Розанова 1983: 173]. **Людическая функция** связана со способностью языка к порождению языковой игры и, как следствие, «выражением в речи комических смыслов» [СЭС 2003]. И под людической функцией фразеологизма мы, таким образом, понимаем способность фразеологической единицы участвовать в языковой игре, в том числе порождать ее. **Языковая игра (ЯИ)**¹⁸⁰, как сложное явление, становится предметом осмысления многих исследователей, получая значительное разнообразие определений¹⁸¹ от максимально широкой трактовки Л. Витгенштейна: «языковой игрой я буду называть <...> единое целое: язык и действия, с которыми он сплетен» [Витгенштейн 1985: 79] до подробного и «собственно лингвистического» толкования Н.В. Данилевской: «языковая игра – определенный тип речевого поведения говорящих, основанный на преднамеренном (сознательном, продуманном) нарушении системных отношений языка, т.е. на деструкции речевой нормы с целью создания неканонических языковых форм и структур, приобретающих в результате этой деструкции экспрессивное значение и способность вызывать у слушателя/читателя эстетический и, в целом, стилистический эффект» [СЭСРЯ 2006].

Говоря о языковой игре, необходимо отделить ее от смежных понятий. Так, проблема отделения языковой шутки от предметной является достаточно сложной. В.З. Санников, отмечая и неоднозначность дифференцирующих критериев, и сложность самого явления, считает, что языковые шутки имеют «чисто языковой механизм» [Санников 2002: 31], возникая благодаря лингвистическим способам создания комизма (обыгрывание многозначности и т.д.). Важным (особенно в аспекте исследования

¹⁷⁸ Например, см. работы [Логический анализ языка. Концептуальные поля игры 2006], [Норман 2006], [Санников 2002].

¹⁷⁹ Само понятие людической (игровой) функции языка вводится в работе [Гак 1998: 371].

¹⁸⁰ К сожалению, будучи ограниченными рамками одного раздела, мы не можем подробно рассмотреть явление языковой игры подробно. О языковой игре и людической функции языка см. следующие обобщающие работы как лингвистического, так и философского и социологического характера, напр., [Витгенштейн 1985], [Логический анализ языка. Концептуальные поля игры 2006], [Норман 2006], [Санников 2002], [Хейзинга 1997].

¹⁸¹ Подробный обзор определений понятия *языковая игра* см. [Stěpanova 2011: 114-116].

интернет-дискурса) представляется разграничение фактов ЯИ и речевых ошибок: «в отличие от речевых ошибок языковая игра строится благодаря знанию системных языковых связей и владению стилистическими закономерностями употребления единиц языка, а также учету жанровой специфики речепроизводства» [СЭСРЯ 2006: 657].

Популярность языковой игры в современном общественном русскоязычном дискурсе можно объяснить как демократизацией русского языка, отменой советской цензуры, так и появлением новых жанров СМИ и рекламы, развитием Интернета, в котором людическая функция языка получила полную свободу (вспомним хотя бы такие «карнавальные» явления Рунета, как «язык падонков», «язык кашценитов» и т.д.).

Интернет-дискурс и языковую игру связывают особые взаимоотношения. **«Карнавальный», лингвокреативный характер интернет-коммуникации** считается одним из ее конститутивных признаков, онтологических характеристик, см., напр., [Асмус 2005]. В сетевом дискурсе людическая функция языка представлена, вероятно, наиболее ярко и широко, чем где бы то ни было, и реализуется благодаря «игре», включающей единицы различных уровней языка (фонетического, словообразовательного, морфологического и др.). На наш взгляд, «генерализованная» карнавальность интернет-дискурса позволяет говорить о нем, как об **игровом дискурсе**. Под игровым дискурсом понимается «специфический вид общения, направленный на получение удовольствия от самого процесса общения и лишенный прямой практической целесообразности. <...> Для игрового общения характерна дуплановость коммуникативного поведения. Оно построено так, что в нем не может произойти ничего опасного, чреватого серьезными последствиями. Доминантное психологическое состояние коммуникантов – радость, ощущение свободы и раскованности. Тональность общения преимущественно несерьезная» [Шейгал, Иванова 2008: 6].

Языковая игра всегда происходит на основании определенных механизмов, затрагивающих все уровни языковой системы, см., напр., массив игровых приемов с фонетикой, графикой, словообразованием, лексикой, синтаксисом, отраженных в работах [Амири 2007], [Земская, Китайгородская, Розанова 1983], [Норман 2006], [Санников 2002], [Коновалова 2008]. Об обязательности наличия «правил» в игре с языком справедливо пишет Ф. Гиренок: «В игре свобода — это необходимость. Но и в игре есть правила. И их надо соблюдать» [Гиренок 2012: 28].

Значительную роль в **формировании игровой, людической коммуникации** играет и **фразеология со всем многообразием включаемых в нее языковых**

единиц¹⁸². Проблема отношений «фразеология – языковая игра» становится одной из важных тем в работах современных лингвистов, см., напр., [Мокиенко 2012в], [Санников 2002], [Степанова 2012].

Безусловно, большая часть случаев вовлечения устойчивых выражений в языковую игру вполне закономерно протекает на основе фразеологических трансформаций. Более того, В.Г. Гак считает людическую функцию языка «источником вариативности» [Гак 1998: 371], а, по мнению В.М. Мокиенко, в отношении фразеологии «практически любое варьирование, типовые или индивидуально-авторские трансформации ФЕ можно считать языковой игрой – во всяком случае, закономерным ресурсом создания средств комического воздействия» [Мокиенко 2012в: 101].

В интернет-дискурсе людическая функция ФЕ может создаваться, напр., благодаря заменам компонента (напр., *Может ты просто не узнала их до конца? Знаешь, у нас, юристов, есть пословица: "друзья познаются в суде", может просто вам нечего было делить?* <http://ya-krik.livejournal.com>; *Переживал слегка что с остановкой можно было перепутать. Но тут всё ок. Видать это из разряда "обжегшийся на молоке дуёт пиво в кабаке"*. <http://darth-caedius.livejournal.com>), контаминации (*Чтобы не тянуть kota на резине за хвост в долгий ящик, закончим, пожалуй, нашу фотосессию сегодня, тем более, что осталась только одна героиня, и вот зуб даю, про нее будет немного.* <http://bigfatcat19.livejournal.com>), включения ФЕ в рифмованное предложение (напр., *Сходил на мессу, не понял ни бельмеса.* <http://ales-wyr.livejournal.com>), созданием шутливого фразеологически насыщенного контекста (напр., *Суть вопроса: "Что появилось раньше: курица или яйцо", на самом деле не стоит даже выеденного яйца. Кто бы или что бы там раньше не появилось, главное, что оба или обе абсолютно съедобны.* <http://firstonx.livejournal.com>) и мн. др.

Основными приёмами создания языковой игры на основе устойчивых выражений являются **двойная актуализация** и **буквализация фразеологизма**, представляющие собой важные механизмы создания каламбуров. Напр., в следующем контексте происходит обыгрывание общего «огненного» компонента ФЕ *артисты погорелого театра* при характеристике фаер-шоу:

А кульминацией вечера для нас стало огненное шоу «Театра Экс». Эти артисты погорелого театра предсказуемо стали победителями в одной из номинаций. <http://volk.livejournal.com>

¹⁸² Важно отметить, что языковая игра с фразеологией и паремиологией не является исключительно порождением современности и существовала всегда. На древность игровых механизмов с устойчивыми выражений справедливо указывают Х. Вальтер и В.М. Мокиенко в работе [Вальтер, Мокиенко 2005].

Ср. также использование приема буквализации в следующих иронических контекстах с использованием ФЕ *бить баклуши* и *червь сомнений*:

*А ещё в поселке Семибратово находится музей баклуши <http://baklushi.su/> (вот где вас непременно научат **бить баклуши** и расскажут, что это обозначает) и единственный в мире (!) библиотека варенья. <http://forum.awd.ru/>; **Червь сомнений** и плесень тлетворного влияния не должны прикасаться к плодам отечественной селекции! Сохраним урожай! Се на борьбу с голландским трипсом, лигурийской плодояжоркой и датской землеройкой! <http://onlytext.livejournal.com>*

Несмотря на жаргонизированность сетевой коммуникации и свой «высокий» и «книжный» статус, фразеологические библеизмы, попадая в условия карнавальной интернет-коммуникации и трансформируясь, также становятся предметом языковой игры и средством создания шутливой или ироничной тональности общения. Ср.,

*Ассоциативный ряд и воображение потребителя, как по, мне играют важную роль в культуре потребления спиртных напитков. "Козэл" дает вам возможность превратиться на ваш выбор в "АГНЦА" или в "КОЗЛИЩЕ" :D <http://dsvisd.livejournal.com/>; На реставрацию в Орше снова предлагают «скинуться». <...> После краткого обзора исторической судьбы монастыря следует заключение: памятник архитектуры в удручающем состоянии, вопрос о восстановлении поднимался неоднократно, но денег никогда не хватает. Далее идет призыв: у вас есть возможность **внести свою денежную лепту** в восстановление храма! Однако "лепту" равнодушным гражданам, предприятиям, организациям и другим спонсорам предлагается вносить не на расчетный счет в банке, а обращаться по контактному телефонному номеру либо непосредственно в монастырь. <http://kickbace.livejournal.com>*

Случаи двойной актуализации и буквализации основываются на так наз. **эффекте обманутого ожидания**, при котором «в шутке наблюдается контраст между ожиданиями субъекта (основанными на его жизненном опыте) и конечной реализацией. Явление, кажущееся естественным, потом демаскируется как абсурд или ошибка и, тем самым, дискредитируется» [Санников 2002: 22]. Ср. также следующий случай реализации этого эффекта, при которых в заголовок интернет-текста вводится фразема, которая впоследствии «расшифровывается» буквально и выполняет аттрактивную функцию, привлекая внимание читателя:

Из князи...в грязи...

Короче выглядит это так: идешь в лужу грязи, где копошатся люди чем то напоминающие бегемотов. Мажешься этой, очень тёплой жижишкой и сохнешь, до образования толстого-толстого слоя шоко.. ээ.. грязи. Потом идешь в закуток, платишь 15р. и стоишь уже в другой луже, посреди которой из трубы на людей бьёт фонтан горячей воды. Там ты пытаешься эту грязь безуспешно смыть. Вода из этой лужи по желобку течет в первую лужу с грязями. Так что полное безотходное циклическое производство! <http://monitor-03.livejournal.com>

Регулярны в интернет-дискурсе и **тексты, максимально насыщенные языковой игрой**, и даже в определенной степени десемантизированные за счет этого. Такие тексты – это «возможность для человека обрести дополнительную степень личной свободы, выйти за пределы общепринятого и шаблонного. Играя словами, обычный

носитель языка приближается к тому эффекту, которого достигает писатель или поэт своим литературным творчеством; он, как уже говорилось, создает иной, новый мир» [Норман 2006: 251]. Ср., напр., следующий шуточный текст, полностью построенный на ЯИ с устойчивыми выражениями:

Хватит тут нам пропагандировать всякий позитивный, да еще и трезвый образ жизни загнивающей заграницы! Не время улыбаться, друзья! Угрюмей, товарищи, в бой! Сильнее сожжем в кулак ягодицы пролетариев всех стран! Как один сплотим целлюлитные ряды отрядов самообороны холодильника и элитных дачь Ротенбергов! Внимательнее вглядывайтесь в голубой экран кремлевской пропаганды, конспектируйте, передавайте из уст в уста, не расплескайте! Не дадим деструктивным масонским силам солнца и личной гигиены развеять наши суверенные тучи мракобесия! Долой туалетную бумагу, эту навязанную нам Ротшильдами полиграфическую зависимость! Нет зубной пасте, только отечественный гуталин, только хардкор! Дадим отпор заговору дантистов свежим утренним перегаром! Человек человеку в жизни должен успеть подложить свинью, вырыть могилу, плюнуть в колодец, а если повезет – то и стать свидетелем обвинения. Кстати о судах: нет самостоятельности и непредсказуемости "независимого суда"! Все решения должны быть четко выверены с курсом вертикали власти и пожеланиями вышестоящих товарищей. Вы тут нам своими общечеловеческими ценностями воду в ведре с помоями не мутите, вилами по кофейной гуще не растекайтесь, самые лакомые объедки врагу не отдавайте! Сами знаем как готовить сани летом под шубой, да так чтобы и баба с возу и волки с корабля на бал. Хорошо смеется тот, кто рано встает и последний пьет шампанское! Нас вашими азиатскими дзенами переходящими в нирвану по трезвяне не возьмешь, не для того мамо поросю резала, лыком щи хлебала и за одного битого двух небитых везет, нестрашно – будет и на нашей улице радиоактивный пепел, этот праздник со слезами на глазах невинных покемонов. У нас всяк старичок знай свой пин код от карточки МИР, где пенсия лежит, точнее эти блокадные усмановские крохи – приданое для Дюймовочки. Тем и живем, как говорится, свое болото ближе к телу, мал золотник всему голова и лучше синица без труда, чем яблоко от яблоньки. "Сортир с дыркой в полу или смерть!" – вот наша духовная скрепа, над которой из покоя веку великие полководцы крепко задумывались о судьбах Святой Татаро-Монгольской Руси! <http://puzechka.livejournal.com>

Карнавальность и речевая «вседозволенность» интернет-дискурса, порождающая подобные и иные людически заряженные тексты, определяется его **анонимностью и возможностью перевоплощения пользователя, возможностью скрыть свою «реальную» личность под любой виртуальной маской.** Данная «дипластия» пользователя и определяет широкое использования (и даже засилие) языковой игры: «В пространстве дипластии невозможна однозначность знака. В нем возможен образ и возможна игра. В том числе игра знаков языка» [Гиренко 2012: 27]. В интернет-дискурсе, на наш взгляд, **происходит соединение «маскировочного» характера виртуального общения и маскировочной функции самой языковой игры:** «языковая шутка позволяет обойти «цензуру культуры». <...> Шутка позволяет «замаскировать» сообщение и благодаря этому выразить те смыслы, которые (по разным причинам) находятся под запретом» [Санников 2002: 27].

Особую роль в карнавальном пространстве Интернета играют и **антипословицы**, каждая из которых сама по себе несет мощный людический «заряд». Уже известные

антипословицы и их варианты, напр., зафиксированные словарем [Вальтер, Мокиенко 2005], активно используются в Сети:

Но Наш Известный Политик оказался тверже гороху - баба с возу, кобылы мало, иди давай, не доводи до греха... <http://alejorojas.livejournal.com>; *Так вот: ЕС - без Великобритании - однако. Уф: "Баба с возу - как немцу хорошо". Хорошо же!* <http://caridet.livejournal.com>; *И вы знаете, у Гончаренко опять получится. На безбабе и гончаренко медсестра.* <http://odessa-avant.livejournal.com>; *Ну и куда деваться, для убедительности приведу мою любимую присказку "взялся за грудь - говори что-нибудь", буду вам вещать как вам не остаться навеки в девках.* <http://agent-bond-007.livejournal.com> и мн.др.

Моделируемость антипословиц провоцирует интернет-пользователей на **создание и собственных антипословиц**, более того, некоторые из них возникают в рамках специализированной коммуникации. Ср., напр., творческое обыгрывание пословиц, посвященное вопросам недвижимости:

Первый том Большой Квартирной Энциклопедии .

Квартира - всему голова .

Не имей сто друзей, а имей сто квартир .

Квартира квартире рознь.

Квартирный бесквартирному - не товарищ .

Квартирный бесквартирного не понимает .

С глаз долой - из квартиры вон. <...>

В лаптях хорошо, а в квартире лучше. . <...>

Всем сестрАм по квартирАм.

Не было ни угла, да вдруг квартира. . <...>

Квартира рубль бережет.

Отжал квартиру — гуляй смело.

Русский медленно запрягает, да быстро квартиры отжимает. <...>

Паршивая квартира всю аренду портит. <...>

Старая квартира в ЦАО лучше новых двух в ТиНАО.

Семь квартир сдавай — одну продавай.

Своя квартира ближе к телу.

С поганой квартиры — хоть аренды месяц.

На Бога надейся, а квартиру сдавай. <...>

В дарёной квартире на отделку не смотрят. <...>

Сам погибай, а квартиру родни отжимай .

<http://oleg19682.livejournal.com>

Популярность и множественные случаи подобной игры с пословицами объясняются как их известностью, интертекстуальностью, так и желанием высмеять общеизвестную, классическую, предлагаемую традиционной культурой истину. Как

отмечают Х. Вальтер и В.М. Мокиенко, «с одной стороны, высокочастотность обеспечивает моментальное узнавание паремии, с другой – повышает искус сопротивления ей и стоящей за нею хрестоматийной мудрости, что и является экстралингвистической мотивацией «стеба» [Вальтер, Мокиенко 2005: 7].

Необходимо также отметить, что русская фразеология играет значительную роль **в формировании и функционировании такого важного карнавального, развлекательного явления Интернета как демотиватор.** Демотиватор¹⁸³ как лингвистическое и социальное явление в последние несколько лет попадает в сферу интересов ученых, см., напр., работы [Бабина 2013], [Бугаева 2011], [Рабкина, Каменева 2013], [Тарса 2016], [Торопова 2013]. Демотиватор обычно понимается как «изображение, состоящее из графического компонента в черной рамке и поясняющего его слогана, создающегося по особым правилам. Демотиваторы имеют четкую композицию и содержат три основных элемента: изображение в черной рамке, слоган или лозунг, набранный крупным шрифтом с засечками; пояснительную надпись к лозунгу, набранную более мелким шрифтом» [Бугаева 2011: 148-149]. В действительности столь строгие формальные требования к демотиватору в последнее время размываются, и демотиваторами в данный момент называют любые забавные картинки, размещенные в Интернете и обязательно содержащие шуточный короткий текст.

Хотя демотиваторы и являются собственно интернет-явлением, тем не менее они представляют собой типичный креолизованный текст, характерный для современных массмедиа. Креолизованные тексты – это «тексты, фактура которых состоит из двух негомогенных частей: вербальной (языковой, речевой) и невербальной (принадлежащей к другим знаковым системам, нежели естественный язык)» [Сорокин, Тарасов 1990: 180]. Это совмещение двух стихий в креолизованном тексте регулярно становится и способом создания комического, поскольку «комическое возникает путем совмещения двух модусов реального и нереального, взаимоисключающих ассоциативных контекстов при восприятии комических текстов, иначе говоря, во фреймовых трансформациях, в логически абсурдных образованиях» [Желтухина 2000: 24–25].

¹⁸³ В данном исследовании мы, в связи с лимитом места, не имеем возможности подробно рассмотреть само явление демотиватора как нового жанра креолизованного текста. Подробно о типологических чертах и лингвистических особенностях демотиваторов см., напр., следующие работы [Бугаева 2011], [Голиков, Калашникова 2010].

Основой текста демотиватора регулярно выступают фразеологизмы, устойчивые выражения, пословицы и антипословицы. Причем ФЕ, афоризмы, пословицы, поговорки в демотиваторах могут использоваться как в узуальной форме, так и в трансформированной. Использование узуального фразеологизма всегда подкрепляется такой картинкой, которая в совокупности с устойчивым выражением создает эффект «комического шока», заключающегося в том, что «в шутках такого типа процесс проходит три фазы: а) растерянность, дезориентированность в связи с новизной, необычностью комического объекта (фаза «шока»); б) фаза «озарения»; в) фаза комической радости, вызванная освобождением от нервного напряжения» [Санников 2002: 22]. Например¹⁸⁴,

¹⁸⁴ Демотиваторы собирались автором со следующих сайтов: vk.com, livejournal.com, kaifolog.ru, trinixy.ru, fishki.net, demotivatory.net.

**КОГДА НЕ УСПЕВАЕШЬ
С КОРАБЛЯ НА БАЛ**

Всё своё
вожу с собой

Свет в окошке

Пахать от зари до зари

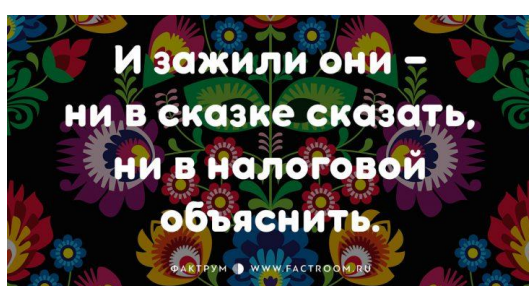
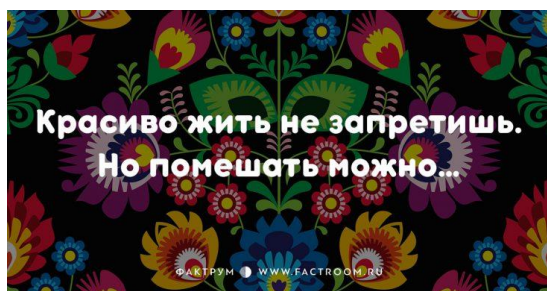
В большинстве подобных демотиваторов, созданных на основе ФЕ, эффект комического шока создается при помощи приема «**визуальной буквализации**» **фразеологизма**, заключающейся в совмещении устойчивого выражения с картинкой, актуализирующей буквальный план ФЕ, см. напр., размещенные выше примеры: ФЕ *вот где собака зарыта* буквализируется изображением зарытой в песок собаки, ФЕ *работать от зари до зари* – картинкой устройства, работающего на солнечных батареях, ФЕ *свет в окошке* – фотографией покосившегося и упирающегося в окно фонаря и т.д.

«Участвуют» в демотиваторах и трансформированные устойчивые обороты. Ср., напр., следующие примеры, в которых происходит образование окказиональной ФЕ по модели узуальной *Если ты не идешь в аквапарк, аквапарк идет к тебе* (ср. уз. *Если гора не идет к Магомету, то Магомет идет к горе*), сегментация ФЕ: *идет эксперимент на слипание* (ср. уз. *задница не слипнется?*) и т.д.

Демотиваторы в Интернете используются для «обмена» ими в рамках виртуальной коммуникации, размещения их в тредах форумов, блогов, в социальных сетях с целью развлечения участником общения. Демотиваторы вызывают отклики, комментирование и их «людическое» использование создает и поддерживает **неформальный характер интернет-коммуникации, формируя неподготовленный комический дискурс**, представляющий собой «неожиданный обмен устными комическими сообщениями путем ассоциативных присоединений, то есть создаваемую «на ходу» серию речевых действий, несущих комический смысл и направленных на их сближение в социальной группе» [Войткова 2011: 6 –7].

Особую роль в создании демотиваторов играет и другой тип трансформированных ФЕ – антипословицы, о которых мы в рамках данного раздела уже говорили. Классические демотиваторы, строящиеся на принципе совмещения визуального и вербального модусов, пополняются буквально на наших глазах **«неклассическими» демотиваторами**, представляющими собой только антипословицу (или напоминающий ее трансформированный фразеологизм), заключенную в графически оформленное «поле». **Игровой потенциал антипословиц** настолько велик, что они даже не требуют картинки в качестве подкрепления и становятся абсолютно самодостаточным людическим центром данного явления. Например,

**Любовь зла
и козлы ЭТИМ
пользуются.**

ФАКТРУМ | WWW.FACTROOM.RU

**Хорошему коту
и в ноябре – март.**

ФАКТРУМ | WWW.FACTROOM.RU

**Что у трезвого
на уме, пьяной девушке
не интересно.**

ФАКТРУМ | WWW.FACTROOM.RU

**Не знаешь,
что написать –
сиди и полайкивай.**

ФАКТРУМ | WWW.FACTROOM.RU

**Незванный
гость хуже
спама.**

ФАКТРУМ | WWW.FACTROOM.RU

**Сколько гостя
не корми – все
равно напьется.**

ФАКТРУМ | WWW.FACTROOM.RU

**Семь раз отпей –
один отъешь.**

ФАКТРУМ | WWW.FACTROOM.RU

**Одна голова
хорошо, а две –
некрасиво.**

ФАКТРУМ | WWW.FACTROOM.RU

**Под лежащий
камень всегда
успеем.**

ФАКТРУМ | WWW.FACTROOM.RU

**Что нас не убивает,
то можно ещё разок!**

ФАКТРУМ | WWW.FACTROOM.RU

Как видно из приведенных примеров, демотиваторы не несут никакой иной функции, кроме развлекательной (что собственно и отражено в самом слове «демотиватор» ‘предназначенный демотивировать кого-л. выполнять работу’), а ФЕ, становящаяся семантическим центром каждой такой картинки, способствуют реализации этой функции.

Особую роль в создании карнавального вектора Сети играет и явление, условно называемое нами – **эрративная фразеология**, сознательно графически искаженная фразеология, возникшая в рамках полностью карнавальных, «смеховых» интернет-субкультур. Сознательно графически искаженные выражения могут принадлежать как «общему» фразеологическому фонду русского языка, так и быть порождением смеховой культуры самого Интернета. См. напр., эрративные фразеологизмы, представляющие собой **графически трансформированные варианты (системного характера) общеизвестных фразем**, ставшие частью так называемого «жаргона падонков» и общего интернет-сленга:

ф гавно (уз. в говно ‘быть в состоянии сильного алкогольного опьянения’): *Йа небыл ф гавно.. неее... йа был весёлый) хыыыы)))* <http://narkonik-v-krov.livejournal.com>; *Да я не про то что не бухала до состояния ф гавно, а про виртуальное бухало.* <http://evil-kozyabra.livejournal.com>;

пять балаф (уз. пять баллов ‘высокая оценка чего-либо; возглас восхищения’): *Пять балаф..Отличный труд Задорнова и команды, в своем стиле, доходчиво, не заумно, и аргументировано..Побольше такого кино!* <http://top-lap.livejournal.com>; *Ловко отмазались))* **пять балаф.** <http://el-murid.livejournal.com> и др.

Порожденная самой Сетью эрративная фразеология являет собой максимально «людическое» явление, поскольку она возникла, в первую очередь, для шутливой, раскрепощенной коммуникации в специфической субкультуре (жаргон падонков, каценитов и др.), направленной на осмеяние и шутку ради шутки. Использование такой фразеологии всегда сопряжено с игровой функцией языка и зачастую десемантизировано и направлено лишь на экспрессивную оценку максимально широкого круга явлений. Напр.,

аффтар жжот ‘выражение восхищения автором высказывания’: *Кароч, котаны, годное чтиво, невозбранно доставляет и несёт луззы особенно всяким нубам, нердам и хипстерам, которые пруцца от внезапных фактов и позитивеньких креативов. Аффтар жжот, имхо.* <http://daemon-simplex.livejournal.com>; *По чесноку - аффтар жжот! Припечатывает иудушку Троцкого мастерски.* <http://obsrvr.livejournal.com>;

аццкий сотона ‘1. выражение восхищения; 2. злодей’: *<...>От этого зрелища у меня невольно вырывается возглас "Аццкий сотона, ну и местечко!"*. <http://akisun.livejournal.com>; *Ивао Даймон –*

«аицкий сотона» (простите за олбанский, но я не могу иначе писать...), главгад второй половины сериала. <http://alphaprimeap.livejournal.com>;

многа букаф ‘О длинном, сложном, неинтересном тексте’: *Вассерман написал книгу «Почему капитализм хуже социализма» - но сторонники рынка не хотят её читать (многа букаф) и обзывают его фриком.* <http://djsens.livejournal.com>; *Осторожно, многа букаф!* <http://stalinist.livejournal.com>.

Ср также и другие примеры игровой «эративной фразеологии»: *пеши исчо* ‘выражение восхищения’, *убей себя апстену* ‘выражение неудовольствия; о ком-л. неприятном’, *слиф защищитан*, ‘1. о чем-либо неинтересном. 2. ответ на неубедительные аргументы или оправдания, *питцот минут* ‘1. очень долго; 2. очень поздно’, *зохавал аицкий сотона* ‘что-то исчезло, пропало’и мн.др.

Таким образом, анализ участия устойчивых оборотов в «карнавализации» Сети, позволяет говорить как об их значительной роли в создании важной дискурсивной черты Интернета – карнавальности, так и о том, что людическая функция фразеологии в интернет-дискурсе не только становится средством создания единичных шуток, но и позволяет говорить о «**фразеологической**» языковой игре как о текстовом явлении: «именно на этом уровне (*текстовом – М.Д.*) ЯИ в полной мере реализует свой <...> творческий характер благодаря способности "синтаксически деструктивных" единиц распространять комический или сатирический смысл на более широкое текстовое пространство вплоть до создания особой художественной концепции» [СЭСРЯ 2003].

Рассмотренные примеры позволяют по-новому взглянуть и на людический характер самого Интернета. В.Г. Гак в свое время выделил следующие типы игры (в том числе языковой) как поведения: «Хейзинга говорит, что игра в принципе носит агональный, то есть соревновательный, характер, который имеет два аспекта: это может быть соревнование с партнером (индивидуальное или групповое) либо «соревнование с материалом», когда человек проявляет свое мастерство, как бы соревнуется сам с собою, стремясь преодолеть самого себя. Однако можно выделить и третий аспект игры, о котором Хейзинга почти ничего не говорит, но который часто обнаруживается в игровом поведении людей. Это — игра ради самой игры, ради шутки, доставляемого себе и другим удовольствия, в такой игре часто имеет место переделывание привычных форм (например, карнавалы, розыгрыши и т. п.)» [Гак 1998: 371]. На наш взгляд, игра настолько пронизывает все текстовое и не только текстовое пространство интернет-дискурса, зачастую предопределяя коммуникативные тактики и стратегии говорящих (и слушающих), что виртуальное пространство объединяет все эти три установки на использование языковой игры, представляя собой **пространство «людического синкретизма»**.

3.2.7 Символическая функция

Символическая функция фразеологизмов становится предметом внимания лингвистов в связи с «антропологическим поворотом» и вхождением лингвокультурологических и лингвокогнитивных вопросов в актуальный круг фразеологических исследований, см., например, работы [Ковшова 2009а], [Телия 1996], [Черданцева 1988] и др. Как отмечает М.Л. Ковшова, «включенное во фразеологизм в качестве компонента имя-символ инкорпорирует свои смыслы в семантику фразеологизма, создает культурную коннотацию, обуславливая особую роль фразеологизма — воплощать в себе символическое значение» [Ковшова 2009а: 28].

Проблема культурной и аксиологической символики, отраженной во фраземах, и вопрос понимания фразеологической единицы как культурного символа, разумеется, носит общезыковой характер, поскольку в различных дискурсах и коммуникативных ситуациях «общенациональное» сохраняет себя, отражая языковую картину мира. Поэтому «традиционное» понимание символической функции ФЕ как культурно-маркированных элементов языковой картины мира присутствует и в виртуальном коммуникативном пространстве. При этом, как нам представляется, символическая функция фразеологических единиц в интернет-дискурсе приобретает (наряду с классическим пониманием) и иной ракурс и значение – отражать «символы» эпохи, представляющие собой максимально значимые для конкретного общества реалии¹⁸⁵. В данном случае символическая функция сближается с номинативной, разница же заключается (конечно, условно) в том, что в символическая функция помогает замещать некую идею, абстракцию, более сложное понятие, чем референт. По справедливому замечанию В. Н. Телии, «в отличие от собственно символов (когда носителем символической функции является предмет, артефакт или персона) роль языкового символа заключена в смене значения языковой сущности на функцию символическую. Словозначение в этом случае награждается смыслом, указывающим не на собственный референт слова, а ассоциативно «замещает» некоторую идею» [Телия 1996: 243].

Наряду с «ключевыми словами эпохи» [Кронгауз 2010], на наш взгляд, существуют и **ключевые фразеологизмы эпохи**¹⁸⁶. Об актуализациях подобных ФЕ,

¹⁸⁵ Осознавая спорность выделения символической функции в таком значении, мы тем не менее хотим обозначить ее именно так для демонстрации роли ФЕ, использующихся в Сети, в создании «маркеров» эпохи или значимых реалий современности.

¹⁸⁶ Понятие «эпоха» в данном контексте не следует понимать буквально, как крупную единицу исторического времени, а само выражение «ключевые фразеологизмы эпохи» необходимо воспринимать

становящихся хронологически маркированным отражением реалий общества, на примере текстов публицистики пишет В.М. Мокиенко: «ФЕ служит своеобразным стилистическим и хронологическим «маркером» публицистического материала. <...> Подобных фразеологических маркеров в языке средств массовой информации немало. <...> Специфика публицистической фразеологии проявляется также в отборе таких выражений, которые своей внутренней формой отражают наиболее актуальные для современности реалии и явления» [Мокиенко 2016: 12].

Безусловно, наиболее яркими «фразеологическими маркерами эпохи» становятся фразеологические неологизмы, часто возникающие именно для обозначения и оценки чего-либо нового или старого, поменявшего свою аксиологическую доминанту. Благодаря этому часто происходит актуализация, «выход на поверхность» какого-либо устойчивого выражения как «кванта» коллективного знания в связи с «горячими» и актуальными в данный момент для общества событиями или реалиями, что в интернет-дискурсе отражается практически мгновенно. Так, новое явление номинирует устойчивый оборот *креативный класс*, обозначающий социальную прослойку современного общества, включающую в себя представителей творческих и научных профессий, предпочитающих моральное удовлетворение от работы денежно-материальному поощрению. «Резкая» актуализация в интернет-дискурсе данного фразеологизма произошла в связи с присоединением к уже имеющемуся значению дополнительного – ‘современная российская политическая оппозиция’ в связи с тем, что в современной России люди, обладающие оппозиционными политическими взглядами, часто принадлежат именно к этой социальной группе:

И неудивительно открытое злорадство российского креативного класса и украинских твиттер-киборгов захвату Пальмиры воинами света из ИГИЛ. <https://lev-sharansky2.livejournal.com>; Макрон же это французский Навальный из креативного класса, вертлявый авантюрист, и долго он не удержится в седле. <http://limonov-eduard.livejournal.com>; И, безусловно, у них это нормально - спросите любого либерала в России, а у нас - это тоталитаризм - это, зуб даю, вам подтвердят все правильные и рукопожатные представители креативного класса - от Калининграда до Владивостока. <http://krutina.livejournal.com>.

Выступает в роли символа эпохи и популярный в интернет-дискурсе фразеологизм *Нигерия в снегу (снегах)* ‘негативно или иронически о России’, возникший в начале 2000-х годов для характеристики экономического и социального отставания России от стран Запада:

А здесь, в Нигерии в снегах, какая радость? <http://mikhail-berg.livejournal.com>; На днях нарвался на дискуссию о повышении минимальной оплаты труда в Румынии - до 370 евро, кажется. Американец

как метафору, означающую максимально значимые для определенного, пусть и короткого, периода времени реалии и их оценку, получившие языковое воплощение во фразеологической форме.

высказался в традиционном ключе "europoors". Абориген возразил, что это не так плохо и сравнимо со средней зарплатой во Вьетнаме. А другой участник обсуждения спросил "а сколько это будет в минимальных зарплатах Бангладеш или России?" В общем, для "золотого миллиарда" РФ это уже не только **Нигерия в снегу**, но и Северный Бангладеш. Создать себе такую репутацию было очень трудно, но Путин и Ко смогли. <http://progressism.livejournal.com>; А теперь из "развитого социализма" постсоветская Россия вошла в число "стран-дауншифтеров", превратившись в "**Нигерию в снегах**". Прямо как та старуха из сказки Пушкина о рыбаке и рыбке: хотела стать "владычицей морскою", но в конце концов осталась с разбитым корытом. <http://ltraditionalist.livejournal.com>

Не только неологизмы могут становиться символами эпохи: «нередко в орбиту таких фразеологических маркеров стремительно врываются классические крылатые слова и выражения, получающие второе дыхание благодаря какой-нибудь злободневной политической ситуации» [Мокиенко 2016: 12]. Так, напр., широко обсуждавшаяся в России последних лет проблема легализации гей-браков и организации гей-парадов «реанимировала» фразеологический библеизм *Содом и Гоморра*:

Содом и Гоморра нынешнего поколения. 15 августа 2011 в Цюрихе произошел ежегодный... *Street Parade*. Как мы только его не называли: и *Стрип Парад*, и *Гей Парад*... Как оказалось, это было что-то как раз посередине. Постараюсь объяснить. Этому мероприятию как раз в этом году исполнилось уже 20 лет. По масштабам это действо **напоминало Содом и Гоморра**: тысячи, а точнее десятки и сотни тысяч людей со всей Европы съехались в несчастный тихий Цюрих для того, чтобы напиться, накуриться, завести как можно больше беспорядочных связей и, наконец, потанцевать. <http://margarita8330.livejournal.com>; Но говорить, что Запад окончательно погрузился в пропасть **Содома и Гоморры** пока преждевременно. Отдельные очаги сопротивления все же существуют. Будь то вышеописанный мэр или представители общественности Финляндии, а конкретно 50 000 человек, поставившие свои подписи под инициативой об отмене закона о гендерно-нейтральном браке. <http://igor-mikhailin.livejournal.com>; **За содом! За гоморру!**<...> В отношении гей-парадов механизм известен - проводите их в уютных местах, там где заведомо не будут присутствовать Ваши оппоненты. <http://quentinus.livejournal.com>.

А возникновение и активное использование понятия «альфа-самец» возвращает в круг «популярных» фразем выражение *альфа и омега*:

Мужчины от альфы до омеги: альфы начинают... Кто вообще все это придумал? Альфа-самцы, альфа-самки... Откуда взялась в наш век как бы гуманизма такая "скотоводческая" терминология? <http://lady.pravda.ru>; **Альфы и Омеги**: психология социальных групп. <https://scisne.net>

Современная популярность эзотерического дискурса и массовый наплыв текстов гороскопов «оживляют» и библеизмы *золотой телец*, *отделять овец (овнов) от козлиц* и провоцируют появление продуктивных моделей, основанных на обыгрывании лексем *телец*, *овен*. Например,

Очень злобный гороскоп о Тельцах. **Золотой Телец**, потому что жадный, потому что скопидом, потому что – законченный эгоист. Телец-мужчина – приземлённое создание, обожающее землю и предпочитающее вспахать свою целину чужим горбом, собирать урожай руками других. Хотите разбогатеть или пожить за чужой счёт? Спросите Тельца как! <http://telec.livejournal.com>; Тельцы хотят обладать всем и с радостью вступают в игру «экономика любви». Обычно они перевозносят **золотого тельца** и чрезвычайно искусны в пользовании деньгами для удовлетворения личных целей ... <http://calendareveryday.ru>; Гороскоп на старый 2011 год. Для дев, <...> для козорогов, яйценугов, овцебыков, богомолов, торговцев мечтами; для водолеев <...> ; для агнцев и горлинок, овнов и козлиц;

для тельцов, кузнецов, Сидоров, Колготыдоловых; для близнецов и пелевиноидов; для раков, греков, <...>
<http://rayq.livejournal.com>.

Возвращаются, входя в состав новых, отражающих ключевые реалии политической или социальной жизни фразеологизмов, и советизмы. Так, ироническое обозначение действий руководства Евросоюза или США, якобы оказывающих ключевое влияния на политическую обстановку в других, менее влиятельных странах, получает наименования *брюссельский обком* и *вашингтонский обком* соответственно, которые становятся фразеологическим маркером актуального напряженного состояния международных отношений России со странами Запада:

Но брюссельский обком бдит и в Голландии партии набравшей наибольшее количество голосов (партии Герта Вильдерса) в правительстве места не будет, за счёт ее бойкота другими партиями. <http://ivanov-ivan.livejournal.com>; *Вашигтонский обком готовит в России госпереворот.* <https://ru-an-info.livejournal.com>; *Делать больше нечего "Вашигтонскому обкому", как менять шило на мыло.* <http://wyradhe.livejournal.com>; *Почему левый электорат КППФ должен будет голосовать за Навального понять невозможно, а учитывая скандал с Браудером и фактически статус засланного казачка вашигтонского обкома, то эффект будет строго обратным – от КППФ уйдет избиратель.* <http://mkarev.livejournal.com>; *Британцы таки натянули нос Брюссельскому обкому. Кто теперь следующий? Евробюрократы со своими решениями по прямизне бананов и т.д. уже много кого задолбали.* <http://kis-kisych.livejournal.com>.

Особое значение символическая функция ФЕ приобретает **в связи с участием устойчивых выражений в так называемых интернет-мемах**, важном (можно сказать, ключевом) явлении виртуальной коммуникации, представляющем собой как раз идею-символ. «Интернет-мем¹⁸⁷ - это структурированный информационный продукт, вирусно распространяющийся в сети Интернет, смысловое содержание которого трансформируется в соответствии с изменением актуализирующих его событий» [Зиновьева 2016: 11].

Несмотря на приведенное выше определение, по нашему мнению, мем, как виральный, быстро распространяемый контент, не представляет собой лишь интернет-явление, а используется гораздо шире, вплетаясь в конъюнктурное пространство современной культуры. Как справедливо отмечает Д. Рашкофф, медиавирусы (*под медиавирусами понимаются именно мемы – М.Д.*) распространяются в инфосфере точно так же, как биологические вирусы распространяются в организме-хозяине или в целом

¹⁸⁷ К сожалению, мы не имеем возможности в связи с лимитом места рассмотреть подробно явление интернет-мема. Понятие *мем*, первоначально введенное биологом Ч. Докинзом в работе «Эгистичный ген» (1976 г.) для обозначения «устойчивых элементов человеческой культуры, передающихся по каналу лингвистической информации» [Докинз 1993: 11], постепенно вышло за пределы терминосистемы эволюционной биологии и в данный момент изучается в рамках особой науки меметики, антропологии, философии, психологии и, конечно же, медиалингвистики. О функционировании мемов и медивирусов см., напр., следующие работы [Зиновьева 2016: 11], [Кронгауз 2012], [Поляков 2009], [Рашкофф 2003] и мн.др.

сообществе организмов. Но вместо того, чтобы путешествовать по органической кровеносной системе, медиавирусы циркулируют в сетях медиапространства [Рашкофф 2003]. Важной особенностью мемов является их способность влиять на различные значимые типы культурной жизни (в современном информационном обществе все чаще представленные в медийном пространстве): «интернет-мемы встраиваются во все виды культурного производства (например, производство социальной мифологии, политической идеологии, культурно-обусловленных норм коммуникации и др.), посредством интеграции своего социокультурного кода в описание интерпретируемых событий и идей. Интернет-мемы транслируют нормы, миропредставление, производят и воплощают актуальные смыслы, социальный опыт и социальные перспективы, вводят модификации языка, организуют досуг индивида» [Зиновьева 2016: 11].

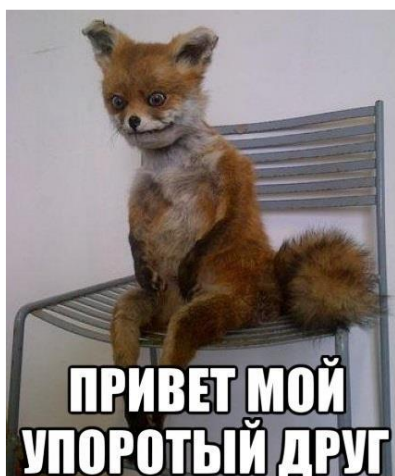
Мем, представляющий собой максимально популярный символ эпохи или момента эпохи, строится по определенным структурным правилам. «В структуре интернет-мема выделяется смысловое «ядро», элементы, составляющие «периферию», фон. Структурный код интернет-мемов строится на взаимодействии элементов ядра, периферии и фона, их мутациях и добавлении новых элементов» [Там же: 12]. В качестве указанных структурных частей, прежде всего «ядра», могут использоваться и фразеологические единицы.

Анализ собранного нами материала позволяет говорить о **двух типах участия фразеологизмов в мемах**. На наш взгляд, в вопросе возникновения и функционирования собственно сетевой фразеологии в ее связи с явлением интернет-мема необходимо различать два явления: **«фразеологизацию»¹⁸⁸ мема** и **«мемизацию» фразеологизма** (условно назовем их так). В первом случае, мем (или смежное явление, например, демотиватор) как явление первичен, его частое, «виральное» употребление формирует новый фразеологизм, который «уходит в народ» и выходит в своем употреблении за пределы мема, а часто и за пределы интернет-коммуникации. Во втором случае первичен фразеологизм (или схожее явление, например, крылатое выражение), который, благодаря своей популярности, сам превращается в интернет-мем¹⁸⁹.

¹⁸⁸ Под фразеологизацией традиционно понимается «образование фразеологических единиц и устойчивых сочетаний нефразеологического характера в результате постепенного процесса приобретения теми или иными сочетаниями слов всех элементов фразеологической устойчивости или всех элементов устойчивости нефразеологического характера» [Кунин 1996: 59].

¹⁸⁹ Необходимо отметить, что вопрос первичности/вторичности ФЕ и мема как интернет-явления не всегда может быть решен однозначно и должен восприниматься условно, а сама проблема связи данных явлений (фразеологизм - мем) требует подробного дальнейшего рассмотрения и изучения.

Процесс «фразеологизации мема» можно назвать новым источником возникновения устойчивых оборотов¹⁹⁰. Первичность медиавируса в таких случаях относительно легко определяется как изначальным наличием визуального подкрепления, обычно конкретной картинки (примат визуального над вербальным), так и часто несоотнесенностью мема с конкретной характеристикой и смыслом (обычно за мемом стоит ситуация или событие, связанные с широким общественным резонансом) или даже вообще его первичной относительной невербализованностью. Так, например, произошло с мемом «Упоротый лис», возникновение и существование которого вызвало широкий общественный резонанс¹⁹¹. Изображение чучела лисы, неудачного результата таксидермии, абсолютно виральным образом распространилось в Интернете и стало творческим источником для создания множества юмористических коллажей, часто бессмысленного характера¹⁹²:

¹⁹⁰ Ср. факторы формирования ФЕ согласно мнению Н.М. Шанского: 1) частое и длительное употребление свободного сочетания слов не в прямом, а в обобщенном образно-переносном значении; 2) в свободном словосочетании в процессе фразеологизации одно слово становится доминирующим и тем самым ограничивающим себя в сочетаемости с другими словами, свободными словосочетаниями, превращаясь в устойчивое; 3) **свободное словосочетание, превращаясь во фразеологическое, выражает единое понятие, соответствующее данной исторической эпохе. Таков путь превращения свободного сочетания слов в устойчивое по составу и строению, целостное по значению выражения** [Шанский 1985: 92] (выделение наше – М.Д.).

¹⁹¹ Подробно о данном меме см.: https://ru.wikipedia.org/wiki/Упоротый_лис

¹⁹² Здесь и далее изображения мемов приводятся из: Гугл.Картинки (<https://images.google.ru>), Яндекс.Картинки. (<https://yandex.ru/images/>).

Активное использование данного изначально полностью визуального мема породило впоследствии устойчивый оборот *[как] упоротый лис кто* ‘1. о ком-либо странном; 2. о ком-либо уставшем, плохо выглядящем’:

Потом посидела на встрече с Перумовым, послушала : "Я не могу утверждать, что Упорядоченный развился из Адаманта Хенны" (ну, как-то так) и думала: "Там Упорядоченный мир, здесь я как упоротый лис... Чего только не вытерпишь из любви к ближнему!" <http://alter-elf.livejournal.com>; Я не бухаю и наркоту не жру, я упоротый лис в натуре. <http://tanya1851969.livejournal.com>; Что-то у меня большая рабочая неудовлетворённость, ещё столько всего намутить надо за эти три дня, а приходишь с утра, садишься и чувствуешь себя упоротым лисом. Открываешь почту и смотришь в одну точку))) Не надо так!))) <http://eliza-rainbow.livejournal.com>; Все люди как люди, а я - упоротый лис. Туда-сюда... туда-сюда... везде уснуть! Везде упороться! <http://anhel-rialot.livejournal.com>; Не Кафельникова, а какой-то упоротый лис, Да тут все совпало: и выражение лица, и жуткий блонд, и неестественный цвет кожи... . paparazzi.ru.

Еще одна широко обсуждавшаяся СМИ и общественностью ситуация, ставшая источником популярного интернет-мема, возникла в связи с дорогостоящими наручными часами патриарха Московского и Всея Руси Кирилла, которые были удалены с медийной фотографии при помощи графической программы, при этом их отражение в полированной поверхности стола сохранилось.

Бог дал - Бог взял

Вся ситуация, сложившаяся вокруг казуса, и сам мем в дальнейшем получили название «часы патриарха», частое употребление которого «превратило» медиавирус во фразеологизм со значением ‘о ком- или чем-либо лживом, лицемерном, фальшивом‘:

Все эти скандальные истории с деньгами, пуськами, нанопылью, часами патриарха, несоответствие дел словам. Борьба за Исаакий, запоздалые реакции на критику, нечестные ответы на вопросы, лицемерие... И есть внутреннее чувство, что-то зреет. Когда-то все это рванет. <http://gekelberfin.livejournal.com>; *Их усилиями проект «Русский мир» стал символом имперских устремлений – чем-то низким, плохим, лживым, фальшивым (некто вроде «часов Патриарха»), попыткой «сманить» украинцев.* <http://anton443.livejournal.com>; *А вообще прозреваю, что Новая Газета даёт гранты на срочный поиск новых "часов патриарха".* <http://tyazan.livejournal.com>.

Впоследствии в интернет-среде появляется и шуточный фразеологический дериват *скинуться / собрать денег на новые часы патриарху* со значением ‘1. страдать ради высокой цели; 2. заниматься чем-либо бессмысленным‘:

В воскресенье у меня был довольно скучный день, и я решил развеять скуку благим начинанием – собрать деньги на новые часы Патриарху. <http://sevs.livejournal.com>; *Вопрос был в том, пришло ли уже приглашение скинуться на новые часы патриарху, или я его пропустил.* <http://spb-auto.livejournal.com>; *Считать избавление от страданий предательством можно если вы а) сам мучитель б) мазохист в) терпите ради высшей цели (e.g. скопить на новые часы патриарху или английской королеве). Вы писали, что смириться "было бы полезно" (кому?), но государству ваше смирение не повредит и не поможет (оно и так делает что хочет), а вам и вашим детям оно только повредит, о чем вы сами и написали в процитированном посте. То есть насчет "высших целей" не строите иллюзий даже вы.* <http://pirogov.livejournal.com>.

Из медиавирусных явлений возникли и следующие устойчивые обороты (некоторые из них имеют узкую сферу употребления, как правило, в Интернете), безусловно ставшие символами: *британские учёные* ‘ирон. вымышленные, несуществующие авторитеты‘, *знаменитость российского уровня* ‘ирон. о человеке, ведущем себя вызывающе, снобски и требующем, чтобы к нему относились, как к знаменитости‘, *просрали все полимеры* ‘шутл. о плохом управлении (обычно промышленного предприятия)‘, *Капитан Очевидность* ‘о человеке, приводящем в

качестве аргументов прописные истины', 80-го уровня кто, что 'шутл. о ком- или чем-либо максимально высокого уровня (о мастерстве, профессионализме)' и мн.др. Таким образом, можно говорить о том, что интернет-мемы действительно становятся популярным источником возникновения новых фразеологизмов.

Процесс второго типа, условно называемый нами «**мемизация**»¹⁹³ **фразеологизма** связан с первичностью устойчивого выражения (как правило, неологизма), популярность которого превращает его в мем¹⁹⁴. Так, прозвучавшее в 2012 г. в речи (обращении президента) В. В. Путина выражение *духовные скрепы* было моментально подхвачено народом и стало стремительно набирать популярность¹⁹⁵. Данный фразеологический неологизм, изначально употреблявшийся в значении «ценности, скрепляющие Россию» (напр., *И самая важная и сильная наша "духовная скрепа" - это память о Великой Отечественной Войне.* <http://63ru.livejournal.com>), постепенно теряет свой пафос, приобретает иронический оттенок и начинает использоваться в Интернете (и не только) для характеристики различных негативных явлений современной российской действительности. Ср.,

Никаких наших духовных скреп такая продукция евроатлантического агитпропа не подрывает. <http://prorok70.livejournal.com>; - *Вот что случается при отсутствии духовных скреп! Поди небось ещё базы НАТО где-то рядом расположены!- Не поверите, под каждым домом.* <http://medvedyteddy.livejournal.com>; *Изуверская система работает уже с детства, навязывая подрастающему поколению модную гейропейскую модель существования. Духовные скрепы отгибаются и ржавеют.* <http://popados.livejournal.com>; *Драка, опять же в соответствии с канонами, прекращалась, но вспыхнула вновь, потому что одна из сторон применила спецсредства.Еще до этого двое, ставшие причиной конфликта, следуя законам драматургии, покинули место действия. Мнения о произошедшем также были традиционны, местами напоминая духовные скрепы.* <http://solvaigsamara.livejournal.com>

¹⁹³ «Мемизация» – превращение в мем (М.Д.)

¹⁹⁴ Разумеется, процесс превращения фразеологизма, крылатой фразы в популярный символ не является лишь заслугой Интернета и существовал всегда (вспомним хотя бы, как сейчас говорят, «вирально» распространившийся фразеологизм *кто есть ху*, авторство которого приписывается М.С. Горбачеву, и многие другие выражения, ставшие условными мемами-символами эпохи задолго до появления массового Интернета, напр., краткие цитаты из популярных советских фильмов). Интернет лишь отражает моментальную массовую вирализацию общественного дискурса какой-либо идеей или образом, при этом, конечно же, способствуя не только распространению, но и возникновению этих идей и образов.

¹⁹⁵ Использование данного устойчивого оборота в речи В.В. Путина и стало причиной его популярности. Авторство В.В. Путина в отношении данного фразеологизма не подтверждается. Согласно Национальному корпусу русского языка (<http://ruscorpora.ru>) [НКРЯ] данное выражение впервые прозвучало в работе М. Коллонтай «Дорогу крылатому Эросу! (Письмо к трудящейся молодежи)» (1923) в форме «духовные скрепы» и «душевные скрепы». Авторство В.В.Путина опровергает и тот факт, что данный оборот встречается в блогах и до обращения президента.

Впоследствии данный фразеологический неологизм частично десемантизируется и превращается в мем и хэштег¹⁹⁶, под которым располагается информация шуточного содержания о политической или религиозной ситуации в России, о каких-либо русских курьезах или о России вообще. В целом, мы можем сказать, что превращение фразеологизма в мем всегда связан с его визуализацией (появлением изображений) или креолизацией, а также часто и дефразеологизацией и утратой конкретного значения. Ср., например, следующие примеры визуального воплощения интернет-мема *духовные скрепы*, в том числе и коммерческого назначения:

Католический магазин в Петербурге начал продажу «духовных скреп»

Католический магазин в Санкт-Петербурге начал продажу «духовных скреп» по цене 22 рубля за штуку. Об этом сообщает FlashNord.

«Нам показалось это симпатичным, поскольку никто не знает, как выглядят эти скрепы. В данном случае это духовные скрепки в виде ангелочков, крестиков, которые можно использовать, например, для закалывания страниц в Библии. Мы их закупили двух видов около 100 штук», — рассказал администратор магазина.

¹⁹⁶ Хэштег представляет собой определенный вид тематической метки в социальных сетях или блогах, ключевое слово, начинающееся со значка # и облегчающее поиск по определенной теме или содержанию (М.Д.)

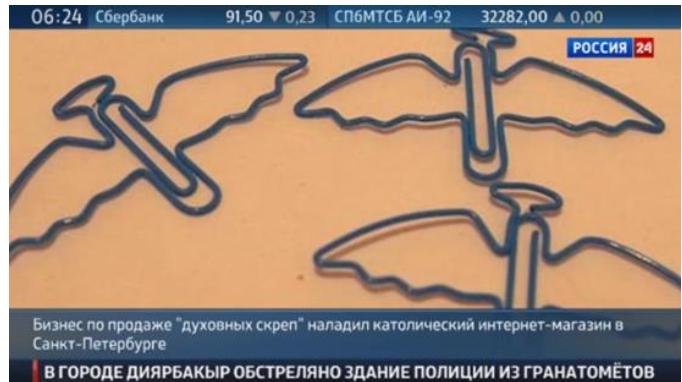
СКАЗКА О ДУХОВНОЙ СКРЕПКЕ

ГЕЙ
ШАТАА-ШАТАА,
НЕ РАСШАТАА

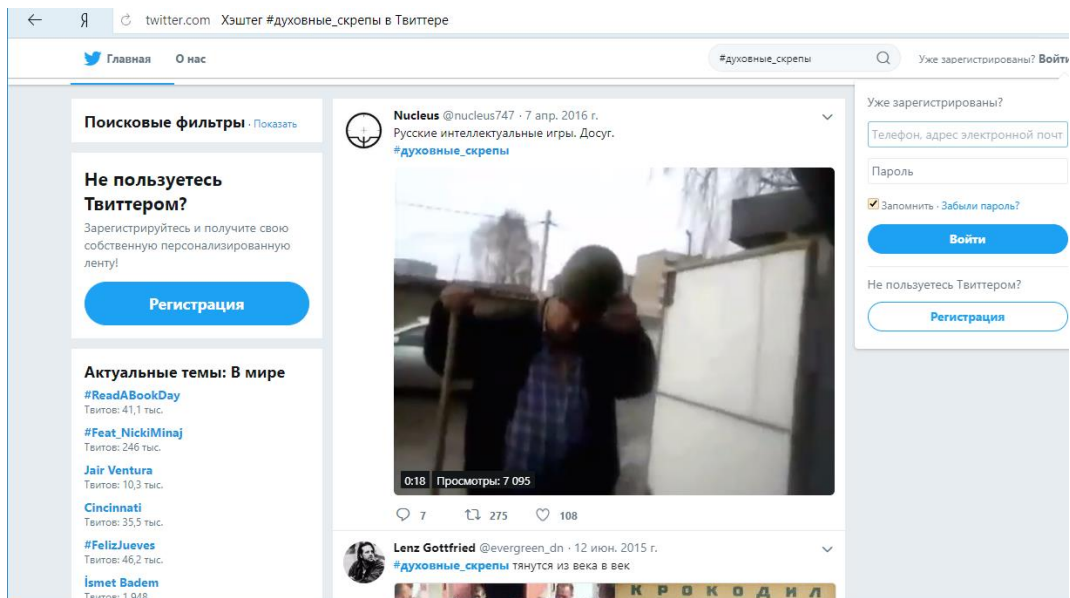
ПУССИ
ШАТААИ-ШАТААИ,
НЕ РАСШАТААИ

ПОКЕМОН БЕЖАА,
ХВОСТИКОМ МАХНУА,
СКРЕПА ПОШАТНУЛАСЬ
И СЛОМАЛАСЬ

См. также пример хэштега #духовные_скрепы в Твиттере (подобный присутствует и в Facebook, LiveJournal, Instagram):

Фразеологическими символами эпохи «крымских событий» 2014 года в интернет-дискуссиях стали эвфемистические устойчивые выражения *вежливые люди*¹⁹⁷ и *зеленые человечки*¹⁹⁸, первоначально употреблявшиеся в отношении российских военных, принимавших участие в охране и блокиации объектов при проведении референдума в Крыму, а позже иронично соотнесенными со всей российской армией в целом:

Я люблю "зеленых человечков", поскольку сам был "зеленым" долгие три года армейской службы (я служил здесь) и это без всякой связи с политикой. <http://puerrtto.livejournal.com>; *Если иметь в виду, каким образом Россия посылала в Крым "зеленых человечков" и то, как агрессивно писали некоторые СМИ о черногорском правительстве, меня не удивляют сообщения о том, что специальные группы были направлены в Черногорию, чтобы установить там режим, который был бы против евроатлантической интеграции.* <http://tyler78.livejournal.com>; *На днях всей семьей попали буквально в плен к "вежливым людям" в суровом армейском обмундировании. Практически первое, что с нами там сделали - бесчеловечно, жесточайшим образом нарушая все диеты и руша мечты похудеть к лету, накормили.* <http://demkristo.livejournal.com>; *Америке не хватает вежливости, но вежливых людей она боится.* <http://maxfux.livejournal.com>

Фразеологизм *вежливые люди* благодаря создателю его интернет-блогерам¹⁹⁹ очень быстро становится мемом, а впоследствии и первым «мемом федерального значения»²⁰⁰, оказав влияние не только на общественный дискурс, но и на государственные и официальные сферы. Постепенно происходит «институционализация» данного оборота (и явления), отражающая способность фразеологической единицы не только к «символизации» важных элементов медийной действительности, но и к формированию действительности. Как пишет издание РИА Новости, «во время "прямой линии" 17 апреля Владимир Путин подтвердил, что это были представители Российской армии. С этого времени выражение "вежливые люди" прочно вошло в политический и бытовой лексикон всей страны и, по мнению

¹⁹⁷ О широком общественном резонансе, вызвавшем появление данного выражения, см., например, статьи популярного характера типа <https://meduza.io/special/polite/whopolite>

¹⁹⁸ Фразеологизм *зеленые человечки* приобрел второе значение дополнительно к уже имеющемуся «инопланетяне».

¹⁹⁹ Автор данного устойчивого оборота до сих пор точно не определен. Ср. отражение рефлексии о создании данного символа эпохи в Википедии: «Термин был случайно придуман 28 февраля 2014 года блогером «Живого Журнала» Борисом Рожиным (colonelcassad), который вспоминал позднее об этом так: «Лично мне, просто приглянулось выражение «вежливо» в отношении неизвестных лиц, которые захватывают стратегические объекты, формально не раскрывая своего инкогнито, поэтому в порядке шутки (так как все в Крыму прекрасно понимали, кто это и откуда) в стиле «но мы-то с вами знаем, кто это», употребил пару раз выражение «вежливые люди», без всякой задней мысли, что это будет иметь хоть какие-то последствия, кроме смешков у нескольких читателей, которые, возможно, обратят внимание на понравившееся мне выражение». По другой версии автором термина выступили несколько активистов российского провластного движения Сеть, в дальнейшем выпустившие для региональных школ «Вежливую азбуку» (https://ru.wikipedia.org/wiki/Вежливые_люди).

²⁰⁰ См., например, https://www.gazeta.ru/science/2014/05/07_a_6020477.shtml

опрошенных РИА Новости экспертов, постепенно становится новым символом российских Вооруженных сил» (РИА Новости, 16 мая 2014 года; https://ria.ru/defense_safety/20140516/1007988002.html). Наряду с институционализацией происходит и коммерциализация данного выражения, превращение его в полноценный бренд, выпускающий под данной маркой товары Министерства обороны РФ²⁰¹, См., напр.,

²⁰¹ По отмеченным Википедией данным, «11 апреля 2014 года ОАО «Военторг» подало в Роспатент заявку на регистрацию товарного знака «Вежливые люди» для своих товаров. <...> 22 апреля 2014 года Бахчисарайский городской совет принял решение установить в Бахчисарае на улице Чехова памятник «вежливому солдату» — «с элементами мест отдыха для населения». <...> В апреле 2014 года чешская компания «Black dog» выпустила модели-фигурки «вежливых людей». В 2015 году российский производитель масштабных моделей Zvezda также выпустил набор «Российская современная пехота „Вежливые люди“», включающий в себя модели четырёх солдат и кота. 8 мая 2014 года Министерство обороны России запустило линию одежды «Вежливые люди». Депутат Государственной думы РФ И. Л. Зотов 16 сентября 2014 года внёс законопроект об установлении 7 октября памятной даты «День вежливых людей Российской Федерации», Министерство обороны РФ эту инициативу поддержало. 27 февраля 2015 года депутат заявил, что отзовёт законопроект, поскольку дата определена президентом РФ, который 26 февраля издал указ об установлении Дня Сил специальных операций — 27 февраля. 6 мая 2015 года в городе Белогорске Амурской области на центральной площади был установлен памятник «вежливым людям». <...> Министр обороны России Сергей Шойгу также поддержал идею установки похожего памятника в Москве. <...> 11 июня 2016 года в крымском городе Симферополь открылся памятник «вежливым людям» (https://ru.wikipedia.org/wiki/Вежливые_люди).

На основании виральной популярности фразеологизмов возникают и следующие популярные интернет-мемы: *партия жуликов и воров* 'о партии «Единая Россия», *Отец Пигидий* '1. ирон. несуществующий авторитет; 2. о человеке, который хочется казаться умнее, чем он есть', *пчелы против меда* 'ирон. об активном участии в каком-то процессе людей или организаций, изначально не заинтересованных в положительном результате и достижении поставленных целей'; *хруст французской булки* '1. ирон. о ценностях дореволюционной России; 2. о ностальгии по дореволюционной России' и мн. др.

Таким образом, превращение фразеологизма в мем определенно является достаточно популярной моделью возникновения отражающего элементы эпохи медиального вируса, точные механизмы порождения и распространения которого еще требуют дальнейшего изучения, в связи как с новизной самого явления, так и с ограниченным вниманием лингвистов к подобным «медиавирусным» вопросам. В целом, можно утверждать, что фразеология играет определенную роль как в «символизации» значимых для общества явлений, так и в формировании мемов и виральных явлений медиапространства. И если появление мемов (и смежных креолизованных явлений) в Интернете отвечает новому ценностному вектору современной культуры: «разрушение нарративных структур сюжета, коллаж вместо повествования соответствует, наконец, аксиологии самой современной культуры, педалирующей, в целом, не столько ценность сюжета, сколько семиотическую эффективность образа и факта» [Интернет и фольклор 2009: 13], то фразеология выступает средством поддержки эффективности образов и креолизованных «осколков» разрушенных нарративных структур за счет своей краткости, интертекстуальной полноценности и экспрессивности.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Современные фразеологические исследования характеризуются полипарадигмальной направленностью, одним из методологических аспектов которой является применение прагматического и дискурсивного подходов к изучению фразеологии. Активизация функционально-прагматического подхода к исследованию языковых единиц в современной русистике определяется не только общими тенденциями научной мысли, но и бурными изменениями в русском языке и речевой ситуации последних 25 лет. На облик современного русского языка значительно повлияли отмечаемые многими исследователями процессы языковой и речевой демократизации, интернационализации, неологизации, жаргонизации, карнавализации, получающие отражение в различных дискурсивных пространствах и функциональных сферах. Одним из наиболее «открытых» к отражению данных изменений дискурсов стал интернет-дискурс, представляющий собой новое сложное лингвистическое и социальное явление и обладающий рядом важных черт, среди которых можно назвать: появление устно-письменной речи; максимальная полижанровость и тенденция к трансформации традиционных жанров; совмещение черт лично-ориентированного и институционального дискурсов, а также гипертекстовость, анонимность, экспрессивность, карнавальность, глобальность, креативность, субъективность и др. Важным аспектом существования интернет-дискурса становится и тенденция взаимного влияния виртуальной коммуникации и русской речевой ситуации, выражающаяся в том, что как сетевое общение частично влияет на формирование языковых и коммуникативных тенденций, формирующих современный облик русского языка и речи (в первую очередь, на либерализацию и интернационализацию общения), так и сами динамические языковые процессы с наибольшей наглядностью отражаются именно в дискурсивном пространстве Интернета.

Исследование функционирования языковых единиц в дискурсе Интернета представляется одним из актуальных и важных направлений современных лингвистических исследований, в том числе и фразеологических. Анализ употребления фразеологизмов в виртуальной коммуникации позволяет изучить как их функциональную нагруженность, так и все многообразие их контекстуальной актуализации. Контекстуальная реализация фразеологических единиц часто протекает на основе дискурсивного варьирования и окказионального употребления устойчивых

оборотов. Современные исследования фразеологической вариантности и окказиональности характеризуются множественностью подходов и отсутствием единой точки зрения как на проблему самой фразеологической вариантности, так и на совокупность способов и приемов трансформаций, позволяющих модифицировать ФЕ в тексте. На основании анализа материала было установлено, что в виртуальном коммуникативном пространстве фразеологические единицы подвергаются дискурсивному варьированию, представленному различными приемами структурно-семантического и семантического типа, среди которых присутствуют: замена компонента ФЕ, расширение (распространение) компонентного состава ФЕ, приемы сокращения компонентного состава ФЕ, фразеологическая контаминация, ролевая инверсия, образование окказионального фразеологизма по узуальной модели, двойная актуализация и буквализация значения фразеологизма, экспликация и народно-этимологическое переосмысление ФЕ, нарушение дистрибуции ФЕ.

Наряду с варьированием уже традиционных типов, интернет-дискурс демонстрирует и появление новых видов трансформаций, в первую очередь, отражающих современную тенденцию к текстовой креолизованности, включению параграфемных средств в вербализованные тексты. В виртуальной коммуникации устойчивые обороты часто графически модифицируются при помощи элементов, компенсирующих на письме недостаток «устности» (эмоции, интонация, и т.д.), либо при помощи литуратива (зачеркивания), становящегося, как правило, средством создания иронии или шутки. Особую роль графические преобразования ФЕ играют и при возникновении фразеологических эрративов, нового типа фразеологии, возникшей в интернет-дискурсе под влиянием сетевых субкультур.

От фразеологических интернет-эрративов необходимо отличать и явление, получившее в нашей диссертационной работе обозначение фразеологической девиации – неосознанного ошибочного искажения формы и семантики ФЕ, вызванного незнанием или непониманием ее этимологии, образной основы, структуры и/или отдельных компонентов и носящего при этом системный характер. Фактически впервые именно в интернет-дискурсе системные фразеологические ошибки подвергаются массовой письменной фиксации, отражая некоторые черты современной русской речевой ситуации.

Важную роль играет интернет-дискурс в исследовании возникновения и функционирования фразеологических неологизмов (ФН). В виртуальном коммуникативном пространстве неофраземы часто не только подвергаются

первоначальной «материальной» фиксации, но и активно варьируют, доказывая факт своей «укорененности» в сознании носителей языка. В аспекте исследования фразеологической неологии Интернет рассматривается в данной работе не только как возможность доказательства коммуникативной востребованности ФН, но и как исследовательский инструмент, как способ и пространство верификации значения и формы неофраземы, времени и источника ее происхождения или момента ее вхождения в язык.

Анализ фразеологических трансформаций в сети Интернет позволяет сделать вывод о значительном прагматическом потенциале ФЕ и их дискурсивной востребованности в новом коммуникативном пространстве, обусловленных ролью устойчивых оборотов в создании дискурсивных черт виртуального дискурса: экспрессивности, карнавальности, мгновенности и т.д., а также способностью ФЕ выполнять целый ряд текстовых функций.

Исследования фразеологической функциональности, несмотря на разность научных подходов, позволяют говорить о выделении двух крупнейших фразеологических функций: информативно-номинативной и прагматической. При этом, можно утверждать, что «глобальной» функцией устойчивых выражений, в том числе в интернет-дискурсе, является прагматическая, реализующаяся в различных «формах», воздействующих на читателя (экспрессивная, людическая и т.д.) и формирующих дискурсивные черты (текстообразующая, жанрообразующая и т.д.). Несмотря на полифункциональный характер каждой ФЕ в тексте и фразеологический функциональным синкретизм, можно говорить об отдельных речевых функциях устойчивых оборотов, которые реализуются в интернет-дискурсе. Как нам кажется, важным аспектом реализации фразеологической функциональности является их интертекстуальный характер, позволяющий воспроизводить ФЕ в «готовом виде», т.е. в виде «чужого» слова, извлекаемого из «общего поля анонимных формул» [Барт 1994а: 226].

Объем и состав фразеологических функций в интернет-дискурсе, по данным нашего анализа, представлен следующими главными функциями: номинативной, экспрессивной и эмоционально-оценочной, эвфемистической, дисфемистической, аргументативной, резюмирующей, фатической, тексто- и жанрообразующими, людической и символической.

Номинативная функция ФЕ в интернет-дискурсе заключается в назывании (разумеется, со свойственной всем фразеологизмам экспрессивностью) не только «обычных» реалий окружающей действительности, но и элементов реальности, релевантных для виртуального коммуникативного пространства. Способность номинировать новые или «важные» для сетевого дискурса явления, как правило, реализуется, как средствами «собственно сетевой фразеологии», так при помощи заимствований из языка программистов и «компьютерщиков», получивших распространение благодаря Интернету. Интернет-коммуникация отражает продуктивность не только компьютерной и сетевой фразеологии, но и общую «терминологизацию» современной русской фразеологии. Особую роль номинативная функция ФЕ приобретает и в связи с названием тех актуальных явлений современности, которые важны для общества в данный момент и получают быстрое отражение в Интернете в связи с его социальной детерминированностью, разговорностью, экспрессивностью, анонимностью, мгновенностью распространения информации и т.д. Номинативная функция в интернет-дискурсе способствует и реализации других важных функций: парольной функции, дающей возможность отличить «своего» от «чужого» в рамках сетевого общения; а также функций самопрезентации языковой личности и лаконизации речи, необходимых для интернет-коммуникации.

Важной функцией устойчивых оборотов в сетевом дискурсе является экспрессивная и эмоционально-оценочная функции. Фразеологизмы становятся постоянными спутниками интернет-текстов экспрессивного характера: блогов, комментариев к новостям, сообщениях в блогах и т.д. Интернет не только требует обновления экспрессивности устойчивых выражений, например, средствами трансформаций, но и сам становится источником возникновения новой экспрессивной фразеологии: эрративной фразеологии, представляющей собой класс изначально узко-жаргонной собственно сетевой фразеологии субкультурного происхождения и выражающей лишь положительную или отрицательную оценку. К новой экспрессивной фразеологии можно отнести и такое явление как «фразеологический кириллический варваризм», представляющий собой буквальное заимствование из английского языка, записанное кириллицей и носящее при этом системный характер. Можно утверждать, что экспрессивность виртуального пространства поддерживается экспрессивными фразеологическими средствами, взаимно обогащая друг друга.

Тесно переплетены с экспрессивной функцией и функции эвфемистическая и дисфемистическая, сосуществование которых в рамках виртуального дискурса отражает тенденции современной русской коммуникации. В сетевом дискурсе, отличающемся анонимностью, экспрессивностью и общей стилистической сниженностью, активно используется, получая массовую письменную фиксацию, весь репертуар русской бранной и нецензурной фразеологии. При этом интернет-дискурс, благодаря своей экспрессивности и креативности, становится также источником появления новых фразеологических дисфемизмов. Активно функционируют в Сети и фразеологические эвфемизмы, в первую очередь, бытового характера, отражая тенденцию к выбору традиционных тем эвфемизации. Анализ эвфемистических и дисфемистических особенностей фразеологизмов в виртуальной коммуникации демонстрирует значительную активность данных процессов в современной речи, а также их востребованность для создания дискурсивных черт самого Интернета, в первую очередь, экспрессивности, открытости, анонимности, креативности. Значительно выраженная дисфемизация и огрубление виртуальной коммуникации, а также преобладание «бытовых» эвфемизмов над «социальными» позволяют также говорить о доминировании черт личностной ориентированности, приватности над институциональностью интернет-дискурса.

Частым спутником сетевых текстов, обычно интернет-комментариев, представляющих собой дискуссию или спор, становятся и устойчивые обороты в резюмирующей или аргументивной функциях, выступающие, как правило, в роли интертекстуальных элементов коллективной, хрестоматийной мудрости. Наряду с функцией аргументации, фразеологизмы и поговорки регулярно используются для установления и поддержания контакта, реализуясь в важной для виртуального дискурса фатической функции и формируя фатические интернет-полилоги.

Особое значение приобретают в виртуальной коммуникативной среде и тексто- и жанрообразующая функции. ФЕ в текстообразующей функции способны при помощи образования рекуррентных фразеологических сетей формировать интернет-нарративы, а также выступать в качестве элемента сильной текстовой позиции, требующей дальнейшей семантизации. Одним из важнейших аспектов функционирования ФЕ в Сети становится их способность выступать в качестве способа создания коммуникации между интернет-пользователями и жанрообразующего средства, при помощи которого появляются «ветки», треды интернет-дискуссий. Часто данные функции реализуются на

основании метаязыковой рефлексии пользователей Сети по поводу происхождения и значения устойчивых оборотов.

Карнавальный характер интернет-коммуникации отражает и особое положение игровой функции фразеологизмов в сетевом пространстве. Людическая функция фразем начинает играть здесь особую роль, «выстраивая» шутивно-ироничное пространство интернет-коммуникации, где каждый пользователь в полной мере может реализовать свой лингвокреативный потенциал и стать участником этого «праздника вербальной свободы» (Л.И. Степанова) и почувствовать себя «не рабами слов», а «хозяевами текста» [Вайнрих 1987: 54]. Языковая игра и людическая ориентированность интернет-дискурса оказывает влияние и на формирование эрративной фразеологии. Сама фразеология участвует как в порождении шутивных, отмеченных общей карнавальностью Сети текстов, так и в появлении собственно интернет-явлений развлекательного характера – демотиваторов. Масштабы креативного обращения с фразеологизмами в виртуальном пространстве, по данным нашего исследования, позволяют говорить об интернет-дискурсе, как о пространстве людического синкретизма.

Одним из определяющих аспектов функционирования русской фразеологии в интернет-среде становится ее способность выполнять символическую функцию, заключающуюся в способности ФЕ становиться «ключевым фразеологизмом эпохи» и отражать наиболее актуальные для современности явления и реалии. «Фразеологическими маркерами эпохи» могут становиться как неологизмы, возникшие в результате потребности в номинировании нового актуального явления, так и актуализированные в новых условиях «старые» фразеологизмы, например, библеизмы. Особое значение символическая функция устойчивых оборотов приобретает в связи с их участием в формировании ключевого интернет-явления – мема, представляющего собой идею-символ медиавирусной природы. В связи с ролью ФЕ в создании интернет-мема нами были выявлены два процесса, получившие в работе условные обозначения «фразеологизации мема», при котором мем первичен, а его регулярное употребление формирует новый фразеологизм, выходящий в своем употреблении за пределы мема и интернет-коммуникации, и «мемизации» фразеологизма, демонстрирующей первичность фразеологизма, который, благодаря своей популярности, сам превращается в интернет-мем.

На наш взгляд, проведенное исследование демонстрирует как высочайшую дискурсивную востребованность устойчивых выражений в онлайн-пространстве, объясняемую попыткой носителя языка обратиться к фразеологии «как одному из

мощных творческих ресурсов языковой системы» [Мокиенко 2012: 60], так и широчайшие возможности самой новой коммуникативной среды – Интернета для исследования функционирования и варьирования языковых единиц.

Коммуникативную и текстовую «популярность» самой фразеологической единицы на просторах виртуального пространства можно объяснить не только тем, что современная речевая (и не только) ситуация увеличила «востребованность Слова в новых социальных условиях. Слово стало действенным, и потому оно уже необходимо и политикам, и предпринимателям, и ораторам на Болотных и других площадях» [Мокиенко 2012: 60], но и тем, что фразеологизм в онлайн-текстах, как нам представляется и как нам хотелось показать в этой работе, **играет значительную роль в создании собственно дискурсивных черт интернет-пространства: экспрессивности, разговорности, креативности, карнавальности, мгновенности передачи информации и др., реализуемой через различные контекстуальные и функциональные способы использования ФЕ.** Карнавальный характер интернет-коммуникации, в лучших традициях постмодернистской культуры превращающий «автора, текст и читателя <...> в единое бесконечное поле для игры письма» (Perrotte-Moises) [Ильин 2001] и характеризующийся ориентацией на речевую свободу и повышенную экспрессивность, реализуется благодаря частым случаям фразеологической языковой игры. Повышенная экспрессивность сетевого общения возникает благодаря множественным трансформациям и реализации экспрессивной, дисфемистической и людической функций. Использование устойчивых выражений, представляющих собой факт «информационной компрессии» [Валгина 2003б] и содержащих в своей образной основе в свернутом виде целую ситуацию или просто типичное для данной культуры отношение к какой-либо реалии, способствует и столь важному для Интернет-дискурса «ускорению» коммуникации и т.д.

Важным выводом становится и то, что фразеология, актуализированная в Сети, не только способствует формированию глобальных конститутивных черт интернет-дискурса: экспрессивности, анонимности, мгновенности, карнавальности, креативности, жаргонизированности, фатичности и т.д., но и **участвует в порождении собственно интернет-явлений и реалий исключительно сетевого происхождения: интернет-комментариев, демотиваторов и интернет-мемов.**

RESUMÉ

Problematika fungování a pragmatiky frazeologických jednotek (FJ) ruského jazyka se stala jedním z aktuálních témat současné frazeologie. Musí se také ovšem poznamenat, že dnes již současná frazeologická věda disponuje značnými vědeckými zkušenostmi, které spočívají ve vytvoření určitých tendencí v analýze jednotek: fungování a pragmatika frazeologických jednotek je zkoumána ve vztahu k obecným problémům frazeologie (V. N. Telija, A. V. Kunin, V. M. Mokienko, A. F. Alefirenko a další), ve vztahu ke studiu frazeologické variability a okazionality (A. M. Melerovič, V. M. Mokienko, P. S. Dronov, I. Ju. Tretjakova a další), ve vztahu k lexikografickému zachycení ustálených slovních spojení (A. M. Melerovič, V. M. Mokienko, L. Stěpanova a další), ve vztahu k roli frazeologických jednotek ve vytváření (formování) textů, žánrů, diskurzu, ideostylů (V. M. Mokienko, M. A. Fokina, O. V. Lomakina a další).

Nehledě na značné množství prací věnovaných roli frazeologických jednotek v různých textech a diskurzích a také internetu jako novému komunikačnímu a lingvistickému jevu, není dosud problém fungování ruské frazeologie v internetovém diskurzu plně prozkoumán. Až dosud jsou bádání omezoována pouze na otázky formování a pragmatiky lexikálně-frazeologického korpusu počítačového subjazyka anebo na problémy frazeologie mající svůj původ bezprostředně v internetu (V. F. Chajdarova, N. K. Jeremina). Tedy fungování ruské frazeologie v internetu v celé její funkční různorodosti nebylo dosud analyzováno. To určuje aktuálnost našeho výzkumu spojenou s nutností ucelené analýzy fungování ruských frazeologických jednotek v textech virtuální komunikace, pragmatických aspektů jejich aktualizace a jejich úlohy ve formování charakteristik internetového diskurzu.

Objektem výzkumu jsou ruské frazeologické jednotky²⁰², které fungují v internetu, **předmětem výzkumu** jsou pak funkční aspekty jejich textové realizace v ruskojazyčném internetovém diskurzu, včetně jejich pragmatického a transformačního potenciálu.

Cíl disertační práce spočívá v určení hlavních funkcí ruských frazeologických jednotek v internetovém diskurzu a také v popisu a analýze funkčních specifík a aspektů kontextuálních realizací frazeologických jednotek, včetně schopnosti jejich frazeologického

²⁰² V práci přejímáme definici frazeologické jednotky A. M. Melerovič a V. M. Mokienko: to znamená «раздельнооформленная языковая единица, которая является устойчивым, полностью или частично семантически преобразованным сложным знаком» [Мелерович, Мокиенко 2008: 23].

modelování a diskurzivních proměn ruských frazeologismů v internetu. Tyto cíle vyžadují vyřešení následujících výzkumných úkolů:

- 1) charakterizovat stav současné frazeologické vědy a současného ruského jazyka (SRJ); popsat základní dynamické procesy probíhající v lexiku a frazeologii SRJ;
- 2) dát charakteristiku internetového diskurzu a upřesnit pojmy spojené s jeho vznikem a fungováním;
- 3) plošně excerpovat kontexty zahrnující frazeologické jednotky z blogů, fór, internetových komentářů;
- 4) prozkoumat jev frazeologického modelování a okazionálnosti v současné frazeologii,
- 5) vyčlenit a popsat základní principy a způsoby frazeologických transformací v internetovém diskurzu a podobné jevy, stejně jako jejich úlohu v internetové komunikaci;
- 6) upřesnit pojem frazeologické funkce a frazeologické intertextuality ve vztahu k úkolům daného výzkumu;
- 7) vyčlenit a popsat složení a specifika funkcí frazeologických jednotek v internetovém diskurzu a určit jejich roli ve vytváření jevů internetové povahy.

Jako **materiál výzkumu** sloužily kontexty zahrnující ustálené výrazy, které byly plošně excerpovány ze síťových žánrů internetového diskurzu za léta 2013-2018: internetové komentáře, blogy, fóra, sociální sítě. Celkovou kartotéku autorky tvoří na 20 tisíc internetových kontextů s frazeologickými jednotkami (a také příslovími, rčeními, okřídlenými výrazy aj.). Odkazy na zdroj v internetu se uvádějí po každému příkladu ve zkrácené podobě – po doménu. V souladu se záměrem popsat úlohu a funkce frazeologických jednotek právě v prostoru internetu jsme se záměrně vyhýbali materiálům „novinářské“ povahy, tj. nepoužívali jsme texty článků, zpráv na informačních portálech a stránkách, proto odkaz v textu práce na podobný pramen je třeba chápat tak, že byly analyzovány komentáře k dané zprávě nebo novince apod.

V souladu se specifiky materiálu a objektu výzkumu byly zvoleny následující **výzkumné metody a přístupy**: metoda plošného excerpování, popisně analytická, kvalifikačně typologická, interpretační metoda a také metoda kontextové analýzy jazykových jednotek.

Teoreticko metodologickou základnou výzkumu byly práce ruských a zahraničních badatelů v oblasti výzkumu **internetového diskurzu a různých aspektů jeho lingvistické reprezentace**: [Asmus 2005], [Achrenova 2009], [Galičkina 2004], [Krongauz 2013],

[Lutovinova 2009], [Sidorova 2006], [Trofimova 2011], [Crystal 2003, 2011], [Barton, Lee 2013], [Čmejrková 1997, 2003, 2006], [Hoffmannová 2008], [Müllerová 2008], [Vepřek 2017] aj.; v oblasti **dynamických procesů probíhajících v současném ruském jazyce**: [Stěpanova 2011], [Valgina 2003a], [Dann 2008], [Duličenko 1998], [Krysin a kol. 2008], [Krongauz 2008, 2011], [Norman 1998], [Skljarevskaja 2001], [Sirotinina 2007, 2009, 2013], [Stěrnin 2004, 2008] aj.; v oblasti **pragmatických aspektů frazeologie, frazeologického modelování a funkcí ustálených jednotek v různých stylech, žánrech, diskurzech**, např., [Arkhanhelska 2018], [Čermák 2008, 2017a, 2017b], [Alefirenko 2008], [Baranov, Dobrovolskij 2008], [V. P. Žukov a A. V. Žukovi 2006], [Lomakina 2015], [Melerovič, Mokienko 2005, 2014], [Davletbajeva 2011], [Kunin 2005], [Mokienko 1986, 2003, 2006, 2010, 2011, 2012a, 2012b, 2012c, 2016, 2018], [Savickij 2006: 178], [Stěpanova 2010, 2011, 2012], [Tretjakova 2004, 2011a, 2011b, 2011c] aj., a také práce věnované teorii diskurzu, intertextualitě, problémům jazykové hry, současné řečové kultury atd.

Vědecké novum výzkumu spočívá v tom, že v této práci bylo poprvé komplexně analyzováno fungování korpusu ruské frazeologie v novém komunikačním prostoru – internetu. V práci je poprvé dána taxonomie všech frazeologických transformací vyskytujících se v internetovém diskurzu a také jsou popsána specifika jednotlivých frazeologických funkcí a jejich role ve vytvoření diskurzivního síťového prostoru, která dosud nebyla prozkoumána. V disertační práci jsou též uvedeny nové pojmy: *frazeologická deviace*, *frazeologický „azbukový“ barbarismus*, *frazeologizace memu*, *memizace frazeologismu*, *erativní frazeologie*.

Obhajovat se budou následující hypotézy:

1. Internetový diskurz je novým typem diskurzu, který se vyznačuje řadou specifických rysů, k nimž patří hypertextovost, anonymita, expresivita, smísení vysokého a nízkého stylu (karnevalizace), globální charakter, kreativita, subjektivita aj. Internetový diskurz a současná ruská jazyková situace se neustále vzájemně ovlivňují.
2. Frazeologické jednotky v internetovém diskurzu podléhají různým kontextuálním transformacím, které ovlivňují formování textových charakteristik, a to jak typů vyčleňovaných tradičně (sémantických a strukturně sémantických), tak také nového typu - grafického. Frazeologické transformace je třeba vymezovat od jiných jevů – frazeologických neologismů, frazeologických deviací.

3. Internetový diskurz lze chápat nejen jako prostředí fungování a vzniku frazeologických jednotek, nýbrž také jako lingvistický nástroj verifikace, zvláště v případě výzkumu frazeologických neologismů.
4. Nehledě na synkretickou povahu frazeologické pragmatiky a polyfunkčnost ustálených výrazů v textu je možné vyčlenit několik základních funkcí, které mají frazeologismy v internetovém diskurzu. Řadíme k nim: funkci nominativní, expresivní a emočně-hodnotící, dysfemistickou, argumentativní, shrnující, fatickou, textotvornou, ludickou a symbolickou aj.
5. Frazeologická jednotka představuje intertext, a to napomáhá realizaci celé řady funkcí a umožňuje kontextové transformace.
6. Frazeologie aktualizovaná v internetu napomáhá formování globálních konstitutivních rysů internetového diskurzu: expresivity, okamžitému předání informací, kreativitě, anonymnosti, nasycení žargonismy, fatickosti aj.
7. Frazeologie v internetovém diskurzu se může podílet na vzniku vlastních internetových jevů a reálií čistě síťového původu: internetových komentářů, demotivátorů a internetových memů.

Teoretický přínos práce spočívá v zobecnění zásad existence a specifík internetového diskurzu jako nového komunikačního jevu a také ve zdůvodnění role pragmatiky frazeologismů při tvorbě a fungování textů určité žánrové a stylistické charakteristiky a také v jejich nezbytnosti ve formování konstitutivních diskurzivních rysů.

Praktický význam práce spočívá v tom, že získané výsledky výzkumu mohou být využity při tvorbě učebnic, v oblasti zkoumání frazeologie, lingvistiky internetu, situace v současném ruském jazyce, při přednášení lexikologie a frazeologie, textové lingvistiky aj., a také v lexikografické a frazeografické praxi, včetně tvoření slovníků neologismů, žargonu apod.

Struktura a objem práce jsou určeny cílem výzkumu, vytyčenými úkoly a zásadou jejich postupného řešení. Disertační práce se skládá z úvodu, tří kapitol, závěrů, seznamu literatury a dvou resumé – v češtině a angličtině – a čítá 248 stran. Seznam literatury zahrnuje 25 položek internetových materiálových zdrojů a 329 položek odborné literatury v ruštině, češtině a angličtině.

V první kapitole s názvem *TEORETICKÉ ZÁKLADY VÝZKUMU* jsou postupně analyzovány aspekty spojené se stavem současné frazeologické vědy a také tendence, které

charakterizují současnou situaci v ruském jazyce a současnou etapu vývoje ruského lexika a frazeologie. Zvláštní pozornost je věnována podrobné charakteristice ruského internetového diskurzu a jeho lingvistických a strukturních specifik.

Současná frazeologická bádání se vyznačují polyparadigmální zaměřeností, jedním z metodologických aspektů tohoto zaměření je aplikace pragmatického a diskurzivního přístupu ke studiu frazeologie. Aktivizace funkčního a pragmatického přístupu k výzkumu jazykových jednotek je zapříčiněna jak obecnými tendencemi vědeckého myšlení, tak bouřlivými změnami v ruském jazyce a ruské řečové situaci v posledních 25 letech. Stav současného ruského jazyka byl značně ovlivněn procesy jazykové a řečové demokratizace, internacionalizace, neologizace, žargonizace, karnevalizace, které se odrážejí v různých diskurzích a funkčních sférách a které byly zaznamenány mnohými badateli.

Jedním z diskurzů, který byl nejvíce otevřen těmto změnám, se stal internetový diskurz, který je novým složitým lingvistickým a sociálním jevem a který se vyznačuje řadou důležitých rysů, k nimž patří: zrod ústně-písemné řeči; maximální polyžánrovost a tendence k transformaci tradičních žánrů; spojení rysů osobnostně orientovaného a institucionálního diskurzu, a také hypertextovost, anonymita, expresivita, karnevalizace, globálnost, kreativnost, subjektivnost aj. Důležitým aspektem existence internetového diskurzu je také tendence vzájemného ovlivňování virtuální komunikace a ruské řečové situace, která je vyjádřena tím, že síťová komunikace částečně ovlivňuje formování jazykových a komunikačních tendencí tvořících současnou podobu ruského jazyka a řeči (především liberalizaci a internacionalizaci komunikace), ale také samotné dynamické procesy se velmi výrazně projevují právě v internetovém diskurzu.

Druhá kapitola *VARIABILITA FRAZEOLOGICKÝCH JEDNOTEK V INTERNETOVÉM DISKURZU* je věnována analýze teoretických otázek frazeologických transformací a také praktické realizace kontextuální variability FJ v internetovém diskurzu.

Výzkum fungování jazykových jednotek v internetovém diskurzu je jedním z nejaktuálnějších a nejdůležitějších směrů v současných lingvistických bádáních, včetně bádání frazeologických. Analýza použití frazeologických jednotek ve virtuální komunikaci umožňuje určení jejich funkčního „náboje“ a také celkovou různorodost jejich kontextuální aktualizace. Kontextuální aktualizace frazeologických jednotek probíhá často na základě diskurzivní variability a okazionálního užívání ustálených výrazů. Současný výzkum frazeologické variability a okazionálnosti je charakterizován velkým počtem různých přístupů a neexistencí jednotného pohledu na problém samotné frazeologické variability a také na souhrn

způsobů a druhů transformací, které umožňují modifikaci frazeologických jednotek v textu. Na základě analýzy materiálu bylo zjištěno, že frazeologické jednotky ve virtuálním komunikačním prostoru jsou vystavovány diskurzivnímu obměňování v podobě různých způsobů strukturního a sémantického typu, k nimž lze řadit následující: obměna komponentu frazeologické jednotky, rozšíření komponentního složení frazeologické jednotky, zkrácení komponentního složení frazeologické jednotky, frazeologická kontaminace, úlohová inverze, vytvoření okazionálního frazeologismu podle uzuálního modelu, dvojitá aktualizace a doslovný výklad sémantiky frazeologismu, explikace a lidová etymologie, porušení distribuce frazeologických jednotek.

Vedle obměňování tradičních typů ukazuje internetový diskurz také vznik nových druhů transformací odrážejících především současnou tendenci k textové kreolizovanosti, zapojení paragrafémních prostředků do verbalizovaných textů. Ve virtuální komunikaci jsou ustálené výrazy často graficky modifikovány s pomocí prvků, které kompenzují nedostatek „ústního“ v písemné komunikaci (emoce, intonace aj.) nebo s pomocí zaškrťování, které se obvykle stává prostředkem ironie, žertu. Zvláštní roli hrají frazeologické jednotky také při vzniku frazeologických erativů, jež jsou novým typem frazeologie, která vznikla v internetovém diskurzu vlivem síťových subkultur.

Od frazeologických internet-erativů musíme odlišovat jev, který získal v této disertační práci název frazeologická deviace a který označuje podvědomé chybné zkomolení tvaru a sémantiky frazeologické jednotky z důvodu neznalosti nebo nechápání její etymologie, motivačního základu, struktury a/nebo jednotlivých komponentů mající systémový charakter. V internetovém diskurzu byly fakticky poprvé systémové frazeologické chyby masově zachyceny v písemné podobě a odrazily tak určité rysy současné ruské řečové situace.

Důležitou úlohu hraje internetový diskurz ve výzkumu vzniku a fungování frazeologických neologismů (FN). Ve virtuální komunikaci jsou frazeologické neologismy nejen poprvé „materiálně“ zachyceny, ale jsou také aktivně obměňovány a demonstrují tím svoje „zakotvení“ ve vědomí mluvčích. V aspektu výzkumu frazeologické neologie chápeme internet nejenom jako možnost získat důkaz komunikační důležitosti FN, nýbrž také jako badatelský nástroj, jako způsob a prostor pro verifikaci významu a tvaru frazeologického neologismu, zjištění doby a zdroje jeho původu, určení okamžiku jeho zapojení do jazyka.

Analýza frazeologických transformací v síti internetu nás vedla k závěru o značném pragmatickém potenciálu frazeologických jednotek a jejich diskurzivní důležitosti v novém komunikačním prostoru. To bylo podmíněno rolí ustálených výrazů ve tvoření diskurzivních

rysů virtuálního diskurzu: expresivity, okamžitosti aj., a také schopností FJ plnit celou řadu textových funkcí.

Ve třetí kapitole *FUNKČNÍ NASYCENOST FJ V RUSKÉM INTERNETOVÉM DISKURZU* je upřesněn pojem frazeologická funkce, je určena úloha intertextuality frazeologické jednotky, je podrobně analyzován komplex funkcí, které plní frazeologické jednotky v internetovém diskurzu, a také je určena jejich role ve vytvoření jevů síťové povahy.

Výzkumy frazeologické funkcionality (nehledě na odlišnost jednotlivých přístupů) umožňuje vyčlenění dvou nejdůležitějších funkcí: informačně nominativní a pragmatické. Lze přitom tvrdit, že „globální“ funkcí ustálených výrazů, včetně internetového diskurzu, je pragmatická funkce, která je realizována v různých podobách ovlivňujících čtenáře (expresivní, ludická apod.) a formujících diskurzivní rysy (tvořící text, žánr apod.). Nehledě na polyfunkční povahu každé frazeologické jednotky v textu a frazeologický funkční synkretismus lze mluvit o jednotlivých řečových funkcích ustálených výrazů, které jsou realizovány v internetovém diskurzu. Důležitým aspektem realizace frazeologické funkcionálnosti je podle našeho názoru intertextuální povaha frazeologických jednotek umožňující reprodukovat FJ v «hotové podobě», tj. v podobě cizího slova vybíraného z «celkového pole anonymních formulí » [Bart 1994a: 226].

Objem a složení frazeologických funkcí v internetovém diskurzu je podle údajů naší analýzy reprezentován následujícími funkcemi: nominativní, expresivní a emočně-hodnotící, eufemistickou, dysfémistickou, agrumentativní, zobecňující, fatickou, textotvornou a žánrotvornou, ludickou a symbolickou.

Nominativní funkce FJ v internetovém diskurzu spočívá v pojmenovávání (samozřejmě současně s expresivitou, která je vlastní všem frazeologismům) nejenom „obvyklých“ reálií okolního světa, nýbrž také těch prvků reality, které jsou relevantní pro virtuální komunikační prostor. Schopnost pojmenovávat nové a pro síťový diskurz „důležité“ jevy je zpravidla realizována jak pomocí prostředků „vlastní síťové frazeologie“, tak pomocí přejímek z jazyka programátorů a odborníků v oblasti IT technologií, které se šíří díky internetu. Zvláštní roli získává nominativní funkce FJ také ve spojení s pojmenováváním těch aktuálních jevů současnosti, které jsou pro společnost důležité v daný okamžik a které se rychle odrážejí v internetu díky jeho sociální determinovanosti, hovorovosti, expresivnosti, anonymnosti, rychlému šíření informací atp. Nominativní funkce v internetovém diskurzu napomáhá také realizaci dalších důležitých funkcí: signální funkce umožňující odlišení „svého“ od „cizího“

v rámci síťové komunikace; a také funkcí sebe prezentace jazykové osobnosti a lakonizace řeči, které jsou nezbytné pro internetovou komunikaci.

Důležitou funkcí ustálených výrazů v síťovém diskurzu se stává expresivní a emočně-hodnotící funkce. Frazeologismy se stále vyskytují v internetových textech expresivní povahy, jakými jsou blogy, komentáře ke zprávám, sdělení apod. Internet si vyžaduje stálé obnovování expresivity ustálených výrazů, např. pomocí transformací, také sám internet se stává zdrojem nové expresivní frazeologie: erativní frazeologie, jež je druhem původně vlastní síťové frazeologie subkulturního původu, která patřila omezené skupině nositelů žargonu a vyjadřovala pouze kladné nebo záporné hodnocení. K nové expresivní frazeologii lze zařadit také jev „frazeologického „azbukového“ barbarismu“, který je doslovnou výpůjčkou z angličtiny napsanou cyrilicí a který má přitom systémovou povahu. Lze tvrdit, že expresivita virtuálního prostoru je podporována expresivními frazeologickými prostředky, jež se vzájemně obohacují.

S expresivní funkcí je úzce spojena také eufemistická a dysfemistická funkce, jejichž koexistence v rámci virtuálního diskurzu odráží tendence současné ruské komunikace. V síťovém diskurzu, který se vyznačuje anonymitou, expresivitou a celkově nižší stylistickou úrovní získává písemnou fixaci a aktivně se používá celá škála ruské hrubé a vulgární frazeologie. Přitom internetový diskurz se díky jeho expresivitě a kreativnosti stává také zdrojem nových frazeologických dysfemismů. V síti jsou také velmi aktivní frazeologické eufemismy, především eufemismy všední, každodenní povahy, které odrážejí tendenci k volbě tradičních témat eufemizace. Analýza eufemistických a dysfemistických specifíků frazeologismů ve virtuální komunikaci demonstruje značnou aktivitu daných procesů v současném jazyce a také jejich nezbytnost pro vytvoření diskurzivních rysů samotného internetu, především expresivnosti, otevřenosti, anonymnosti a kreativity. Zjevně vyjádřená dysfemizace a zhrublost virtuální komunikace, převaha „všedních“ eufemismů nad sociálními umožňují formulovat závěr o dominanci rysů osobnostní orientovanosti, privátnosti nad rysem institucionality internetového diskurzu.

V síťových textech, obvykle v internetových komentářích, které mají formu diskuze nebo sporu, se často vyskytují ustálené výrazy plnicí zobecňující nebo argumentativní funkci, jež vystupují zpravidla v úloze intertextuálních prvků kolektivní moudrosti. Vedle argumentativní funkce se frazeologismy a parémie pravidelně používají pro navozování a podporování kontaktu, realizují se ve fatické funkci, která je pro virtuální diskurz důležitá, a tvoří fatické internetové polylogy.

Ve virtuálním komunikačním prostředí mají velký význam také funkce tvoření textu a žánru. Frazeologické jednotky ve funkci tvoření textu mohou pomocí vytvoření rekurentních frazeologických sítí formovat internetové narativy a také vystupovat jako prvky silné textové pozice, která vyžaduje další sémantizaci. Jedním z nejdůležitějších aspektů fungování FJ v internetu je jejich schopnost být způsobem tvoření komunikace mezi uživateli internetu a tvořit žánry, díky nimž se objevují rozvětvené internetové diskuse. Tyto funkce jsou často realizovány na základě metajazykové reflexe uživatelů sítě ohledně původu a významu frazeologických jednotek.

Karnevalová povaha internetové komunikace odráží také zvláštní pozici frazeologismů jako prostředku jazykové hry v internetovém prostoru. Ludická funkce frazeologismů zde začíná hrát zvláštní roli a buduje žertovný a ironický prostor internetové komunikace, kde může každý uživatel v plném rozsahu realizovat svůj lingvokreativní potenciál a stát se účastníkem „triumfu verbální svobody“ (L. Stěpanova) a kde se každý může cítit nikoliv „otrokem slov“, ale „vlastníkem textu“ [Weinrich 1987: 54]. Jazyková hra a ludická zaměřenost internetového diskurzu působí také na formování erativní frazeologie. Samotná frazeologie se podílí jak na vzniku žertovných textů, tak na formování demotivátorů – vlastně internetových jevů zábavného charakteru. Rozsah kreativního zacházení s frazeologismy ve virtuálním prostoru, jak o tom svědčí náš výzkum, potvrzuje myšlenku, že internetový prostor je prostorem ludického synkretismu.

Jedním z určujících aspektů fungování ruských frazeologismů v internetovém diskurzu je jejich schopnost plnit symbolickou funkci, která spočívá ve schopnosti frazeologických jednotek být „klíčovým frazeologismem epochy“ a odrážet nejaktuálnější jevy a reálie současnosti. „Frazeologickými markery epochy“ se mohou stát neologismy, které vznikly v důsledku potřeby pojmenování nového aktuálního jevu, ale také „staré“ frazeologismy, které byly aktualizovány v nových podmínkách, například bibleismy. Symbolická funkce ustálených výrazů získává zvláštní význam v návaznosti na jejich zapojení do formování klíčového internetového jevu – memu, který je ideovým symbolem mediavirové povahy. Ve spojení s rolí FJ ve vytváření internetových memů jsme vyčlenili dva procesy, které byly v práci označeny názvy: 1) „frazeologizace memu“ – proces, kdy je mem prvotní a jeho pravidelné používání generuje nový frazeologismus, který překračuje hranice memu a internetové komunikace, a 2) „memizace“ frazeologismu, kdy prvotní je frazeologismus, který se díky své popularitě sám stává internetovým memem.

Domníváme se, že analýza uskutečněná v této práci demonstruje značnou diskurzivní důležitost ustálených výrazů v internetovém prostoru zdůvodněnou tím, že čtenář sahá po

frazeologii jako po «jednom z mocných tvůrčích zdrojů jazykového systému» [Mokienko 2012: 60] a demonstuje také velké možnosti samotného nového komunikačního prostředí – internetu ve výzkumu fungování a transformací jazykových jednotek.

Základním závěrem disertační práce je to, že **frazeologie aktualizovaná v internetu nejenom napomáhá formování globálních konstitutivních rysů internetového diskurzu: expresivitě, anonymitě, okamžitého předávání informací, karnevalizaci, kreativnosti, žargonizovanosti, fatičnosti atd., ale také se podílí na zrodu internetových jevů a reálií čistě síťového původu: internetových komentářů, demotivátorů a internetových memů.**

V ZAVĚŘU jsou zobecněny základní myšlenky výzkumu a jsou uvedeny závěry, ke kterým jsme dospěli v procesu této práce.

Aprobace práce. Materiály disertační práce byly projednány na zasedáních katedry slavistiky Univerzity Palackého v Olomouci, na mezinárodních konferencích a kongresech v Rusku a v České republice, zejména na: mezinárodní konferenci *Olomoucké dny rusistů* (2015, 2017, ČR), mezinárodní konferenci *Jazyk a reprezentace kulturních kódů* (2015, Rusko), mezinárodní konferenci *Pražská rusistika* (2015, 2016, 2017, ČR), mezinárodní konferenci *Dialog kultur* (2015, 2017, ČR), mezinárodní konferenci *Svět v obrazech a ve frazeologii* (2016, ČR), *Kongresu českých slavistů* (2017, ČR). Na téma disertace bylo vydáno na 20 publikací, včetně Slovníku ruských neologismů (spolu s L. Stěpanovou), dvě kapitoly v kolektivních monografiích, a také odborné články v recenzovaných odborných časopisech a ve sbornících materiálů konferencí.

SUMMARY

The problem of functioning and pragmatic potential of phraseological units of the Russian language is becoming one of the important topics of modern phraseology. At the same time, we can say that has been accumulated the considerable scientific experience, which is expressed in the formation of specific trends in analysis. The functioning and pragmatic features of phraseological units are studied in relation with the general problems of phraseology (A. N. Telia, A. V. Kunin, V. M. Mokienko, A. F. Alefirenko, etc.), in connection with the study of phraseological modification and its variational character (A. M. Melerovich, V. M. Mokienko, P. S. Dronov, I. Yu. Tretyakova, etc.), in correlation with lexicography (A. M. Melerovich, V. M. Mokienko, L. I. Stepanova, etc.) and with the role of idioms in the formation of texts, genres, discourses and the individual writer's manner (V. M. Mokienko, M. A. Fokina, O. V. Lomakina, etc.).

Despite of the significant number of scientific works devoted both to the role of phraseological units in various texts and discourses, and to the Internet as a new communicative and linguistic phenomenon, the problem of the functioning of Russian phraseology in Internet discourse has not yet been fully studied. This problem has so far been limited to works, dedicated to the formation and pragmatics of the lexical and phraseological corpus of the computer sublanguage or the phraseology of the “network” origin (V. F. Khaidarova, N. K. Eremina). At the same time, the functioning of Russian phraseology on the Internet in all its functional diversity has not yet been considered. This determines **the relevance of our research** related to the necessity of a systemic review of the functioning of Russian phraseological units in the texts of virtual communication, the pragmatic aspects of their actualization and their role in creating the important characteristics of the Internet discourse.

The **object of the research** is the Russian phraseological units functioning on the Internet, and **the subject of the research** is the functional aspects of their textual realization in the Russian-language Internet discourse, including their pragmatic and transformative features.

The purpose of the dissertation research is to identify the main functions of Russian phraseology in the Internet discourse, as well as to describe the main functional features and aspects of contextual realization of phraseological units, including phraseological modelling and discourse variation of Russian phraseology in the Internet. To achieve this goal, it is necessary to solve a **number of research problems**:

1) to characterize the status of modern phraseological science and the modern Russian communicative situation; to describe the main dynamic processes occurring in the vocabulary and phraseology of modern Russian language;

2) to outline the phenomenon of Internet discourse and to clarify the main concepts associated with its existence;

3) to extract from blogs, forums, Internet comments contexts with phraseological units in the composition (by continuous sampling);

4) to describe the phenomenon of phraseological variation in modern phraseology,

5) to identify and describe the basic principles and techniques of phraseological transformations in the Internet discourse and related phenomena, as well as their role in network communication;

6) to clarify the concept of a phraseological function and phraseological intertextuality in their relation to the objectives of this study;

7) to find out and describe the composition and specifics of the functions performed by phraseological units in Internet discourse, as well as to determine their role in creating network-related phenomena.

The study was based on contexts with the idiomatic expressions in them, taken by a continuous sampling method from the online genres (Internet comments, blogs, forums, social networks) of 2013-2018 years. The author's card-index consists of more than 20 thousand Internet contexts with phraseological units (as well as proverbs, sayings, etc.) in the composition. In the work the references to the online source of material are given abbreviated to the domain name after each example. In connection with the author's aim to reflect the role and functions of phraseological units in the networked communicative space, we deliberately did not collect material of a "journalistic" character as a material (such as the texts of articles on information portals and news sites), while a link to a similar source in the text of the work means that the Internet comments on this news or message are analysed, etc.

In connection with the peculiarity of the material and object of study, the following **methods and techniques of research** were chosen: the method of continuous sampling, descriptive-analytical, classification-typological, interpretative methods, and also the method of contextual analysis of language units.

The theoretical and methodological core of the study is based on the works of Russian and foreign researchers on the problems of studying Internet discourse and various aspects of its linguistic representation: [Crystal 2003, 2011], [Barton, Lee 2013], [Čmejrková 1997, 2003, 2006], [Hoffmannová 2008], [Müllerová 2008], [Vepřek 2017], [Asmus 2005], [Akhrenova 2009], [Galichkina 2004], [Krongauz 2013], [Lutovinova 2009], [Sidorova 2006], [Trofimova 2011], and others; dynamic processes occurring in modern Russian: [Stěpanova 2011], [Valgina 2003a], [Dunn 2008], [Dulichenko 1998], [Krysin and kol. 2008], [Krongauz 2008, 2011], [Norman 1998], [Sklyarevskaya 2001], [Sirotinina 2007, 2009, 2013], [Sternin 2004, 2008], and others; the pragmatic aspects of phraseology, phraseological variety and functions of idioms in various styles, genres, discourses [Arkhanhelska 2018], [Čermák 2008, 2017a, 2017b], [Alefirenko 2008], [Baranov, Dobrovolsky 2008], [Zhukov, Zhukov 2006], [Lomakina 2015], [Melerovich, Mokienko 2005, 2014], [Davletbaeva 2011], [Kunin 2005], [Melerovich, Mokienko 2005], [Mokienko 1986, 2003, 2006, 2011, 2012a, 2012a, 2012b , 2012b, 2016, 2018], [Savitsky 2006: 178], [Stepanova 2010, 2011, 2012], [Tretyakova 2004, 2011a, 2011b, 2011b] and others, as well as on the scientific works on the theory of discourse, intertextuality, problems of language game, etc.

The scientific novelty of the research is determined by the fact that in this work the functioning of Russian phraseology in the Internet is, for the first time, comprehensively considered. In this paper is also given first the taxonomy of all phraseological transformations occurring in Internet discourse, as well as the still unexplored specificity of individual phraseological functions and their role in creating a discursive network space are first examined. In the thesis are also introduced new concepts, such as *phraseological deviation*, *Cyrillic phraseological barbarism*, *meme phraseologization*, *the process of turning phraseological unit into a meme*, *“errative” phraseology*.

Findings of the dissertation to be defended:

1. Internet discourse is a new type of discourse, distinguished by a number of features, among which are hypertextuality, anonymity, expressiveness, globality, creativity, subjectivity, etc.. Internet discourse and the modern Russian language situation are in the process of constant interaction.

2. In the Internet discourse the phraseological units are changed because of various contextual transformations (both traditionally distinguished types – semantic and structural-semantic, and a new graphic type), that influence the formation of textual and discursive

characteristics. It is necessary to distinguish other phenomena from phraseological transformations, such as phraseological neologisms, phraseological deviations.

3. Internet discourse can be considered not only as an environment or medium for the functioning and occurrence of phraseological units, but also as a linguistic verification tool, especially in the case of the study of phraseological neologisms.

4. Despite the syncretic nature of phraseological pragmatics and the multifunctional sustainability of the phraseological units in the text, we distinguish several basic functions performed by phraseological units in Internet discourse, which include: nominative, expressive, emotional, euphemistic, dysfemicistic, argumentative, summarizing, phatic, textual and genre-forming, ludic and symbolic functions.

5. Phraseological unit is an intertextual phenomenon that contributes to the implementation of a number of functions and the emergence of contextual transformations.

6. Phraseology, actualized on the Web, contributes to the formation of global constitutive features of Internet discourse: expressiveness, immediate information transfer, creativity, anonymity, orientation on jargon using and phatic communication, etc.

7. Phraseology in Internet discourse plays an important role in the creation of the actual Internet phenomena and realities, such as Internet comments, “demotivators” and Internet memes.

The theoretical significance of the work lies in the generalization of the principles of existence and features of the Internet discourse as a new communicative phenomenon, as well as substantiating the role of pragmatics of phraseological units in the creation, construction, existence of texts of a certain genre and stylistic orientation, as well as their relevance in the formation of constitutive discursive features.

The practical value of the work is connected with the fact that the results of the research can be used in writing textbooks on phraseology, linguistics of the Internet, the tendencies in modern Russian language, when reading a lecture and conducting seminars on lexicology and phraseology, text linguistics, etc., as well as in vocabulary and phrase-based practice, including creating dictionaries of neologisms, jargon and under.

The structure and content of the thesis is determined by the purpose of the research, its problems and the principle of their phased solution. The thesis consists of an introduction, three chapters, conclusion, list of references and two summaries in Czech and English languages with

a total volume of 247 pages. References include 25 names of sites (sources of material) and 329 titles of scientific literature in Russian, English and Czech languages.

The first chapter, called THEORETICAL BASIS OF THE RESEARCH, examines different aspects related to the situation in modern phraseological science, as well as trends characterizing the current situation in the modern Russian language and in Russian vocabulary and phraseology. In the chapter particular attention is paid to a detailed description of the Russian Internet discourse and its linguistic and structural features.

Modern phraseological studies can be characterized by a polyparadigmatic orientation, one of the methodological scientific aspects, which is connected with the pragmatic and discursive approaches to the phraseology. The activation of the functional and pragmatic approaches to the study of linguistic units in modern Russian science is determined not only by general trends of scientific thought, but also by significant changes in the Russian language and speech situation of the past 25 years. The appearance of the modern Russian language was significantly influenced by different processes such as language and speech democratization, internationalization, “neologization”, “jargonization”, etc. noted by many researchers and reflected in various discursive spaces and functional areas. One of the most “opened” to reflect these changes of discourses was the Internet discourse, which is a new complex linguistic and social phenomenon. Internet discourse has a number of important features, among which are the appearance of “oral written speech”; genre diversity and the tendency to transform traditional genres; the tendency to combine the features of personal-oriented and institutional discourses, as well as hypertextuality, anonymity, expressiveness, carnival, “globality”, creativity, subjectivity, etc. An important aspect of the existence of Internet discourse is the tendency of the reciprocal influence of virtual communication and modern Russian speech situation. It is expressed both in how network communication partially influences the formation of linguistic and communicative tendencies in the Russian language and speech and in how dynamic language processes themselves most strikingly reflected it in the discursive space of the Internet.

The second chapter VARIATION OF PHRASEOLOGICAL UNITS IN THE INTERNET DISCOURSE focuses on the description of both theoretical questions of phraseological transformations and the practical implementation of contextual variation of phraseological units in Internet discourse.

The study of the functioning of linguistic units in the discourse of the Internet is one of the most relevant and important areas of modern linguistic research, including phraseological studies. The analysis of the use of phraseological units in virtual communication allows to study both their functional potential and the whole diversity of their contextual actualization. Contextual implementation of phraseological units is often based on the discursive variation and occasional use of the idiomatic expressions. Modern studies of phraseological are characterized by a multiplicity of approaches and the lack of a common scientific point of view both on the problem of the phraseological variation itself and on the combination of transformation methods and techniques that allow to modify phraseological units in the text. Our research demonstrates that in the virtual communicative space phraseological units go through discursive variation, represented by various methods of the structural-semantic and semantic type, among which are: replacement of the component of phraseological units, expansion of the component composition of phraseological units, methods of reducing the component composition of phraseological units, phraseological contamination, phraseological role inversion, the formation of “occasional” phraseological unit according to the usual model, “double actualization” and “literalization” of the phraseological unit, explication and “folk etymology rethink” of an idiom and irrelevance of phraseological distribution.

Along with the phraseological variation of traditional types, the online discourse also demonstrates the emergence of new types of transformations, primarily reflecting the current role of creolized texts, the inclusion of “paragraphic” elements in verbalized texts. In virtual communication, idiomatic expressions are often graphically modified by using elements that compensate for the lack of “oralness” in writing (emotions, intonation, etc.), or with the help of “word crossing”, which becomes, as a rule, a tool of creating a joke or irony. Graphic transformations of phraseological units also play a special role in the occurrence of “phraseological erratives”, a new type of phraseology that has arisen in Russian Internet discourse under the influence of network subcultures.

From the “phraseological Internet erratives” it is necessary to distinguish the phenomenon that has got in our dissertation the name of “phraseological deviation”, the unconscious erroneous distortion of the form and semantics of phraseological units caused by ignorance or misunderstanding of its etymology, figurative basis, structure and / or individual components and having a systemic nature. In fact, for the first time in the Internet discourse, system phraseological errors are massively fixed in written form, that reflectes some features of the modern Russian speech situation.

Internet discourse also plays an important role in the study of the emergence and functioning of phraseological neologisms. In the virtual communicative space, new idioms are often not only fixed firstly, but also actively vary, proving the fact of their “rootedness” in the minds of native speakers. In the aspect of the study of phraseological neology, the Internet can be also considered not only as an opportunity to prove the communicative demand of phraseological neologisms, but also as a research tool, as a method and space for verifying the meaning and form of new idioms, source of its origin or the moment it enters the language.

Analysis of phraseological transformations on the Internet allows us to make the conclusions about significant pragmatic potential of phraseological units and their discursive relevance in the new communicative space, due to its role in creating discursive features of virtual discourse, as well as the ability to perform a variety of text functions.

The third chapter FUNCTIONAL POTENTIAL OF PHRASEOLOGICAL UNITS IN RUSSIAN INTERNET DISCOURSE clarifies the concept of a phraseological function and the role of the phraseological intertextuality, and gives a detailed analysis of the composition and specificity of functions performed by phraseological units in Internet discourse, as well as their role in creating network-related phenomena.

Studies of phraseological functionality, despite the difference in scientific approaches, allow us to speak of the separation of two major phraseological functions: informative (or nominative) and pragmatic. At the same time, it can be argued that the “global” function of idiomatic expressions is pragmatic function, implemented in various “forms” affecting the reader (expressive, ludic, etc.) and creating discursive features (text-forming, genre-forming, etc.). Despite the “polyfunctional” nature of each phraseological unit in the text and phraseological “functional syncretism”, we can speak about the separate speech functions of phraseological unit that are realized in the Internet discourse. It seems to us that an important aspect of the implementation of phraseological functionality is their intertextual nature, which allows the reproduction of phraseological units in a “finished form”, i.e. in the form of an “another's” word, extracted from the “common field of anonymous formulas” [Bapt 1994a: 226].

The volume and compound of phraseological functions in the Internet discourse, according to our analysis, are represented by the following main functions: nominative, expressive and emotional, euphemistic, dysphemistic, argumentative, summarizing, phatic, text- and genre-forming, ludic and symbolic.

The nominative function of phraseological units in online discourse consists in naming (of course, with expressiveness typical for all phraseological units) not only of “usual” realities, but also elements of reality important for the virtual communicative space. The ability to nominate new or “important” for Internet discourse phenomena, as a rule, is created, both by “the network phraseology” and by borrowings from the language of programmers and computer scientists, which have become popular thanks to the Internet. The nominative function of phraseological units has a special role in naming of the actual phenomena that are important for society now and are quickly reflected on the Internet due to its social determinism, oral character, expressiveness, anonymity, etc. The nominative function in the Internet discourse also contributes to the existence of other important functions: “function of separation”, which makes it possible to distinguish between "ours" and "alien" within the framework of network communication; as well as the function of self-presentation of the linguistic personality and function of function of speech laconization, that are important for Internet communication.

An important function of phraseological units in network-discourse becomes expressive function. Phraseological units become constant companions of expressive Internet texts: blogs, comments, etc. The Internet not only requires updating the expressiveness of phraseological units, for example, by use of transformations, but also becomes the source of the emergence of new expressive phraseology: “errative phraseology”, which is a class of Russian slang network phraseology of subcultural origin, expressing only a positive or negative assessment. By the new expressive phraseology can be attributed to the phenomenon of “Cyrillic phraseological barbarism”, which is a literal borrowing from the English language, which is written in Cyrillic and has a systemic character. It can be argued that the expressiveness of the virtual space is supported by expressive phraseological “tools”, that mutually enrich each other.

With the expressive function are closely connected the euphemistic and dysphemistic functions, that reflects the trends of modern Russian communication. In the network discourse, which is distinguished by anonymity, expressiveness and general stylistic “decline”, the repertoire of Russian obscene phraseology is actively used, receiving a massive written fixation. At the same time, the Internet discourse, due to its expressiveness and creativity, becomes the source of the emergence of new phraseological dysphemisms. Phraseological euphemisms, primarily of a “everyday” nature, are also actively functioning on the Web, reflecting the tendency to choose traditional euphemism themes. Analysis of euphemistic and dysphemistic features of idioms in virtual communication demonstrates the significant activity of these processes in modern speech, as well as their relevance to create discursive features of the

Internet itself, primarily expressiveness, openness, anonymity, creativity. Considerably manifest “disfimitization” and rudeness of virtual communication, as well as the predominance of “everyday” euphemisms over “social”, also make it possible to speak about the dominance of personality-orientation over the institutionalism of Internet discourse.

The phraseological units in network texts, usually Internet comments (which are usually look like a discussion or dispute), are often used in summarizing or argumentative functions, acting, as a rule, as intertextual elements of “collective wisdom”. Along with the function of argumentation, phraseological units and paremias are regularly used to establish contact, being realized in a phatic function important for virtual discourse and forming phatic Internet polylogues.

In the virtual communication environment text-and genre-forming functions of phraseological units play the important role. The idiomatic expressions in the text-forming function can form Internet narratives through the formation of “recurrent” phraseological networks, as well as act as an element of a “strong textual position” requiring further semantization. One of the most important aspects of the functioning of phraseological units on the Web is their ability to act as a tool of creating communication between Internet users and as the genre-forming tool, through which threads of Internet discussions emerge. Often, these functions are based on the users’ metalinguistic reflection about the origin or meaning of idioms.

The ludic, “creative” nature of Internet communication reflects the special position of the ludic function of phraseological units in the network space. The ludic function of the idiom plays a special role here, “building” a jokingly ironic space of Internet communication, where each user can fully realize his linguistic and creative potential and become a participant of this “festival of verbal freedom” (L.I. Stepanova). The language game and the ludic orientation of the Internet discourse have an impact on the formation of “errative phraseology”. The phraseology itself is involved both in the creation of humorous texts, and in the emergence of the actual Internet entertainment events – “demotivators”. The extent of the creative using of phraseological units in the virtual space allows us to speak about the Internet discourse, as the space of “ludic syncretism”.

One of the defining aspects of the functioning of Russian phraseology in the Internet environment is its ability to perform a symbolic function, consisting in the competence of phraseological units to become the “key phraseological unit of the era” and reflect the most

relevant phenomena and realities of modernity. The symbolic function of idioms reflects their participation in the formation of an important Internet phenomenon, the meme, which is an idea-symbol of a media-virus nature. In connection with the role of phraseological units in the creation of Internet memes, we identified two processes that have got the names of “phraseologization of the meme” and the “memezation” of a phraseologism.

In our opinion, our research demonstrates both the highest discourse demand of phraseological units in online-discourse, explained by the attempt of a speaker to turn to phraseology “as one of the powerful creative resources of the language system” [Mokienko 2012: 60], and the widest possibilities of the Internet for the study of the functioning and variation of language units. **The main conclusion of the thesis is that phraseology, used in internet-discourse, not only contributes to the formation of the global constitutive features of the Internet discourse: expressiveness, anonymity, creativity, etc., but also participates in the generation of the Internet-phenomena such as Internet-comments, “demotivators” and Internet-memes.**

In **Conclusion of the thesis** a summary of the main provisions and the findings of the research is given.

Approbation of work. The dissertation materials were discussed at scientific meetings of the Department of Slavic Studies of the Palacky University (Olomouc, Czech Republic), at different international conferences and congresses in Russia and the Czech Republic, including: *International Conference Olomouc Days of Russianists (2015, 2017, Czech Republic)*, *International Conference Language and Representation of Cultural Codes (2015, Russia)*, *International Conference Prague Russian Studies (2015, 2016, 2017, Czech Republic)*, *international conference Dialogue of Cultures (2015, 2017, Czech Republic)*, *international conference World in Pictures and in Phraseology (2016, Czech Republic)*, *Congress of Czech Slavists (2017, Czech Republic)*. More than 20 papers have been published on the topic of the thesis, including the Dictionary of Neologisms (co-authored with L. Stepanova), two chapters in books, and articles in peer-reviewed scientific journals and collections of conference materials.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

ИСТОЧНИКИ МАТЕРИАЛА

1. Блоги на информационном портале «РАЗУМЕЙ.РУ». URL: <https://www.razumei.ru> (Дата обращения: 15.10.2017).
2. Гугл.Картинки. URL: <https://images.google.ru> (Дата обращения: 5.08.2018).
3. Живой Журнал: блоги, сообщества, рейтинги. URL: www.livejournal.com (Дата обращения: 5.08.2018).
4. Информационный портал «RAZZVODY.RU». URL: www.razzvody.ru (Дата обращения: 3.04.2017).
5. Информационный портал «Говорит Москва». URL: <https://govoritmoskva.ru> (Дата обращения: 6.04.2018).
6. Информационный портал «Комсомольская правда» (сетевое издание). URL: www.kp.ru (Дата обращения: 7.04.2018).
7. Информационный портал «РИА НОВОСТИ. Россия сегодня». URL: <http://ria.ru> (Дата обращения: 5.08.2018).
8. Информационный портал EUROSPORT.RU. URL: <http://www.eurosport.ru> (Дата обращения: 5.08.2018).
9. Информационный финансовый портал «Банки.ру». URL: www.banki.ru (Дата обращения: 5.04.2018).
10. Научно-популярный портал «Нечто». URL: <http://nechtoportal.ru> (Дата обращения: 8.01.2016).
11. Портал «PIKABU.RU». URL: <https://pikabu.ru> (Дата обращения: 5.08.2018).
12. Портал для женщин «Женский интернет-журнал». URL: <http://lady.pravda.ru> (Дата обращения: 8.07.2015).
13. Проект «Ответы Mail.Ru». URL: www.otvet.mail.ru (Дата обращения: 1.08.2018).
14. Развлекательный портал «KAIFOLOG». URL: <http://kaifolog.ru> (Дата обращения: 5.04.2018).
15. Развлекательный портал «TRINIXY.RU». URL: <https://trinixy.ru> (Дата обращения: 5.04.2018).
16. Развлекательный портал «Новые демотиваторы». URL: <https://demotivatory.net> (Дата обращения: 5.04.2018).
17. Развлекательный портал «Сайт хорошего настроения FISHKI.NET». URL: <https://fishki.net> (Дата обращения: 5.04.2018).
18. Сетевые дневники, блоги и сообщества «DIARY.RU». URL: www.diary.ru (Дата обращения: 5.04.2018).
19. Социальная сеть «Twitter». URL: <https://twitter.com> (Дата обращения: 7.07.2018).
20. Социальная сеть «ВКонтакте». URL: www.vk.com (Дата обращения: 10.05.2018).
21. Форум «TriRozhka`s Project». URL: <http://forum.trirozhka.ru> (Дата обращения: 5.04.2016).
22. Форум HIDPLANET.RU. URL: www.hidplanet.ru/forum (Дата обращения: 5.04.2018).
23. Форум Винского о самостоятельных путешествиях. URL: <http://forum.awd.ru> (Дата обращения: 11.04.2018).
24. Форум о науке SCISNE.NET. URL: <https://scisne.net/forum> (Дата обращения: 8.02.2015).
25. Яндекс.Картинки. URL: <https://yandex.ru/images/> (Дата обращения: 5.08.2018).

НАУЧНАЯ И СПРАВОЧНАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. АБАКУМОВА, О. Б. (2009): Пословицы и их динамика в тексте. In: *Фразеологизм в тексте и текст во фразеологизме (Четвертые Жуковские чтения): Материалы Международного научного симпозиума. 4-6 мая 2009 г.* Отв. ред. В.И. Макаров; НовГУ им. Ярослава Мудрого. Великий Новгород, 2009. С. 299-301.
2. АБДУЛЛИНА, Л. Р. (2014): Эволюция жанра комментария: теоретический аспект. In: *Вестник Челябинского государственного университета.* 2014. № 7 (336). Филология. Искусствоведение. Вып. 89. С. 129-132.
3. АЛЕКСАНДРОВА, Л. Н. (2004): Фразеология как средство создания языковой игры в прессе. In: *Проблемы фразеологической и лексической семантики: материалы международной научной конференции (Кострома, 18-20 марта 2004г.).* Москва, 2004. С. 89-91.
4. АЛЕФИРЕНКО, Н. Ф., ГОЛОВАНЕВА, М. А., ОЗЕРОВА, Е. Г., ЧУМАК-ЖУНЬ, И. И. (2013): *Текст и дискурс.* Москва, 2013.
5. АЛЕФИРЕНКО, Н. Ф., ЗОЛОТЫХ, Л. Г. (2008): *Фразеологический словарь: Культурно-познавательное пространство русской идиоматики.* Москва, 2008.
6. АЛЕФИРЕНКО, Н. Ф., СЕМЕНЕНКО, Н. Н. (2009): *Фразеология и паремология: Учебное пособие для бакалаврского уровня филологического образования.* Москва, 2009.
7. АЛЕФИРЕНКО, Н.Ф. (2008): *Фразеология в свете современных лингвистических парадигм.* Москва, 2008.
8. АМИРИ, Л. П. (2007): *Языковая игра в российской и американской рекламе.* Диссертация на соискание степени ученой кандидата филологических наук. Ростов-на-Дону, 2007.
9. АМИРИ, Л. П. (2013): Параграфемные средства графической игры как современные паралингвистические реалии в рекламной коммуникации. In: *Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование.* 2013. № 2 (12). С. 69-76.
10. АМОСОВА, Н. Н. (1963): *Основы английской фразеологии.* Ленинград, 1963.
11. АНИКИНА Т. В. (2011): *Сопоставительное исследование виртуального антропонимикона англоязычных, русскоязычных и франкоязычных чатов.* Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Екатеринбург, 2011.
12. АНИСИМОВА, Е. Е. (2003): *Лингвистика текста и межкультурная коммуникация (на материале креолизованных текстов).* Москва, 2003.
13. АРЕФЬЕВ, А. Л. (2012): *Русский язык на рубеже XX-XXI веков.* Москва, 2012.
14. АРСЕНТЬЕВА, Е. Ф. (2006): *Фразеология и фразеография в сопоставительном аспекте (на материале русского и английского языков).* Казань, 2006.
15. АРХАНГЕЛЬСКАЯ, А., ПОЛИЩУК, А. (2016): Человек и его интеллект в образном пространстве русского и чешского языков. In: *Человек во фразеологической картине мира (в русско-чешском сопоставительном плане).* Oloouc, 2016. С. 45-82.
16. АСМУС, Н. Г. (2005): *Лингвистические особенности виртуального коммуникативного пространства.* Диссертация на соискание степени кандидата филологических наук. Челябинск, 2005.
17. АХРЕНОВА, Н. А. (2009): *Интернет-дискурс как глобальное межкультурное явление и его языковое оформление* Автореферат диссертации на соискание степени доктора филологических наук. Москва, 2009.

18. БАБИНА, Л. В. (2013): Об особенностях демотиватора как полимодального текста. In: *Филологические науки. Вопросы теории и практики.* № 2. Тамбов, 2013. С. 28-33.
19. БАБКИН, А. М. (1970): *Русская фразеология: ее развитие и источники.* Ленинград, 1970.
20. БАЙРАМОВА, Л. К. (2008): Интерпретация фразеологизмов в словарях в свете когнитивистики и аксиологии. In: *Фразеология и когнитивистика: в 2 т. Т. 1. Идиоматика и познание. Под ред. Н. Ф. Алефиренко.* Белгород, 2008. С.298-302.
21. БАОЯНЬ, У. (2008): *Коммуникативные стратегии и тактики и языковые средства их реализации в русскоязычной неформальной межличностной дискуссии (на материале Интернет-дневников).* Автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата филологических наук. Москва, 2008.
22. БАРАНОВ, А.Н., ДОБРОВОЛЬСКИЙ, Д.О. (2008): *Аспекты теории фразеологии.* Москва, 2008.
23. БАРАНОВ, А.Н., ДОБРОВОЛЬСКИЙ, Д.О. (2014): *Основы фразеологии (краткий курс).* Москва, 2014.
24. БАРАНОВ, А. Н., ДОБРОВОЛЬСКИЙ, Д. О. (2015): Эвфемизация во фразеологии. In: *Хвала и хула в языке и коммуникации: сб. статей. Сост. и отв. ред. Л.Л. Федорова; редкол.: М.А. Кронгауз, Г.Е. Крейдлин, И.А. Шаронов.* Москва, 2015. С. 187-196.
25. БАРТ, Р. (1994а): *Избранные работы: Семиотика. Поэтика.* Москва, 1994.
26. БАРТ, Р. (1994б): *S/Z.* Москва, 1994.
27. БЕДАНОКОВА, З. К. (2015): Интертекстуальность в рекламном дискурсе. In: *Колокольцева Т. Н. (ред.): Интертекстуальность и фигуры интертекста в дискурсах разных типов.* Москва, с. 221 – 238.
28. БЕРЕЛЯ, И. В. (2007): *Многоуровневая системность стилистических норм и проблема типологизации речевых отклонений от них.* Автореферат диссертации на соискание степени кандидата филологических наук. Краснодар, 2007.
29. БИРИХ, А.К., МОКИЕНКО, В.М., СТЕПАНОВА, Л.И. (2005): *Русская фразеология. Историко-этимологический словарь. Около 6000 фразеологизмов.* 3-е изд., испр. и доп. Москва, 2005.
30. БЛИНОВА, Е. В. (2004): Типология отфразеологических слов. Способы их образования (на материале русской литературы XX века). In: *Проблемы фразеологической и лексической семантики: материалы международной научной конференции (Кострома, 18-20 марта 2004г.).* Москва, 2004. С. 46-50.
31. БОБРОВСКАЯ, Г. В. (2015): Интертекстуальность и фигуры интертекста в публицистическом дискурсе. In: *Интертекстуальность и фигуры интертекста в дискурсах разных типов. Колокольцева Т.Н. (ред.).* Москва, 2015. С. 203 – 221.
32. БОБЫРЕВА, Е.В., КАРАСИК, В.И. (2015): Прецедентность религиозного дискурса. In: *Интертекстуальность и фигуры интертекста в дискурсах разных типов. Колокольцева Т.Н. (ред.).* Москва, 2015. С. 255 – 280.
33. БОЛДЫРЕВА, А. Е. (2009): Разрушение фразеологических единиц как лингвокогнитивное средство порождение юмора. In: *Нова філологія. 2009. Випуск 36. За ред. Манакіна В.М. Запоріжжя, 2009. №36.* С. 168-171.
34. БОЛЬЦ, Н. (2011): *Азбука медиа.* Москва, 2011.
35. БСЭ (1969—1978): *Большая Советская Энциклопедия.* Москва: Советская энциклопедия, 1969-1978. URL: <https://dic.academic.ru/contents.nsf/bse/> (Дата обращения: 5.04.2018).
36. БУГАЕВА, И. В. (2011): Демотиваторы как новый жанр в интернет-коммуникации: жанровые признаки, функции, структура, стилистика. In: *Style:*

- International Scientific and Scholarly Journal for Linguistics and Literary Stylistics* 10. 2011. С. 147—158.
37. ВАЙНРИХ, Х. (1987): Лингвистика лжи. In: *Язык и моделирование социального взаимодействия: Переводы. Сост. В. М. Сергеева и п. Б. Паршина; Общ. ред. В. В. Петрова.* Москва, 1987. С. 44-88.
 38. ВАЛГИНА, Н. С. (2003а): *Активные процессы в современном русском языке.* Москва, 2003.
 39. ВАЛГИНА, Н. С. (2003б): *Теория текста.* Москва: Логос, 2003.
 40. ВАЛЬТЕР, Х., МОКИЕНКО, В.М. (2005): *Антипословицы русского народа.* Санкт-Петербург, 2005.
 41. ВАСИЛЕНКО, А. П. (2006): *Фразеология Б. Пастернака в русской оригинальной поэзии и французских переводах.* Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Курск, 2006.
 42. ВАСИЛЕНКО, А. П. (2011): *Аспекты семантики фразеологизмов (на материале русского и французского языков).* Автореферат диссертации на соискание степени доктора филологических наук. Орел, 2011.
 43. ВЕТРОВ, П.П. (2011): Текстобразующие функции китайских фразеологических единиц (на основе анализа экспериментального и текстового материала). In: *"Вестник Московского института лингвистики"*. 2011. № 1 С. 8-23.
 44. ВИНОГРАДОВ, В. В. (1977): *Избранные труды. Лексикология и лексикография.* Москва, 1977.
 45. ВИНОКУР, Т.Г. (1993): *Говорящий и слушающий. Варианты речевого поведения.* Москва, 1993.
 46. ВИТГЕНШТЕЙН, Л. (1985): Философские исследования. In: *Новое в зарубежной лингвистике. Вып 16.* Москва, 1985. С. 79 – 128.
 47. ВОБОРИЛ, Л. (2008): Русский язык – его развитие и функционирование – в коммуникативных условиях виртуального веб-пространства. In: *ROSSICA OLOMUCENSIA XLVI-II. Sborník příspěvků z mezinárodní konference XIX. Olomoucké dny rusistů – 30.08. – 01.09. 2007.* Olomouc, 2008. S. 23-36.
 48. ВОЙСКУНСКИЙ, А. Е. (2008): От психологии компьютеризации к психологии Интернета. In: *Вестник Московского Университета. Серия 14. Психология.* 2008. № 2. С. 140-153.
 49. ВОЙТКОВА, А. Н. (2011): *Остроумная коммуникативная личность в комическом дискурсе: гендерный аспект.* Автореферат диссертации на соискание степени кандидата филологических наук. Иркутск, 2011.
 50. ВОРКАЧЕВ, С. Г. (2015): Интертекстуальность, прецедентность и лингвокультурный концепт. In: *Колокольцева Т.Н. (ред.): Интертекстуальность и фигуры интертекста в дискурсах разных типов.* Москва, 2015. С. 52-71.
 51. ГАК В. Г. (1998): *Языковые преобразования.* Москва, 1998.
 52. ГАЛИЧКИНА, Е. Н. (2004): Характеристики компьютерного дискурса. In: *Вестник Оренбургского государственного университета.* № 10. 2004. С. 55-59.
 53. ГАЛИЧКИНА, Е. Н. (2012): *Компьютерная коммуникация: лингвистический статус, знаковые средства, жанровое пространство.* Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук. Волгоград, 2012.
 54. ГВОЗДАРЕВ, Ю.А. (1989): Функции фразеологических единиц в русской речи. In: *Фразеологическая номинация. Особенности семантики фразеологизмов: межвуз. сб. науч. тр.* Ростов-на-Дону, 1989. С. 12–19.
 55. ГВОЗДАРЕВ, Ю. А. (2010): *Основы русского фразеобразования.* Ростов-на-Дону, 2010.

56. ГЕРМАШЕВА, Т. М. (2011): *Языковая личность субъекта блог-дискурса: лингвокогнитивный аспект*. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Нальчик, 2011.
57. ГИРЕНОК, Ф. (2012): *Абсурд и речь. Антропология воображаемого*. Москва, 2012.
58. ГОЛИКОВ, А. С., КАЛАШНИКОВА, А. А. (2010): Демотиваторы в Интернет-коммуникации: генезис, смысл, типология. In: *Вестник Харьковского государственного университета*. 2010. Вып. 16. С.124-130.
59. ГОРОШКО, Е. И. (2007): Лингвистика Интернета: формирование дисциплинарной парадигмы. In: *Жанры и типы текста в научном и медийном дискурсе*. Вып. 5. Орел, 2007. С. 223-237.
60. ГОРШКОВА, Е.И. (2013): *Блог как вид интернет-коммуникации*. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Санкт-Петербург, 2013.
61. ГРИГОРЬЕВА, Т. М. (2003): Параграфемные явления в современном русском письме. In: *Язык, культура, коммуникация: аспекты взаимодействия. Научно-методический бюллетень. Под ред. И.В. Пекарской. Вып. 1*. Абакан, 2003. С. 68–76.
62. ГУСЕЙНОВ, Г. (2005): *Берлога веблога. Введение в эрратическую семантику*. URL: http://speakrus.ru/gg/microprosa_erratica-1.htm (Дата обращения: 15.03.2018).
63. ГУСЕЙНОВ, Г. (2008): *Неполная коммуникация в блогосфере: эрративы и литуративы*. URL: <http://www.speakrus.ru/gg/litulative.htm> (Дата обращения: 5.04.2018).
64. ГУСЕЙНОВ, Г. Ч. (2012): *Нулевые на кончике языка: Краткий путеводитель по русскому дискурсу*. Москва, 2012.
65. ДАВЛЕТБАЕВА, Д. Н. (2011): Окказиональная фразеология: методология изучения направлений и тенденций. In: *Вестник Челябинского Государственного Педагогического Университета*. 2011. № 12.2. С. 270-278.
66. ДАВЛЕТБАЕВА, Д. Н. (2012): Фразеологический неологизм vs окказиональный вариант языковой ФЕ vs окказиональный фразеологизм. In: *Известия Волгоградского государственного педагогического университета. Выпуск № 6. том 70*. Волгоград, 2012. С. 16-19.
67. ДАНН, Дж. А. (2008): Трансформация русского языка из языка советского типа в язык западного образца. In: *Политическая лингвистика. Выпуск № 26. 2008*. С. 49-57.
68. ДЕМЕНТЬЕВ, В. В. (2015): Интертекстуальность и речевые жанры: вторичный текст как метафора реплики в диалоге и вторичный речевой жанр как метафора. In: *Интертекстуальность и фигуры интертекста в дискурсах разных типов. Колокольцева Т.Н. (ред.)*. Москва, 2015. С. 96-125.
69. ДЕНМУХАМЕТОВА, Э. Н. (2008): Фразеологическая синонимия в татарской прозе. In: *Ученые записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки. Выпуск № 8, том 150. 2008*. С. 111-115.
70. ДЕРРИДА, Ж. (2000): *О грамматологии*. Москва, 2000.
71. ДИНОВА, Я. В. (2011): Замена компонентов как прием окказиональной модификации фразеологических единиц (на материале английского и русского языков). In: *Вестник МГОУ. Серия «Лингвистика». №3. 2011*. С. 164-168.
72. ДОБРОВА, М. С. (2017): Фразеологическое насыщение контекста в текстах русскоязычного интернет-дискурса. In: *Novaja Rusistika. N 2 (2017)*. С. 29-37.

73. ДОБРОВА, М. С. (2018а): Неологизмы-заимствования в дискурсивном пространстве русскоязычного Интернета. In: *Dialog Kultur IX*. Hradec Králové, 2018 (v tisku).
74. ДОБРОВА, М. С. (2018б): Библейская фразеология в дискурсивном пространстве русского Интернета. In: *Исследования русской русской и славянской фразеологии в диахронии и синхронии. Výzkum ruské a slovanské frazeologie v diachronii a synchronii*. L. Stěpanova, M. Dobrova (eds.). Olomouc, 2018. S. 55-61.
75. ДОБРЫДНЕВА, Е. А. (2000): *Коммуникативно-прагматическая парадигма русской фразеологии*. Волгоград, 2000.
76. ДОКИНЗ, Р. (1993): *Эгоистичный ген*. Москва, 1993.
77. ДРОНОВ, П. С. (2010): *Ввод адъективного определения в структуру идиомы: о семантической обусловленности лексико-синтаксических модификаций идиом (на материале русского, английского и немецкого языков)*. Автореферат диссертации на соискание степени кандидата филологических наук. Москва, 2010.
78. ДУЛИЧЕНКО, А.Д. (1994): *Русский язык конца XX столетия*. Мюнхен, 1994.
79. ДУЛИЧЕНКО, А.Д. (1999): *Этносоциоллингвистика "Перестройки" в СССР. Антология запечатленного времени*. Мюнхен, 1999.
80. ЕЛИСТРАТОВ, В. С. (2002): *Словарь русского арго*. ГРАМОТА.РУ. 2002. URL: https://russian_argo.academic.ru (Дата обращения: 10.03.2018).
81. ЕРЕМИНА, Н. К. (2012): *Лексика и фразеология компьютерного подъязыка*. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Тамбов, 2012.
82. ЕРМАКОВА, О. П., ЗЕМСКАЯ, Е. А., РОЗИНА, Р. И. (1999): *Слова, с которыми мы все встречались: толковый словарь русского общего жаргона: ок. 450 слов*. Под общ.ред. Р.И. Розиной. Москва, 1999.
83. ЖЕЛТУХИНА, М.Р. (2000): *Колическое в политическом дискурсе (на материале немецкого и русского языков)*. Диссертация на соискание степени кандидата филологических наук. Волгоград, 2000.
84. ЖЕРЕБИЛО, Т.В. (2010): *Словарь лингвистических терминов*. Назрань, 2010. URL: https://lingvistics_dictionary.academic.ru (Дата обращения: 10.05.2018).
85. ЖЕРЕБИЛО, Т.В. (2011): *Термины и понятия лингвистики: Общее языкознание. Социоллингвистика: Словарь-справочник*. Назрань, 2011.
86. ЖИЖЕК, С. (1998): «Киберпространство, или невыносимая замкнутость бытия» In: *"Искусство кино"*. Архив. № 2, февраль. 1998. URL: <http://kinoart.ru/archive/1998/02/n2-article19> (Дата обращения: 15.06.2017).
87. ЖРФХР (2010): *Жизнь русской фразеологии в художественной речи: школьный словарь*. А.М. Мелерович, В.М. Мокиенко и др. Кострома, 2010.
88. ЖУКОВ, В. П., ЖУКОВ, А. В. (2006): *Русская фразеология*. Москва, 2006.
89. ЖУКОВ, А. В. (2011): Аспекты семантического варьирования языковых единиц. In: *Литературная и диалектная фразеология: история и развитие (Пятые Жуковские чтения): материалы Междунар. науч. симпоз. к 90-летию со дня рождения Власа Петровича Жукова: в 2 т. Т 1*. Сост., отв. ред. В.И. Макаров; НовГУ им. Ярослава Мудрого. Великий Новгород, 2011. С. 4-12.
90. ЗЕМСКАЯ, Е. А., КИТАЙГОРОДСКАЯ, М. А., РОЗАНОВА, Н. Н. (1983): Языковая игра. In: *Русская разговорная речь*. Москва: Наука, 1983. С. 172-214.
91. ЗИНОВЬЕВА, Н. А. (2016): *Трансляция социокультурных кодов в создании информационного продукта: анализ интернет-мемов*. Диссертация на соискание ученой степени кандидата социологических наук. Санкт-Петербург, 2016.

92. ЗОЛОТЫХ, Л. Г. (2006): Дискурсивные пространства русской идиоматики. In: *Языковая личность - текст - дискурс: теоретические и прикладные аспекты исследования: материалы международной научной конференции: в 2 ч. Ч. 2.* Самара, 2006. С. 20-27.
93. ЗОЛОТЫХ, Л. Г. (2008): *Когнитивно-дискурсивные основы фразеологической семантики (на материале русского языка)*. Автореферат диссертации на соискание степени доктора филологических наук. Белгород, 2008.
94. ЗОЛОТЫХ, Л. Г. (2009): Когнитивно-дискурсивная парадигма фраземики. In: *Язык – текст – дискурс: традиции и новаторство: материалы международной научной конференции: в 2 ч. Под ред. проф. Н.А. Илюхиной. Ч. 1.* Самара, 2009. С. 138-144.
95. ЗУЕВА, Т. Г. (2006): Лексические и фразеологические ошибки в текстах сочинений-рецензий ЕГЭ по русскому языку. In: *Вестник Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого. Языкознание. N 36.* 2006. С. 60-63.
96. ЗЫКОВА, И. В. (2014): *Роль концептосферы культуры в формировании фразеологизмов как культурно-языковых знаков*. Диссертация на соискание степени доктора филологических наук. Москва, 2014.
97. ИВАННИКОВА, Е. А (1968): Об отдельности и тождестве фразеологизма в случаях структурной вариантности. In: *Проблемы устойчивости и вариантности фразеологических единиц.* Тула, 1968. С. 120-128.
98. ИВАНОВ, Д. В. (2000): *Виртуализация общества*. Санкт-Петербург, 2000.
99. ИВАНОВ, Л. Ю. (2000): Язык интернета: заметки лингвиста. In: *Словарь и культура русской речи.* Москва, 2000. URL: <http://nashaucheba.ru/v58775/?download=1> (Дата обращения: 22.03.2017).
100. ИВАНЮШКИН, И. А. (2013): Историко-философские пролегомены к онтологии Интернета (природа Интернета в свете классической философской мысли). In: *Вестник МГТУ. Том 16. №2.* 2013.С. 312-317.
101. ИЛЬИН, И.П. (1996): *Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм.* Москва, 1996.
102. ИЛЬИН, И. П. (1998): *Постмодернизм от истоков до конца столетия: эволюция научного мифа.* Москва, 1998.
103. ИЛЬИН, И. П. (2001): *Постмодернизм. Словарь терминов.* Москва, 2001. URL: <https://postmodernism.academic.ru> (Дата обращения: 5.04.2018).
104. ИЛЮХИНА, Н.А., ГОЛУБКОВ, С.А. (2012): Формирование профессиональной компетенции студентов-филологов. In: *Вестник Самарского государственного университета. Выпуск № 5.* Самара, 2012. С. 21-26.
105. ИНТЕРНЕТ И ФОЛЬКЛОР (2009): *Интернет и фольклор. Составитель А.В. Захаров.* Москва, 2009.
106. ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИЯ (2012): *Интернет-коммуникация как новая речевая формация: колл. монография. Науч. ред. Т.Н. Колокольцева, О.В. Лутовинова.* Москва, 2012.
107. КАРАСИК, В.И. (2000): О типах дискурса. In: *Языковая личность: институциональный и персональный дискурс: Сб. науч. тр. Под ред. В.И.Карасика, Г.Г.Слышкина.* Волгоград, 2000. С. 5-20.
108. КАРАУЛОВ, Ю. Н. (2010): *Русский язык и языковая личность.* Москва, 2010.
109. КАСТЕЛЬС, М. (2004): *Галактика Интернет: размышления об Интернете, бизнесе и обществе.* Екатеринбург, 2004.
110. КИБРИК, А. А. (2009): Модус, жанр и другие параметры классификации дискурсов. In: *Вопросы языкознания. 2009. N 3.* С. 3-21. URL: [235](http://iling-</p>
</div>
<div data-bbox=)

- ran.ru/kibrik/Discourse_classification%40VJa_2009.pdf (Дата обращения: 2.05.2018).
111. КЛИМОВИЧ, Н. В. (2011): *Библеизмы в художественном тексте: типологический, функциональный и переводческий аспекты*. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Иркутск, 2011.
 112. КОВАЛЕВА, Т. А. (2008): *Фразеологические эвфемизмы в современном английском языке*. Автореферат диссертации на соискание ученой степени канд. филол. наук. Москва, 2008.
 113. КОВАЛЬ, В. И. (2011): *Фразеология народной духовной культуры: состав, семантика, происхождение*. Минск, 2011.
 114. КОВШОВА, М. Л. (2007): *Семантика и прагматика эвфемизмов. Краткий тематический словарь современных русских эвфемизмов*. Москва, 2007.
 115. КОВШОВА, М. Л. (2009а): О символах и квазисимволах в семантике фразеологизмов. In: *Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2009. N 1*. С. 27-31.
 116. КОВШОВА, М. Л. (2009б): *Семантика и прагматика фразеологизмов (лингвокультурологический аспект)*. Автореферат диссертации на соискание степени доктора филологических наук. Москва, 2009.
 117. КОГНИТИВНО-ДИСКУРСИВНЫЕ СТРАТЕГИИ (2016): *Когнитивно-дискурсивные стратегии развития языка. Сборник научных трудов по итогам Международной научной конференции (11-12 января 2016 г.)*. Сост. Е.Г. Озерова, К.К. Стебунова, И.И. Чумак-Жунь. Белгород, 2016.
 118. КОЛЕСОВ, В. В. (2003): «Как слово наше отзовется...» (Русский язык в современной России). In: *Современные языковые процессы*. Санкт-Петербург, 2003. С. 32-46.
 119. КОЛОБОВА, Е. А. (2011): *Фразеологическая контаминация*. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Иваново, 2011.
 120. КОЛОБОВА, Е. А. (2015): Особенности функционирования фразеологизмов. In: *Устойчивые фразы в парадигмах науки. Материалы Международной научной конференции, посвящённой 100-летию со дня рождения Владимира Леонидовича Архангельского*. ФГБОУ ВПО «Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого». Тула, 2015. С. 42-45.
 121. КОЛОКОЛЬЦЕВА, Т.Н. (2012): Диалог vs диалогичность в интернет-коммуникации. In: *Интернет-коммуникация как новая речевая формация: колл. монография*. Науч. ред. Т.Н. Колокольцева, О.В. Лутовинова. Москва, 2012. С. 139-157.
 122. КОЛОКОЛЬЦЕВА, Т.Н. (2015): Интертекстуальность и гипертекстуальность в интернет-коммуникации. In: *Интертекстуальность и фигуры интертекста в дискурсах разных типов*. Колокольцева Т.Н. (ред.). Москва, 2015. С. 71-96.
 123. КОМПАНЦЕВА, Л. Ф. (2010): От классического языкознания – к Интернет-лингвистике. In: *Studia Linguistica. Выпуск 4. Київський національний університет імені Тараса Шевченка, 2010*. С. 24-30.
 124. КОНОВАЛОВА, Ю. О. (2008): *Языковая игра в современной русской разговорной речи*. Владивосток, 2008.
 125. КОРШКОВА, Е. А. (2005): *Фразеология в поэзии Владислава Ходасевича*. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Курган, 2005.

126. КОСТИКОВА, А. А. (2013): Философия цифровой коммуникации. In: *Навстречу XXIII Всемирному философскому конгрессу: философия как исследование и образ жизни*. Казань, 2013. С. 111-112.
127. КОСТОМАРОВ, В. Г. (1999): *Языковой вкус эпохи: из наблюдений над речевой практикой масс-медиа*. Санкт-Петербург, 1999.
128. КОШЕВАЯ, И. Г. (2012): *Текстообразующие структуры языка и речи*. Москва, 2012.
129. КОШЕЛЬ, П. В. (2015): *Жанровая характеристика интернет-комментария (на материале франкоязычных научно-популярных блогов)*. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Москва, 2015.
130. КРАСНЫХ, В. В. (2002): *Этнопсихолингвистика и лингвокультурология: Курс лекций*. Москва, 2002.
131. КРАСНЫХ, В. В., ГУДКОВ, Д. Б., ЗАХАРЕНКО, И. В., БАГАЕВА, Д. В. (1997): Когнитивная база и прецедентные феномены в системе других единиц и в коммуникации. In: *Вестник Московского университета. Сер.9. Филология. №3. 1997*. С. 62-85.
132. КРИСТЕВА, Ю. (2000): Бахтин, слово, диалог и роман. In: *Французская семиотика: От структурализма к постструктурализму. Сост., вступ. ст. Г.К. Косикова*. Москва, 2000. С. 427-457.
133. КРОНГАУЗ, М. А. (2008): *Русский язык на грани нервного срыва*. Москва, 2008.
134. КРОНГАУЗ, М. А. (2010): *Ключевые слова эпохи*. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/klyucheveye-slova-epochi> (Дата обращения: 10.01.2018)
135. КРОНГАУЗ, М. А. (2011): *Русский язык на грани нервного срыва. 3D*. Москва, 2011.
136. КРОНГАУЗ, М. А. (2012): *Мемы в интернете: опыт деконструкции*. URL: <http://www.nkj.ru/archive/articles/21327/> (Дата обращения: 10.06.2018)
137. КРОНГАУЗ, М. А. (2013): *Самоучитель Олбанского*. Москва: АСТ, 2013.
138. КРЫСИН, Л. П. (1994): *Эвфемизмы в современной русской речи*. In: *Русистика. Берлин, 1994. № 1-2*. С. 28-49). URL: <http://www.philology.ru/linguistics2/krysin-94.htm> (Дата обращения: 10.03.2018)
139. КРЫСИН, Л. П. (2004): *Русское слово, свое и чужое*. Москва, 2004.
140. КРЫСИН, Л. П. и кол. (2008): *Современный русский язык: Активные процессы на рубеже XX-XXI веков. Крысин Л.П. (отв. ред.)*. Москва, 2008.
141. КРЮКОВА, Н. А. (2007): *Распространение компонентного состава фразеологических единиц русского языка*. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Иваново, 2007.
142. КУБРЯКОВА, Е. С. (1995): Эволюция лингвистических идей во второй половине XX в. (опыт парадигмального анализа). In: *Язык и наука конца XX в.* Москва, 1995. С. 144-238.
143. КУБРЯКОВА, Е. С. (2000): О понятиях дискурса и дискурсивного анализа в современной лингвистике In: *Дискурс, речь, речевая деятельность: функциональные и структурные аспекты. Сборник обзоров. Серия "Теория и история языкознания" РАН. ИНИОН*. Москва, 2000. С. 5-13.
144. КУЗЬМИНА, В. М. (2017): *Коллективная языковая личность автора интернет-комментария на сайте глянцевого журнала (гендерный аспект)*. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Санкт-Петербург, 2017.
145. КУЗЬМИНА, Н. А. (1999): *Интертекст и его роль в процессах эволюции поэтического языка*. Екатеринбург, Омск, 1999.

146. КУЛАКОВА, О.К. (2011): *Интертекстуальность в аспекте жанрообразования (на материале жанра фэнтези)*. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Иркутск, 2011.
147. КУНИН, А. В. (1975): Нарушение стилистической дистрибуции. In: *Сборник научных трудов. МГПИИЯ. Вопросы романо-германской филологии*. Москва, 1975. С. 194-198.
148. КУНИН, А.В. (1996): *Курс фразеологии современного английского языка: Учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз.* Москва, Дубна, 1996.
149. КУНИН, А. В. (2005): *Курс фразеологии современного английского языка*. Дубна, 2005.
150. КУРАШ, С. Б. (2001): *Метафора и ее пределы: микроконтекст – текст – интертекст*. Мозырь, 2001.
151. ЛИТВИНЕНКО, Т. Е. (2008): *Интертекст в аспектах лингвистики и общей теории текста*. Иркутск, 2008.
152. ЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ЯЗЫКА. КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ПОЛЯ ИГРЫ (2006): *Логический анализ языка. Концептуальные поля игры. Отв.ред. Н.Д. Арутюнова*. Москва, 2006.
153. ЛОМАКИНА, О. В. (2015): *Фразеология в языке Л.Н. Толстого: лингвистический комментарий и лексикографическое описание*. Диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук. Санкт-Петербург, 2015.
154. ЛУКИНА, М. М., ФОМИЧЕВА, И. Д. (2005): *СМИ в пространстве Интернета: Учебное пособие*. Москва, 2005.
155. ЛУТОВИНОВА, О. В. (2009): *Лингвокультурологические характеристики виртуального дискурса*. Волгоград, 2009.
156. ЛЭС (1990): *Лингвистический энциклопедический словарь*. Гл. ред. В. Н. Ярцева. Москва, 1990.
157. МАКАРОВ, М. Л. (2003): *Основы теории дискурса*. Москва, 2003.
158. МАЛИНСКИ, Т. (1992): Возникновение новых фразеологических единиц. In: *Русистика. Берлин, 1992, № 2*. С. 67-76.
159. МАЛЮГИНА, А. В. (2007): Типы фразеологических концептов и способы их контекстной репрезентации. *Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук*. Воронеж, 2007.
160. МАТЕЗИУС, В. (1967): О потенциальности языковых явлений. In: *Пражский лингвистический кружок: Сборник статей*. Москва, 1967.
161. МАШКОВА, С. Г. (2006): *Интернет-журналистика*. Тамбов, 2006.
162. МЕЛЕРОВИЧ, А. М. (2004): Концептообразующее функционирование отфразеологических символов и система их фиксации в словаре «Фразеологизмы в русской речи». In: *Проблемы фразеологической и лексической семантики: материалы международной научной конференции (Кострома, 18-20 марта 2004г.)*. Кострома, 2004. С. С. 16-21.
163. МЕЛЕРОВИЧ, А.М., МОКИЕНКО, В.М. (2005): *Фразеологизмы в русской речи: словарь*. Москва, 2005.
164. МЕЛЕРОВИЧ, А. М., МОКИЕНКО, В. М. (2008): Семантическая структура фразеологических единиц современного русского языка. Кострома, 2008.
165. МЕЛЕРОВИЧ, А.М., МОКИЕНКО, В.М. (2014): Оказиональные преобразования фразеологических единиц. In: *Вестник Челябинского государственного педагогического университета. Выпуск № 8. Филологические науки*. 2014. С. 234-252.
166. МЕЛЬНИК, Н.В. (2017): Лингвоперсонология политического интернет-комментария. In: *Политическая лингвистика*. 5(65). 2017. С. 47-51.

167. МЕЧКОВСКАЯ, Н. Б. (2006): Естественный язык и метаязыковая рефлексия в век Интернета. In: *Русский язык в научном освещении. № 2 (12)*. Москва, 2006. С. 165-185.
168. МИЛЬЧИН, А. Э. (2003): Издательский словарь-справочник. Москва, 2003. URL: https://publishing_dictionary.academic.ru (Дата обращения: 1.02.2017)
169. МОКИЕНКО, В. М. (1986): *Образы русской речи: Историко-этимологические и этнолингвистические очерки фразеологии*. Ленинград, 1986.
170. МОКИЕНКО, В. М. (1994): *Русская бранная лексика: цензурное и нецензурное*. In: *Русистика. Берлин, 1994. № 1/2*. С. 50-73. URL: <http://philology.ru/linguistics2/mokiyenko-94.htm> (Дата обращения: 11.04.2018)
171. МОКИЕНКО, В. М. (2003): *Новая русская фразеология*. Ополе, 2003.
172. МОКИЕНКО, В. М. (2006): *Лексические и фразеологические неологизмы: общее и различное*. URL: <http://oomnik.iling.spb.ru/neologia/konferencii/2007/konferencii/2006/faily/mokienko-v-m> (Дата обращения: 10.09.2016)
173. МОКИЕНКО, В. М. (2010): Познание и культура в зеркале когнитивной и исторической фразеологии. In: *Фразеология, познание и культура: сб. докл. 2-й Международной научной конференции (Белгород, 7-9 сентября 2010 года): в 2 т. Отв. ред. проф. Н. Ф. Алефиренко*. Белгород, 2010. С. 8-20.
174. МОКИЕНКО, В.М. (2011): Интернет-интерпретации истории и этимологии фразеологизмов. In: *ROSSICA OLOMUCENSIA. VOL.L. Časopis pro ruskou a slovanskou filologii. Num.2. Olomouc, 2011*. S.151-161.
175. МОКИЕНКО, В. М. (2012а): Жизнь русской фразеологии в современной речи. In: *Вестник КемГУ 2012. № 4 (52). Т. 4*. С. 59-62
176. МОКИЕНКО, В. М. (2012б): Национально-культурный и когнитивный аспекты фразеологической номинации: общее и различное. In: *Национально-культурный и когнитивный аспекты изучения единиц языковой номинации. Материалы Международной научно-практической конференции. Под научн. ред. А. М. Мелерович*. Кострома, 2012. С. 9-13.
177. МОКИЕНКО, В. М. (2012в): Фразеология и языковая игра: динамика формы и смысла. In: *Учені записки Таврійського національного університету ім. В. І. Вернадського. Серія: Філологія. Соціальні комунікації. 2012. Т. 25 (64), № 2 (1)*. С. 100–109.
178. МОКИЕНКО, В.М. (2016): Функции фразем в современных СМИ. In: *Медиалингвистика. 2016. №3 (13)*. Санкт-Петербург. С. 7-18.
179. МОКИЕНКО, В. М. (2018): Пословица в поэтическом тексте. In: *Жизнь фразеологии – фразеология в жизни: сборник научных статей к юбилею профессора А.М. Мелерович*. Отв. ред. и сост. И.Ю. Третьякова; предисл. А.Е. Якимов. Кострома, 2018. С.211-225.
180. МОКИЕНКО, В. М., ВАЛЬТЕР, Х. (2008): Лексические и фразеологические неологизмы: общее и различное. In: *Komparacja systemów i funkcjonowania współczesnych języków słowiańskich. Frazologia*. Opole, 2008. S. 101-120.
181. МОКИЕНКО, В. М., НИКИТИНА, Т. Г. (2000): *Большой словарь русского жаргона*. Санкт-Петербург, 2000.
- 182.МОКИЕНКО, В. М., НИКИТИНА, Т. Г. (2007): *Большой словарь русских поговорок. Более 40 000 образных выражений*. Москва, 2007. URL: <https://dic.academic.ru/contents.nsf/proverbs/> (Дата обращения: 12.09.2017).
- 183.МОЛОТКОВ, А. И. (1977): *Основы фразеологии русского языка*. Ленинград, 1977.

184. МОРОХОВСКИЙ, А. Н. (1961): О природе эмоциональной окрашенности фразеологических единиц английского языка. In: *Труды Самаркандского ун-та им. Алишера Навои. 1961. Нов.сер. Вып. 6: Вопросы фразеологии.* С. 222-226.
185. НИКИТИНА, А. В. (2015): *Мониторинг коммуникации (на примере интернет-форумов).* Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Волгоград, 2015
186. НКРЯ: *Национальный корпус русского языка.* URL: <http://ruscorpora.ru/> (Дата обращения: 20.03.2017)
187. НОРМАН, Б. Ю. (1998): Грамматические инновации в русском языке, связанные с социальными процессами. In: *Русистика. Берлин, 1998. № 1-2.* С. 57-58.
188. НОРМАН, Б. Ю. (2006): *Игра на гранях языка.* Москва, 2006.
189. НОРМАН, Б. Ю. (2010): Искусственное слово в естественном дискурсе. In: *Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2010. Лингвистика. № 4 (2).* С. 653-657.
190. НОРМАН, Б. Ю. (2014): О месте понимания в процессе речевой коммуникации. In: *Rossica Olomucensia. Vol. LIII. Časopis pro ruskou a slovanskou filologii. Num. 2. Olomouc.* S. 5-23.
191. НОСОВ, Н. А. (2000): *Виртуальная психология.* Москва, 2000.
192. ОЖЕГОВ, С. И., ШВЕДОВА, Н. Ю. (1992): *Большой толковый словарь.* Москва, 1992. URL: <https://dic.academic.ru/contents.nsf/ogegova/> (Дата обращения: 25.05.2018)
193. ПОЛЯКОВ, Е. М. (2009): Кибернетика, меметика и теория массовой коммуникации: обзор естественнонаучных подходов к проблемам социологии. In: *Человек. Сообщество. Управление. 2009. № 3.* С. 32-41.
194. ПОПОВА, Д. А. (2017): *Способы репрезентации субъектности цифровой личности в жанре интернет-комментария.* Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Улан-Удэ, 2017.
195. ПОПОВА, Е. Ю. (1998): *Художественные функции фразеологизмов (на материале романа И.А. Гончарова «Обрыв»).* Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Москва, 1998.
196. ПОПОВА, Т. В. (2007): Графодеривация в русском словообразовании конца XX – начала XXI в. In: *Русский язык: исторические судьбы и современность. III Международный конгресс исследователей русского языка: труды и материалы.* Москва, 2007. С. 230–231.
197. ПРИБЫТЬКО, Е. Н. (2002): *Библеизмы в языке современных газет.* Автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата филологических наук. Воронеж, 2002.
198. РАБКИНА, Н. В., КАМЕНЕВА, В. А. (2013): Функциональный и прагматический потенциал демотиваторов как визуально-вербальной формы современной интернет-коммуникации. In: *Политическая лингвистика. 1 (43).* Екатеринбург, 2013. С. 144-151.
199. РАКИТИНА, С. В. (2015): Интертекстуальность в научном дискурсе. In: *Интертекстуальность и фигуры интертекста в дискурсах разных типов. Колокольцева Т.Н. (ред.).* Москва, 2015. С. 148-175.
200. РАШКОФФ, Д. (2003): *Медиавирус! Как поп-культура тайно воздействует на ваше сознание.* Москва, 2003. URL: <http://mediavirus.narod.ru/02.html> (Дата обращения: 2.02.2018).
201. РОЗЕНТАЛЬ, Д. Э., ТЕЛЕНКОВА, М. А. (1976): *Словарь-справочник лингвистических терминов.* Москва, 1976. URL: <https://dic.academic.ru/contents.nsf/lingvistic/> (Дата обращения: 12.09.2017).

202. РОМАНТОВСКИЙ А. В. (2016): *Коммуникация в интернет-форумах: дискурс проблематизации (на материале интернет-комментариев к статьям электронных СМИ)*. Диссертация на соискание учёной степени кандидата филологических наук. Москва, 2016.
203. РУССКИЙ ЯЗЫК И НОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ (2014): *Русский язык и новые технологии*. Гусейнов Г.Ч. (сост.), под ред. М. В. Ахметовой, В. И. Беликова. Москва, 2014.
204. РЫЖКИНА, Е.В. (2012): Интертекстуальность фразеологизмов, образованных по аналогии, в современном английском языке. In: *Вестник МГЛУ. Выпуск 21 (654)/2012*. С. 154-162.
205. РЫЖКОВА, М. М. (2008): *Передача прагматической составляющей образных фразеологических единиц в публицистическом тексте (на материале английского и русского языков)*. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Тюмень, 2008.
206. САВИЦКИЙ, В. М. (2006): *Основы общей теории идиоматики*. Москва, 2006.
207. САННИКОВ, В. З. (2002): *Русский язык в зеркале языковой игры*. Москва, 2002.
208. СЕМЕНОВ, М. О. (2013): *Дискурс интернет-форумов: кристаллизация как механизм смыслообразования и техника понимания*. Автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата филологических наук. Майкоп, 2013.
209. СЕМУШИНА, Е. Ю. (2011): Фразеологическое насыщение контекста (на материале английского и русского языков). In: *Филологические науки. Вопросы теории и практики. № 1*. Тамбов. 2011. С. 138-141.
210. СЕНИЧКИНА, Е. П., НИКИТИНА, И. Н. (2007): Иронические эвфемизмы как примета времени. In: *Альманах современной науки и образования*. Тамбов, 2007. № 3 (3): в 3-х ч. Ч. III. С. 199-201.
211. СЕНИЧКИНА, Е. П. (2012): *Эвфемизмы русского языка: Спецкурс*. Москва, 2012.
212. СИДОРЕНКО, М. И. (1982): *Парадигматические отношения фразеологических единиц в современном русском языке*. Ленинград, 1982.
213. СИДОРОВА, И. Г. (2014): *Коммуникативно-прагматические характеристики жанров персонального интернет-дискурса (сайт, блог, социальная сеть, комментарий)*. Диссертация на соискание учёной степени кандидата филологических наук. Волгоград, 2014.
214. СИДОРОВА, М. Ю. (2006): *Интернет-лингвистика: русский язык. Межличностное общение*. Москва, 2006.
215. СИМОНЕНКО, Е. И. (2013): *Прагматический потенциал фразеологизмов в ценностно-смысловом пространстве художественного дискурса. (на материале русской литературы XIX-XXI веков)*. Автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата филологических наук. Белгород, 2013.
216. СИРОТИНИНА, О. Б. (2007): Два десятилетия «свободы» русской речи и факторы, вызвавшие изменения в русском языке. In: *Язык и культура в России: состояние и эволюционные процессы: материалы международной научной конференции*. Отв. ред. Н.А. Илюхина, Н.К. Данилова. Самара, 2007. С. 78-88.
217. СИРОТИНИНА, О. Б. (2009): Вероятное и возможное в судьбе русского языка (размышления на основе фактов его изменений в начале XXI века). In: *Проблемы речевой коммуникации: межвуз. сб. науч. трудов. Вып. 9*. Саратов, 2009. С. 6-11.
218. СИРОТИНИНА, О.Б. (2013): *Русский язык: система, узус и создаваемые ими риски*. Саратов, 2013.
219. СКЛЯРЕВСКАЯ, Г. Н. (1998): *Толковый словарь русского языка конца XX века. Языковые изменения*. Под ред. Г.Н.Скляревской. Санкт-Петербург, 1998.

220. СКЛЯРЕВСКАЯ, Г. Н. (2001): Слово в меняющемся мире: русский язык начала XXI столетия: состояние, проблемы, перспективы. In: *Исследования по славянским языкам. № 6*. Сеул, 2001. С. 177-202.
221. СЛЫШКИН, Г. Г. (1999): *Лингвокультурные концепты прецедентных текстов*. Диссертация на соискание ученой степени канд. филол. наук. Волгоград, 1999.
222. СОВРЕМЕННАЯ ФРАЗЕОЛОГИЯ: ТЕНДЕНЦИИ И ИННОВАЦИИ (2016): *Современная фразеология: тенденции и инновации*. Отв. ред. А.П. Василенко. Москва, Санкт-Петербург, Брянск, 2016.
223. СОВРЕМЕННЫЙ РУССКИЙ ЯЗЫК (1987): *Современный русский язык: учеб. для студентов. В 3 ч. Часть 1. Введение. Лексика. Фразеология. Фонетика. Графика и орфография*. Н. М. Шанский, В. В. Иванов (ред). Москва, 1987.
224. СОВРЕМЕННЫЙ РУССКИЙ ЯЗЫК (2006): *Современный русский язык. Теория. Анализ языковых единиц. В 2 ч. Ч. 1. Под ред. Е. И. Дибровой*. Москва, 2006.
225. СОРОКИН, Ю. А., ТАРАСОВ, Е. Ф. (1990): Креолизованные тексты и их коммуникативная функция. In: *Оптимизация речевого воздействия*. Москва, 1990. С. 180–186.
226. ССТ (2006): *Словарь социолингвистических терминов*. Ответственный редактор: доктор филологических наук В.Ю. Михальченко. Москва, 2006. URL: <https://sociolinguistics.academic.ru/> (Дата обращения: 23.01.2018).
227. СТЕПАНОВ, Ю. С. (1998): *Язык и Метод. К современной философии языка*. Москва, 1998.
228. СТЕПАНОВ, Ю. С. (2017): «Интертекст» – среда обитания культурных концептов (к основаниям сравнительной концептологии). URL: <http://abuss.narod.ru/Biblio/stepanov1.htm> (Дата обращения: 23.08.2017).
229. СТЕПАНОВА, Л. И. (2010): О новых фразеологизмах в современном русском языке. In: *Slowo. Tekst. Czas. X. Szczecin – Greifswald. 2010*. С. 90-94.
230. СТЕПАНОВА, Л. И. (2011): Фразеологические неологизмы в прошлом и настоящем. In: *Rossica Olomucensia. Vol. L, č. 2. Olomouc. 2011*. С. 175-179.
231. СТЕПАНОВА, Л. И. (2012): Игра и фразеологическая картина мира (на материале русского и чешского языков). In: *Учені записки Таврійського національного університету ім. В. І. Вернадського. Серія: Філологія. Соціальні комунікації. 2012. Т. 25 (64), № 2 (1)*. С. 121–126.
232. СТЕРНИН, И. А. (1998): Кризис или развитие? In: *Русский язык конца XX века*. Воронеж, 1998. С. 3-4.
233. СТЕРНИН, И. А. (2004): *Общественные процессы и развитие современного русского языка. Очерк изменений в русском языке конца XX века*. Воронеж, 2004.
234. СТЕРНИН, И. А. (2008): *Общественные процессы и развитие современного русского языка*. In: *Теоретические и прикладные проблемы языкознания*. Воронеж, 2008. С. 200-209.
235. СТЕРНИН, И. А. (2010): Государство и язык. In: *Политическая лингвистика. Выпуск № 2*. 2010. С. 61-65.
236. СУПРУН, А. Е. (1995): Текстовые реминисценции как языковое явление. In: *Вопросы языкознания. 1995. Москва. № 6*. С. 17-29. URL: <http://philology.ru/linguistics2/suprun-95.htm> (Дата обращения: 23.05.2018).
237. СЭСРЯ (2003): *Стилистический энциклопедический словарь русского языка*. Под редакцией М.Н. Кожинной. Москва, 2003. URL: <https://stylistics.academic.ru> (Дата обращения: 10.02.2018).
238. СЭСРЯ (2006): *Стилистический энциклопедический словарь русского языка. Под редакцией М.Н. Кожинной*. Москва, 2006.

239. ТАРСА, Я. (2016): Фразеологизмы в демотиваторах. In: *Rossica Olomucensia. Vol. LV. Sborník příspěvků z mezinárodní conference XXIII. Olomoucké dny rusistů 10-11.9.2015.* Olomouc, 2016. С. 221-226.
240. ТЕОРИЯ ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ ГРАММАТИКИ (1987): *Теория функциональной грамматики: Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. Отв. ред. А. В. Бондарко.* Ленинград, 1987.
241. ТЕЛИЯ, В. Н. (1996): *Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты.* Москва, 1996.
242. ТЕЛИЯ, В. Н. (2006): *Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий.* Ответственный редактор В.Н. Телия. Москва, 2006. URL: https://phrase_dictionary.academic.ru (Дата обращения: 23.01.2018).
243. ТОРОПОВА, О. В. (2013): Языковая игра в структуре демотиваторов. In: *Челябинский гуманитарий. Филология и искусствоведение. N 2 (23).* Челябинск, 2013. С. 41-43.
244. ТРЕТЬЯКОВА, И. Ю. (2004): Образность окказиональных фразеологизмов. In: *Проблемы фразеологической и лексической семантики: материалы международной научной конференции (Кострома, 18-20 марта 2004г.).* Москва, 2004.
245. ТРЕТЬЯКОВА, И. Ю. (2009а): Ролевая инверсия как сложный приём окказионального преобразования фразеологических единиц. In: *Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. № 3. 2009.* С. 171-173.
246. ТРЕТЬЯКОВА, И. Ю. (2009б): К проблеме границ окказиональности фразеологизмов. In: *Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. Филология. N 2. 2009.* С. 134-138.
247. ТРЕТЬЯКОВА, И. Ю. (2011а): *Окказиональная фразеология.* Кострома, 2011.
248. ТРЕТЬЯКОВА, И. Ю. (2011б): Окказиональная фразеология и контекст. In: *Ярославский педагогический вестник. 2011. № 2. Том 1.* С. 161-163.
249. ТРЕТЬЯКОВА, И. Ю. (2011в): *Окказиональная фразеология (структурно-семантический и коммуникативно-прагматический аспекты).* Автореферат диссертации на соискание степени доктора филологических наук. Ярославль, 2011.
250. ТРЕТЬЯКОВА, И. Ю. (2011г): Сегментация как один из приемов окказионального преобразования фразеологических единиц. In: *Ярославский педагогический вестник. 2011. №3. Том 1 (Гуманитарные науки).* С. 176-178.
251. ТРОФИМОВА, Г. Н. (2011): *Языковой вкус интернет-эпохи в России. Функционирование русского языка в Интернете: концептуально-сущностные доминанты.* Москва, 2011.
252. ТУБАЛОВА, И. В. (2016): *Полифонический текст в устных личностно-ориентированных дискурсах.* Томск, 2016.
253. ФАТЕЕВА, Н. А. (2007): *Интертекст в мире текстов: Контрапункт интертекстуальности.* Москва, 2007.
254. ФЁДОРОВ, А. И. (2008): *Фразеологический словарь русского литературного языка.* Москва, 2008. URL: <https://phraseology.academic.ru> (Дата обращения: 3.11.2017).
255. ФЕДУЛЕНКОВА, Т. Н. (2005а): Лингвистический статус компонента фразеологической единицы. In: *Вестник ТГПУ. Выпуск 4 (48). Серия: Гуманитарные науки (Филология).* 2005. С. 16-20.

256. ФЕДУЛЕНКОВА, Т. Н. (2005б): Фразеологическая вариативность как лингвистическая проблема. In: *Вестник Оренбургского государственного университета. Серия «Гуманитарные науки»*. 4 (42). 2005. Оренбург. с. 62-69.
257. ФЕСЕНКО, О. П. (2009): *Фразеология дружеского эпистолярного дискурса пушкинской поры*. Омск, 2009.
258. ФОКИНА, М. А. (2008): *Фразеологические единицы в повествовательном дискурсе (на материале русской художественной прозы XIX-XX веков)*. Автореферат диссертации на соискание учёной степени доктора филологических наук. Орёл, 2008.
259. ФРАЗЕОЛОГИЗМ И СЛОВО (2016): *Фразеологизм и слово в художественном, публицистическом и народно-разговорном дискурсах. Материалы междунар. науч.-практ. конф. (г. Кострома, 18–23 марта 2016 года)*. Под науч. ред. И.Ю. Третьяковой. Кострома, 2016.
260. ФРАНКФУРТ, Г. Г. (2008): *К вопросу о брехне*. Москва, 2008.
261. ХАЙДАРОВА, В. Ф. (2011): *Становление лексико-фразеологического корпуса интернет-языка как синергетический процесс*. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Челябинск, 2011.
262. ХАКИМОВА, Е. М. (2013): Нарушения норм русской фразеологии в современных текстах массовой коммуникации. In: *Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. Выпуск 4 (24)*. 2013. С. 76-81.
263. ХЕЙЗИНГА, Й. (1997): *Ното Ludens; Статьи по истории культуры*. Москва, 1997.
264. ХИМИК, В. В. (2004): *Большой словарь русской разговорной речи*. Санкт-Петербург, 2004.
265. ХИМИК, В. В. (2009): Государственный язык Российской Федерации: языковая норма и ценностные ориентиры русской речи. In: *Комментарий к Федеральному закону «О государственном языке Российской Федерации»*. В 2 ч. Ч. I. Доктринальный и нормативно-правовой комментарий. Санкт-Петербург, 2009. С. 5–15.
266. ЧАДАЕВ, А. В. (2004): *Влияние развития новых информационных сред на формирование информогенных субкультур*. Диссертация на соискание ученой степени кандидата культурологии. Москва, 2004.
267. ЧЕРДАНЦЕВА, Т. З. (1988): Метафора и символ во фразеологических единицах. In: *Метафора в языке и тексте*. Москва, 1988. С. 78-92.
268. ЧЕРНЫШЕВА, И. И. (1974): Текстобразующие потенции фразеологических единиц. In: *Лингвистика текста: Материалы науч. конф. Ч. II. МГПИИЯ им. М. Горького*. Москва, 1974. С. 159–166.
269. ЧЕРНЯВСКАЯ, В. Е. (2006): *Дискурс власти и власть дискурса: проблемы речевого воздействия*. Москва, 2006.
270. ЧЕРНЯВСКАЯ, В. Е. (2009): *Лингвистика текста: Поликодовость, интертекстуальность, интердискурсивность*. Москва, 2009.
271. ШАДРИН, Н.Л. (1991): *Перевод фразеологических единиц и сопоставительная стилистика*. Саратов, 1991.
272. ШАДРИН, Н. Л. (2009): Нарушение дистрибуции фразеологизмов в художественном тексте. In: *Фразеологизм в тексте и текст во фразеологизме (Четвертые Жуковские чтения): Материалы Международного научного симпозиума. 4-6 мая 2009 г. Отв. ред. В.И. Макаров; НовГУ им. Ярослава Мудрого*. Великий Новгород, 2009. С.29-33.

273. ШАНСКИЙ, Н. М. (1957): *Лексика и фразеология современного русского языка: пособие для студентов заочников факультетов русского языка и литературы педагогических институтов*. Москва, 1957.
274. ШАНСКИЙ Н. М. (1985): *Фразеология современного русского языка: Учеб. пособие для вузов по спец. "Русский язык и литература"*. Москва, 1985.
275. ШИРЯЕВА, Т. А. (2010): Современное состояние и особенности осмысления понятия «дискурс» в гуманитарной парадигме. In: *Язык. Текст. Дискурс: Научный альманах Ставропольского отделения РАЛК. Под ред. проф. Г.Н. Манаенко. Выпуск 8*. Ставрополь, 2010. С. 129 – 141.
276. ШИРЯЕВА, Т. А. (2014): *Структурно-содержательная и функциональная парадигма современного делового дискурса*. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук. Нальчик, 2014.
277. ЩИПИЦИНА, Л. Ю. (2009): Классификация жанров компьютерно-опосредованной коммуникации по их функции. In: *Известия РГПУ им. А.И. Герцена. №114*. 2009. С. 171-178.
278. ЩИПИЦИНА, Л. Ю. (2010): *Компьютерно-опосредованная коммуникация: Лингвистический аспект анализа*. Москва, 2010.
279. ЭКО, У. От Интернета к Гуттенбергу. In: *Новое литературное обозрение. 1998. №32*. С. 5-13.
280. ЭМИРОВА А. М. О языковых функциях фразеологических единиц (идиом). In: *Фразеология и контекст: сб. науч. ст.* Самарканд, 1987. С. 30–39.
281. ЮДИНА, Н. В. (2010): *Русский язык в XXI веке: КРИЗИС? ЭВОЛЮЦИЯ? ПРОГРЕСС?* Москва, 2010.
282. ЮДИНА, Н. В. (2014): К вопросу о рекуррентности лексических образований в сфере фразеологии (на материале сочетаний «прилагательное + существительное»). In: *Вестник Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого. N77*. 2014. С. 245-248.
283. ЯЗЫКОЗНАНИЕ (1998): *Языкознание. Большой энциклопедический словарь*. Гл. ред. В. Н. Ярцева. Москва, 1998.
284. ЯНДЕКС.БЛОГИ (2015): <https://blogs.yandex.ru> (дата обращения 10.09.2015).
285. ARKHANHELKA, A. (2018): Frazeologická intertextualita jako dialog autora a čtenáře v jazyce současných masmédií. In: *Alla Arkhanhelska a kol. Intertextualita v prostoru slovanských jazyků a kultur*. Olomouc, 2018. S. 75-116.
286. BARTON, D., LEE, C. (2013): *Language Online: Investigating Digital Texts and Practices*. Routledge, 2013.
287. BÍLEK, P. (2003): *Hledání jazyka interpretace: k modernímu prozaickému textu..* Brno, 2003.
288. BOČÁK, M. (2008): Diskurz ako predmet transdisciplinárneho výskumu. In: *Médiá a text II*. Eds. M. Bočák – J. Rusnák. Prešov, 2008. s. 526 – 537.
289. COGNITIVE LINGUISTIC APPROACHES (2008): *Cognitive Linguistic Approaches to Teaching Vocabulary and Phraseology*. Edited by Frank Boers, Seth Lindstromberg. Berlin, New York, 2008
290. COWIE, A. P. (1998): *Phraseology: Theory, Analysis, and Applications*. Oxford, 1998.
291. CRYSTAL, D. (2001): *Language Play*. Chicago, 2001.
292. CRYSTAL, D. (2003): *Language and the Internet*. Cambridge, 2003.
293. CRYSTAL, D. (2011): *Internet Linguistics: A Student Guide*. New York, 2011.
294. CURRENT ISSUES IN PHRASEOLOGY (2015): *Current Issues in Phraseology. Edited by Sebastian Hoffmann, Bettina Fischer-Starcke, Andrea Sand*. Amsterdam, Philadelphia, 2015.

295. ČERMÁK, F. (2008): *Frazeologie a idiomatika česká a obecná*. Praha, 2008.
296. ČERMÁK, F. (2017a): AUTORSKÝ FRAZÉM. In: *Petr Karlík, Marek Nekula, Jana Pleskalová (eds.), CzechEncy - Nový encyklopedický slovník češtiny*. URL: [https://www.czechency.org/slovník/AUTORSKÝ FRAZÉM](https://www.czechency.org/slovník/AUTORSKÝ_FRAZÉM) (poslední přístup: 25. 7. 2018).
297. ČERMÁK, F. (2017b): FRAZÉM A IDIOM. In: *Petr Karlík, Marek Nekula, Jana Pleskalová (eds.), CzechEncy - Nový encyklopedický slovník češtiny*. URL: [https://www.czechency.org/slovník/FRAZÉM A IDIOM](https://www.czechency.org/slovník/FRAZÉM_A_IDIOM) (poslední přístup: 12. 5. 2018).
298. ČMEJRKOVÁ, S. (1997): Čeština v síti: Psanost či mluvenost? O stylu e-mailového dialogu. In: *NŘ 80*, 1997. S. 225–247.
299. ČMEJRKOVÁ, S. (2003): Jazyk a styl elektronické komunikace: čeština a počítačština. In: *Sborník prací Filozoficko-přírodovědecké fakulty Slezské univerzity v Opavě*. 2003. S. 48–56.
300. ČMEJRKOVÁ, S. (2006): E-čeština. In: *Čeština doma a ve světě 14*, 2006. S. 4–15.
301. GAZDA, J. (2002): *Dynamika a internacionalizace slovní zásoby současné ruštiny*. Brno, 2002.
302. DANĚŠ, F., a kol. (1997): *Český jazyk na přelomu tisíciletí*. Praha, 1997.
303. DOBROVA, M. (2018): Frazeologické modelování a intertextualita ve formování textového prostředí ruského internetového diskurzu. In: *Alla Arkhanhelska a kol. Intertextualita v prostoru slovanských jazyků a kultur*. Olomouc, 2018. S. 117-146.
304. DOLEŽEL, L. (2003): *Heterocosmica: fikce a možné světy*. Praha, 2003.
305. ESČ (2002): *Encyklopedický slovník češtiny*. Red. Petr Karlík, Marek Nekula, Jana Pleskalová. Praha, 2002.
306. FAIRCLOUGH, N. (1992): *Discourse and Social Change*. Cambridge, 1992.
307. FLÍDROVÁ, H. (1989): *Sociolingvistické a psycholingvistické aspekty dialogu a polylogu v ruštině*. Praha, 1989.
308. HERRING, S. (2004): Slouching toward the ordinary: Current trends in Computer-mediated communication. In: *New Media and Society*. London, 2004.
309. HOFFMANNOVÁ, J. (2003): Intertextové, metatextové, terminologické problémy české analýzy diskurzu. In: *Philologica 56. Zborník Filozofickej fakulty Univerzity Komenského*. Bratislava, 2003, s. 67-72.
310. HOFFMANNOVÁ, J. (2008): Sociolekt, věkový styl a komunikace na chatu. In: *Jazyk a jazykoveda v pohybe. Ed. Sibyla Mislovičová*. Bratislava, 2008. S. 103-110.
311. HOFFMANNOVÁ, J. (2012): Podíl frazémů na stylu dopisového dialogu J. Voskovce a J. Wericha. In: *Slovo v slovníku. Aspekty lexikální sémantiky – gramatika – stylistika (pragmatika). Na počest Alexandry Jarošovej*. Bratislava, 2012. S. 118-125.
312. HÖFLEROVÁ, E. (2013): Elektronický hypertext. In: *Studie k moderní mluvnici češtiny. 2, Komunikační situace a styl. Martin Beneš ... [at al.]*. Olomouc, 2013. S. 184-196.
313. JANDOVÁ, E. (2006): Spisovnost a nespisovnost v komunikaci na chatu. In: *Balowski, M. & J. Svoboda (eds.), Język i literatura czeska w interakcji / Český jazyk a literatura v interakci*, 2006. S. 65–74.
314. JANOVEC, L. (2012): Nové způsoby projevu intertextuality. In: *Современные направления исследования и преподавания славянских языков: сб. науч. ст. Минск*, 2012. С. 212-218.
315. JÍLKOVÁ, L. (2017): ELEKTRONICKÁ KOMUNIKACE. In: *Petr Karlík, Marek Nekula, Jana Pleskalová (eds.), CzechEncy - Nový encyklopedický slovník češtiny*. URL: [https://www.czechency.org/slovník/ELEKTRONICKÁ KOMUNIKACE](https://www.czechency.org/slovník/ELEKTRONICKÁ_KOMUNIKACE) (poslední přístup: 25. 7. 2018).

316. KARLÍK, P. ČERMÁK, P. (2017): TRANSFORMACE. In: *Petr Karlík, Marek Nekula, Jana Pleskalová (eds.), CzechEncy - Nový encyklopedický slovník češtiny*. URL: <https://www.czechency.org/slovník/TRANSFORMACE> (poslední přístup: 25. 7. 2018).
317. MAI, H.-P. (1991): Bypassing Intertextuality: Hermeneutics, Textual Practice, Hypertext. In: *Plett Heinrich F. (ed.): Intertextuality*. Berlin; New York, 1991. S. 30-50.
318. MÜLLEROVÁ, O. (2008): Poznámky k mluvenosti a psanosti komunikace na četu. In: *Jazyk a jazykoveda v pohybe. Ed. Sibyla Mislovičová*. Bratislava, 2008. S. 110-118.
319. NACISCIONE, A. (2010): *Stylistic Use of Phraseological Units in Discourse*. Amsterdam, Philadelphia, 2010.
320. ORGOŇOVÁ, O., BOHUNICKÁ, A. (2013): Medzi štylistikou a diskurzniou analýzou. In: *Jazykovedný časopis*, Bratislava, 2013, roč. 64, č. 1. S. 49 – 65.
321. PHRASEOLOGY AND CULTURE (2007): *Phraseology and Culture in English*. Ed. by Paul Skandera. Berlin, 2007.
322. PHRASEOLOGY: AN INTERDISCIPLINARY PERSPECTIVE (2008): *Phraseology: an interdisciplinary perspective*. Edited by Sylviane Granger, Fanny Meunier. Amsterdam, Philadelphia, 2008.
323. SCHAHADAT, S. (1999): Intertextovost: čtení – text – intertext. In: *Úvod do literární vědy*, Eds. M. Pechlivanos a kol. Praha, 1999. S. 357-367.
324. STĚPANOVA, L. (2011): *Současný ruský jazyk: triumph verbalní svobody*. Olomouc, 2010.
325. STĚPANOVA, L., a kol. (2014): *Frazeologie a kultura*. Olomouc, 2014.
326. STĚPANOVA, L., ARKHANGELSKA, A. a kol. (2016): *Člověk ve frazeologickém obrazu světa (v rusko-českém srovnání)*. Olomouc, 2016.
327. SVĚT V OBRAZECH (2018): *Svět v obrazech a ve frazeologii. World in Pictures and in Phraseology*. Janovec Ladislav (ed.). Praha, 2018.
328. VEPŘEK, J. (2017): ČEŠTINA NA BLOGU. In: *Petr Karlík, Marek Nekula, Jana Pleskalová (eds.), CzechEncy - Nový encyklopedický slovník češtiny*. URL: <https://www.czechency.org/slovník/ČEŠTINA NA BLOGU> (poslední přístup: 25. 7. 2018)
329. VOBOŘIL, L. (2009): K syntaktickým rysům „netspeaku“. In: *Gazda, J. (ed.), Příspěvky k aktuálním otázkám jazykovědné rusistiky (3)*. 2009. S. 79–84.